ОГЛАВЛЕНИЕ

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор благодарит Леонида Гребнева, Ольгу Никвер-Шевцову, Анну Оганесян-Курышеву, Валериана Попкова и Виктора Рязанова за очень полезные замечания и комментарии относительно текста книги.

Автор выражает также свою признательность руководству и работникам журналов, в которых были опубликованы статьи, послужившие основой для отдельных глав книги: *Вопросы экономики* (глава 1); *Экономическая социология* (введение, главы 2, 3 и 8); *Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН* (главы 4 и 6); *Народонаселение* (глава 5); *Журнал институциональных исследований* (глава 7); *Вопросы регулирования экономики* (главы 8, 11, 12); *Terra Economicus* (главы 9 и 10); *Известия Уральского государственного экономического университета* (глава 10); *Капитал страны. Федеральное интернет-издание* (приложение 2).

ПРЕДИСЛОВИЕ

В советское время предметом и теоретической базой деятельности российских экономистов была марксистская политическая экономия, которая в постсоветское время была заменена на неоклассический экономикс, получивший название «экономическая теория». Россияне на протяжении 70 лет испытывали на себе попытку реализации марксисткой коммунистической утопии, и вот уже более 20 лет российская элита следует в своей деятельности канонам утопического капитализма [Розанваллон, 2007]. Граждане России в своем большинстве разочаровались как в одной, так и в другой из этих утопий. Нужно признать, что российские университетские экономисты, работающие на кафедрах политической экономии, переименованных затем в кафедры экономической теории, специализируются на преподавании утопий. Относительная безболезненность перехода от преподавания марксисткой политической экономии на неоклассический экономикс именно этим и объясняется: навык в преподавании утопий у преподавателей политической экономии уже был, а какую утопию преподавать — это уже второй вопрос.

Теоретическая составляющая существующего в настоящее время в России экономического образования, равно как и исследовательские практики на ее основе, не отвечают национальным интересам России и не могут положительно влиять на ее поступательное развитие. Для поддержки такого развития требуется экономическое образование и исследовательские практики отличные от тех, что в 1990-х годах были скопированы с американских. С самого начала постсоветских преобразований экономической дисциплины была поставлена ложная и вредная цель «интеграции в международное научное сообщество» без какой-либо углубленной рефлексии относительно западного, прежде всего американского, сообщества экономистов, суть которого сами американцы характеризуют как «самые активные участники группы поддержки капиталистического свободного рынка» (*free market capitalism's biggest cheerleader*) [Стиглиц, 2011, с. 288].

Анализ истории магистрального на Западе, а теперь и в России, направления экономической дисциплины показывает, что в ее становлении решающую роль играли деловые круги заинтересованные не в научной дисциплине, которая исследовала бы экономическую реальность, а в дисциплине, которая отражает и излагает идеологию, выгодную этим кругам. Представители магистрального направления в экономической дисциплине проявляют свое невежество в области

истории естествознания, говоря, что критерием научности является измерение и применение математики. Такой критерий может привести к абсолютно абсурдным выводам, например, что микробиология Луи Пастера не является научной, так как «ни одного уравнения, ни одного вычисления нет в семи томах полного собрания сочинений Пастера» [Latour, 1994, с. 69]. Вот как он видел развитие науки, обращаясь в 1868 году к Императору Наполеону III: «Лаборатории и открытия тесно связаны между собой. Ликвидируйте лаборатории, и физические науки обретут образ бесплодия и смерти. Они станут всего лишь науками преподавания, ограниченными и бессильными, а не науками прогресса и будущего. Верните наукам лаборатории, и вместе с ними снова появится жизнь, ее плодородие и ее сила» [Latour, 1994, с. 71]. Без экспериментальной основы, политическая экономия, а затем и экономикс стали действительно «науками преподавания, ограниченными и бессильными, а не науками прогресса и будущего». В середине XIX века курсы политической экономии сознательно создавались как средство поддержки существующего общественного порядка. Вот, что французский министр народного образования Виктор Дюрюи писал в 1864 году в своем докладе тому же Императору Наполеону III по поводу создания кафедры политической экономии на парижском факультете права: «В свое время Ваше Величество обратилось к руководителям национальной промышленности с призывом распространения среди занятых у них рабочих здоровых идей политической экономии. Вы, Государь, утверждали также, что обязанностью правительства является распространение этих важных идей, которые, по словам английского министра того времени, спасли Англию от социализма. Эту необходимость распространения идей политической экономии, провозглашенную Императором четырнадцать лет тому назад, страна полностью осознала сегодня. Общественное мнение требует заполнения досадного пробела в нашей системе общего образования и несколько городов уже объявили организацию у себя курсов политической экономии» [Dumez, 1865, с. 43–44]. Сравнение этих отрывков из двух писем Императору говорят сами за себя.

Профессия экономистов как университетских преподавателей возникла во второй половине XIX века в связи с появлением так называемого «социального вопроса» состоящего в плохом положении рабочих и их семей, а также их протестной деятельности. Три течения экономической мысли, а именно классическая политэкономия, за которой последовал неоклассический экономикс, марксизм и исходный институционализм, начало которому положила немецкая исто-

рико-этическая школа, дали три разных ответа на этот вопрос. Классическая политэкономия, а потом и экономикс, были направлены на оправдание общественного порядка раннего промышленного капитализма, породившего социальный вопрос. Ранние экономисты считали вредным какое-либо государственное или общественное вмешательство, направленное на разрешение социального вопроса. Марксисты, вслед за ранними экономистами, верили, что существующие экономические законы не могут быть ни отменены, ни скорректированы, в рамках капитализма, но, в отличие от них, клеймили их антагонистический характер. По Марксу, противоречия между работодателями и наемными работниками являются непримиримыми и строй, основанный на разделении работодателей и наемных работников, должен быть заменен другим, где этого разделения нет. Густав Шмоллер, глава немецкой историко-этической школы, отказался как от понятия естественных экономических законов, так и от непримиримого антагонизма между работодателями и их наемными работниками. Вместо естественных законов в центре внимания немецкой историко-этической школы стали институты, а вместо либо сохранения статус-кво, либо революционного свержения капитализма, решение социального вопроса виделось Шмоллером в переходе к социальному государству с его справедливыми институтами, которые реформируют, а не ликвидируют частную собственность и наемный труд. Такое видение социального вопроса произошло в рамках кардинальной смены парадигмы экономической науки. Для успешности продвижения к социальному государству необходимо было детальное знание о реформируемой действительности, на получение которого и была направлена деятельность немецких экономистов.

При этом немецким экономистам неизбежно пришлось решать важнейшие методологические вопросы относительно природы социальных регулярностей, роли статистических данных при выявлении этих регулярностей и того, как соотносятся человеческая свобода воли и социальные регулярности. Стандартные ответы экономистов того времени на эти вопросы, с которыми согласны и многие экономисты нашего времени, состоят в том, что экономика подвержена неким естественным законам, которые существуют независимо от воли человека и что эти законы носят количественный статистический характер, которые могут выявляться статическими методами. Шмоллер и его коллеги пришли к революционному для экономической науки методологическому положению, что *источниками регулярностей в функционировании определенного экономического объекта*, например, национальной экономики, являются *формальные и нефор-*

мальные правила, которым следуют сообщества людей, привязанных к этому объекту. Причем как *за формальными, так и неформальными правилами стоят разделяемые этими сообществами определенные верования-убеждения*, нередко берущие свое начало в истории сообществ. Вот на выявление этих правил и верований-убеждений и должна быть нацелена исследовательская деятельность экономистов. Будучи вовлеченными, в основном, в развитие абстрактных экономических теорий, поддерживающих ту или иную доктрину, экономисты не знают деталей экономической реальности. Хорошо известно высказывание одного из последних руководителей СССР Ю.В. Андропова: «Если говорить откровенно, мы еще до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем и трудимся». А не изучили потому, что руководство страны такой задачи перед экономистами и другими учеными не ставило. В СССР экономисты, особенно теоретики, занимались в основном интерпретацией произведений классиков марксизма-ленинизма, а также решений партии и правительства. Ну а в 1990-е годы они перешли на изучение и интерпретацию западного «экономикс» и его насаждение как доктрины в России.

Россия нуждается в сообществе экономистов преподавателей и исследователей, ориентированных, прежде всего, на выполнение своей социальной функции способствования решению жгучих проблем страны, продвигающее к социальному государству, а не на свою принадлежность к «международному научному сообществу». К счастью у российских экономистов есть с кого брать пример в такой переориентации своей деятельности. Немецкая историко-этическая экономическая школа конца XIX — начала XX веков и влиятельное, между двумя мировыми войнами, институционалистское направление в американской экономической дисциплине (исходный институционализм) как раз и были нацелены не на идеологическую поддержку существующего капитализма, а на детальное изучение его негативных проявлений и его реформирование в интересах не избранных, а большинства народа.

Эта книга предназначена не только для экономистов и, может быть, даже, не столько для экономистов, сколько для всех тех молодых людей, которых не удовлетворяет нынешний социально-экономический порядок и которые хотели бы способствовать его изменению. Такое изменение не может обойтись без радикальной реформы профессии экономистов, которая неизбежно должна быть инициирована не изнутри сообщества профессиональных экономистов, а демократически извне его.

ВВЕДЕНИЕ.
КТО, КАК И ПОЧЕМУ СМОГ ПРЕДВИДЕТЬ НАСТУПЛЕНИЕ КРИЗИСА

На Первом Российском экономическом конгрессе (РЭК-2009) Алексей Кудрин, будучи в то время министром финансов, в своем выступлении обвинил экономистов в том, что они «проспали» кризис — не предупредили правительство, не заметили финансовых пузырей, просмотрели угрозы, связанные с негативными рисками[1]. Простым ответом на вопрос, почему это произошло, является указание на то, что экономисты занимаются не столько детальным изучением процессов реально происходящих в экономике, сколько пытаются идеологически влиять на эти процессы. И нужно признать, что в этом они сильно преуспели. Вот, что пишет по этому поводу французский экономист и социолог Ален Кайе: «Современный мир в значительной мере есть реализация мечты, пророчества и проповеди экономической науки. Иногда просто до кошмара. И каждый день это становится все вернее в масштабе планеты, когда ничто другое не рассматривается как реальность, кроме экономических и финансовых ограничений, кроме поиска личного материального обогащения. Перед лицом всего этого любая ценность, любое убеждение, любое действие, производимые ради них самих, просто ради удовольствия, всякое существование, которое не посвящено поиску полезности, — все это впредь кажется иллюзорным, недействующим, не стоящим усилий, бесполезным, нереальным» [Caillé, 2007, с. 7]. Эти слова взяты из вводной статьи Алена Кайе к французскому альманаху «La Revue du M.A.U.S.S.» (№ 30 за 2007 год), который назывался «*Vers une autre science économique* (*etdoncunautremonde*)?» («К созданию другой экономической науки (а тем самым и другого мира)?») и содержал манифест «*Vers une économie politique institutionnaliste*» («К созданию институциональной политической экономии») [Caillé, 2007, с. 37–47][2], а так же ряд статей на эту тему.

Я предлагаю читателю этих строк произвести эксперимент. Замените, пожалуйста, в названии этого номера альманаха слово «экономическая» на «физическая» или «химическая». Выходит, что, создав другую физическую или химическую науку, вы надеетесь сотворить

[1] Российская газета. 2009. 8 декабря. № 5058. URL: http://www.rg.ru/2009/12/08/ekonomika-krizis.html.

[2] Перевод этого манифеста на рус. яз. См.: Экономическая социология. 2008. 9 (3), с. 17–24. URL: http://www.ecsoc.hse.ru/issues/2008-9-3/index.html.

другой мир, а это абсолютно нелепо. Физика и химия изучают мир (в данном случае — природу), как он есть, а не пытаются изобрести новый. Естествознание поставляет знания о природе, а не о том, как ее преобразовать, это уже проблема не науки, а техники. Если нет знаний о том, как действительно функционирует природа, то попытки ее преобразования путем разработки *без этих знаний* теории такого преобразования были бы обречены на неудачу. Общественные (социальные) науки, в том числе экономическая наука, должны также изучать мир, в данном случае — общество, *как оно есть*, поставлять знания позволяющие понимать социально-экономическую реальность, функционирование и развитие социально-экономических систем. Если эти знания есть, то есть и шанс разработать исходя из них предложения по социально-политико-экономическим преобразованиям (реформам). Если таких знаний нет или они поверхностны, то такие преобразования неизбежно приводят к самым неожиданным негативным, а нередко и катастрофическим последствиям. Двадцатый век дает нам много примеров таких неудач. Продолжим эксперимент. Если заменить в этом названии номера альманаха слова «экономическая наука» на «социально-экономический проект», то все встанет на свои места.

Профессию экономистов можно обвинить не только в том, что она оказалась неспособной предвидеть кризис, но также и в том, что она во многом способствовала своей деятельностью в качестве «экспертов» его наступлению. Это блестяще показано в американском документальном фильме «Внутреннее дело» (*Inside Job*)[1]. Замечательный американский методолог и историк экономической мысли Филип Майровски прекрасно показал в своей книге [Mirowski, 2013], как неолиберальным экономистам удалось отделаться легким испугом в связи с проявлением их полной профессиональной непригодности, которая выразилась в их неспособности предсказать кризис, и как они успешно усыпили общественное мнение, всколыхнувшееся было по поводу этой непригодности. Декан экономического факультета МГУ А.А. Аузан активно участвует в этом усыплении, в частности, публично заявляя в телевизионной передаче «Право знать», что экономисты, как и медики, не могут предсказать начало болезни, но будут лечить кризис при его появлении[2]. Экономисты (речь о профессии) не смогли пред-

---

[1] Фильм «Внутреннее дело», представляющий собой журналистское расследование причин возникновения финансового кризиса в США, был удостоен в 2011 году «Оскара» в номинации «Лучший документальный фильм». Диск с этим фильмом распространялся в России под названием «Инсайдеры». Этот фильм с русским переводом размещен в интернете в свободном доступе.

[2] 06.06.2015 http://www.tvc.ru/channel/brand/id/1756/show/episodes/episode_id/39937

видеть наступление текущего кризиса из-за своего ложного представления о научном исследовании. Некоторым экономистам, вопреки мнению А.А. Аузана, все же удалось предвидеть кризис, но не благодаря своей принадлежности к сообществу академических экономистов, а скорее вопреки ей. Проследим, как это произошло у одного из самых известных и уважаемых экономистов, профессора Йельского университета Роберта Шиллера.

Его диссертация «*Rational Expectations and the Term Structure of Interest Rates*» («Рациональные ожидания и временная структура процентных ставок»), которую он защитил в 1972 году, была подготовлена полностью в соответствии с канонами, действующими внутри сообщества академических экономистов. Хотя, как признается сам Шиллер, он «до конца не верил в то, что люди могут быть столь расчетливыми в своих ожиданиях», тем не мене, он пишет свою диссертацию: «Просто в то время над этим стоило поработать» [Самуэльсон, Барнетт, 2009, с. 285]. По-видимому, «стоило», потому что это позволило защититься и получить доступ в профессию. Ему «импонировала наука, в основе которой лежали тщательные наблюдения», и в тоже время он увидел, что «существует великое множество примеров, когда эконометрический анализ может привести к ошибочным результатам» [Самуэльсон, Барнетт, 2009, с. 289]. Эти устремления и сомнения, любопытство относительно экономической реальности вместе с определенным событием в его личной жизни приводят Шиллера в конечном счете к дискурсивной методологии, о которой речь пойдет во второй главе этой книги. В 1974 г. он женится на Джинни, которая готовила себя к профессии психолога, и днем он был «профессором экономики, а вечера проводил в кругу молодых психологов», и некоторые их идеи произвели на него «большое впечатление». Таким образом, через свою супругу и ее коллег Шиллер прикоснулся к психологии с ее вниманием к изучению реального поведения людей на основе непосредственных контактов с ними. Вот как характеризует сам Роберт влияние жены на его профессиональную деятельность: «Все эти годы мы с Джинни много говорили о ее и моей работе. Она всегда влияла и до сих пор влияет на меня» [Самуэльсон, Барнетт, 2009, с. 293]. Словом, семейное общение позволило Шиллеру выйти за пределы традиционного экономического дискурса.

Хотя Шиллер еще долгое время продолжает работать в рамках традиционной методологии [Shiller, 1989], в конце 1980-х годов он начинает проводить опросы акторов, в частности, в 1987 году, во время кризиса на рынке ценных бумаг. Шиллер свидетельствует по этому поводу: «Возможно, в этом было и влияние Джинни. Она под-

держала меня, несмотря на то, что данное направление исследований практически не имело смысла с точки зрения карьеры, но я (или я должен был бы сказать мы) на самом деле верил в это» [Самуэльсон, Барнетт, 2009, с. 296]. Он объясняет этот свой шаг следующим образом: «Мне кажется, что экономисты зачастую живут в каком-то вакууме. Обычно существуют очень простые объяснения того, почему люди совершают те или иные действия, а экономисты это игнорировали < ... >. Мне кажется, экономисты в своих оптимизационных моделях, как правило, приписывают людям те или иные мысли, которых у них на самом деле и не было никогда. Поэтому, на мой взгляд, необходимо узнать, *что люди говорят о своих соображениях* (выделено мною. — *В. Е.*). Это интересная тема для исследования. Я не рассматривал это исследование с точки зрения карьеры. Но когда я начал заниматься подобного рода исследованиями, у меня уже была постоянная должность. Поэтому я подумал: «А для чего еще нужна постоянная работа, как не для этого! Мне не надо делать то, что приходится делать другим». < ... > И когда случился в 1987 году крах фондового рынка, я подумал, что, возможно, это шанс, выпадающий раз в жизни, чтобы исследовать вопрос спекулятивных пузырей» [Самуэльсон, Барнетт, 2009, с. 296–297].

Это объяснение чрезвычайно ценно для понимания функционирования института экономической науки. Членам сообщества академических экономистов и после защиты корректной, с точки зрения норм этого института, диссертации приходится продолжать работать в рамках этих норм, даже если они сами понимают, что это делает их исследования непродуктивными. Только не очень часто встречающееся среди экономистов любопытство[1] к экономической реальности, профессиональная смелость и особые обстоятельства личной

[1] «Любопытство» — именно так я бы назвал то качество ученых-исследователей, которое в прошлом более патетически называли «стремлением к истине». Макклоски правильно констатирует отсутствие этого качества как важнейшего элемента в системе ценностей академических экономистов [McCloskey, 1985, с. 46–47], но оно, наряду с моральным стремлением быть социально полезными, двигало теми, кто создал современное естествознание. Выдающемуся физику-экспериментатору Льву Андреевичу Арцимовичу (1909–1973) принадлежат следующие слова: «Наука — лучший способ удовлетворения личного любопытства за государственный счет». В 1950 году Арцимович возглавил экспериментальные исследования по управляемому термоядерному синтезу; в 1952 году открыл нейтронное излучение высокотемпературной плазмы; руководил созданием термоядерных установок «Токамак». На установке «Токамак-4» в 1968 году, в лабораторных условиях, были зарегистрированы первые термоядерные нейтроны. В 1953 году был избран академиком АН СССР, в 1957 году — членом президиума АН СССР; с 1966 году — член Американской академии наук и искусств.

жизни вывели Роберта Шиллера на использование дискурсивной методологии, чего в абсолютном большинстве случаев не происходит.

Результаты своих исследований спекулятивных пузырей Шиллер отражает в книге «Irrational Exuberance» («Иррациональный оптимизм»). В ее первом издании (2000) спекулятивные пузыри как явление рассматриваются применительно к фондовому рынку, а во втором дополненном издании [Shiller, 2005; Шиллер, 2013] — и применительно к рынку недвижимости. Хотя автор и не очень открывает свою исследовательскую кухню, создается впечатление, что основным способом контактов с акторами было их анкетирование, а не интервью[1]. В книге явно ощущается противоречие между тем, как автор пришел к результатам своих исследований, основываясь, главным образом, на дискурсивной методологии, и риторическим приемом описания этих результатов как совокупности причин. Шиллер выделяет три группы факторов (причин) возникновения спекулятивных пузырей: структурные, культурные и психологические. Описание этих факторов показывает, что речь на самом деле идет о разного типа правилах и их обоснованиях, то есть об определенных частях разделяемого акторами институционального знания, которое отражается в циркулирующих в сообществах акторов историях. У другого труда, вышедшего уже после того, как кризис, наступление которого прогнозировалось в книге «Irrational Exuberance», начался, был подзаголовок: «*How Today's Global Financial Crisis Happened, and What to Do about It*» («Как произошел сегодняшний глобальный финансовый кризис, и что с ним делать») [Shiller, 2008]. И здесь Роберт Шиллер уже более последователен, говоря, что среди многочисленных факторов самым важным является массовое заражение акторов бумовским мышлением, тесно связанным с историями, обосновывающими веру в то, что бум будет продолжаться [Shiller, 2008, с. 41].

В книге 2008 года Шиллер еще больше, чем в «Irrational Exuberance» проявляет себя как экономист, разделяющий дискурсивную методологию. Вот как он реагирует на выступление Алана Гринспена, опубликованное в марте 2008 года в «Financial Times»: «Гринспен, в конечном счете, признает очевидную реальность пузырей, но он, кажется, никак не может принять, что мышлением людей в значительной мере движет то, что является по своей природе социальным. Он полагает, будто математические эконометрические модели инди-

[1] Анкетирование тогда может принести хорошие исследовательские результаты, когда вопросники составляются не априори, а на базе достаточно глубоких предварительных исследований, например, на основе интервью. Можно предположить, что Шиллер поступал именно так.

видуального поведения являются единственными инструментами, с помощью которых мы можем понять мир, и будто их возможности ограничены только величиной и природой данных, а также нашей способностью иметь дело со сложностью. По-видимому, он не питает особого уважения к исследовательским подходам в таких областях, как психология и социология» [Shiller, 2008, с. 42–43]. Шиллер явно призывает экономистов не следовать примеру Гринспена и приглашает использовать психологию и социологию, причем в их дискурсивном варианте: «Кажется, в мышлении многих экономистов и экономических комментаторов отсутствует понимание того, что распространение идей неизбежно влияет на человеческие дела». Он считает, что спекулятивные рынки — особенно хорошие места для наблюдения за распространением идей внутри коллективного мышления [Shiller, 2008, с. 43].

Другим экономистом, предвидевшим лопание пузыря на американском рынке недвижимости, был Дин Бейкер. Может быть, он даже первым сделал этот прогноз. В заключение к своей статье с описанием этого прогноза он пишет следующее: «Основным фактором, движущим продажи домов, является ожидание того, что цены на дома будут расти в будущем. Хотя этот процесс может поддерживать рост цен в течение некоторого времени, но, в конце концов, этому неизбежно придет конец» [Baker, 2002, с. 18]. До того как написать эту статью, Бейкер получил богатый опыт анализа дискурсов, сопровождающих разрушение в США системы социального обеспечения [Baker, Weisbrot, 1999]. Однако в его статье 2002 года мы практически не находим никакого дискурсивного анализа, ее риторика связана скорее с использованием количественных, а не качественных данных. Объяснение этому Дин дал мне во время нашего телефонного разговора, состоявшегося некоторое время спустя после нашей с ним встречи в Париже. Он сказал, что пришел к своим заключениям относительно пузыря на рынке недвижимости на основе дискурсивного анализа, однако, представил эти выводы в своей статье в соответствии с нормами, принятыми в сообществе экономистов. Он заявил, что было бы невозможно понять механизм этого пузыря только на основе количественной информации. Бейкер описал этот механизм в своей книге [Baker, 2008], которая вышла уже после того, как пузырь лопнул, и была рассчитана не только на профессиональных экономистов, но на более широкий круг читателей. По существу, Дин Бейкер и Роберт Шиллер ведут себя одинаково: в своих исследованиях они основываются на дискурсивной методологии, но настойчиво тяготеют к недискурсивной риторике, как если бы их

результаты были получены в рамках традиционной для экономистов методологии апеллирующей к количественным соотношениям и причинно-следственным связям.

Роберт Шиллер и его не менее знаменитый соавтор Джорж Акерлоф продолжают развивать идею, уже выраженную ранее в вышеупомянутых работах о решающем влиянии циркуляции историй на экономическую реальность в книге «Animal Spirits: How Human Psychology Drives the Economy And Why It Matters for Global Capitalism», переведенной на русский язык «Spiritus Animalis, или Как человеческая психология управляет экономикой и почему это важно для мирового капитализма» [Акерлоф, Шиллер, 2010]. Этой идее специально в книге посвящена отдельная глава, начинающаяся с краткого введения в дискурсивную психологию[1]: «Человек склонен мыслить нарративами < ... > [И]стории и их пересказ — основа процесса познания < ... > [Б]еседы между людьми обычно проходят в форме взаимного обмена историями < ... >. Беседа не только позволяет передавать информацию в легко воспринимаемой форме, но и помогает закрепить факты, включенные в историю. Мы склонны забывать истории, которые не рассказываем < ... >. Важнейшими создателями историй, особенно на экономическую тему, служат политики» [Акерлоф, Шиллер, 2010, с. 75–77]. В разделе под названием «Роль историй в национальных экономиках» авторы как бы оправдываются, что прибегают к дискурсивному подходу: «Когда экономисты начинают строить свой анализ на историях, это часто воспринимается как непрофессионализм. Считается, что следует полагаться только на факты, цифры и теорию о том, что все стремятся оптимизировать экономические переменные < ... >. *Но как быть, если истории сами способны двигать рынки*? < ... > *Что если они сами по себе — часть экономики?* [Здесь и далее выделено мною. — *В. Е.*] В таком случае следует признать, что в своем пренебрежении историями экономисты зашли слишком далеко. *Ведь истории не объясняют факты*; *они сами становятся фактами*» [Акерлоф, Шиллер, 2010, с. 78–79]. Это высказывание отражает суть абсолютной необходимости применения дискурсивного подхода в экономике.

Как и книга Шиллера «Irrational Exuberance», совместный труд Акерлофа и Шиллера содержит много методологической путаницы. Начнем с того, что в предисловии к книге авторы заявляют, что опи-

[1] По дискурсивной психологии имеется обширная литература, в том числе работы йельских исследователей [Schank, Abelson, 1977; 1995], на которые ссылаются в этой главе Акерлоф и Шиллер. Дискурсивно-конструктивистская парадигма в психологии обсуждается в ряде работ А.М. Улановского, в том числе в его статье [Улановский, 2006].

раются на недавно возникшую поведенческую экономическую теорию [Акерлоф, Шиллер, 2010, с. 20]. Я думаю те, кто знаком с работами Даниэля Канемана и Амоса Тверски [Kahneman, Tversky, 2000], вряд ли увидят в книге Акерлофа и Шиллера что-то общее с поведенческой экономической теорией, кроме, может быть, списка проявлений иррационального начала: доверие, справедливость, злоупотребления и недобросовестность, денежная иллюзия. В поведенческой экономике при изучении этих проявлений используют методологию традиционной экспериментальной психологии [Солсо, Маклин, 2006], в противовес которой и возникла дискурсивная психология. Эксперименты в поведенческой экономике строятся на основе понятий неоклассической экономической теории и, в значительной степени, направлены на проверку и совершенствование ее постулатов и моделей. Хотя Акерлоф и Шиллер в своей книге иногда и ссылаются на эти эксперименты, но обсуждение проявлений иррационального начала основывается у них, скорее, на дискурсивной методологии с ее вниманием к правилам, а не функциям предпочтения, причем правилам, которые фиксируются нарративно. Такое проявление иррационального начала как «истории» (имеется в виду их циркуляция), которое уж никак не изучаются в поведенческой экономике, присутствует у Акерлофа и Шиллера в списке проявлений иррационального начала наряду с четырьмя другими (см. выше) его разновидностями[1], но, как правильно заметил Дмитрий Кралечкин, написавший рецензию на эту книгу, элемент «истории» на самом деле включает в себя остальные четыре элемента иррационального начала[2].

Подзаголовок «Как человеческая психология управляет экономикой...» ориентирует читателя книги Акерлофа и Шиллера на психологию, но, как видно из ранее изложенного в этом разделе, особенность дискурсивного подхода состоит, в частности, в том, что явления, которые обычно классифицируются как психологические, рассматриваются как порожденные социально. Роберт Шиллер очень хорошо понял это. Вслед за книгой Акерлофа и Шиллера появляется другая книга — «Identity Economics. How our Identities Shape our Work, Wages, and Well-Being» («Экономика идентичности. Как наши

[1] Влиянию циркуляции историй как одной из форм проявления иррационального начала (*animalspirits*) специально посвящена глава 5 книги Акерлофа и Шиллера.

[2] «Можно представить, что именно некоторые исторически или эволюционно закрепившиеся «повествования» обусловливают нашу склонность видеть в деньгах не относительные величины, а «абсолютные» (то есть в сфере денег мы все — номиналисты) или, положим, превозносить справедливость в ущерб экономической выгоде».

идеалы и социальные нормы определяют, кем мы работаем, сколько зарабатываем и насколько несчастны»), также переведенная на русский язык [Акерлоф, Крэнтон, 2011]. Подзаголовок этой книги приглашает читателя обратиться непосредственно к социологии. Интересно отметить, что так же, как Шиллер обратил внимание на психологию под влиянием своей супруги психолога, Рэйчел Крэнтон, которая и инициировала сотрудничество с Акерлофом, приведшее к публикации этой книги, пришла к социологии под влиянием своего мужа социолога, занимавшегося к тому же проблемой идентичности. Хотя в книге Акерлофа и Крэнтон, как и в книге Акерлофа и Шиллера, по прежнему можно найти заклинания по поводу поведенческой экономики (в варианте Канемана и Тверски), тем не менее, уже в самом начале авторы, по существу, от нее отмежевываются: «Великие экономисты < ... > ввели в оборот понятие справедливости. Они считают, что людей заботит возможность справедливого обращения с другими и справедливого обращения с ними со стороны других. Функция полезности, таким образом, должна объяснять такой вид стремления людей. Справедливость, воспринимаемая таким образом, может объяснить многие результаты экспериментов, в которых испытуемые (обычно студенты в университетской лаборатории) участвуют в сценариях, имитирующих экономические операции. Вместо того чтобы максимизировать свое собственное денежное вознаграждение, эти испытуемые часто выбирают результаты, которые выглядят “справедливо”. Однако в реальном мире то, как люди воспринимают справедливость, зависит от социального контекста. Зачастую то, что в одних местах воспринимается как справедливое отношение, в других местах может восприниматься как несправедливость и даже жестокость» [Акерлоф, Крэнтон, 2011, с. 12–13].

Особую ценность книге Акерлофа и Крэнтон придает наличие в ней методологической главы. Авторы явно не удовлетворены тем, что «экономисты достигли исключительного согласия в отношении того, как проводить исследование < ... >. Мы сначала выбираем модель или теорию. Затем мы тестируем модель, сопоставляя ее с наблюдениями, и отвергаем ее, если она не соответствует наблюдениям» [Акерлоф, Крэнтон, 2011, с. 146]. Они не согласны с этой «стандартной экономической методологией, с ее сосредоточенностью на статистическом анализе популяций», с точки зрения которой, «интенсивное изучение одной единственной молекулы было бы “почти бесполезным” исследованием < ... >. В случае с ДНК оказалось, что справедливо совершенно противоположное» [Акерлоф, Крэнтон, 2011, с. 149]. Авторы книги предлагают экономистам следовать в

своих исследованиях этнографам, изучающим социальные генетические коды: «На основании множества мельчайших подробностей, которые они записывают, и благодаря вниманию, которое они уделяют подтекстам того, что произносят люди, ученые конструируют последовательную картину поведения людей. Действительно самые лучшие этнографические работы не просто записывают то, что говорят люди; они декодируют то, что те говорят и делают» [Акерлоф, Крэнтон, 2011, с. 149]. Акерлоф и Крэнтон признают, что «исследования, которые успешно определяют причинную связь, разумеется, полезны, однако, они могут лишь намекнуть на то, что мы действительно желаем знать < ... > .[Р]аботы, которые мы находим особенно полезными, были описательными работами, а не статистическими проверками» [Акерлоф, Крэнтон, 2011, с. 150–151]. Наконец, эти авторы уверены, что нормы и идеалы можно легко наблюдать: «Многие люди охотно описывают, как, по их мнению, они должны себя вести и как должны вести себя другие. Такого рода “признания” случаются при неформальном разговоре. Внешнему наблюдателю (например, антропологу), присоединившемуся к беседе, следует лишь послушать рассказы и разговоры других людей, чтобы понять их нормы» [Акерлоф, Крэнтон, 2011, с. 15].

В уже упоминавшемся выше выступлении декана экономического факультета МГУ А.А. Аузана в телевизионной передаче «Право знать», отвечая на вопрос в чем суть экономического образования, он заявил: «Во-первых, я хочу сказать, что нет никакой экономики, а есть мир, на который мы смотрим определенным способом < ... >. Мы [на экономическом факультете МГУ] смотрим на мир, как на задачку, когда ресурсы ограничены и нужно сделать определенные выборы < ... >. Чем создается современный экономист? Во-первых, он создается кругозором и поэтому < ... > мы создаем человека, который [определенным образом] смотрит на мир»[1].

Итак, экономисты по мнению декана экономического факультета МГУ, и это полностью соответствует действительности, это люди, которые не приспособлены для проведения исследования реальности с целью, в частности, предсказания кризисов, а люди имеющее определенное мировоззрение. Это мировоззрение в концентрированной и наукообразной форме изложено в книге А.А. Аузана «Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь». В рамках этого мировоззрения даются, в частности, поясне-

[1] 06.06.2015 http://www.tvc.ru/channel/brand/id/1756/show/episodes/episode_id/39937

ния «почему мир — это сборище иррациональных и аморальных оппортунистов и как в таком мире выжить?», а государство характеризуется, в том числе, как «излишество» или «бандит» [Аузан, 2014, с. 7, 3].

Предлагаемая читателю книга ориентирована на кардинально другое мировоззрение и видение экономического образования и профессии экономиста. И важную роль в этом мировоззрении и видении играет философия прагматизма и идеи социального конструктивизма, которыми сегодняшние экономисты не владеют.

ГЛАВА 1.
ПРАГМАТИЗМ, КОНСТРУКТИВИЗМ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА

Современные направления экономической мысли, в том числе такие противоположные, как нынешние мейнстрим и марксизм, объединены тем, что все они основаны на картезианской философии, отличительными чертами которой являются упрощенное понимание рациональности, индивидуализм, дуализм, проявляющийся, в частности, в полном разделении объекта и субъекта в исследовании, а также в отсутствии какого-либо интереса к опыту. Именно против картезианства и был направлен основанный Чарльзом Пирсом прагматизм [Пирс, 2000, a]. Можно сказать, что прагматизм был доминирующим направлением американской философской мысли первой половины XX века, однако, в послевоенное время практически сошел нанет. Такая динамика совпадает с периодами расцвета и заката исходного (original) институционализма, как направления американской экономической мысли [Gruchy, 1947; Rutherford, 2011]. И это не случайно, так как философским фундаментом исходной институциональной экономики была философия прагматизма [Майровски, 2013, a ; 2013, b]. Среди столпов американского институционализма, который был наиболее последовательным сторонником прагматизма, был Джон Коммонс. В своей книге «Институциональная экономика» [Commons, 1990], первоначально опубликованной в 1934 году, он прямо указывает на это.

ОСНОВЫ ПРАГМАТИЗМА ЧАРЛЬЗА ПИРСА

В прагматизме Пирса двумя центральными понятиями являются понятие верования-убеждения (*belief*) и понятие правила действия (*rule of action*), которое он отождествляет с привычкой (*habit*). Вот, как он понимает верование-убеждение и его связь с сомнением: «Наши верования руководят нашими желаниями и формируют наши действия. < ...> Сомнение является беспокойным и неудовлетворенным состоянием, от которого мы пытаемся освободиться и прийти к состоянию верования, в то время как последнее является состоянием спокойного самоудовлетворения, от которого мы не хотим уклоняться или же поменять на верование во что-то иное. Напротив, мы упорно держимся не просто за акт верования, но за верование только в то, во что мы действительно верим. Таким образом, сомне-

ние и верование оказывают на нас положительное воздействие, хотя и достаточно различное. Верование не заставляет нас действовать немедленно, но ставит нас в такие условия, что мы будем вести себя некоторым определенным образом, когда представится возможность. Сомнение ни в малейшей степени не дает такого активного результата, но принуждает нас исследовать до тех пор, пока оно само не будет устранено. < ...> Раздражение, причиненное сомнением, вызывает борьбу, направленную на достижение состояния верования. Я буду называть эту борьбу *исследованием*, хотя нужно признать, что иногда это не очень точное обозначение. Раздражение, причиненное сомнением, является единственным непосредственным побуждением для борьбы, направленной на достижение верования. Но лучшим для нас, конечно же, будет, если наши верования окажутся такими, что смогут правильно руководить нашими действиями, дабы удовлетворить наши желания; и размышление заставит нас отвергнуть любое верование, которое, как кажется, не было сформулировано с тем, чтобы гарантировать этот результат. Но оно будет делать это, только рождая сомнение на месте этого верования. С сомнением, поэтому борьба начинается, с прекращением его она заканчивается. Таким образом, единственная цель исследования есть установление мнения. < ...> Самое большое, что можно утверждать, это то, что мы ищем такое верование, о котором мы *думали* бы, что оно истинно, и право же, данное утверждение является пустой тавтологией. То, что установление мнения есть единственная цель исследования, представляет собой важное положение. Оно мгновенно сметает прочь со своего пути различные смутные и ошибочные концепции доказательства» [Пирс, 2000, a, с. 242–245].

А вот, что он пишет по поводу правила действия (привычки): «Верование обладает тремя свойствами: во-первых, оно есть что-то, что мы осознаем; во-вторых, оно кладет конец раздражению, вызванному сомнением; и, в-третьих, оно влечет за собой установление в нашей природе правила действия, короче говоря, *привычки*. < ...> *Конечный* результат мышления состоит в акте воли[1]. < ...> Сущность верования заключается в установлении привычки; различные верования отличаются друг от друга теми различными способами действия, которые они вызывают. < ...> полной функцией мысли является установление привычек, располагающих к тому или иному действию[2], и все то, что связано с мыслью, но не имеет отношения к ее цели, есть некий нарост на ней, но

[1] Эта фраза дается в переводе из [Пирс, 2000, b, с. 134].
[2] Эту фразу я здесь предлагаю в переводе из [Пирс, 2000, b, с. 136].

не ее часть. < ...> Для того чтобы выяснить смысл мысли, мы просто должны определить, какие привычки она производит, ибо смысл какой-либо вещи состоит просто в том, какие привычки она вызывает[1]. < ...> Рассмотрите, какого рода следствия, могущие иметь практическое значение, имеет, как мы полагаем, объект нашего понятия (conception). Тогда наше понятие (conception) об этих следствиях и есть полное понятие (conception) об объекте[2]» [Пирс, 2000, а, с. 274–278].

Подытожим вышеприведенные положения прагматизма Пирса. Прежде всего отмечу, что термин *belief* в разных русских переводах Пирса переводится то как «верование», то как «убеждение». Русское слово «верование» имеет явно религиозный оттенок, а слово «убеждение», в отличие от универсального *belief* используется в основном в политических и моральных контекстах. Введенный мной двойной термин «верование-убеждение», как мне кажется, становится более универсальным. Ведь речь у Пирса идет далеко не только о религиозной вере или политических убеждениях, а прежде всего о вере любого человека, в том числе и исследователя, в определенное понимание отдельных элементов окружающего нас мира, причем мира как материального, так и социального. Наши верования-убеждения относительно социального мира, в котором мы живем, в том числе и относительно нашего места в нем, или по-другому, наши взгляды на то кто мы такие, руководят нашими желаниями, а желания вместе с определенным пониманием окружающего нас мира (как материального, так и социального) направляют наши действия. Под воздействием каких-то обстоятельств или внешних влияний, мы можем начать сомневаться в имеющемся у нас понимании тех или иных элементов окружающего нас мира. Такое сомнение неизбежно вызывает у нас чувство беспокойства и неудовлетворенности, от которого мы пытаемся освободиться путем перехода к такому верованию-убеждению, которое бы нас удовлетворило и устранило бы наше чувство беспокойства. Такой переход требует от нас определенных действий. В обыденной жизни мы начинаем наводить справки по вопросам, относительно которых у нас возникли сомнения, а ученый-исследователь строит эксперименты, которые бы привели его к новому пониманию того объекта или явления, относительно понимания которых у него возникли сомнения. Пирс обобщенно называет оба эти типа действий *inquiry*. Также как для термина *belief*, при переводе слова *inquiry* используемого Пирсом, нам не обойтись

[1] Эта фраза есть скорректированная мною по оригиналу смесь переводов [Пирс, 2000, а, с. 277] и [Пирс, 2000, b, с. 136].

[2] Данная последняя фраза представляет собой знаменитую прагматисткую максиму.

без русского двойного термина. В качестве такого я предлагаю использовать термин «исследование-расследование»[1]. Проведение исследования-расследования дает нам в качестве своего результата новое понимание того, в понимании чего мы сомневались, и эта смена нашего понимания есть на самом деле не что иное, как смена нашего мнения о затронутых в исследовании-расследовании вопросах. Конечным же результатом смены верования-убеждения является изменения в наших правилах действия, то есть в наших привычках. И обратно, для того, чтобы выяснить смысл какого-то понятия, мы просто должны определить, какие привычки оно вызывает. Это относится как к обыденным, так и к научным понятиям.

ПРЕДМЕТ КОНСТРУКТИВИСТСКОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Исходная институциональная экономика сделала два вывода из философских построений Пирса. Первый вывод касается рассмотрения человеческой деятельности, в том числе и экономической, как деятельности, протекающей в соответствии с определенными правилами/привычками. Правила эти, непосредственно связанные с определенными верованиями-убеждениями, остаются стабильными до тех пор пока акторы, действующие в соответствии с этими правилами, не начинают сомневаться в верованиях-убеждениях, лежащих в их основе. В этом случае происходит сначала смена верований-убеждений, а уже затем и замена правил на такие, которые бы соответствовали новым верованиям-убеждениям, вытекали бы из них. Если под институтами понимать правила взаимодействия людей вовлеченных в определенную деятельность, то можно сказать, что институциональная динамика представляет собой последовательную смену верований-убеждений вызывающих замену правил. Второй вывод связан с вышеописанным пирсовским пониманием процесса научного исследования. Принять эту сторону пирсовского учения убежденным сторонникам классической картезианской парадигмы чрезвычайно трудно, вот почему экономисты с такими убеждениями рассматривают построения Пирса исключительно как модель человеческого поведения (теория человеческого действия), которая может конкурировать с моделью полной экономической рациональности стандартного экономикс или с некоторыми оспаривающими ее моделями, например,

[1] Об обосновании такого перевода речь пойдет в конце главы 3.

с моделью ограниченной рациональности (bounded rationality) Герберта Саймона (мы вернемся к этому второму выводу позже). Теперь мы можем определить понятие института. Под каким-либо конкретным институтом целесообразно понимать набор правил, относящихся к вполне определенной деятельности, которая этими правилами регулируется. Если говорить о современных обществах, то практически все виды деятельности регулируются как формальными, так и неформальными правилами. Так что для таких обществ практически любой институт есть набор как формальных, так и неформальных правил[1]. Причем важнейшими формальными правилами в современных обществах являются законодательные акты. Именно на изучении этих правил делал акцент в своих исследованиях Джон Коммонс.

Чарльз Пирс не был обществоведом, теоретические построения прагматизма являются универсальными, а следовательно, слишком общими. Однако идеи Пирса повлияли на многие направления социальной мысли. Одним из них был социальный конструктивизм. Это направление возникло тогда, когда исходный институционализм уже сошел со сцены, однако мне представляется, что именно социальный конструктивизм, в своей трактовке институтов, соответствует духу исходной институциональной экономики. В изложении констуктивистской концепции институтов, я буду следовать книге Питера Бергера и Томаса Лукмана[2], из которой можно много почерпнуть для понимания предмета исходной институциональной экономики. Правило действия, соответствующее определенному верованию-убеждению, для того, чтобы действительно стать привычкой должно повториться много раз, то есть подвергнуться опривычиванию (*habitalization*) [Бергер и Лукман, 1995, с. 90]. Именно благодаря опривычиванию становится необязательным определять каждую встречающуюся ситуацию заново. Смыслы (*meanings*), которые человек придает своей деятельности, позволяют идентифицировать принадлежность ситуации к тому или иному классу, а, следовательно, и правило действия в этой ситуации [Бергер и Лукман, 1995, с. 91].

[1] С этой точки зрения, нередко встречающиеся в литературе разделение на формальные и неформальные институты часто не имеет смысла, так как в рамках одного и того же института могут одновременно действовать как формальные, так и неформальные правила. Важно, чтобы и те и другие были опривыченными. Использование Дугласом Нортом вместо понятия «неформальных правил» понятия «неформальных ограничений» (*informal constraints*) или «неформальных норм» также не целесообразно, так как использование для них разных терминов уводит от понимания их общей природы, состоящей в том, чтобы быть опривыченными правилами.

[2] Приводимые ссылки делаются на русский перевод [Бергер и Лукман, 1995], однако при цитировании выдержек из этой книги мы позволяли себе иногда корректировки переводов по оригиналу [Berger and Luckman, 1991].

«Эмпирически наиболее важная часть приобретения привычек (опривычивания) человеческой деятельности сопряжена с ее институционализацией. И тогда встает вопрос, как же возникают институты. Институционализация имеет место везде, где осуществляется взаимная типизация опривыченных действий акторами определенных типов. Иначе говоря, любая такая типизация есть институт. Что здесь следует подчеркнуть, так это взаимность институциональных типизаций и типичность не только действий, но и деятелей в институтах. Типизации опривыченных действий, составляющих институты, всегда разделяются членами определенной социальной группы; они доступны для понимания всех ее членов, и сам институт типизирует как индивидуальных акторов, так и индивидуальные действия» [Бергер и Лукман, 1995, с. 92]. Таким образом, недостаточно, как это делается многими авторами, определить институты просто как совокупности правил, это должны быть опривыченные правила, которые находятся акторами среди множества всех применяемых ими правил по смыслу ситуаций, в которых эти правила применяются. Причем, чтобы стать институтом, эти правила, смыслы ситуаций, в которых они применяются и, конечно, верования-убеждения, которые лежат в основе этих правил, должны разделяться социальной группой, то есть должны быть общими для ее членов, для которой данный институт устанавливается. Фраза «институт типизирует индивидуальных акторов» означает, что он их превращает в социальную группу, представляющую, по отношению к этому институту, культурную общность. При введении новых институтов для определенной социальной группы опривыченными должны стать как формальные, так и неформальные правила, при этом ее члены должны разделять смыслы и верования-убеждения, «сопровождающие» эти правила. Российские приватизации 1990-х годов дают множество примеров, когда эти требования не были выполнены. Коллективное освоение этих верований, правил и смыслов может быть только постепенным: «Взаимные типизации действий постепенно создаются в ходе общей истории. Они не могут быть созданы моментально. Институты всегда имеют историю, продуктом которой они и являются. Невозможно адекватно понять институт, не понимая исторического процесса, в ходе которого он был создан» [Там же].

Дуглас Норт склонен рассматривать правила (институты), как ограничения, накладываемые на человеческую деятельность. Даниэл Бромли, профессор Висконсинского университета, того самого, где работал в свое время Джон Коммонс, пытается дать современное прочтение его институциональной экономики и оспаривает норто-

новское понимание институтов: «С правильным фокусом на институты, как на устанавливающие социальные и экономические отношения, а не просто как ограничения на эти отношения, мы можем начать привлекать внимание на аналитическую пользу рассмотрения этих основных аспектов экономической системы» [Bromley, 2006, с. 32]. Конечно, рассмотрение правил, как ограничений (constraints), ограничительных рамок на человеческое действие, было, по-видимому, связано с выполнением ими социального контроля, однако «институты уже благодаря самому факту их существования контролируют человеческое поведение, устанавливая предопределенные его образцы, которые придают поведению одно из многих, теоретически возможных направлений. Важно подчеркнуть, что этот контролирующий характер присущ институционализации как таковой, независимо от и еще до того, как созданы какие-либо механизмы санкций, поддерживающих институт. Эти механизмы (совокупность которых составляет то, что обычно называют системой социального контроля), конечно же, существуют во многих институтах и во всех агломерациях институтов, которые мы называем обществами. Однако эффективность их контроля — вторичного, дополнительного рода. <...> Первичный социальный контроль задан существованием института как такового. Сказать, что часть человеческой деятельности была институционализирована, — уже значит сказать, что часть человеческой деятельности была подвергнута социальному контролю[1].

[1] Это полностью соответствует тому, что писал в свое время Джон Коммонс: «Если мы беремся установить универсальный признак, общий для всякого поведения, определяемого как институциональное, мы можем сформулировать определение института как коллективного действия по контролю, освобождению и расширению индивидуального действия. Коллективное действие принимает различные формы, начиная от неорганизованных обычаев до множества функционирующих организаций, таких как семья, корпорация, торговая ассоциация, профсоюз, резервная система, государство. Общим для всех них принципом является большая или меньшая степень контроля, освобождения и расширения индивидуального действия посредством коллективного действия <…> [К]оллективное действие представляет собой нечто большее, чем контроль индивидуального действия <…>, оно является освобождением индивидуального действия от принуждения, ограничения свободы, дискриминации, нечестной конкуренции со стороны других индивидов. Кроме того, коллективное действие — это больше чем контроль и освобождение индивидуального действия: это — расширение воли индивида, в результате чего эта воля распространяется гораздо дальше того, что он может совершить посредством своих собственных, неизбежно слабых, действий. Глава крупной корпорации отдает приказы, выполнение которых, обеспечиваемое коллективным действием, реализует его волю на других концах земли» [Коммонс, 2012, с. 70, 72]. Термин «коллективное действие» применительно к функции контроля здесь следует понимать как коллективное воздействие. Хотя действуют всегда только отдельные индивиды, но благодаря тому, что индивиды из определенной группы следуют одним и тем же укорененным, разделяемым всеми членами группы, правилам, за выполнением которых каждым из них следят другие члены группы, в результате мы получаем «коллективное действие».

Дополнительные механизмы контроля требуются лишь в том случае, если процессы институционализации не вполне успешны» [Бергер и Лукман, 1995, с. 92, 93]. То, что многие так называемые рыночные институты вводимые в России в 1990-е годы работали плохо происходило прежде всего не потому, что не были развиты соответствующие механизмы принуждения (enforcement), а потому, что они не соответствовали верованиям-убеждениям и привычкам всей совокупности акторов, то есть институционализация не была успешной.

Дуглас Норт правильно видит важнейшую роль институтов в уменьшении неопределенности в человеческих взаимодействиях [North, 1990, 6]. Бергер и Лукман утверждают тоже самое, отвечая на вопрос, что нового приобретает каждый индивид от наличия институтов: «Наиболее важным приобретением является то, что теперь каждый может предвидеть действия другого. Значит, их взаимодействие становится предсказуемым. “Он делает это снова” превращается в “Мы делаем это снова”. Это значительно ослабляет напряжение обоих. Они берегут время и усилия не только при решении внешних задач, в которое они вовлечены порознь или сообща, но и в терминах своих индивидуальных психологических затрат. Теперь их совместная жизнь определяется более обширной сферой само собой разумеющихся рутинных действий. Многие действия теперь не требуют большого внимания. И любое действие одного из них больше не является источником удивления и потенциальной опасности для другого. Напротив, повседневная жизнь становится для них все более тривиальной» [Бергер и Лукман, 1995, с. 96]. Институты не падают с неба, они создаются, конструируются[1] людьми. Институты образуют мир, в котором люди живут, некоторые из которых возможно принимали участие в создании этих институтов и «пока они сами создают этот мир в ходе их общей биографии, которая на их памяти, созданный таким образом мир кажется им абсолютно прозрачным. Они понимают мир, который создан ими. Все это меняется в процессе передачи новому поколению. Объективность институционального мира “увеличивается” <...>. Формула “Мы делаем это снова” теперь заменяется формулой “Так это делается”. Рассматриваемый таким образом мир приобретает устойчивость в сознании, он становится гораздо более реальным и не может быть легко изменен. Для детей,

[1] Отсюда и название направления социальной мысли, представленное Бергером и Лукманом «социальный конструктивизм».

особенно на ранней стадии социализации[1], он становится их миром. <...> Институциональный мир тогда воспринимается в качестве объективной реальности. У него есть своя история, существовавшая до рождения индивида, которая недоступна его индивидуальной памяти. Он существовал до его рождения и будет существовать после его смерти. Сама эта история, как традиция существующих институтов, имеет характер объективности. <...> Он не может избавиться от них. Институты сопротивляются его попыткам изменить их или обойтись без них. Они имеют над ним принудительную власть и сами по себе, благодаря силе своей фактичности, и благодаря механизмам контроля, которыми обычно располагают наиболее важные институты» [Бергер и Лукман, 1995, с. 99–101].

Каждый институт не может существовать без тесно связанного с ним верования-убеждения. Это почти всегда то самое верование, которое находилось у истоков возникновения правила, однако, не исключены и случаи, когда одно и тоже правило меняет свое идеологическое обоснование. В любом случае верование-убеждение узаконивает, легитимирует правило в сознании индивидов. Институциональному миру требуется легитимация, то есть способы его "объяснения" и оправдания. Необходимо истолковать акторам смысл институтов в различных формулах легитимации. «Они должны быть последовательными и исчерпывающими в терминах институционального порядка, чтобы стать убедительными для нового поколения. Так сказать, ту же самую историю следует рассказать всем детям. Отсюда следует, что расширяющийся институциональный порядок создает соответствующую завесу легитимации, простирающую над ним свое защитное покрывало когнитивной и нормативной интерпретаций. Эти легитимации заучиваются новым поколением в ходе того же самого процесса, который социализирует их в институциональный порядок» [Бергер и Лукман, 1995, с. 103, 104]. Важность социального контроля проявляется не столько в поддержании функционирования действующих институтов, сколько в их освоении, то есть при социализации: «Перед новым поколением встает проблема выполнения существующих правил, и для его включения в институциональный порядок в ходе социализации требуется введение санкций. Институты должны утверждать свою власть над индивидом (что они и делают) независимо от тех субъективных смыслов, которые он может придавать каждой конкретной ситуации. Должен постоянно

[1] «Социализацию можно определить как всестороннее и последовательное вхождение индивида в объективный мир общества или в отдельную его часть». [Бергер и Лукман, 1995, с. 211].

сохраняться и поддерживаться приоритет институциональных определений ситуации над попытками индивида определить их заново» [Бергер и Лукман, 1995, с. 104].

Интеграцию в обществе институционального порядка можно понимать в терминах «знания», имеющегося у его членов и это означает, что: «анализ этого "знания" является существенным для анализа рассматриваемого институционального порядка. Важно подчеркнуть, что при этом речь не идет лишь исключительно и преимущественно о сложных теоретических системах, служащих легитимациями институционального порядка. Конечно, теории тоже нужно принимать в расчет. Но теоретическое знание — лишь небольшая и отнюдь не самая важная часть того, что считается знанием в обществе. Теоретически сложные легитимации появляются в определенный момент истории институционализации. Знание, имеющее первостепенное значение для институционального порядка, — это дотеоретическое знание. И в сумме оно представляет собой все "то, что каждый знает" о социальном мире — это совокупность правил поведения, моральных принципов и предписаний, пословицы и поговорки, ценности и верования, мифы и тому подобное» [Бергер и Лукман, 1995, с. 109, 111].

Как видно из вышеизложенного, прагматизм и социальный конструктивизм дают ключ к пониманию процессов институциональных изменений. Эти процессы представляют собой динамику разделяемых акторами верований-убеждений, за которыми следуют разделяемые ими правила. Немецкая же историко-этическая школа внесла существенный вклад в такое понимание. Джон Коммонс близко подошел к такому пониманию анализируя решения английских и американских судов по хозяйственным вопросам [Коммонс, 2011]. Работа Дугласа Норта [North, 2005; Норт, 2010] продолжает эту традицию. Вот как он видит институциональную динамику Советского Союза: «История Советского Союза — это история постигаемой (perceived) реальности → верований (beliefs) → институтов → политик → измененной постигаемой (perceived) реальности и так далее и так далее. Ключи к этой истории это то, каким образом менялись верования под воздействием обратной связи из измененной постигаемой (perceived) реальности как следствия осуществленных политик, адаптивной эффективности институциональной матрицы — насколько она склонна (responsive) к изменениям в случае, если результаты не соответствуют намерениям — и ограничений на изменения в формальных правилах, как корректировок осознаваемых (perceived) провалов» [North, 2005, с. 4]. В целом это достаточно

реалистичная схема institiuциональных изменений в СССР. Ее недостатком является то, что акторы в ней представляют собой нечто неразделяемое цельное или, пользуясь терминологией используемой самим Нортом, в ней не выделены «экономические и политические предприниматели». Однако глубокое понимание советской институциональной динамики требует раздельного рассмотрения акторов-законодателей и акторов-исполнителей, а также формальных и неформальных правил и соответствующих им верований-убеждений.

Неформальные правила и соответствующие им верования-убеждения акторов-исполнителей, имеющие глубокие исторические корни, в разные моменты советской истории могли облегчать введение новых институтов партийным руководством страны, как это было при коллективизации, а в другие моменты могли этому препятствовать, как это было во время перестройки и постсоветских реформ[1]. Аналогичную ошибку совершает и уже упоминавшийся продолжатель дела Джона Коммонса, Даниэл Бромли, автор книги с интригующим подназванием «Волевой прагматизм и смысл экономических институтов». Его предложение, которое он развивает в книге, сводится к следующему: «В чем мы сейчас срочно нуждаемся, так это в теории институтов и институциональных изменений построенной на концепции разведывающей воли (*prospective volition*), человеческой воли в действии, смотрящей в будущее, и решающей как должно развертываться это будущее. Перспектива достижения определенных результатов в будущем служит основанием для людей осуществить определенные события сегодня, действуя либо как индивиды, либо коллективно в тех демократических образованиях (законодательные органы, парламенты, административные агентства, суды), которые были созданы как раз для цели рассмотрения и осуществления институциональных изменений. Когда мы ухватим эти основания, мы ухватим также почему институты меняются)» [Bromley, 2006, с. 22]. Делая ссылку на Коммонса, Бромли указывает на то, что некоторые индивиды могут играть важную роль в построении работающих правил (институтов), которых он называет волевые агенты (*volitional agents*). Выбор, который индивиды делают сегодня, вставлены (embedded) в действия вчерашних волевых агентов [Ibid.]. При этом Бромли упускает из виду, что индивиды имеют, помимо тех правил, которые им навязываются «волевыми агентами», свои, имеющие глубокие исторические корни, неформальные правила и верования-убеждения и если они противоречат правилам введенным «волевыми

[1] См. [Yefimov, 2003] и [Ефимов, 2009; 2010].

агентами», то они могут быть этими индивидами отторжены, чему дали множество подтверждений либеральные российские реформы от Столыпина до Гайдара и Ясина. Правила становятся институтами только будучи опривыченными, а для этого опривычивания требуется время и воспитательно-образовательные усилия со стороны тех, кто заинтересован во введении этих правил.

Рис. 1. Треугольник циклов институциональных изменений

Мне представляется, что более корректной, чем у Бромли, была бы следующая схема (рис. 1) институциональных изменений, которую я вывел на базе институционального анализа аграрных преобразований[1] в России, проведенного путем изучения документов, прежде всего юридических и политических, российской истории начиная с 1861 года: «Преобразования аграрных институтов развертываются, следуя циклам. Эти циклы могут быть представлены следующим образом: функционирование институтов вызывает реакции различных акторов, которые выражаются в идеологиях; идеологии конкурируют между собой за свое влияние, и по тем или иным причинам, одна из этих идеологий определяет содержание законодательства, которое создается, чтобы решить проблемы функционирования институтов; новое законодательство влияет на (но не определяет) функционирование институтов со старыми и (или) новыми проблемами и мы возвращаемся к исходному пункту цикла.

[1] Были изучены ([Yefimov, 2003], [Ефимов, 2009; 2010])следующие аграрные потрясения в России: отмена крепостного права в 1861 году; Столыпинская реформа 1906 года; Октябрьская революция 1917 года; коллективизация конца 20-х, начала 30-х годов; пост-советские реформы 1990 годов.

Законодательство не определяет функционирование институтов, так как правила, лежащие в основе институтов, могут быть формальными и неформальными. Для того чтобы понять дополняемость или несовместимость формальных и неформальных правил, нужно анализировать динамику этих связей, так как социально-экономические реальности очень инерционны» [Ефимов, 2010, с. 9]. Для их действенности как формальные, так и неформальные правила должны быть опривыченными.

Подводя итоги выше сказанному в этой главе, отметим, что конструктивистская институциональная экономика отбрасывает «объективизацию» социальной реальности. Социально-экономическая реальность, то есть поток экономической деятельности, есть результирующая действий совокупности ее участников (акторов). Последние делятся на более влиятельных, обладающих большей властью, и менее влиятельных и, конечно, вес более влиятельных в этой результирующей выше, часто намного выше, чем менее влиятельных. Действия участников регулируются некоторыми формальными и неформальными правилами, которые в свою очередь основываются, в основном, на разделяемыми ими верованиями (идеями и ценностями). Более влиятельные участники экономической деятельности имеют больше возможностей, чем менее влиятельные, изменить формальные правила, скорректировать неформальные правила, и убедить менее влиятельных участников в правоте новых верований и правомерности новых правил. В этом смысле можно сказать, что социально-экономическая реальность субъективна. Исследователь этой реальности должен нацелить свое внимание на то, как видят поток экономической деятельности различные ее участники, то есть каковы для них смыслы того, что происходит.

Как уже выше отмечалось, институциональная экономика, родившаяся в США в начале XX века трудами, в частности, таких экономистов как Уолтон Гамильтон[1] [Гамильтон, 2007] и Джон Коммонс [Коммонс, 2012] была основана на философии прагматизма. Послевоенные американские экономисты отбросили как прагматизм, так и основанную на нем институциональную экономику. Вместо этого была создана так называемая новая институциональная экономика (new institutional economics), являющаяся прямым продолжением неоклассического экономикс и которая в России получила название «новой институциональной экономической теории». При этом исходную институциональную экономику стали пренебрежительно называть

---

[1] Об Уолтоне Гамильтоне в этой книге речь пойдет позже.

«старой», как бы намекая на то, что она уже устарела и достойна забвения. Именно эта «новая институциональная экономическая теория», став важной частью мейнстрима, и преподается в настоящее время в российских университетах в курсах под названием «Институциональная экономика», которые конечно не имеют ничего общего с исходным институционализмом. Для того чтобы четко отмежеваться от такой «институциональной экономики» будем называть институциональную экономику продолжающую традиции исходного институционализма «конструктивистской институциональной экономикой», подчеркивая тем самым ее тесную связь с идеями конструктивизма, которые являются продолжением идей философии прагматизма.

Для обсуждения предмета конструктивистской институциональной экономики целесообразно выделить в социально-экономической реальности, то есть потоке экономической деятельности, следующие четыре уровня: 1) когнитивный (самый высокий уровень); 2) институциональный; 3) организационный[1]; 4) ресурсно-технологический (самый низкий уровень)[2]. Каждому уровню соответствует свой предмет анализа (подпредмет конструктивистской институциональной экономики): на когнитивном уровне — это верования; на институциональном — это правила; на организационном — это власть, то есть отношения влияния между акторами (индивидуумами или организациями); и, наконец, на ресурсно-технологическом — это ресурсы и технологии их переработки. Между уровнями имеются как нисходящие, так и восходящие связи. При рассмотрении нисходящих связей, верования определяют правила, в рамках которых осуществляются отношения власти между акторами, которые контролируют ресурсно-технологические потоки. По восходящей от ресурсно-технологического уровня исходят сигналы акторам, которые помогают им скорректировать их решения, проявления их власти. Используя свою власть, акторы пытаются также изменить правила в свою пользу. Наконец, проблемы, которые возникают у акторов при применении правил могут вызвать изменения в их верованиях. Цели исследования экономической деятельности во всем их разнообразии можно подразделить на три вида: результат изучаемой деятельности, ее механизм, ее эволюцию. Выбор уровня анализа зависит от цели исследования. Если исследователя интересует, прежде всего, результат экономиче-

[1] Этот уровень можно было бы также назвать волевым или властным.

[2] Ранее, уровневое рассмотрение экономической деятельности было предложено автором в следующих публикациях: [Yefimov, 1981, с. 188–191], [Ефимов, 1988, с. 17–21], [Yefimov, 1997, с. 101–104], [Yefimov, 2001]. В работе 1997 года вместо метафоры «уровень» я использовал метафору «координат».

ской деятельности в тот или иной момент (моменты) времени, то основное внимание должно быть уделено ресурсно-технологическому уровню. В противоположность этому, если исследователя интересует не конкретный результат экономической деятельности, а ее механизм, действующий в течение некоторого времени, то его внимание должно быть сконцентрировано на организационном и институциональном уровнях. Если же исследователя интересуют изменения в механизме экономической деятельности, то основное внимание должно быть сфокусировано на институциональном и когнитивном уровнях. В рамках конструктивистской институциональной экономики, количественный анализ материальных потоков (уровень 4) может помочь исследователю только задавать себе вопросы, а ответы на эти вопросы он должен искать на более высоких уровнях. ([Yefimov, 1981, c. 190], [Ефимов, 1988, с. 20], [Yefimov, 2001, c. 30–31]).

МЕТОД КОНСТРУКТИВИСТСКОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Ранее уже упоминалось, что исходная институциональная экономика, по крайней мере в ее коммоновском варианте, основывалась на пирсовском понимании процесса научного исследования. Принятие философии прагматизма в сообществах экономистов наталкивается на огромные трудности. Намек для понимания этого явления можно найти у самого Пирса. В своей статье «Что такое прагматизм?», Пирс говорит о себе, что получив образование и опыт экспериментатора, он, по существу, воплотил в своей философии прагматизма подход свойственный исследователям экспериментаторам. Эта работа Пирса начинается словами: «Автор этой статьи на основании своего собственного обширного опыта пришел к убеждению, что каждый физик, химик, короче говоря, каждый, кто смог достичь высот мастерства в любом из направлений экспериментальной науки, наделен умом, до такой степени сложившимся под влиянием жизни в лаборатории, о какой мало кто подозревает < ... >. С интеллектом тех, чье образование в основном почерпнуто из книг, — и разительно отличается, таким образом, от полученного им самим, — он никогда не сможет стать внутренне близким, хотя бы и находился с ними в приятельских отношениях» [Пирс, 2000, a, c. 296; 2000, b, c. 155][1]. Это напрямую относится к эконо-

[1] Перевод исправлен мною по изданию [Peirce, 1998, c. 331].

мистам, так как в настоящее время технологии экономического образования настроены на обучение теориям и имеют тенденцию игнорировать обучение опыту, а также по причине того, что практическая значимость, как критерий оценки научных результатов, не имеет большого веса в той системе ориентиров, которыми руководствуются экономисты [Ананьин, 2005, с. 206, 207]. Эмпирические, особенно полевые, исследования рассматриваются в сообществах экономистов, как занятие недостойное для «высококвалифицированных ученых», а если уж они и участвуют в решении каких-то практических задач, то как носители каких-то уже готовых теорий, а не с целью создавать теории имеющие практическую значимость, а они всегда контекстные. Решая практические задачи, Густав Шмоллер и Джон Коммонс были экспериментаторами в пирсовском смысле. Именно поэтому Коммонс оказался чувствительным к прагматизму, а Шмоллер к родственному прагматизму философскому направлению — герменевтике.

В своей теории познания Пирс напрямую связывает понятие истины с понятием веры: «Вместо того чтобы говорить, что вы хотите знать «Истину», вам было бы просто нужно сказать, что хотите достичь состояния веры, недоступной сомнению. Вера не является минутным состоянием сознания; это привычка ума, в своих основных чертах длящаяся какое-то время и (по крайней мере) в большинстве своем бессознательно; и, так же как и любые другие привычки, она (до тех пор, пока не встретится с какой-то неожиданностью, начинающий процесс ее растворения) полностью самодостаточна» [Пирс, 2000, a, с. 305]. Пирс рассматривал исследование, как коллективную деятельность определенного сообщества исследователей и понятие истины и реальности ставится им в зависимость от этого сообщества: «Так обстоит дело со всяким научным исследованием. Различные умы могут первоначально иметь самые противоположные мнения, однако в процессе исследования какая-то внешняя и чуждая им сила приводит их к одному и тому же заключению. Эта деятельность мысли, которая влечет нас не туда, куда мы хотим, но к предопределенной цели, подобна действию судьбы. Никакое изменение принятой точки зрения, никакой отбор других фактов для изучения, ни даже естественная склонность ума не могут позволить человеку избежать предустановленного мнения. Эта великая надежда воплощена в концепции истины и реальности. Мнение, которому суждено стать общим соглашением исследователей[1], есть то, что мы имеем в

[1] Здесь перевод скорректирован по [Пирс, 2000, b, с. 151].

виду под истиной, а объект, представленный в этом мнении, есть реальное. Вот так я бы стал объяснять реальность» [Пирс, 2000, а, с. 291, 292]. Известный немецкий социолог Ханс Йоас так оценивает пирсовскую теорию познания: «Ведущее понятие картезианства, понятие одинокого сомневающегося *ego*, заменено идеей кооперативного поиска истины с целью справиться с реальными проблемами, возникающими в процессе действия. Можно было бы поддаться соблазну приписать такому превращению такую же историческую значимость, какая была жалована философии Декарта. Последствия, по крайней мере, этого превращения ведущей идеи философской рефлексии являются очень далеко идущими. Действительно, поменялась вся связь между познанием и реальностью. Понятие истины больше не выражает верного представления реальности в познании, которое может быть представлено используя метафору копии; скорее, оно выражает увеличение возможности действовать в связи с окружением. Все стадии познания, от сенсорного восприятия, далее через выведение логических заключений, и до саморефлексии, должны теперь быть представлены по новому» [Joas, 1993, с. 19, 20].

Сам Джон Коммонс подчеркивал в соей книге «Институциональная экономика», что для него прагматизм, с одной стороны, подсказывает предмет науки экономики, а с другой стороны дает ему метод исследования [Commons, 1990, с. 150, 151, 157]. Этот метод предполагает экспериментальный подход к исследованию, то есть прямой контакт с изучаемым предметом, институтами и непосредственно с ними связанными верованиями-убеждениями. Этот прямой контакт может быть достигнут исследователем путем изучения различных документов, включая тексты с формальными правилами (законы, указы, постановления, положения и т.п.), тексты отражающие верования (программы политических партий, ассоциаций, тексты выступлений политических лидеров и т.п.). Однако значительная часть информации может быть получена исключительно непосредственно от акторов. В этом случае прямой контакт с правилами и верованиями-убеждениями осуществляется путем прямого контакта с акторами, как носителями этих правил и верований-убеждений, контакта в форме бесед-интервью[1], включенного наблюдения (*participant observation*)[2], иссле-

[1] Коммонс называл интервьюирование «важнейшим (*prime*) способом исследования» [Commons, 1990, с. 106].

[2] Включенное наблюдение предполагает участие исследователя в деятельности исследуемых.

дования действием (*action research*)[1] и все это в рамках исследований конкретных случаев-ситуаций (*case study*)[2]. Все эти методы призваны устранить когнитивный разрыв (*cognitive gap*) между учеными и акторами и, в некотором смысле, позволяют расширить сообщества исследователей (‘*learning communities*’) за счет включения в них акторов. Для того чтобы схватить смысл наблюдаемых событий, понять верования и неформальные правила акторов проводимые интервью должны быть *активными*, то есть принимать в каком-смысле форму обсуждений методом мозгового штурма (*brainstorming*)[3].

Один из исследователей американского институционализма утверждает, что исходная («старая») институциональная экономика «опиралась на *сравнительный метод* развитый антропологами», который применяется институционалистами путем изучения случаев (*case studies*), полевых исследований (*field studies*), в том числе и путем включенного наблюдения. В целом он характеризует метод исходной институциональной экономики как критический исторический метод [Stanfield, 1999, с. 236, 237]. Известный историк исходного институционализма Малколм Резерфорд в своих работах рассказывает как это осуществлялось на практике исследователями принадлежащими этой школе ([Rutherford, 2011], [Резерфорд, 2012, a; 2012, b]). К вышеупомянутым методам нужно было бы добавить этнографический метод, метод историй жизни (*life history*) и, наконец, последнее, но далеко не последнее по важности, так называемое *заземленное теоретизирование* (*grounded theory*)[4]. Именно из-за особо большого значения заземленного теоретизирования для развития конструктивистской институциональной экономики, мы здесь кратко охарактеризуем его методику.

---

[1] Исследование действием отличается от включенного наблюдения в основном тем, что исследователь не только участвует в деятельности исследуемых, но и пытается вместе с ними изменить что-то в этой деятельности.

[2] Коммонс активно исследовал конкретные случаи прошлого, например, судебные процессы по хозяйственным вопросам в Англии 17–18 веков [Коммонс Дж., 2011] и случаи настоящего, например, конкретные трудовые конфликты в современных ему США.

[3] В соответствии с прагматизмом и конструктивизмом объект и субъект исследования не должны быть полностью независимы друг от друга, наоборот, процесс взаимодействия между ними в виде активного свободного интервью, включенного наблюдения или исследования действием обеспечивает качество исследования.

[4] Все перечисленные методы принадлежат к так называемым *качественным методам*. Это название проистекает, с одной стороны, из того факта, что они имеют дело в основном с качественной, а не с количественной информацией, а с другой стороны, такое название противопоставляет эти методы количественным. В этой книге я не ставлю себе задачу дать исчерпывающую информацию о каждом из них, однако те из читателей, кто захочет изучить качественные методы исследования, могут воспользоваться выборочной библиографией этих методов исследования данной в Приложении 1.

Прежде всего обсудим сам русский термин «заземленное теоретизирование», который я предлагаю использовать для обозначения *grounded theory*. В русских публикациях появилось уже несколько вариантов перевода английского термина *grounded theory*. Это обоснованная теория, заземленная теория, укорененная теория и даже граунд-теория. Почему не теория, а теоретизирование? Потому, что *grounded theory* — это не теория, а методика. Эта методика проведения социальных исследований, начиная от сбора качественных данных, их анализа и построения на базе этого анализа теории «заземленной», а лучше сказать «укорененной» в самих этих данных. «Таким образом, данные формируют основание, фундамент (foundation) нашей теории и наш анализ этих данных порождает (generates) концепции, которые мы строим» [Charmaz, 2006, с. 2]. Если мы использовали бы слово «укорененная», то нужно было бы обязательно добавить в чем (в данных), а это уже (укорененная в данных теоретизирование) слишком длинно. Именно поэтому я предлагаю использовать термин «заземленное теоретизирование», который в значительной степени отражает существо и в тоже время не очень длинный. Как и в любых качественных исследованиях, используя эту методику мы должны быть очень открыты к получению и анализу любой информации относительно объекта нашего исследования. Так, беседуя с акторами, мы должны давать им возможность говорить, в рамках исследуемой темы, о том, что они считают в ней значимым, и только изредка мягко направлять их своими вопросами и замечаниями. Самым важным является то, чтобы им было *интересно* делится с вами своей информацией, а этого можно достигнуть, если беседа не является интервью типа вопрос-ответ, а является скорее обсуждением темы, хотя заранее заготовленные вопросы и могут время от времени задаваться. Акторов для «интервью» мы выбираем не случайно, а направленно, а именно тех, кто непосредственно участвует в изучаемой деятельности и способен действительно предоставить нам ценную информацию по данной теме. «Выборка» теоретически продолжается до тех пор, пока мы получаем новую, ценную для нас информацию. Мой личный опыт показывает, что «насыщение», то есть когда мы не получаем новой информации меняя собеседников, при беседах с акторами одного и того же типа, наступает достаточно быстро. Беседы обязательно должны записываться на диктофон. Обязательным также является расшифровка этих записей, то есть приготовление текстов бесед или «транскриптов». Транскрипты, равно как и собранные документы, тщательно прочитываются и анализируются. В каждом транскрипте и документе выделяются однородные куски,

которые помечаются нами как таковые, то есть кодируются. Куски эти выделяются путем сравнения различных частей текстов, а затем и сами куски сравниваются между собой, то есть можно сказать, что заземленное теоретизирование применяет сравнительный метод: «Осуществляя и кодируя многочисленные сравнения, у нас начинает формироваться аналитическое видение данных. Мы пишем предварительные аналитические заметки или «памятки» относительно наших кодов и сравнений и любых других идей о данных располагаемых нами. Через изучение данных, сравнивая их, и готовя «памятки», мы определяем идеи, которые наилучшим образом подходят данным и интерпретируют их, как предварительные аналитические категории. Когда возникают вопросы и появляются бреши в наших категориях, мы ищем данные, которые ответили бы на эти вопросы и заполнили эти бреши. <...> По мере того, как мы продвигаемся в интерпретации собранных данных, наши категории с одной стороны сращиваются, а с другой стороны становятся более теоретическими, потому, что мы поднимаемся по последовательным уровням анализа. Наши аналитические категории и отношения, которые мы выводим между ними, дают нам концептуальное понимание изучаемого опыта. Таким образом, мы строим разные уровни абстракции непосредственно из данных, и затем собираем дополнительные данные для того, чтобы проверить и уточнить возникающие аналитические категории. Наша работа завершается созданием «заземленной теории» (укорененной в данных теории) или (что тоже самое) абстрактным теоретическим пониманием изучаемого опыта» [Charmaz, 2006, с. 3, 4].

Как правило, при использовании качественных методов исследователь вступает в контакт с акторами в естественном для них, часто рабочем, окружении. Поместив их в искусственные условия, которые бы так или иначе воспроизводили бы обстановку принятия решений, в которую они погружены, мы делаем первый шаг к проведению исследований в лаборатории. Вторым шагом было бы создание некой экспериментальной установки, своего рода экономического синхрофазотрона, которая представляла бы собой эти искусственные условия. Если бы эта установка динамически поставляла бы обратную связь на действия акторов в зависимости от их решений, которые в свою очередь зависели бы от правил их взаимодействия, то мы получили бы лабораторию для проведения экспериментов в области институциональной экономики. Такая установка (имитационная игра) была создана в 80-е годы автором этой книги для сравнительных лабораторно-экспериментальных

исследований влияния на хозяйственную деятельность разных хозяйственных законодательств [Ефимов, 1986; 1988]. Построение этой установки, а также методики ее использования, уже основывалось на развиваемой в этой книге методологии: «Эксперименты с имитационными играми должны строится и проводится совсем не так, как того требует классическая естественнонаучная традиция. В этих экспериментах коллектив участников (игроков) нужно рассматривать не только (и не столько) как заменителей соответствующих активных элементов (акторов), а как реальную социальную группу, возникновение лабораторной культуры[1] в которой не элиминируется, а используется. Познавательный процесс в игре осуществляется на базе двупланового поведения игроков [воспроизводящего и исследовательского] <...>. В эксперименте, организованном таким образом, игроки сами во многом становятся исследователями, помощниками экспериментатора и играют активную роль. В таких экспериментах в качестве игроков выступают либо непосредственно лица, заинтересованные в изучении функционирования экономической системы, либо эксперты, помогающие такому исследованию [Ефимов, 1988, с. 15]». С одной стороны, игроки-участники должны подчинять свои взаимодействия и решения введенным экспериментатором формальным правилам (моделям законодательств), а с другой стороны, они привносят в эксперимент из своей реальной жизни верования и неформальные правила и тем самым дают возможность прослеживать совместное влияние верований и двух типов правил на результаты функционирования моделируемой компьютером экономической системы. Важнейшей частью эксперимента является так называемая деятельность по поводу игры[2], связанной с обсуждением и замечаниями по поводу изучаемой в эксперименте проблеме между игроками и между игроками и экспериментаторами, а также по поводу конструкции и организации эксперимента [Ефимов, 1978, с. 151]. Я уже очень давно опубликовал статью в ставшем сейчас престижном международном журнале с изложением концепции лабораторного экспериментирования для институциональных исследований

[1] Примером проявления лабораторной культуры может служить знаменитый хауторнский (Hawthorne) эффект, то есть искажение результатов эксперимента под влиянием самого факта проведения эксперимента.

[2] Понятие деятельности по поводу игры автор заимствовал из статьи Г.П. Щедровицкого и Р.Г Надежиной «О двух типах отношений руководства в групповой деятельности детей» («Вопросы психологии», 1973, № 5). Использование лабораторной культуры для получения исследовательских результатов в игровых имитационных экспериментах основывается на эффективной организации деятельности по поводу игры игроков.

[Yefimov, 1981], однако этот мой призыв остался неуслышанным, а журнал погрузился в неоклассическую парадигму. Создатель неоклассической экспериментальной экономики, которая стала очень популярной и сейчас рассматривается многими, как часть новой институциональной экономики[1], профессор Принстонского университета, Вернон Смит[2], в отличие от меня, остался в мейнстриме, почему и получил в 2002 году так называемую Нобелевскую премию по экономике[3].

[1] Здесь уже нельзя перевести New Institutional Economics как Новая институциональная экономическая теория.

[2] *Смит В.* Экспериментальная экономика. М. : ИРИСЭН; Мысль, 2008.

3 См. статью «Нобелевская премия по экономике? Нет Нобелевской премии по экономике» (The Nobel Prize in Economics? There Is No Nobel Prize in Economics (URL: http://exiledonline.com/the-nobel-prize-in-economics-there-is-no-nobel-prize-in-economics/).

ГЛАВА 2.
ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ В ЭКОНОМИКЕ

Из предыдущего изложения читатель очевидно уже понял, что научное исследование экономических проблем неизбежно связано с анализом дискурсов акторов, имеющих отношение к этим проблемам. Рассмотрим дискурсивную методологию более подробно. Нужно сразу отметить, что это новое направление исследовательской деятельности не имеет пока единой устойчивой терминологии. Так в одной и той же книге можно найти два таких определения дискурса: «Дискурс — это форма социального поведения, которая участвует в формировании социального мира (включая знания, людей и социальные отношения) и, таким образом, в поддержании и сохранении социальных паттернов»; «[Дискурс это] все типы вербальных интеракций и письменных текстов, как значения, разговоры, нарративы, объяснения, описания и рассказы/истории» [Филлипс, Йоргенсон, 2008, с. 24, 181]. Ром Харре и Йенс Брокмейер в статье, перевод которой был опубликован в журнале «Вопросы философии», помещают в центр своего внимания понятие «нарратив». Они называют такие подвиды нарратива, как правдивые или вымышленные истории, мифы, сказки, а также некоторые исторические, правовые, религиозные, философские и научные тексты. Я добавил бы сюда еще и политические тексты. Авторы убедились, исследуя действительную практику использования нарративов, что они в большей мере являются предписывающими, чем описывающими: «Следовательно, с этой точки зрения, нарратив — это слово для обозначения специального набора инструкций и норм, предписывающих, что следует и чего не следует делать в жизни, и определяющих, как тот или иной индивидуальный случай может быть интегрирован в некий обобщенный и культурно установленный канон» [Брокмейер, Харре, 2000, с. 29]. Для нас здесь важно только понять, что с помощью дискурсов и нарративов фиксируются и передаются правила/привычки и связанные с ними верования-убеждения, которые исследователь и должен выявить с помощью анализа дискурсов и нарративов.

Почти все экономисты согласятся с утверждением о том, что задача экономической науки искать причинно-следственные связи между производством продуктов и услуг, ценами на них, уровнем заработной платы, ставкой процента и прочими «вещами» и наступлением безработицы, инфляции, экономическим ростом или наоборот рецессией и другого типа «событиями». Причем «вещи» и

«события» рассматриваются экономистами, находящимися в определенных «точках» во времени и в пространстве. Например, с помощью эконометрических моделей экономисты пытаются анализировать причинно-следственные связи между динамикой такого рода «вещей» и «явлений», имеющих место в разных регионах мира, отражая их с помощью эндогенных и экзогенных переменных. При этом мало, кто задумывается, что эта ньютоновская методология (табл. 1) не очень подходит для анализа социально-экономической реальности. Ром Харре считает, что для социальных наук, в которые входит (или, по крайней мере, должна входить) экономическая наука, требуется совершенно другая методология, которая неизбежно должна быть дискурсивной[1].

Применяя ньютоновскую методологию к социальной сфере, обществоведы рассматривают людей как некоторые неодушевленные предметы, взаимодействующие друг с другом на подобии молекул в пространстве и во времени, и тем самым производят результирующие явления, которые можно понять, анализируя причинно-следственные связи, вытекающие из столкновения людей-молекул. В дискурсивной методологии, если уж следовать этой физической аналогии, молекулами являются не сами люди, а производимые ими речевые акты[2]. Речевые акты есть элементарные речевые воздействия одного человека на другого.

Таблица 1

Две методологии

Методологии	Где нужно исследовать?	Что нужно исследовать?	Что искать при исследовании?
Ньютоновская	В пространстве и во времени	Вещи и события	Причинно-следственные связи
Дискурсивная	В определенной совокупности людей	Речевые акты и тексты	Правила и сюжетные линии историй

Источник: [Harré, Gillet, 1994, с. 29] с изменениями автора.

---

[1] Далее, в этой главе, я активно использую идеи Рома Харре, которые очень хорошо представлены в сборнике его статей, вышедшем под редакцией одного из его соавторов, Люка ван Лангенхомена, под названием «*People and Society. Rom Harré and Designing the Social Sciences*» («Люди и общества. Ром Харре и его замысел общественных наук») [Van Langenhove, 2010].

[2] О том, как вписывается теория речевых актов в социальный конструктивизм, см.: [Улановский, 2004].

В рамках дискурсивной методологии на вопрос «Где нужно исследовать?» дается однозначный ответ: там, где осуществляются/осуществлялись речевые акты, то есть в определенном сообществе или определенной совокупности людей. Поведение членов каждого сообщества может иметь свои регулярности, проистекающие из специфических правил, которым члены сообщества следуют. На обнаружение этих правил через изучение речевых актов и текстов, а тем самым и на выявление определяемых ими социально-экономических регулярностей, и должно быть направлено исследование. Это становится возможным потому, что правила эти, вместе с сопровождающими их убеждениями в их правомерности, выражаются именно в речевых актах и текстах. И правила, и убеждения, их обосновывающие, хранятся и воспроизводятся членами сообщества в виде историй, сюжетные линии которых исследователь может выявить вместе с правилами через анализ речевых актов. Кроме устных речевых актов, акторы могут воздействовать друг на друга и на основе документальных актов [Smith, 2013]. Истории, писанные формальные правила и документальные акты представляются в виде текстов. Устные речевые акты также превращаются в тексты при расшифровке записанных на диктофон устных высказываний, например, услышанных во время выступлений или проведенных интервью.

Сейчас уже стало банальностью для экономистов высказывание, что институты имеют значение (*institutions matter*). Понятие «институт» фигурирует в текстах таких направлений экономической мысли, как новая институциональная экономическая теория, экспериментальная экономика и поведенческая экономика. Все эти направления недалеко ушли от ньютоновской методологии, игнорируя центральный элемент и инструмент человеческих взаимодействий, которым является язык. Позаимствовав у Густава Шмоллера определение института как набора формальных и неформальных правил, а также устройств, которые обеспечивают их соблюдение [Фуруботн, Рихтер, 2005, с. 8], новая институциональная экономическая теория проинтерпретировала упомянутые правила и устройства как ограничения, аналогичные тем, что присутствуют в оптимизационных и равновесных моделях. Эта теория апеллирует к метафоре «игра» («правила игры»), имея в виду, например, футбол, где речевые взаимодействия не предусматрива-

ются[1]. Участники экспериментов (студенты, оплачиваемые за свое участие) в многочисленных сейчас лабораториях экспериментальной экономики взаимодействуют друг с другом молча. Ну а в так называемой поведенческой экономике игнорирование человеческой природы экономических акторов доводится до своего предела, где в качестве участников эксперимента допускается участие обезьян [Wilkinson, 2008, с. 30–32].

Дискурсивный подход хорошо интерпретируется в рамках социального конструктивизма, охарактеризованного в первой главе. Совсем в духе Густава Шмоллера [Schmoller, 1998] и Джона Коммонса [Коммонс, 2012], институт здесь понимается не как ограничение, а как направляющая сила человеческого поведения. Формальные и неформальные правила вместе с обеспечивающими их соблюдение убеждениями рассматриваются как совокупность институциональных или социальных знаний, разделяемых определенным человеческим сообществом. Общность этих знаний в некотором сообществе и есть источник регулярностей, могущих наблюдаться по отношению к этому сообществу. Дискурсивный подход дополняет социальный конструктивизм герменевтикой. Поскольку язык является главным инструментом во многих видах человеческой деятельности, изучая использование этого инструмента, мы тем самым можем исследовать и сами эти виды деятельности. Харре считает, что «через язык имеется постоянная непрерывность между мыслью и действием» [Harré, 1974, с. 250]. Экономическая наука никак не может отойти от модели экономического человека, напротив, она достаточно успешно навязывает ее другим социальным наукам, породив явление, которое получило название «экономический империализм». Дискурсивный подход основывается на совершенно другой модели человека, которую Харре назвал антропоморфной: «В антропоморфной модели человек выступает не только как агент, но и как наблюдатель (*watcher*), комментатор и критик» [Harré, Secord, 1972, с. 90–91]. Это

[1] Если уж использовать слово «игра» в экономической науке в качестве метафоры, то имеет смысл при этом иметь в виду не спортивные игры типа футбола и не салонные игры типа карт или шахмат, а детские ролевые игры, значение которых в освоении норм и языка взрослых исследовал Лев Выготский [Выготский, 1966]. Люк ван Лангенхомен, составитель и комментатор сборника статей Харре, так характеризует основное достижение Выготского: «Одной из наиболее строго выдерживаемых аксиом в социальных науках является утверждение о наличии радикального различия между психологическими и социальными явлениями. Первые происходят в самом человеке (в его разуме), а вторые вне его (в обществе). Благодаря гению Выготского стало ясно, что это разграничение на внутреннее и внешнее является слишком большим упрощением. Изучая человеческое развитие, Выготский показал, что познавательные способности возникают в процессе дискурсивного взаимодействия» [Van Langenhove, 2010, с. 67].

означает, что определенное правило как элемент института «существует внутри определенной практики, и через эту практику, путем цитирования этого правила, взывания к нему в процессе его освоения, получая удовлетворение при виде, когда другие ему следуют, и, указывая другим, что они ему не следуют или следуют недостаточно точно. Все это говорится другим и себе, и все это люди слышат, будучи сказанным другими <...>. И, таким образом, явление следования определенному правилу неотличимо от описания, даваемого этому правилу» [Bloor, 1997, с. 33–34].

В этом смысле институт может быть охарактеризован как «самоотсылочная практика, объект разговора, и именно разговора, предоставляющего нам реальность, к которой он и отсылает»[1] [Bloor, 1997, с. 34]. В этом состоит кардинальное отличие природной и социальной реальности. Описание физических или биологических процессов может быть более точным или менее точным в зависимости от доскональности проводимых наблюдений и экспериментов, и это связано с тем, что свойства этих процессов не зависят от того, что мы думает относительно них. Напротив, «социальный объект» основывается на описаниях, которые акторы и участники этого объекта ему дают. Он не существует независимо от того, во что акторы и участники этого объекта верят и как они выражают это на словах. Таким образом, «социальный объект» не может быть описан «точнее», чем это уже сделано в этих описаниях [Bloor, 1997, с. 35]. Исследователю остается только позаимствовать эти описания у акторов и участников.

Не боясь повториться, подчеркну еще раз, что в социальных науках следует изучать не вещи и функциональные связи между ними и событиями, а дискурсы, состоящие из речевых актов. Поскольку социальные взаимодействия опосредуются языком, речевая деятельность (*conversations*) и дискурсы должны рассматриваться как первичная и имеющая первостепенное значение (*primary*) социальная реальность[2], которую и нужно изучать. Вместо того, чтобы искать причинно-следственные связи, обществоведам (включая экономистов) нужно пытаться выявлять правила и сюжетные линии историй, поддерживающих эти правила. Для этого «экспериментатор или наблюдатель должен войти в дискурс с людьми, чье поведение он изучает, и попытаться освоить их когнитивный мир» [Harré, Gillett,

[1] “[A]n institution is a self-referring practice, the object of the talk, namely that which provides the reality to which it refers”.

[2] Один из разделов сборника статей Рома Харре так и называется «Conversations as the Primary Social Reality» («Разговоры как имеющая первостепенное значение социальная реальность») [Van Langenhove, 2010, с. 63–150].

1994, с. 21]. Нам как исследователям «предстоит узнать, что рассматриваемая ситуация означает для человека, а не то, какова она есть с точки зрения обозревателя, если мы хотим понять, что этот человек делает» [Ibid.]. Как уже отмечалось в предыдущей главе «знание, имеющее первостепенное значение для институционального порядка <...> представляет собой все "то, что каждый знает" о социальном мире: это совокупность правил поведения, моральных принципов и предписаний, пословицы и поговорки, ценности и верования, мифы и тому подобное». [Бергер, Лукман, 1995, с. 109]. «Такое знание составляет мотивационную динамику институционализированного поведения. Оно определяет институционализированную сферу поведения и все, попадающие в ее рамки, ситуации. Оно определяет и конструирует роли, которые следует играть в контексте рассматриваемых институтов» [Ibid, с. 110]. Такое знание и является институциональным. Люди, с которыми нужно вступить в дискурс исследователю, должны обладать институциональным знанием, связанным с изучаемым явлением. В этом смысле «совокупность людей» означает людей из соответствующего сообщества, имеющего общее институциональное знание. Например, для того, чтобы изучать финансовые рынки нужно вступить в контакт с такими профессионалами, как трейдеры, а не со студентами, как это происходит в так называемой экспериментальной экономике. В то же время «совокупность людей» означает выборку людей из соответствующего сообщества. Отбор людей и определение размера выборки в рамках дискурсивного подхода осуществляется совсем не так, как в механистическом традиционном подходе. Исследователь вступает в контакт с теми людьми, которые готовы поделиться с ним своим институциональным знанием[1]. Как уже говорилось выше, размер выборки (количество людей, с которыми исследователь был в контакте) определяется так называемым теоретическим насыщением, когда исследователь уже ничего не узнает нового в результате новых контактов с членами соответствующего сообщества. Поскольку истории, разделяемые и рассказываемые членами одного и того же сообщества, в принципе одни и те же, то теоретическое насыщение наступает достаточно быстро. Мой собственный опыт проведения исследований в конце 1990-х годов в сельской местности нескольких областей России подтверждает это [Yefimov, 2003]. Что касается вопроса о том, как нужно исследовать, то дискурсивный подход требует применения не столько количественных, сколько качественных методов исследования,

1 См. обсуждение этого вопроса: [Аболафия, 2004, с. 439–443].

о чем речь уже шла в предыдущей главе. Применение большинства качественных методов исследования в значительной степени сводится к анализу текстов [Тичер, Мейер, Водак, Ветер, 2009] и нарративов [Clandinin, Connelley, 2000; Elliott, 2005].

Попробуем сравнить дискурсивную методологию с методом Ньютона. Эдвин Берт, исследователь творчества Ньютона, описывает метод, который Ньютон использовал в своих исследованиях следующим образом:

– упрощение явлений экспериментами таким образом, чтобы их характеристики менялись количественно и эти изменения можно было четко определить и измерить;

– выработка математических предложений (обычно с помощью специального исчисления), которые выражали бы математически найденные связи;

– проведение дополнительных экспериментов: 1) чтобы проверить применимость этих выводов (дедукций) для новых областей и свести эти выводы к наиболее общей форме; 2) в случае более сложных явлений обнаружить присутствие и определить значение дополнительных причин, которые также нашли бы количественное выражение; 3) если природа таких дополнительных причин остается неясной, расширить используемый математический аппарат дабы трактовать их более эффективно [Burtt, 2003, с. 221–222].

Этот метод показал свою действенность в естественных науках, особенно в физике. Ньютоновский мир может полностью быть охарактеризован числами, количественно. Сейчас значительная часть экономистов считают, что и экономический мир может быть охарактеризован таким же образом. Почему это не так, следует из рассмотренного в этой главе вопроса о методологии адекватной для социально-экономических явлений, которая должна быть дискурсивной. С этой поправкой описание метода Ньютона достаточно успешно преобразуется в схему, отражающую дискурсивную методологию.

На **первом** этапе необходимо осуществить построение экспериментальной ситуации, в рамках которой исследователь вступает в непосредственный контакт с членами сообщества, связанного с изучаемым явлением или сферой. Исследователь должен рассматривать каждую ситуацию в ее полноте, а не сводить, как Ньютон, изучаемые явления к их простейшим элементам. Если при применении дискурсивного подхода упрощения экспериментами и имеют место, то они связаны с отбором акторов, с которыми исследование будет проведено, а также с выбором обстановки для осуществления контактов исследователя с акторами. Акторы отбираются те, которые были бы

готовы поделиться своими институциональными знаниями с исследователем, а обстановка экспериментальной ситуации должна способствовать максимальному проявлению этой готовности. Успех первого этапа в дискурсивном исследовании зависит в значительной степени от отношений доверия и сотрудничества, которые установятся между актором и исследователем [Аболафия, 2004, с. 441]. Построение экспериментальной ситуации начинается с изучения уже готовых текстов, например, текстов законов и других письменных отражений существующих формальных и неформальных правил, а также политических и иных документов, содержащих идеи и убеждения, которые стоят за этими правилами.

На **втором** этапе экспериментальная ситуация начинает действовать в виде тех или иных форм контактов исследователей с акторами, которые непосредственно связанны с изучаемым явлением или сферой. Эти контакты материализуются в транскриптах (текстах) дискурсов акторов. Анализ дискурсов нужно осуществлять не для верификации (подтверждения или опровержения) каких-либо априорных теоретических построений, а для создания так называемых насыщенных описаний [Гирц, 2004]. Они содержат не только описание действий, порождающих изучаемое явление, но и смыслы, которые акторы вкладывают в эти свои действия. Насыщенное описание осуществляется не на языке используемых документов, не на языке акторов, не на языке каких-то априорных или созданных для других контекстов теорий, а на языке дискурсивного подхода, значительно дополненного концепциями и (или) понятиями, сконструированными исследователем апостериори, на базе изучения текстов, при исследовании данного явления[1]. Часть этих концепций и понятий приговорена остаться контекстными, а часть способна стать кандидатами для ввода в более общий глоссарий экономической дисциплины. Непосредственный вербальный контакт, в результате которого исследователь формирует текст, и есть для экономической науки, как и для других социальных наук, то, что в естественных науках называется научным экспериментом. Работая с транскриптами бесед-интервью, исследователь формирует концепции и понятия, которые в сжатой форме отражают изучаемое явление и, образовав связную систему, дают исследователю

[1] «Обоснованная теория», как чаще всего в русской литературе называют *Grounded Theory*, как уже отмечалось в конце предыдущей главы, есть не что иное, как методика построения таких концепций и (или) понятий, а затем и теорий на базе анализа текстов. На мой взгляд, перевод «обоснованная теория» не очень удачен, и я предложил бы заменить его на «заземленное теоретизирование».

понимание этого явления. Будучи достаточно продвинутой, разработанная связная система концепций и понятий может образовать теорию, но, конечно, теорию контекстную.

Далее на втором же этапе исследования, эксперимент может быть продолжен путем обращения в прошлое. Анализ истории изучаемой части действительности проводится на базе исторических документов, представляющих собой законодательные акты и политические дискурсы. Делается это не только и не столько для проверки (верификаци) теории, но для ее уточнения и расширения, которое должно содержать понимание исторических истоков изучаемого явления. И на первом, и на втором этапах, конечно, используется количественная информация, но она служит скорее для идентификации проблемы, чем для ее решения, осуществляемого на базе, прежде всего, информации качественного типа. Математическая статистика и эконометрика для анализа временных рядов в таком исследовании либо вообще не используется, либо играет подчиненную роль. По моему мнению, именно на этом пути экономическая наука получает шанс действительно стать научной, выйти их вымышленных миров и начать служить людям в их понимании социально-экономической реальности также эффективно, как естественные науки по отношению к природе.

На **третьем** этапе экспериментальная работа продолжается применительно к какой-либо иной совокупности людей (например, к людям, находящимся в другом регионе страны) для того, чтобы проверить применимость полученного понимания, для новых областей и сведения этого понимания к наиболее общей форме. Как можно видеть, описанная трехэтапная схема дискурсивного исследования если и не соответствует букве ньютоновского метода, то вполне отвечает его духу объективности исследования. Социолог науки Брюно Латур называет в качестве решающего признака действительно объективного научного исследования способность объекта исследования *возражать* (*to object*) тому, что о нем сказано. Лабораторный эксперимент для него — это создание таких условий, когда «объекты могут предстать в своем собственном праве перед утверждениями ученых» [Латур, 2006, а, с. 352]. Мишель Веверка предлагает два способа организации таких условий в социальных исследованиях [Wieviorka, 2008, с. 103–110]. Первый способ — это исследование действием (*recherche-action*), а второй — социологическое вмешательство (*intervention sociologique*).

Первый способ широко используется, в том числе и автором этих строк[1], и по нему имеется обширная литература. По существу, это натурный эксперимент, но производимый не только для познавательных целей, а предполагающий преобразование исследуемого объекта совместными усилиями исследователей и акторов. Объект сопротивляется изменяющим его воздействиям, что создает прекрасные условия для его понимания, показывая те его стороны, которые без этого изменяющего воздействия остаются скрытыми. Второй способ в основном использовался Аленом Туреном (*Alain Touraine*) и его учениками, среди которых и М. Веверка[2]. Он состоит в расширении традиционных углубленных интервью путем «возврата» результатов исследования, полученных на базе анализа транскриптов интервью, интервьюируемым, а, возможно, и другим акторам, и совместное обсуждение этих результатов. Тем самым акторы приглашаются участвовать в исследовательском процессе. Вовлечение интервьюируемого в исследовательский процесс может осуществляться и непосредственно во время интервью; в этом случае взаимодействие актора и исследователя принимает активный характер. Беседы-интервью, которые проводил лично я, часто были действительно активными и принимали форму спора между мной и актором [Yefimov, 2003]. Именно наличие таких «возражений» (сопротивления) позволяет нам претендовать на то, что мы занимаемся наукой. Можно полностью согласиться с Веверкой, который, выступая на открытии III Всероссийского социологического конгресса в 2008 г., сказал: «Проверка результатов нашей работы друг перед другом, среди наших коллег (*peer review*), является, несомненно, решающим обстоятельством нашей деятельности, однако, нам нужно задумываться о том, как можно проверять наши результаты иными способами, которые я обозначил, для того, чтобы увидеть, как наше знание работает. И именно таким образом, на мой взгляд, можно связать социологию и общество»[3]. Это утверждение верно и для других общественных наук, в том числе и для экономики. Такой связи между экономической наукой и обществом нет, и в этой книге я попытаюсь проследить, почему это произошло — с момента ее ин-

---

[1] Создание фермерских хозяйств в Переславском районе Ярославской области в 1988–1990 годах [Yefimov, 2003, с. 162–168] и приватизация совхозов в Целиноградской (Акмолинской) области Казахстана в 1995–1997 годах [Yefimov, 1997].

[2] Этот способ был применен в исследовании постсоветской России, в 1991–1996 годах, группой во главе с Алексисом Береловичем и Мишелем Веверкой [Berelowitch, Wieviorka, 1997]; см. также рецензию на эту книгу: [Поправко, 1997].

[3] См.: ПОЛИТ.РУ(http://www.polit.ru/science/2008/10/22/wieviorka.html).

ституционализации и до наших дней, с локальными во времени и пространстве исключениями в конце XIX и начале XX веков.

В данной главе изложение дискурсивного подхода к экономике как объекту исследования имеет явно нормативный характер. Во «Введении» я указывал на работы нескольких экономистов, которые применяли этот подход в своих исследованиях, однако, такие работы являются в настоящее время большой редкостью. Какой должна быть методология — нормативной, предписывающей исследовательские практики или описывающей, позитивной, осмысливающей реальные практики академических экономистов? О.И. Ананьин и М.И. Одинцова, констатируя существующую тенденцию экономической методологии как субдисциплины экономической теории к тому, чтобы стать скорее позитивной, чем нормативной, оценивают это явление, по-видимому, как положительное [Ананьин, Одинцова, 2000]. Применительно к естественным наукам, конструктивистская философия науки, по существу, сливаясь с социологией и историей естествознания, пошла по пути анализа научных практик, *но не всех*, а только успешных (с точки зрения их влияния на развитие техники и медицины). Методологи науки конструктивисткого типа не очень интересуются *физическими теориями* Декарта и Гоббса, которые не имели и не могли иметь такого влияния. Применительно к экономической науке также имеет смысл для развития методологии обращаться к опыту ее положительного влияния на жизнь обществ, однако, примеры такого влияния крайне редки (мы остановимся на них в следующих главах книги), а вот примеры отрицательного влияния наоборот очень многочисленны. Дискурсивный подход к экономике является, с одной стороны, интерпретацией конструктивисткого представления о научном исследовании, развитом на базе изучения реальных успешных практик в естествознании, а с другой стороны, восстановлением на современной основе успешных, с точки зрения их социальных результатов, практик влиятельных в прошлом направлений экономической науки, а именно традиций немецкой историко-этической школы и исходного американского институционализма.

Дискурсивная методология для экономической науки, развиваемая в этой книге, не имеет почти ничего общего с «риторической» методологией [Отмахов, 2000; Расков, 2005] Дейдры (в прошлом Дональда) Макклоски и Арье Кламера (Arjo Klamer). Оба эти автора проводят великолепный анализ дискурсов влиятельных членов сообщества экономистов, показывая их удаленность от интересов понимания экономической действительности, но, в тоже время, считая

такую ситуацию вполне нормальной. Можно сказать, что они заменяют риторическим подходом необходимость методологического выбора. Не случайно, что среди «десяти заповедей» модернизма [McCloskey, 1985, c. 7–8] в экономической и других социальных науках, с которыми Макклоски призывает бороться, она не называет такие важнейшие постулаты нововременного представления о научном исследовании, как субъектно-объектный дуализм и приверженность к причинно-следственным схемам объяснения явлений в виде функциональных связей между ними и определенными «вещами». И происходит это потому, что для нее эти постулаты, которым следуют все экономисты-ортодоксы и почти все экономисты-гетеродоксы, вполне приемлемы. Если Макклоски и Кламер обращают внимание исключительно на дискурсы самих экономистов, то методология, которую я обсуждаю в этой книге, нацелена, прежде всего, на анализ дискурсов акторов. Макклоски и Кламер вносят свой вклад в понимание реальностей сообщества экономистов, но их методология не содействует усилению способностей экономистов в понимании экономической действительности. Риторика как искусство убеждения, безусловно, должна играть очень важную роль в *оформлении результатов исследования*, но она не поможет экономисту *понять* изучаемое явление, если он (она) вместо того, чтобы исследовать институциональное знание акторов, которое определяет их поведение, причем исследовать его, вступая с этими акторами в непосредственный контакт, ограничится дедуктивными построениями без такого контакта и (или) анализом статистических данных.

Возражая против нововременного понятия Истины (с большой буквы) Макклоски заменяет его понятием «убедительность» (*persuasiveness*) [McCloskey, 1985, c. 47; 1994], не уточняя при этом требования к тому сообществу, которое нужно убедить. Американский экономист, предвидевший наступление экономического кризиса, Нуриэль Рубини (Nouriel Roubini), еще в 2005 году предупреждал о том, что американский спекулятивный жилищный бум может породить экономический кризис. Когда в 2006 году он выступил со своим прогнозом пред экономистами МВФ, они его сочли сумасшедшим. А через год его предсказания сбылись, даже в деталях. Почему его аргументы показались экономистам неубедительными? Да потому, что они не владели информацией о правилах, которым следуют акторы на рынке недвижимости, инвестиционные банки и фонды, хедж-фонды и такие финансовые институты как Fannie Mae и Freddie Mac. Предсказать кризис было на самом деле не так сложно тем, кто владел информацией об этих правилах (см. «Введение»).

Узнать эти правила можно, изучая детали, к чему сообщество экономистов совершенно не приучено.

Важно отметить также, что восприимчивость читателя и (или) слушателя к различным риторическим приемам может существенно зависеть от его методологических позиций. Члены современного сообщества экономистов вряд ли легко воспримут оформление понимания изучаемого явления в виде «насыщенного описания» а-ля Клиффорд Гирц. Мои коллеги, экономисты и неэкономисты в Женевском университете, которым я передавал для чтения главы своей будущей книги [Yefimov, 2003], непривыкшие к дискурсивному стилю исследования, воспринимали мои тексты с большим трудом. Прежде всего, и это относится в первую очередь к экономистам, они привыкли читать тексты достаточно быстро, находя в них уже известные им формулы, формулировки, ссылки на известные работы и т.д. Освоение моих текстов требовало от них значительно большего времени, чем они привыкли посвящать чтению рукописей коллег. Особенно их удивляли подробности описаний выявленных правил поведения в области производства, снабжения и сбыта, комментируемые отрывками из интервью. Мои коллеги выказали свою неспособность читать эти отрывки и видеть в них информацию для понимания изучаемого явления. Часто эти отрывки содержали описания восприятия акторами действительности, а также смыслы, которые они вкладывали в свои поступки, но читающие как бы ни замечали ничего этого. Вот типичные вопросы и утверждения, которые я слышал: «Зачем все эти описания? Зачем все эти детали?»; «Зачем все эти воспроизведения отрывков интервью в аналитических текстах?»; «Мысли людей, которые ты выявил, вступая с ними в непосредственный контакт, ложны и не имеют никакой ценности для анализа реальности»; «Интервьюируя людей, ты занимаешься журналистикой»; «Необходимо видеть, как люди себя ведут, а не слушать, что они говорят».

Читатель уже видел во «Введении», как те экономисты, которым удалось понять и предвидеть наступающий экономический кризис только благодаря использованию дискурсивного подхода в исследованиях, оформляли результаты исследований в значительной степени традиционным способом, апеллируя к причинно-следственной схеме объяснения и (или) количественной, а не качественной информации, так как понимали или чувствовали, что иначе их мысли не будут восприняты в сообществе экономистов. Культуре дискурсивного подхода нужно учиться, и будущая институциональная реформа экономической науки должна будет содержать в качестве своего важного элемента систему обучения экономистов этой культуре.

ГЛАВА 3.
КРИТИКА МЕТОДОЛОГИИ СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИСТОВ

ТРАДИЦИОННОЕ И КОНСТРУКТИВИСТСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НАУЧНОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Экономисты называют то, чем они занимаются наукой. Причем в качестве образца и идеала берется естествознание, особенно физика. Если взять достаточно многочисленные работы, посвященные методологии экономической науки [Ананьин, 2006; Блауг, 2004; Колпаков, 2008; Сухарев, 2015; Тутов, 2010; Backhouse, 1994; 1998; Boumans, Davis, 2010; Caldwell, 1982; De Marchi, 1992; Dow, 2002; Hands, 2001; Hausman, 1992; Mäki, Gustafsson, Knudsen, 1993; Malbranque, 2013; Mouchot, 2003], то при их изучении легко приходишь к выводу, что современные экономисты являются несостоявшимися исследователями реальности, в частности, по той простой причине, что они имеют ложное представление о научных практиках, которые обеспечили в прошлом естествознанию успех в понимании природных объектов и явлений. Нередко можно слышать упреки экономистам (я и сам грешен, каюсь), что они следуют естественнонаучной традиции и не учитывают специфики своего объекта исследования. Но на самом деле экономисты следовали не естественнонаучной традиции, а нововременному дискурсу о ней, но сама традиция и определенный диркурс о ней, это разные вещи. Если бы большинство экономистов действительно следовали этой традиции, то человечество, возможно, не имело бы столько неприятностей в XX веке[1], а России удалось бы избежать двух национальных катастроф, в начале и в конце века, а перед лицом кризиса, российское общество находилось бы в менее растерянном положении.

Ложное представление о научном исследовании, которое можно охарактеризовать как традиционное, досталось нам в наследство от Нового времени, крупнейшим мыслителем которого был Декарт. Негативные последствия развитого им представления были и остаются значительными: «Картезианство разрушило баланс, который должна поддерживать истинная наука: баланс между мышлением и наблюде-

[1] Вместо того чтобы снабжать политических лидеров пониманием социально-экономической реальности, почерпнутым из непосредственных контактов с объектом исследования, экономисты поставляли им такие разрушительные идеи, как классовые антагонизмы или абсолютная эффективность рынка.

нием, дедукцией и индукцией, воображением и здравым смыслом, размышлением и действием, разумом и страстью, абстрактным мышлением и реализмом, миром внутри и миром вовне рассудка. Под воздействием картезианства, вторые элементы в названных парах были пожертвованы первым <...>. Декартовские размышления относительно познания открыли эру аксиоматического, аисторического, дедуктивного мышления» [Mini, 1994, c. 39]. Картезианский дуализм с его разделением знания и действия, объекта и субъекта, факта и оценки, теории и практики служит методологическим основанием неоклассического экономикс [Bush, 1993, c. 65], да и большинству неортодоксальных направлений экономической науки. Первое, что нужно сделать экономистам, чтобы получить возможность продуктивно исследовать действительность, это отбросить картезианский дуализм.

Такое отбрасывание тесно связано с отбрасыванием многих ложных дихотомий. Коперниковская революция, с которой обычно связывают начало Нового времени, произошла именно благодаря одному такому отбрасованию. Обосновав и развив идею Коперника о гелиоцентрической системе, Галилей по существу отбросил дихотомию земля–небо, используя понятие пространство. А поскольку наука для изучения пространства уже существовала (геометрия), то его теория стала математической. Однако порождением Нового времени является также такие ложные дихотомии как рационализм–эмпиризм и материализм–идеализм. Обычно «измы» в каждую эпоху несут на себе определенную ценностную окраску, разделяемую членами определенных научных сообществ. Так, в настоящее время сообщества экономистов скорее положительно относятся к рационализму и, возможно, к материализму, но отрицательно к эмпиризму и идеализму. При этом соответствующие термины часто используются уже не как обозначения достаточно сложных доктрин, а как ярлыки, навешиваемые по тем или иным причинам научным противникам. Элементами традиционного (нововременного) представления о научном исследовании являются *объект исследования, исследователь* и *идеи и* (*или*) *теории* (рис. 2).

Эмпиризм рассматривал связи между этими элементами в таком порядке: «объект исследования» → «исследователь» → «идеи и (или) теории». Рационализм связывал эти элементы в другом порядке: «исследователь» → «идеи и (или) теории» → «объект исследования». Контовский позитивизм колебался между этими двумя видениями научного исследования, что позволило Дж. С. Миллю настаивать на том, что экономическая наука должна основываться на априорном методе. Ну, а идеализм видел последовательность элементов по-сво-

ему: «идеи и (или) теории» → «объект исследования» → «исследователь». Материализм поворачивал направление стрелок в противоположном направлении.

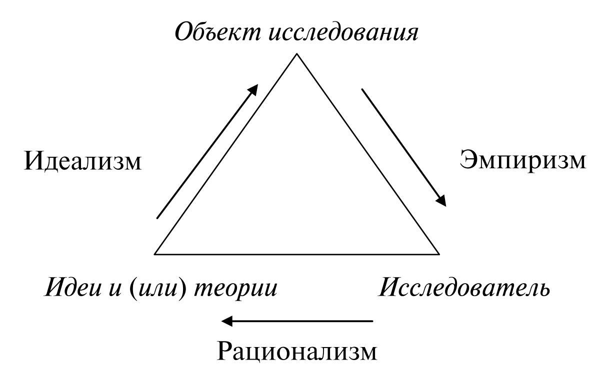

Рис. 2. Традиционное представление о научном исследовании

Несмотря на эти отличия, все «измы» по существу апеллировали к одному и тому же представлению Нового времени о научном исследовании, изображенном на рис. 2. Для него характерно также использование метафор «закон», «механизм» и «организм». Первая метафора имеет явно религиозное («Закон Божий») и политическое («абсолютизм», «самодержавие») происхождение. Именно эта метафора, наряду с понятием «причина», сбила мощный потенциал позитивизма. Классическая физика активно апеллировала к механицизму. И наконец, последней, но, по-видимому, одной из самых важных черт нововременной схемы научного исследования является ее индивидуализм: исследователь в данной схеме был *одинок* в поиске *истины как копии реальности*. Именно это нововременное представление о научном исследовании и лежит в основе так называемого научного метода [Gower, 1997; Сачков, 2003; Светлов, 2008; Коэн, Нагель, 2010], который чаще всего представляется в виде гипотетико-дедуктивного метода.

Чарльз Пирс со своим прагматизмом пробил *первую брешь* в ставшем традиционным нововременном представлении о научном исследовании. В первой главе обращалось внимание на его мысль о том, что в процессе исследования какая-то внешняя и чуждая независимым друг от друга исследователям сила приводит их к одному и тому же заключению. Что же это за внешняя и чуждая исследователям сила, которая приводит их к одному и тому же заключению? Сейчас вместе с Брюно Латуром [Латур, 2006, а] можно сказать, что

это сила сопротивления объекта исследования, и ее, в принципе, неизбежно *одинаково* ощущают все члены научного сообщества, вовлеченного в экспериментальное взаимодействие с ним. Именно одинаковость этого сопротивления и ведет исследователей к общему соглашению. А сопротивляется объект тому, что о нем утверждают члены сообщества исследователей. Утверждают они это с помощью определенных понятий, и Пирс, по существу, имеет в виду сопротивление (хотя и не использует само это слово), говоря, что «он сформулировал теорию («прагматизм») о том, что *понятие* (*conception*), то есть рациональный смысл (*rational purport*) того или иного слова или выражения, состоит исключительно в его возможном отношении к жизненному поведению (*conduct of life*)» [Пирс, 2000, a, c. 298; 2000, b, c. 156])[1].

Далее, решающий вклад в разрушение нововременного представления о научном исследовании внесли Т. Кун пониманием научных революций [Кун, 2002] и П. Фейербенд своим выступлением *против отождествления научности с особым научным методом*, то есть с совокупностью правил, управляющих деятельностью науки: «Процедура, осуществляемая с соответствующими правилами, является научной; процедура, нарушающая эти правила, ненаучна» [Фейербенд, 2007, с. 18]. Наконец, социальный конструктивизм[2] [Бергер, Лукман, 1995] предоставил тот строительный материал, с помощью которого можно было уже построить новое, значительно более реалистичное, чем традиционное (нововременное), представление о научном исследовании. Безусловно, большую роль в определении очертаний нового представления о научном исследовании сыграли саморефлексии таких выдающихся исследователей, как Нильс Бор и его ученик Вернер Гейзенберг[3].

---

[1] Перевод исправлен мною по изданию [Peirce, 1998, c. 332].

[2] О различных формах конструктивизма см.: [Улановский, 2009].

[3] По существу Гейзенберг пришел к идее конструктивизма, утверждая, что «науку делают люди», к мысли о социальном характере научной деятельности, говоря, что «естественные науки опираются на эксперименты, они приходят к своим результатам в беседах людей, занимающимися ими и совещающихся между собой об истолковании экспериментов» [Гейзенберг, 2006, с. 277]. Именно Бор и Гейзенберг развенчали нововременную догму о том, что присутствие исследователя не должно влиять на результаты эксперимента: «Мы не можем вести наблюдения, не внося помеху в наблюдаемый феномен, и влияние квантовых эффектов на инструменты наблюдения само по себе вызывает неопределенность в наблюдаемом феномене <…>. Но не следует здесь видеть нарушение феномена наблюдением; лучше говорить о невозможности объективизировать результат наблюдения так, как это происходит в классической физике» [Гейзенберг, 2006, с. 379–380].

Можно сказать, что все уже было готово для того, чтобы предложить в явном виде новую схему научного исследования, которая, в отличие от традиционной, действительно отражала бы научно-исследовательские практики. Однако этого не произошло до тех пор, пока научными практиками не стали серьезно заниматься *антропологи*. Первыми из них были Брюно Латур и Стив Вулгар [Моркина, 2010] и Карин Кнорр-Цетина [Knorr-Cetina, 1981]. Философ по базовому образованию, Брюно Латур внес большой вклад в понимание функционирования естественных наук не столько как философ, читающий книжки и предлагающий свои абстрактные построения на базе априорного метода, а как антрополог и историк. В течение двух лет Брюно Латур и его соавтор Стив Вулгар изучали деятельность лаборатории нейроэндокринологии в одном из калифорнийских научно-исследовательских институтов[1]. Результаты этой работы отражены в книге Латура и Вулгара «*Laboratory Life. The Social Construction of Scientific Facts*» («Лабораторная жизнь. Социальное конструирование научных фактов»)[2] [Latour, Woolgar, 1979]. В этой книге Латур и его соавтор показали, что *субъективность научной деятельности не меняет объективный характер ее результатов*. Именно в этом, на мой взгляд, и состоит основная заслуга Латура как методолога науки. Затем уже как историк Латур провел историческое исследование открытия Луи Пастером микробов. Изучая работу Пастера и его учеников в 1870–1914 годах, Латур показывает, как в этот период бактериология и французское общество преобразовывались вместе [Latour, 2001].

На рис. 3 я предлагаю схему[3] научного исследования, основанную на социальном конструктивизме, которая подытоживает то, к чему пришли немало методологов науки. Конструктивистское представление о научном исследовании не имеет ничего общего с тем традиционным представлением о нем, которое было показано на рис. 1. Исследования Латура, равно как и других специалистов в «Science Studies» [Pestre, 2006], показывают, что реальные практики экспериментальной науки не следуют сейчас и *не следовали никогда в прошлом*

---

[1] Эту лабораторию Латур выбрал прежде всего потому, что ей руководил американец французского происхождения, да к тому же уроженец той же французской провинции, что и сам Латур. Однако такой «ненаучный» выбор оказался очень успешным: руководитель лаборатории Роже Гиймен получил Нобелевскую премию по медицине 1978 году.

[2] В издании 1986 года Латур убрал в подзаголовке книги «Социальное конструирование научных фактов» слово «социальное», а во французском издании был заменен и сам подзаголовок на «Производство научных фактов» [Latour , 2005, a].

[3] Первоначально эта схема была представлена в [Ефимов, 2011, a].

традиционной нововременной схеме. В этом смысле «мы никогда не были нововременными» («*Nous n'avons jamais été modernes*») [Latour, 1997], или, что менее коряво по-русски: «Нового времени не было»[1], то есть не было для научных практик. Это представление позволяет полностью поменять дискурс относительно науки и научного исследования, поворачивая его в сторону «как оно есть» от «как должно быть» моральной философии [Leroux, Livet, 2006]. Ведь именно *реальная* наука, как она была в прошлом, начиная с Галилея с его телескопом, и как она есть сейчас, в частности в *Европейском центре ядерных исследований в Женеве* с его Большим адронным коллайдером, обеспечила нам то, что обычно называют плодами научно-технического прогресса.

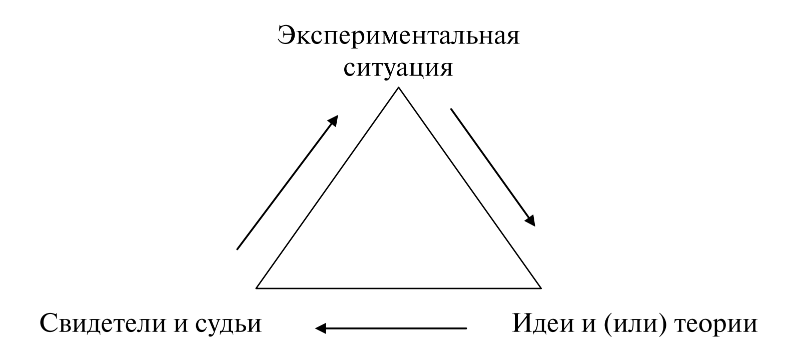

Рис. 3. Конструктивистское представление о научном исследовании

Конструктивистское представление о научном исследовании (см. рис. 3) отбрасывает все дихотомии, «измы» и метафоры, сопровождавшие традиционное представление. В нем объект исследования не отделен от исследователя, как это имело место в нововременной схеме, а образует вместе с исследователем и его «инструментами» *экспериментальную ситуацию*. Идеи и теории, генерируемые такой ситуацией, оцениваются определенным сообществом, в составе которого условно можно выделить свидетелей и судей. Разница между первыми и вторыми состоит в том, что свидетели только высказывают свое мнение относительно идей и (или) теорий, а судьи, кроме этого, опираясь, возможно, на мнение свидетелей, принимают решения, которые оказывают самое непо-

[1] Именно такое название — «Нового времени не было» — получила одна из центральных методологических книг Латура при издании на русском языке [Латур, 2006, b].

средственное влияние на судьбу как идеи и (или) теории, так и будущего экспериментальной ситуации. Большая часть членов научного сообщества поставляет только свидетелей; ими могут быть также представители некоторых сегментов общества, так или иначе затронутых порождаемыми идеями и (или) теориями. Среди судей присутствуют не только обличенные властью члены научного сообщества, но и лица, не принадлежащие к этому сообществу, но обладающие властью по отношению к нему.

Конструктивисткая схема ни в коей мере не является воплощением релятивизма. Институционально закрепленная черта естествознания, о которой уже говорилось выше, а именно латуровское понимание научной объективности, связанное с сопротивляемостью объекта исследования исследователю, не оставляет релятивизму места. Несколько видоизменяя фразу, предложенную О.В. Хархординым, редактором перевода книги «Нового времени не было», для характеристики этого центрального латуровского положения, можно сказать, что *основное свойство объекта исследования — это отметать фантазии ученых о нем.* Вот что по этому поводу применительно к общественным наукам пишет сам Латур: «К сожалению, несмотря на то, что эти вездеходы “научной методологии” делают обществоведов внешне похожими на настоящих ученых, они оказываются фальшивой и дешевой имитацией, как только мы возвращаемся к нашему определению объективности как способности объекта достойно противостоять тому, что о нем сказано. Если мы потеряем эту способность объекта влиять на научный результат (чем гордятся сторонники количественных методов), мы потеряем и саму объективность» [Латур, 2006, а, с. 353].

Предложенная выше мысль о смене традиционного представления о научном исследовании на конструктивистское созвучна идеям академика В.С. Степина о периодизации развития науки как науки классической, неклассической и постнеклассической [Степин, 2003; 2009, а]. В своей работе [Степин, 2009, b] академик, основываясь на конструктивизме, объясняет смену научных онтологий. *Классическое* естествознание, по его мнению, основано на идеях механицизма, изучаемые им объекты состоят из небольшого числа элементов, и свойства объекта в целом выводятся из свойств составляющих его элементов. Отделение объекта исследования от исследователя (познающего разума) рассматривается как абсолютно необходимое условие получения достоверного объективного знания. Легко заметить, что классическое естествознание достаточно легко «вкладывается» в традиционную нововременную схему научного исследования. Такое

«вкладывание» становится невозможным для *неклассического* естествознания, которое начинается в конце XIX века и заканчивается в середине XX века. В этот период возникают и развиваются теория относительности, квантовая механика, генетика, кибернетика и теория систем. При этом происходит отказ от идеала единственно истинной теории, допускается истинность нескольких конкурирующих теорий относительно одного и тоже объекта. Проведение четкого водораздела между объектом и субъектом исследования размывается, и принимаются такие типы объяснения и описания, которые содержат ссылки на средства и операции познавательной деятельности. Объектами исследования становятся сложные многоэлементные системы с уровневой организацией, массовым стохастическим взаимодействием между элементами, с управляющим уровнем и обратными связями, что обеспечивает целостность системы. Свойства систем не сводятся к свойствам ее элементов. Претерпевает изменение и понятие причины. В последней трети XX века начинается период *постнеклассической науки*. Этот период определяют комплексные исследовательские программы междисциплинарного типа. Происходит сращивание теоретических и экспериментальных исследований, прикладных и фундаментальных знаний [Степин, 2003]. Необходимость приведения методологического дискурса относительно науки в соответствие с этими исследовательскими реалиями делает неизбежной принятие конструктивистского представления о научном исследовании отраженного на рис. 3.

Методологию науки, основанную на традиционном представлении о ней, можно назвать классической, так как, с одной стороны, противоречие между этим методологическим дискурсом и исследовательской практикой классического естествознания не очень бросается в глаза, а, с другой стороны, соответствующая традиционному представлению о научном исследовании философия науки обычно именуется классической [Пржиленский, 2005]. Постнеклассическая наука хорошо «вкладывается» в конструктивистское представление о научном исследовании, и методологию, связанную с этим представлением можно было бы назвать постнеклассической. Такие экономисты прошлого как Дж. С. Миль [Миль, 2011 (1843)], У.С. Джевонс [Jevons, 1958 (1873)] и Дж. М. Кейнс [Keynes, 2006 (1920)] внесли свой вклад в развитие классической методологии. Современная западная методология экономикс[1] по-прежнему опирается на класси-

[1] См.: [Caldwell, 1982; Hausman, 1992; DeMarchi, 1992; Mäki, Gustafsson, Knudsen, 1993; Backhouse, 1994; 1998; Hands, 2001; Dow, 2002; Mäki, 2002; Блауг, 2004; Boumans, Davis, 2010].

ческую методологию науки, последним крупным представителем которой был Карл Поппер. В настоящее время можно считать доказанным, что картезианизм классической философия науки, выражающийся в дуализме, метафоре закона и сведении научного мышления к логике (дедуктивной и индуктивной), проистекает из средневековой философской мысли, тесно связанной с теологией [Gilson, 1930; Secada, 2000; Gillespie, 2008]. Экономическая наука возникла первоначально в форме политической экономии, являющейся продолжением моральной и политической философии. Также, как и классическая философия науки, политическая экономия, начиная с Адама Смита, имеет свои теологические родимые пятна [Waterman, 2004]. Эта общность идейных истоков классической философии науки и институционализированной в настоящее время экономической науки объясняет тот факт, что экономическая методология была и, на мой взгляд, во многом остается попперианской [Mäki, 1993, с. 5].

Вот как характеризует философское наследие Карла Поппера один из виднейших философов конструктивистского направления Ром Харре: «Он [Поппер. — В. Е.) являлся последним из великих логиков, который в наиболее систематичном, последовательном и безжалостном виде продвигал логическую программу философского исследования. Провал попперовских проектов драматическим образом показывает нам ограниченность рационалистического идеала, когда он разрабатывается в терминах логики. Я думаю, что человеческие существа используют рациональные процедуры, но они должны быть поняты по отношению к значительно более богатым формам мысли и языка, чем может быть схвачено в формах традиционной логики истины и лжи» [Harré, 1994]. Конструктивистская постнеклассическая методология экономической науки[1] должна сконцентрировать свое внимание не на процедурах построения теорий и способах их верификации или фальсификации, но на *способах организации экспериментальных ситуаций*, в которых объект и субъект исследования не отделены друг от друга, а активно взаимодействуют. В вышеприведенном высказывании Рома Харре, являющегося сторонником философии позднего Витгенштейна, недаром упоминается язык. Активное взаимодействие в экспериментальной ситуации между объектом исследования и исследователем должны протекать на языке объекта исследования, а не на языке исследователя. Конструктивистская постнеклассическая методология экономической

[1] Эта методология погружает экономическую науку в *конструктивистскую парадигму*, которая уже активно развивается в психологии, социологии [Улановский, 2010] и политологии [Abdelal, 2009].

науки основывается на витгенштейнианском положении о проистекании социально-экономических регулярностей из того факта, что люди ведут себя в соответствии с определенными социально сконструированными правилами, которые объясняются, обосновываются и запоминаются с помощью рассказывания себе и другим некоторых историй. Если это положение принимается, то мы должны согласиться также и с тем, что для выявления социально-экономических регулярностей следует осваивать и анализировать эти истории. Организация экспериментальных ситуаций в соответствии с этой методологией обеспечит доступ исследователя к этим историям.

Несмотря на многочисленные разногласия, существующие между сторонниками мейнстрима и гетеродоксами, представители обеих сторон свято верят в одну и ту же догму: «Теория — это способ, которым мы воспринимаем (*perceive*) "факт", и мы не можем воспринимать (*perceive*) "факты" без теории» [Фридмен[1], 1994][2]. Вполне понятно, что вера в эту догму обладает необыкновенно легитимирующей способностью для экономистов-теоретиков, у которых нет вкуса, да и желания изучать реальность. В соответствии с этой догмой, без них, то есть без теорий, которые призваны создавать и совершенствовать теоретики, никакое эмпирическое исследование вообще невозможно, откуда проистекает, как они верят, их решающая роль для развития науки.

Эта вера проявляет привычку к традиционному представлению о научном исследовании в социальных науках, где в паре наблюдаемый — наблюдатель (объект исследования и исследователь) только наблюдатель является пользователем языка и применяет его к объекту наблюдения. Сам же наблюдаемый объект видится как нечто языком не обладающее, или, по крайней мере, наличие у него некоторого языка мыслится как не имеющее никакого значения для исследования. Язык исследователя, применяемый к исследуемому объекту, рассматривается как хороший, если он правильно отражает (изображает, описывает, «фотографирует») состояния объективного мира [Kitching, Pleasants, 2002, с. 3]. По Витгенштейну [Wittgenstein, 2009], а к нему можно присоединить Льва Выготского [Выгодский, 2004], и, возможно, Михаила Бахтина [Бахтин, 2003], практически любые человеческие взаимодействия опосредуются языком. В дис-

[1] Ссылка сделана на источник 1994 года, когда конвенции по поводу написания фамилии *Friedman*, которая сейчас транслитерируется как Фридман, еще не было.

[2] Такая методология приводит к тому, что исследователь остается слеп ко всему, что не вмещается в его теоретическую схему, и, таким образом, путь к пониманию исследователем чего-то совершенно нового остается отрезанным.

курсах акторов всегда присутствует их восприятие своего окружения, в соответствии с которым они себя и ведут. Игнорирование этого языка и человеческих дискурсов на его основе (что и делают экономисты) лишает исследователей возможности узнать восприятия акторами различных ситуаций, связанных с изучаемым явлением, и тем самым делает недостижимым понимание и прогнозирование изучаемых явлений.

Экономисты-теоретики, в том числе и многие из тех, кто сейчас причисляет себя к институционалистам, видят как одно из весомых оправданий своей деятельности необходимость для эмпирического изучения действительности некоторых заранее (априори) разработанных моделей и теорий. Израильско-американский экономист Ариэль Рубинштейн выделяется среди членов сообщества академических экономистов своим отношением к этой поголовно разделяемой догме, озвученной Милтоном Фридманом. Рубинштейн пишет по этому поводу: «Неужели для того, чтобы отыскивать эмпирические взаимосвязи или тенденции, нам действительно так уж нужна экономическая теория? Не лучше ли было бы двигаться в противоположном направлении, наблюдая реальный мир, пользуясь эмпирическими и экспериментальными данными, чтобы отыскать неожиданные взаимосвязи? Лично я сомневаюсь, что для их отыскания нам нужны заранее разработанные теории» [Рубинштейн, 2008, с. 71]. Для того чтобы начать эмпирическое исследование какого-либо явления, экономист должен вооружиться не какой-то экономической теорией, а определенным подходом к его изучению. В рамках такого подхода даются ответы на следующие вопросы: 1) что нужно исследовать, где нужно исследовать и что искать при исследовании, то есть как превратить объект исследования в предмет исследования; 2) как нужно исследовать, то есть какого типа методы использовать; 3) как оформить результаты исследования, то есть описывать ли выявленные законы и (или) причинно-следственные связи или предоставлять читателю интерпретацию дискурсов акторов с описанием обнаруженных смыслов, которые акторы вкладывают в свои действия, и правил их поведения в соответствии с этими смыслами. Тот или иной подход, явно или неявно, всегда связан с какими-то философскими позициями исследователя, например, с картезианством, позитивизмом, прагматизмом, герменевтикой, конструктивизмом и т.д.

Подводя итоги, хотелось бы подчеркнуть, что в соответствии с постнеклассической методологией экономическая наука должна поставлять обществу знания о социально-экономических процессах,

основывающиеся на их постоянном мониторинге; собираемая при этом информация в значительной степени является качественной, а не количественной. Сформулированные понятия и теории будут неизбежно верны только для изучаемого места и только для определенного отрезка времени. Это происходит оттого, что *источниками социально-политико-экономических закономерностей-регулярностей* (от франц. *les régularités*) являются правила (франц. *les régles*; *корень тот же*, что и в *les régularités*), которым следуют акторы, а эти правила могут быть неодинаковы в разных национальных и других сообществах и способны достаточно быстро меняться (особенно периферийные). Социально-политико-экономические закономерности бывают ни детерминированными, ни вероятностными, а только — если можно так выразиться — сценарными, так как поведение акторов не полностью определяется правилами, и проявления воли акторов играет в этих процессах важную роль. Действующие сейчас экономисты работают совсем по-другому.

МЕЙНСТРИМ

Я подозреваю, что обычно члены сообществ академических экономистов всерьез не очень-то задаются вопросом о социальной полезности своей деятельности, однако, бывают и исключения. С этой точки зрения представляет большой интерес статья-исповедь уже упоминавшегося выше израильско-американского профессора экономики Ариэля Рубинштейна [Рубинштейн, 2008]). Сразу стоит заметить, что автор не является каким-то протестующим маргиналом; это очень уважаемый международным сообществом экономистов ученый, автор нескольких учебников и монографий, бывший президент Эконометрического общества. Да и статья, о которой идет речь, есть не что иное, как переработанная версия его президентского доклада этому обществу в 2004 году. В статье он задает вопрос: «Ради чего работают экономисты-теоретики?» И сам же на него отвечает: «По сути дела, мы играем в игрушки, которые называются моделями. Мы можем позволить себе такую роскошь — оставаться детьми на протяжении всей нашей профессиональной жизни и даже неплохо зарабатывать при этом. Мы назвали себя экономистами, и публика наивно полагает, что мы повышаем эффективность экономики, способствуем более высоким темпам экономического роста или предотвращаем экономические катастрофы. Разумеется, можно оправдать такой

имидж, воспроизводя некоторые из громко звучащих лозунгов, которые повторяются из раза в раз в наших грантовых заявках, но верим ли мы в эти лозунги?» [Рубинштейн, 2008, с. 62]. Откровенность автора действительно не знает границ, и статья-исповедь полна всевозможных саморазоблачений: «Я считаю, что как экономисту-теоретику мне почти нечего сказать о реальном мире и что лишь очень немногие модели в экономической теории могут использоваться для серьезных консультаций <...>. Как экономисты-теоретики мы организуем наше мышление с помощью того, что мы называем моделями. Слово “модель” звучит научнее, чем “басня” или “сказка”, хотя большой разницы между ними я не вижу <...>. Да, я действительно полагаю, что мы просто баснописцы, но разве это не чудесно?» [Рубинштейн, 2008, с. 79–80]. Рубинштейн пишет примерно о том же, о чем более 30 лет тому назад говорил Василий Леонтьев в своем президентском докладе Американской экономической ассоциации (American Economic Association, AEA), характеризуя эту «модельно-басенную» ситуацию в экономической науке того времени, как скандальную и бесчестную [Леонтьев, 1972, с. 102–103]. Единственная разница состоит в том, что в начале 1970-х годов Леонтьев считал эту ситуацию ненормальной и призывал ее изменить, а Рубинштейн, через 30 лет, принадлежа уже к другому поколению академических экономистов, отобранных и воспитанных в соответствии с этой модельно-басенной парадигмой, судя по всему, считает эту ситуацию вполне приемлемой. Вряд ли можно себе представить, чтобы такие физики-теоретики как Вернер Гейзенберг, Нильс Бор или Альберт Эйнштейн вдруг объявили, что им «почти нечего сказать о реальном мире».

Далее Рубинштейн, являющийся преподавателем микроэкономики, фактически признает идеологический характер современной экономической науки: «Я часть “машины”, которая, как я подозреваю, влияет на студентов и вырабатывает в них такой образ мыслей, который мне самому не очень-то и нравится» [Рубинштейн 2008: 75]. И несмотря на то, что исповедующемуся экономисту-теоретику «почти нечего сказать о реальном мире», он признает, что его «экономическая теория обладает реальным воздействием»: «Я не могу игнорировать тот факт, что наша работа в качестве преподавателей и исследователей влияет на умы студентов, причем так, что мне это, повторю, не очень нравится» [Рубинштейн, 2008, с. 79]. По-видимому, сам факт появления этой исповеди связан именно с тем, что преподаваемая

профессором Рубинштейном в качестве «теолога» «религия»[1] ему не очень нравится. Судя по всему, у большей части сообщества академических экономистов этой проблемы не возникает.

Примером современного стандартного дискурса среди экономистов относительно того, что есть наука, может служить ответ группы профессоров экономики французских университетов на протест студентов-экономистов против учебных планов и программ, которые погружают их в «вымышленные миры» и призыв выйти из этих миров. Вот отрывок из ответа профессоров студентам опубликованного 31 октября 2000 года в газете *Le Monde*: «Этот призыв обладает заслугой поднять подлинную проблему, а именно проблему научного подхода в экономике. Однако он рассматривает ее упрощенно, оспаривая использование (инструментальное) математики и сводится к предвзятым атакам против центральных элементов нашей дисциплины, а именно против так называемых «неоклассических» теорий. Такая постановка вопроса нам кажется спорной, по крайней мере, в том, что она способствует снятию с экономики ее научного характера. Нам кажется действительно важным, чтобы экономика сохраняла метод соответствующий традиционному научному подходу, который может быть описан в виде последовательности следующих трех этапов рассуждений:

– идентификация и точное определение понятий и свойств, которые характеризуют экономическую деятельность (потребление, производство, капиталовложения...) и формулирование базовых гипотез относительно этих свойств;

---

[1] Насколько современная западная экономическая наука близка теологии по своей методологии и по своему духу? Вот что пишет об этом профессор экономики Мэрилендского университета Роберт Нельсон в начале своей книги, посвященной развернутому рассмотрению этого вопроса: «Экономисты думают о себе, как об ученых, но я буду оспаривать это в книге, ибо они скорее теологи. Самые близкие предшественники нынешних академических экономистов не ученые такие, как Альберт Эйнштейн или Исаак Ньютон; правильнее было бы сказать, что мы, экономисты, являемся в действительности наследниками Фомы Аквинского и Мартина Лютера» [Nelson, 2001, XV]. По его мнению, члены сообщества академических экономистов выполняют традиционную роль священнослужителей. Автор книги считает, что мощная религия, которую они проповедуют, представляет собой светскую (мирскую) религию, или, правильнее сказать, некоторое множество светских религий развитых в теориях ведущих экономических школ современности. «Под видом формального экономического теоретизирования экономисты читают некоторые религиозные проповеди-откровения. Правильно понятые, эти проповеди-откровения есть не что иное, как обещания истинного пути к спасению в мире — пути к новому Царствию Небесному на земле» [Nelson, 2001, с. X–XXI].

– формулирование теорий, которые представляют собой формализацию функциональных связей между предварительно идентифицированными элементами;

– проверка (верификация) этих теорий путем эксперимента. Если не доказано обратное, в экономике такой эксперимент *не может быть построен никак иначе* (выделено мною — В. Е.), как путем сопоставления с количественно выраженной историей на основе статистики и эконометрики».

По существу тот же самый дискурс ведут и сторонники Новой институциональной экономической теории (см., например, [Ménard, 2001] и [Шаститко, 2003, с. 35]). Третий выше отмеченный этап в реальных исследованиях экономистами очень часто опускается. В соответствии с вышеприведенным пониманием научного подхода, экономическая наука может считаться наукой только в том случае, если она разрабатывает систему понятий, которые представляются в количественном виде в качестве переменных и параметров математических моделей.

ГЕТЕРОДОКСЫ

Для тех членов сообщества экономистов, которые не используют математические и статистические методы, понимание научного подхода сводится в значительной степени также к дедуктивной манипуляции абстрактными понятиями, но осуществляемой в соответствии с определенными правилами. В качестве примера попытки оправдания метафизически-абстрактного состояния экономической науки в ее неортодоксальном варианте приведем методологическую концепцию Жака Сапира, которую он называет процессуальным [Сапир, 2001, с. 21] или методологическим реализмом [Sapir, 2005, с. 11]. Прежде всего Сапир уверен, что «если для экономиста научным является только то утверждение, которое можно проверить, то ему редко когда удается высказать какое-либо научное утверждение» [Сапир, 2001, с. 19]. Мой собственный исследовательский опыт говорит не в пользу этой уверенности. Мои «утверждения» относительно институциональных процессов в российском селе [Yefimov, 2003] основанные на многолетних «полевых» исследованиях в значительной степени подтверждаются исследованиями Татьяны Нефедовой ([Нефедова, 2003], [Нефедова и Пэллот, 2006]). В своем понимании реализма Сапир апеллирует не к экспериментальному контакту с реальностью, а к правилам исследовательской процедуры. Именно следование

определенной исследовательской процедуре, по его мнению, может обеспечить научность деятельности академических экономистов.

Проводя в течение многих лет «полевые исследования» деятельности ученых-естественников, Кнор Цетина показала, что в реальной исследовательской практике процедуры могут существенно варьироваться, например в физике высоких энергий и молекулярной биологии, образуя разные «эпистемические культуры», а научность связана именно с проверяемостью результатов исследования, которые оперативно осуществляются членами исследовательского сообщества работающих над теми же или сходными проблемами в разных научных учреждениях, расположенных нередко в разных концах мира [Knorr Cetina, 1999]. Вместо подтверждения, основанного на опыте, Сапир вводит три обязательных правила, которые в своей совокупности он и называет методологическим реализмом [Sapir, 2005, с. 12, 13]. Первое правило состоит в необходимости разделения двух типов идеализации: игровой (ludique) и аналитической. Автор правила допускает использование идеализаций аналогичных тем, которые предлагаются в математизированной неоклассике, однако только для выявления необоснованности чего-то. Тем самым он открывает для себя возможность положительного участия в модельно-басенном дискурсе, что и составляет основное содержание его книги 2005 года. Что касается аналитической идеализации, то она «основывается на построении идеальных типов, покоящихся на предварительно собранной информации (des enquêtes préalables), представляющей собой все (la totalité) существующие в данный момент знания». «Второе правило относится к правильному выбору первичных предположений, которые представляют собой знания о свойствах и ограничениях накладываемых внешней средой. Эти знания могут быть признаны действительными на основе сбора информации, проверки источников, в некоторых случаях путем экспериментирования при стандартизированных протоколах». Третье правило диктует необходимость избегать ввода в ход рассуждений какие-либо вторичные предположения, которые бы противоречили ранее введенным и тем самым обеспечивает связность используемых предположений. Третье правило относится как к игровым, так и к аналитическим идеализациям. Эти три правила «определяют методологию в широком смысле, а именно методологию общих правил проверки/верификации». «Нарушение хотя бы одного из этих правил делает рассуждение не поддающимся проверке».

Таким образом, проверке подвергаются по методологии Жака Сапира только предположения, но никак не результаты/выводы

исследования. Это вполне согласуется с рассмотрением экономической науки как поставщика или рамок обсуждения социально-экономических проектов. Автор декларирует существенное отличие предлагаемой им исследовательской процедуры от ортодоксальной процедуры, приведенной в начале этой главы, однако, на мой взгляд, они достаточно близки, так как не включают центральный элемент проверяемости того, что исследователь утверждает относительно объекта исследования. Более того, Сапир по существу выступает против непосредственного контакта исследователя с акторами. Он считает, что представления (les représentations) не могут считаться реальностью. По его мнению «определение (la délimitation) объекта не может вытекать из непосредственного опыта актора и никакая теория не может быть «выведена» из практического опыта» [Sapir, 2005, с. 10]. Конечно, Сапир прав, когда пишет, что «всякое человеческое свидетельство является частичным», но именно на базе этих свидетельств, сопоставляя и анализируя их с другой, в том числе количественной, имеющейся у нас информацией только и можно понять явления реальной жизни. Причем знание представлений (les représentations) акторов играют важнейшую роль в таком понимании, так как «идеи имеют значение» (*ideas matter*)[1]. В целом методология Сапира созвучна с мнением Маркса, что «при анализе экономических форм невозможно пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами: то и другое должна заменить сила абстракции». Я думаю, что Жак Сапир сформулировал методологию, которой в настоящее время, в явной или неявной форме, пользуется значительная часть экономистов, не использующих математику.

В современных условиях полного господства мейнстрима, представители различных неортодоксальных направлений объединяются под лозунгом требования *плюрализма* в экономических исследова-

[1] Американский психолог Джером Брунер, стоящий у истоков когнитивной науки, выступает против игнорирования исследователями того, что люди говорят относительно того, что они делают, и вообще того, что люди говорят, так как то, что они говорят вызывает то, что они на самом деле делают (*caused them to do what they did*). «Это касается также того, что люди говорят относительно того, что делают другие и почему они так делают». [Bruner, 1990, с. 16]. Отсюда следует какую же реальность нужно изучать: «В большинстве человеческих взаимодействий «реальности» являются результатами продолжительных и замысловатых процессов построения (смыслов) и достижения договоренностей (относительно смыслов), процессов глубоко врезанных в нашу культуру»[Bruner, 1990, с. 24].

ниях и преподавании[1]. Ясно, что плюрализм автоматически не превратит экономическую науку в действительную науку, если составные части этой плюралистической науки находятся в метафизически-абстрактном или (и) теологическом состояниях. Плюрализм нужен и может быть очень полезен для понимая действительности, если составные части этого плюрализма действительно ориентированы на это понимание, что сейчас не имеет места. Поэтому я считаю, что в настоящее время этот лозунг может принести больше вреда, чем пользы, дезориентируя потенциальных сторонников перемен в экономической науке [Yefimov, 2010]. Это в полной мере относится и к интитуционализму. Первое, что нужно сделать, чтобы ситуация поменялась, это поменять дискурс относительно того, что такое наука вообще, в том числе естествознание, и что может называться экономической наукой. Среди экономистов-институционалистов, которые не являются сторонниками новой институциональной экономической теории, но, в тоже время, верят в возможность существования универсальных социальных теорий и считают необходимым и неизбежным их явное применение в любом конкретном исследовании[2], выделяется Джеффри Ходжсон, один из самых плодовитых авторов на тему институциональной экономики[3]. В методологическом плане он занимает туже позицию, что и Милтон Фридман: «Собственно на любых познанных объективных фактах лежит отпечаток предвзятой точки зрения исследователя. Факты выражаются посредством той или иной формы языка, беспонятийный и свободный от теорий язык невозможен» [Ходжсон, 2003, с. 72, 73].

О каком языке говорит здесь Ходжсон? Если это язык дискурса акторов, то он обычно свободен от языка априорной теории, с помо-

[1] К сожалению, многообещающее движение французских студентов возникшее в 2000 году против аутизма в экономической науке выродилось в настоящее время исключительно в требование плюрализма. Об этом свидетельствует содержание электронного журнала, рожденного движением помещаемого на сайте www.paecon.net, а также моя продолжительная беседа осенью 2008 года с одним из лидеров движения Жилем Раво. Я был удивлен тому, что один из авторов лозунга-требования выхода из вымышленных миров был убежденным сторонником экономической науки как совокупности социально-экономических проектов. Это приводит к смешению мечты и реальности с неизбежным при этом исчезновением экономической науки как науки, образцом для которой могло бы служить современное естествознание.

[2] Среди отечественных экономистов-институционалистов такого типа можно назвать С.Г. Кирдину. Она уверена, что «выбор и предъявление адекватной теории (теорий), используемой в качестве фундаментального обоснования при анализе и прогнозе ситуации» должен предшествовать «процессу экономической диагностики» [Кирдина, 2004, с. 190].

[3] В настоящее время он является главным редактором Журнала институциональной экономики (Journal of Institutional Economics).

щью которой исследователь, сторонник, например, новой институциональной экономической теории, и таких ее частей как теория трансакционных издержек или теория прав собственности, проводит свое исследование. Язык дискурса акторов полон теорий, но это не теории исследователя (субъекта исследования), а теории (верования) исследуемого (объекта исследования), и важнейшей задачей исследователя является выявление этих верований на основе анализа (интерпретации) дискурсов акторов, так как именно они лежат в основе правил, которым они следуют в своем поведении. В дискурсивной парадигме, ведя интервью или изучая документы, исследователь пользуется языком акторов и интерпретирует его, пытаясь понять смыслы, лежащие в их дискурсах, а не навязывает объекту исследования свой язык, как это происходит в классической парадигме. Никогда сам не проводя эмпирических институциональных исследований и используя ярлык эмпиризма, обвиняя исходный («старый») институционализм, Ходжсон попадает в ловушку классической парадигмы, говоря даже об остаточной значимости эмпирических свидетельств [Ходжсон, 2003, с. 87].

Его аргументы против методологии Шмоллера и Коммонса, которым он приклеивает ярлык эмпиризма, полны противоречий и софизмов и демонстрируют полное незнание процессов исследования реальных проблем экономики человеком живущим в мире абстракций и совершенно немотивированного и неспособного добывать и нести обществу понимание относительно этих проблем[1]. Причину «упадка» «старого» (исходного) институционализма он видит следующим образом: «Нетрудно проследить, каким образом институционализм пришел в упадок. Установив значимость институтов, рутин и привычек, он начал придавать особую ценность описаниям природы политико-экономических институтов и их функций. Конечно, такая работа важна, но она стала преобладающим и почти единственным занятием ученых-институционалистов, которые превратились в сборщиков данных. Это была ошибка преимущественно методологического и эпистемологического характера, и ее совершили многие институционалисты; исключением были сам Веблен и еще несколько ученых. Роковым заблуждением были настойчивые требования ограничиться описательным “реализмом” и собирать как

[1] Сам он посвятил себя оттачиванию определений, и прежде всего понятия института. По этому поводу уместно привести следующее высказывание Чарльза Пирса: «Машина ума может только трансформировать знание, но отнюдь не порождать его, если она не кормится данными наблюдения. <…> Анализируя определения, невозможно узнать ничего нового» [Пирс, 2000, а, с. 268, 269].

можно больше информации, либо же создавать как можно более детальные картины конкретных экономических институтов. Дело в том, что мы никогда не сможем достичь более точного и адекватного понимания экономической реальности, основываясь исключительно на наблюдениях и сборе данных. Вопреки воззрениям эмпириков наука не может развиваться без теоретической схемы, и никакие наблюдения за действительностью не свободны от теорий или конвенций» [Ходжсон, 2003, с. 53].

Джона Коммонса, наиболее последовательного сторонника дискурсивного варианта институциональной экономики, которого Ходжсон считает слабым теоретиком[1], никак нельзя назвать простым сборщиком данных. Его исследования генезиса капитализма [Коммонс, 2011] или становления трудовых отношений в США [Commons and Andrews, 1967] основанные на анализе (интерпретации) дискурсов акторов отраженных в документах или услышанных им непосредственно (интервью и слушание свидетельств о трудовых конфликтах на заседаниях комиссии созданной для их разбора) дало *понимание* этих процессов, которое в свою очередь помогло проведению ряда институциональных реформ в США начала прошлого века[2].

Аналогичные обвинения в эмпиризме Ходжсон адресует и немецкой исторической школе. В своей книге «Как экономическая теория забыла историю» [Hodgson, 2001] Ходжсон проявил свое полное непонимание методологии этой школы. Не случайно, что при многочисленных ссылках на Шмоллера в этой книге нет ссылки на его основной методологический труд первоначально опубликованный в 1893 году и в расширенном, пересмотренном варианте в 1911 году[3]. Приведем некоторые строки из этого произведения: «Немецкая наука всегда полагала, что наблюдение и описание не составляют всю науку, а являются только подготовкой к получению общих истин. Эта наука просто считала, и в этом была права, что без эмпирической базы <...> невозможны ни прочная индукция, ни надежная дедукция»; « Описания экономической истории, как и общей истории, в той части, которая касается экономики, не являются экономическими теориями, а представляют собой материалы для их построения. Конечно, чем более полно описание, чем больше происходящее

[1] Hodgson G.M. John R. Commons and the Foundations of Institutional Economics, Journal of Economic Issues, Vol. XXXVII, № 3, September, p. 547–576, 2003; Hodgson G.M. The Evolution of Institutional Economics. London and New York : Routledge, 2004.

[2] Об этом речь пойдет более подробно в последующих главах книги.

[3] Schmoller G. “Volkswirtschaft, Volkswirtschaftslehre und — Methode“ in [Schmoller, 1998, c. 215–368]. См. также русский перевод предыдущего издания [Шмоллер, 2012, а].

развитие в них объяснено, тем больше данные исторического описания могут служить для разработки теории и привести к общим истинам».

В 1897 году Шмоллер так противопоставлял свое экономическое учение классике-неоклассике и марксизму: «Учение о народном хозяйстве (Volkswirtschaftslehre) сегодня пришло к исторической и этической концепции государства и общества, которая противостоит рационализму и материализму. От чистой экономики рынка и обмена, своего рода экономики бизнеса, которая угрожала стать орудием класса собственников, она снова стала великой моральной и политической наукой, которая, кроме производства благ, изучает их распределение, кроме явлений связанных со стоимостью, изучает экономические институты, и которая ставит в центр (сердце) науки, не мир благ и капитала, а снова человека» [Schmoller, 1998, с. 202–203]. Организовав Союз за социальную политику (*Verein für Sozialpolitik*), Густав Шмоллер и его сподвижники своими исследованиями пробивали путь социальным реформам в Германии [Grimmer-Solem, 2003][1].

Итак, по отношению к немецкой исторической школе и американскому исходному институционализму были созданы мифы, о якобы их чистой описательности, практической бесполезности и неспособности произвести экономические теории[2]. Действительно это так, если под теорией понимать исключительно картезианско-ньютоновский тип теории в рамках классической парадигмы. Однако такой тип теории перестает работать для более-менее сложных систем, а все социально-экономические системы являются безусловно сложными. Освоение этих двух направлений экономической мысли затрудняется не только распространенностью ложных суждений относительно них в экономических публикациях, но также тем фактом, что философии прагматизма и конструктивизма мало кому известны, и совсем не представлены в университетских учебниках философии. В них велика еще инерция традиции диалектического материализма[3].

---

[1] Об этом более подробно в последующих главах книги.

[2] Эти мифы поддерживаются и в отечественной литературе: «Отказ лидеров исторической школы от выработки универсального экономического знания открыл путь к массовому производству нестрогого описательного знания, которое для практики оказалось не более полезным, чем абстрактные теории» [Ананьин, 2006, с. 389–390].

[3] К такому выводу, в частности, можно прийти, сравнив учебник *Алексеев П.В. и Панов А.В.* Диалектический материализм. М. : Высшая школа и учебник, 1987. *Алексеев П.В. и А.В. Панов*. Философия. М. : Издательство Проспект, Издательство Московского университета, 2015.

МАРКСИСТЫ

В своих многочисленных публикациях А.В. Бузгалин и А.И. Колганов пытаются реанимировать эту традицию для сообщества экономистов. В третьем издании своей книги «Глобальный капитал» [Бузгалин и Колганов, 2014, a; 2014, b] они прямо выступают против прагматизма, помещая его в одну корзину с позитивизмом, при этом показывая в явном виде отсутствие какого-то ни было хотя бы даже приблизительного знакомства с философией прагматизма. Вот несколько строк из данной книги, которые свидетельствуют об этом: «В общественных науках, особенно в близкой авторам экономической теории, позитивизм оказался вытеснен близким к нему прагматизмом (известным прежде всего по работам Пирса), который поставил во главу угла возможность практической реализации результатов исследовательской деятельности, используя методологию инструментализма Дж. Дьюи» [Бузгалин и Колганов, 2014, a, с. 111]. Из первой главы моей книги читатель уже знает, что основатель философии прагматизма Чарльз Пирс (1839–1914) совсем не «ставил во главу угла возможность практической реализации результатов исследовательской деятельности», а утверждал, что единственной целью исследования является установление мнения/убеждения, которое было бы недоступно сомнению. Он придавал первостепенное значение не практической реализации результатов исследовательской деятельности, а тому, как понятие (conception) относительно определенного объекта фактически определяется понятием (conception) следствий, могущих иметь для людей практическое значение, не обязательно только в смысле пользы, но и любых других следствий ощущаемых людьми. По Пирсу «наше понятие (conception) об этих следствиях и есть полное понятие (conception) об объекте». Не Пирс «использовал методологию инструментализма Дж. Дьюи», а наоборот, Джон Дьюи (1859–1952), основываясь на идеях Пирса, развивал свой вариант философии прагматизма, который он называл инструментализмом. Или вот еще несколько строк, которые для тех, кто прочитали первую главу, не потребуют никаких пояснений для понимания того, что Бузгалин и Колганов философию прагматизма совсем не знают: «... диалектика снимает и позитивизм, и прагматизм. Для первого важна только верификация. Практика как общественно-активное изменение бытия субъектом как проблема не существует. Практика внешняя для субъекта и пассивна. Для прагматизма, напротив, существует только выгода субъекта: можно знание приспособить для своей пользы (например, получения прибыли) — оно истинно, нельзя – ложно <...> материалистическая диалектика

не отрицает проблемы использования теоретических результатов в практике, но, в отличие от прагматизма, она ставит эту проблему не как утилитарно-ограниченную, не как проблему выгоды для определенного ограниченного субъекта (отдельного предпринимателя или даже общественного класса — будь то буржуазия или пролетариат), а как проблему практики. <...> Утилитарная выгода локальных субъектов и логика деятельности «родового человека» — вот та практика, которая неизбежно различает превратные формы общественного бытия, используемые прагматизмом, и его закономерно-содержательную сторону, познаваемую и используемую субъектом исторического творчества» [Бузгалин и Колганов, 2014, а, с. 139–140]. Что касается заявления Бузгалина и Колганова относительно того, что в экономической теории позитивизм оказался вытеснен прагматизмом, то последующие главы этой моей книги покажут, что после Второй мировой войны в США произошло как раз обратное.

Бузгалин и Колганов, критикуя прагматизм, не удосужились даже поверхностно ознакомиться с трудами его основоположников Ч. Пирса и Дж. Дьюи. Однако в прошлом ряд зарубежных приверженцев диалектического материализма на основе изучения их трудов писали целые книги посвященные критике прагматизма. По крайней три из них имеются в русском переводе [Корнфорт, 1951; Лингарт, 1954; Уэллс, 1955]. Их разбор здесь не имеет смысла, так как, мне думается, что сами Бузгалин и Колганов с аргументацией этих книг вряд ли согласились бы. Я делаю этот вывод исходя из того, что в более поздней книге, которая также целиком была посвящена критике прагматизма с позиций марксизма, ее автор американец Джордж Новак так охарактеризовал писания англичанина Мориса Корнфорт и американца Гарри Уэллс: «Они судят о прагматизме назидательным образом, с точки зрения общих абстрактных принципов, удовлетворяют они или нет набору доктринерских требований. Такому стандарту он конечно не удовлетворяет и поэтому легко осуждается»[1] [Novack, 1975, с. 275]. Чех Йозеф Лингарт в своей книге «Американский прагматизм» также пошел по этому пути. Хотя нельзя сказать, что сам Джордж Новак в своей книге «Прагматизм versus марксизм» полностью избежал такого подхода к критике прагматизма, однако, очевидно, что он предпринял много усилий для того, чтобы его понять, что ему так и не удалось. В связи с этим, я думаю, здесь полезно будет разобрать небольшой кусочек его текста с тем, чтобы показать труд-

[1] "They judge it in a schoolmasterish way, from the standpoint of abstract general principles, by whether or not it fulfills a set of doctrinaire requirements. By such a standard, of course, pragmatism falls short and is easily condemned".

ности, которые возникают у человека, воспитанного на диалектическом материализме в понимании идей философии прагматизма.

Свою итоговую работу по логике опубликованную в 1938 году Джон Дьюи назвал *Logic: The Theory of Inquiry*[1] [Dewey, 1938]. Новак подмечает, что логика Дьюи основана не на теории бытия, как у Аристотеля, ни на диалектическом становлении, как у Гегеля, ни на эволюции материальной реальности, как у Маркса. Он подчеркивает, что логика у Дьюи является теорией исследования-расследования (*inquiry*), к которому люди прибегают, когда у них возникают какие-либо проблемы (when they are in trouble). Новак пишет: «Правила, процедуры и формы, которые делают операции исследования-расследования успешными, то есть позволяют справиться с сомнениями и устранить трудности, и образуют [по Дьюи] логику. <...> Теория исследования-расследования Дьюи, также как и его теория познания, является теорией действия» [Novack, 1975, c. 134]. В главе VI своей книги [Dewey, 1938, c. 101–119] Дьюи описывает схему исследования-расследования (*pattern of inquiry*). Вот структура его описания этой схемы:

I. Предшествующие исследованию-расследованию условия: Неопределенная ситуация (*The Antecedent Conditions of Inquiry: The Indeterminate Situation*).
II. Учреждение проблемы (*Institution of a Problem*).
III. Определение путей решения проблемы (*The Determination of a Problem-Solution*).
IV. Рассуждения (*Reasoning*).
V. Операционный характер фактов-смыслов (*The Operational Character of Facts-Meanings*).
VI. Здравый смысл и научное исследование-расследование (*Common Sense and Scientific Inquiry*).

[1] Я бы перевел это название так: *Логика: Теория исследования-расследования*. Именно таким мне представляется должен быть русский термин отражающий смысл, который вкладывает Дьюи в понятие *inquiry*. Google дает следующее определение этому слову: an act of asking for information и предлагает следующие русские эквиваленты: спрос, запрос, дознание, расследование, справка, вопрос, наведение справок, расспрашивание, исследование, следствие. Во французском издании этой книги слово *inquiry* переведено как *enquête*. Google дает следующее определение слову *enquête*: «Procédure administrative ou judiciaire ordonnée pour éclaircir des faits» (Упорядоченная административная или судебная процедура, направленная на выяснение фактов) и «Recherche de renseignements» (Поиск информации). Google предлагает следующие русские эквиваленты этого французского слова: исследование, анкета, сбор информации, дознание, расследование, обследование, осмотр. Хотя слово исследование и поставлено на первое место, но вряд ли здесь оно имеет смысл, который обычно вкладывается в русские тексты посвященные «научным исследованиям» (особенно в «социальных науках»). Поэтому я и решил ввести новый термин «исследование-расследование».

Новак интерпретирует первые пять элементов структуры описания этой схемы опираясь, по-видимому, на более раннюю работу Дьюи (Dewey J. How We Think. Boston: D.C. Heath, 1910). По нему, процесс начинается с ощущения нарушения равновесия между живым созданием и его окружением, которое создает трудности, порождает неопределенности и требует корректировки обычных реакций (первый шаг). На втором шаге, пишет Новак, исследователь-актор стоит перед лицом ситуации, которая требует изменения опривыченных правил поведения, для чего необходимо выяснить природу возникшей проблемы, а для этого нужно собрать данные о возникших обстоятельствах и проанализировать их. Третий элемент структуры описания схемы данные Дьюи, Новак трактует как анализ данных, который порождает идеи относительно того, в чем же состоят реальные трудности и подсказывает линии поведения, которые могли бы привести к решению. Далее, по нему, наступает фаза продумывания вывода различных гипотез предвидения возможных последствий предполагаемого плана действий (четвертый шаг). Пятый элемент дьюивской схемы трактует очень тонкий вопрос операционного характера фактов-смыслов. Новак, по-видимому, не поняв значения понятия «фактов-смыслов», рассматривает этот пятый элемент как последний шаг исследования-расследования, который интерпретируется им как, привычное для традиционных схем, экспериментальное испытание, проверку гипотез на практике. Относительно этого шага Новак пишет: «В случае если операция исследования-расследования удалась, то первоначальная неопределенная и неконтролируемая ситуация становится определенной и контролируемой. Проблема решена, по крайней мере, на данный момент времени, все двусмысленности выяснены, и деятельность может быть продолжена без помех» [Novack, 1975, с. 135]. Шестой элемент описания схемы, где Дьюи сравнивает здравый смысл и научное исследование-расследование, вообще выпадает из рассмотрения Новака. У меня здесь нет возможности дать полностью корректную интерпретацию схемы Дьюи, однако можно заметить упрощенное ее восприятие Новаком.

Вот как Джордж Новак формулирует свое недоумение по поводу этой схемы: «Целью исследования-расследования [по Дьюи] не является открытие или подтверждение истины. Ею является достижение достаточной уверенности в том, что сформулированное утверждение является наиболее оправданным при данных условиях. Это утверждение не говорит о чем-то наступающем с абсолютной необходимостью, а только с большей или меньшей вероятностью, от

которого возможно придется отказаться уже на следующем повороте событий. Для большинства философов, начиная с Платона и Аристотеля, истина является утверждением относительно вещей, как они существуют на самом деле, а ложью является обратное утверждение. Для Дьюи, истина, как оправданное утверждение, является отношением между первой стадией исследования-расследования (ситуация порождения проблемы) и заключительным этапом суждения, который избавляется от проблемы. Достигнутая вера обосновывается не причинными условиями и объективными связями, а действенностью своих последствий» [Novack, 1975, с. 136]. Новак недоумевает, что в этой схеме Дьюи не разделяет объективные и субъективные факторы в рассматриваемой ситуации. По его мнению, это может ввести в заблуждение, так как ситуация может быть неопределенной в двух различных смыслах, а именно объективно и субъективно. Ситуация, которая на самом деле является детерминированной, может показаться исследующему индивиду неопределенной. Новак не понимает, что у людей нет другой возможности объективного понимания реальности, как только через свой субъективный контакт с ней. Объективность в исследовании достигается его экспериментальным характером и социальным подтверждением результатов эксперимента. В первой главе я уже приводил слова Ч. Пирса по этому поводу: «Мнение, которому суждено стать общим соглашением исследователей, есть то, что мы имеем в виду под истиной, а объект, представленный в этом мнении, есть реальное. Вот так я бы стал объяснять реальность». Перейти от традиционного представления о научном исследовании (см. рис. 2) к конструктивистскому представлению о научном исследовании (см. рис. 3) бывает особенно сложно тем, кто никогда не занимался эмпирическими исследованиями путем прямого контакта с исследуемым объектом. Трудности Джорджа Новака в понимании прагматизма, по-видимому, отчасти этим и объясняются.

Первый том книги А.В. Бузгалина и А.И. Колганова посвящен методологии, а именно диалектической методологии. В частности, авторы в нем изложили разработанную ими «диалектику “заката” общественной системы»: «Суть этого “заката” вкратце может быть представлена как закономерное самоотрицание в рамках этой системы ее генетических основ (качества) и сущности вследствие развития внутри нее ростков новой системы. По-видимости парадоксом при этом является то, что последние вызываются к жизни потребностями самосохранения и развития прежнего строя, прогресс которого далее некоторой качественной черты невозможен вне самопродуцирования ростков новых качеств и сущностей. Эта черта — *невоз-*

можность дальнейшего прогресса системы без внесения элементов новой — и знаменует собой начало «заката» некоторого общественного образования, в частности капитализма» [Бузгалин и Колганов, 2014, а, с. 91–92]. При этом авторы опираются на следующее положение В.И. Ленина: «Империализм вырос как развитие и продолжение основных свойств капитализма вообще. Но капитализм стал капиталистическим империализмом лишь на определенной, очень высокой ступени своего развития, когда некоторые основные свойства капитализма стали превращаться в свою противоположность, когда по всей линии сложились и обнаружились черты переходной эпохи от капитализма к более высокому общественно-экономическому укладу» (*Ленин В.И.* Империализм, как высшая стадия капитализма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 385). Обязательным атрибутом в диалектических рассуждениях Ленина, а вслед за ним и наших авторов является предпосылка о существовании в будущем некого «более высоко общественно-экономического уклада», желательные черты которого и высматриваются исследователями в настоящем. Но если для классиков марксизма-ленинизма поступательное движение в сторону этого «более высоко общественно-экономического уклада» являлось поступательным (линейным), то Бузгалин и Колганов пишут о «об *усилении нелинейности развития социальных систем на нисходящей стадии эволюции*» и о том, что «*постоянные смены прогрессивных и регрессивных форм самоотрицания основ системы можно отнести к закономерностям, наиболее типичным именно для стадии* “заката”» [Бузгалин и Колганов, 2014, а, с. 93]. Итак, авторы считают своим достижением выявление «закономерностей» состоящих в отсутствии закономерностей, о которых говорили классики. Вот уж действительно диалектическая методология, используемая авторами, не знает границ для наукообразного оформления схоластических рассуждений. А.В. Бузгалин и А.И. Колганов придают этим своим «достижениям» очень большое значение: «Названные закономерности выводятся (а не постулируются) на основе анализа процесса «заката» капиталистической системы, «царства необходимости» в целом и первых попыток зарождения нового общества. Но, на наш взгляд, эти закономерности могут быть генерализованы и послужить в качестве гипотезы существования более общих закономерностей диалектики “заката”, регресса, трансформаций» [Бузгалин и Колганов, 2014, а, с. 97].

А.В. Бузгалин и А.И. Колганов утверждают, что опираются на деятельностный подход А.Н. Леонтьева, Л.С. Выготского и Э.В. Ильенкова [Бузгалин и Колганов, 2014, а, с. 521]. Мне представляется,

что если бы они действительно опирались на идеи этих замечательных советских ученых (особенно Выготского), то им пришлось бы обязательно перейти от традиционного представления о научном исследовании (см. рис. 2) к конструктивистскому представлению о научном исследовании (см. рис. 3), чего А.В. Бузгалин и А.И. Колганов, конечно, не сделали. Взять, например, следующее высказывание А.Н. Леонтьева: «Всякая цель <...> существует в некоторой предметной ситуации. Конечно, для сознания субъекта цель может выступить в абстракции от этой ситуации, но его действие не может абстрагироваться от нее. Поэтому помимо своего интенционального аспекта (что должно быть достигнуто) действие имеет и свой операционный аспект (как, каким способом это может быть достигнуто), который определяется не самой по себе целью, а объективно-предметными условиями ее достижения. Иными словами, осуществляющееся действие отвечает задаче; задача — это и есть цель, данная в определенных условиях. Поэтому действие имеет особое качество, особую его "образующую", а именно способы, какими оно осуществляется. Способы осуществления действия я называю операциями» (цитируется по [Ефимов, 1978, с. 138]). Здесь можно увидеть многие элементы прагматистско-конструктивистского видения человеческого поведения. А.М. Улановский указывает на некоторые идеи А.Н. Леонтьева, которые могут быть истолкованы как конструктивистские: «Это и постоянно подчеркиваемая А.Н. Леонтьевым идея *активности*, *пристрастности* субъекта и способа его «отражения» мира, а также центральное представление теории деятельности о том, что деятельностное существование оказывает решающее влияние на способ «отражения» мира субъектом. <...> Кроме того, А.Н. Леонтьев развил идею Л.С. Выготского о *значениях* как исторически сложившихся формах фиксации общественного опыта, через призму которых человек воспринимает мир и которые преломляют мир в сознании человека. А.Н. Леонтьев отмечал, что через овладение значениями человек усваивает определенную систему идей, некое идеологическое содержание, которое эти значения выражают. Данный тезис является центральным в теории дискурс-анализа, трактующей дискурс как систему фиксированных значений, опосредствующих восприятие явлений и несущих в себе определенную идеологию» [Улановский, 2009, с. 41–42]. По мнению В.Ф. Петренко, развитие идей А.Н. Леонтьева в 90-е годы XX века привела его школу к сближению с конструктивизмом [Петренко, 2007, с. 138].

Что касается Л.С. Выготского, то его вообще многие психологи и философы на Западе рассматривают как одного из основателей

конструктивизма. Во второй главе этой книги центральным автором, на которого я ссылался, был Ром Харре, который считает себя учеником Выготского [Van Langenhove, 2010]. В *The Cambridge Companion to Vygotsky* профессор Оксфордского университета Анн Эдуардс поместила статью под заголовком «Интересное сходство. Выготский, Мид и американский прагматизм» (*An Interesting Resemblance. Vygotsky, Mead, and American Pragmatism*). Хорошо известно, что Выготский читал и восхищался работами Уильяма Джеймса. В литературе изучалась также связь между Дьюи и Выготским, но предметом внимания Эдуардс оказалась схожесть идей Выготского и американского прагматиста Джорджа Мида. В частности, эту схожесть она обнаружила в таких дихотомиях как личность и общество, сознание и поведение, низшие и высшие психические процессы, а также метафизика и наука [Edwards, 2007]. В своей недавней работе, в которой я призываю экономистов отказаться от картезианского дуализма, я ввел понятие выготскианского конструктивизма (*Vygotskian constructivism*) [Yefimov, 2015, a; 2015, b]. Мне представляется, что изложенная в первой главе концепция конструктивистской институциональной экономики, которая отбрасывает «объективизацию» социально-экономической реальности и рассматривает ее как поток экономической деятельности совокупности ее участников (акторов), идет в русле деятельностного подхода Выготского и Леонтьева. Никакого противоречия между объективностью и субъективностью при этом подходе нет, так как, как я отмечал ранее, более влиятельные участники экономической деятельности имеют больше, чем менее влиятельные, возможностей изменить формальные правила, скорректировать неформальные правила, и убедить менее влиятельных участников в правоте новых идей и верований и правомерности новых правил. В этом смысле можно сказать, что социально-экономическая реальность субъективна. Но будучи принятыми и освоенными, эти верования и правила становятся детерминантами экономического поведения и тем самым в случае их опривычивания всеми создают объективность экономической реальности. Так как привычки воспроизводятся культурно от поколения к поколению, то резкое массовое их изменение невозможно, неизбежна инертность институциональных изменений, которая получила название зависимости от пройденного пути (*path dependence*). Напомню, что исследователь социально-экономической реальности должен, изучая дискурсы акторов, нацелить свое внимание на то, чтобы понять, как видят поток экономической деятельности различные ее участники, то есть каковы для них смыслы (значения) того, что происходит. При этом

важно также знать исторические истоки верований-убеждений и правил поведения акторов, без чего глубокое понимание этих убеждений и правил становится невозможным. А.В. Бузгалин и А.И. Колганов имеют явно совершенно другое видение социально-экономической реальности. В центре этого видения находятся так называемые «объективные общественные отношения» подчиняющиеся некоторым также объективным, то есть от людей не зависящим, «законам», которые исследователь и должен «открыть». Субъективное же понимается этими авторами как отклонение от объективного. Вот два места из рассматриваемой книги, отражающие это видение: «Как методология марксизм соединяет в себе (1) социофилософский материализм, предполагающий обращение в общественных науках к исследованию не столько субъективного индивидуального поведения, сколько объективных общественных отношений и процессов и человека как их персонификации и субъекта» [Бузгалин и Колганов, 2014, а, с. 16]; «*в условиях “заката” системы <...> ослабляется базовая объективная детерминация ее эволюции и, как следствие, возрастает роль субъектив*ного фактора, что еще более усиливает нелинейность процесса “заката”» [Там же, с. 94].

Разберем теперь взгляды третьего героя деятельностного подхода, Э.В. Ильенкова. Ниже попытаюсь показать, идеи Ильенкова соответствуют скорее схеме познания, изображенной на рис. 3, но никак не картезианской схеме, представленной на рис. 2. В своей книге «Диалектическая логика» [Ильенков, 1974] Ильенков обращается к идеям Спинозы: «Гениальность решения вопроса об отношении мышления к миру тел в пространстве вне мышления (то есть вне головы человека), сформулированного Спинозой в виде тезиса о том, что «мышление и протяженность — это не две субстанции, а лишь два атрибута одной и той же субстанции», трудно переоценить. Такое решение сразу же отбрасывает всевозможные толкования и исследования мышления по логике спиритуалистических и дуалистических конструкций. Оно только и позволяет найти действительный выход как из тупика дуализма души и тела, так и из специфического тупика гегельянщины» [Там же, с. 31]. Он использует спинозовское понятие «мыслящего тела человека» для того, чтобы ответить на вопрос «так что же такое мышление?»: «Как найти верный ответ на этот вопрос, то есть дать научное определение данному понятию, а не просто перечислить все те действия, которые мы объединяем по привычке под этим названием, — «рассуждение, волю, фантазию, и т.д.», — как сделал Декарт? Из позиции Спинозы вытекает одна совершенно четкая рекомендация: если мышление — способ действия

мыслящего тела, то для того, чтобы определить мышление, мы и должны тщательно исследовать способ действий мыслящего тела в отличие от способа действий (от способа существования и движения) тела немыслящего» [Там же, с. 32]. И отличие это состоит в том, что мыслящее тело отлично от немыслящего, приспосабливается к поведению/движению, то есть меняет свое поведение/движение, в зависимости от поведения/движения окружающих его тел (мыслящих или немыслящих)[1]. Если идеи Спинозы помогли Ильенкову отойти от картезианского дуализма, то на основе интерпретации идей Платона он по существу становится конструктивистом. Вот, что он пишет по этому поводу в своей статье «Диалектика идеального»: «"Идеи" Платона — это не просто любые состояния человеческой "души" ("психики") — это непременно *универсальные*, общезначимые образы-схемы, явно противостоящие отдельной "душе" и управляемому ею человеческому телу как обязательный для каждой "души" закон, с требованиями коего каждый индивид с детства вынужден считаться куда более осмотрительно, нежели с требованиями своего собственного единичного тела, с его мимолетными и случайными состояниями. Как бы сам Платон ни толковал далее происхождение этих безличных всеобщих прообразов-схем всех многообразно варьирующихся единичных состояний "души", *выделил* он их в особую категорию совершенно справедливо, на бесспорно-фактическом основании: все это — *всеобщие нормы той культуры*, внутри которой просыпается к сознательной жизни отдельный индивид и требования которой он вынужден усваивать как обязательный для себя закон своей собственной жизнедеятельности. Это и нормы бытовой культуры, и грамматически-синтаксические нормы языка, на котором он учится говорить, и «законы государства», в котором он родился, и нормы мышления о вещах окружающего его с детства мира и т.д. Все эти нормативные схемы он должен усваивать как некоторую, явно отличную от него самого (и от его собственного мозга, разумеется) особую "действительность", в самой себе к тому же строго организованную. Выделив явления этой особой действительности, неведомой животному и человеку в первобытноестественном состоянии, в специальную категорию, Платон и поставил перед человечеством

[1] «Кардинальное отличие способа действия мыслящего тела от способа движения любого другого тела, довольно ясно отмеченное, но не понятое Декартом и картезианцами, заключается в том, что мыслящее тело активно строит (конструирует) форму (траекторию) своего движения в пространстве сообразно с формой (с конфигурацией и положением) другого тела, согласовывая форму своего движения (своего действия) с формой этого другого тела, причем любого» [Ильенков, 1974, с. 33].

реальную и очень нелегкую проблему — проблему “природы” этих своеобразных явлений, природы мира “идей”, *идеального мира*, проблему, которая не имеет ничего общего с проблемой устройства человеческого тела, тем более устройства одного из органовэтого тела — устройства мозга» [Ильенков, 2009, с. 11]. Я думаю, что читатель легко видит здесь удивительное сходство с теми конструктивитсткими идеями Питера Бергера и Томаса Лукмана, которые были изложены в первой главе этой книги.

Продолжая опираться на Платона, Ильенков практически приходит к институционализму, говоря о совокупности социальных институтов[1], регламентирующих жизнедеятельность индивида — и в ее бытовых, и нравственных, и интеллектуальных, и эстетических проявлениях [Там же, с. 15]. Ильенков очень хорошо понял, что коллективно созданный мир духовной культуры, определяющий мышление и поведение людей, исторически складывается (конструируется) и социально фиксируется (узаконивается): «“Идеальное”, понимаемое так, конечно же, не может уже быть представлено просто как многократно повторенная индивидуальная психика, так как оно “конституируется” в особую “чувственно-сверхчувственную” реальность, в составе которой обнаруживается многое такое, чего в каждой индивидуальной психике, взятой порознь, нет и быть не может. Тем не менее, это — *мир представлений*, а не действительный (материальный) мир, как и каким он существует до, вне и независимо от человека и человечества. Это — действительный (материальный) мир, *как и каким он представлен* в исторически сложившемся и исторически изменяющемся *общественном* (*коллективном*) *сознании* людей, в “коллективном” безличном “разуме”, в исторически сложившихся формах выражения этого “разума”. В частности — в языке, в его словарном запасе, в его грамматических и синтаксических схемах связывания слов» [Там же, с. 14].

[1] Ильенков использует термин «установление», который является в данном контексте синонимом термина «институт».

ГЛАВА 4. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИСЦИПЛИНА КАК НАУКА, ФИЛОСОФИЯ, ИДЕОЛОГИЯ И УТОПИЯ

Историку экономических учений нужно четко отдавать себе отчет в том, что экономическая мысль существует в четырех лицах: наука, философия, идеология и утопия. Если под наукой понимать действительные (а не выдуманные) исследовательские практики[1], принятые в естествознании ([Латур, 2006, а], [Latour and Woolgar, 1979], [Knorr Cetina, 1981; 1999]), то в истории экономических учений можно обнаружить несколько островков науки в море философии, идеологий и утопий. Значительная часть этого «моря» состоит из того, что Густав Шмоллер более ста лет тому назад называл «индивидуалистической (Адама Смита) и социалистической (Карла Маркса) национальной экономией». Обе, по его мнению, как и философия XVIII и первой половины XIX веков, переоценивали наши возможности абстрактного познания, пытаясь «вывести из абстрактной человеческой природы полную объективную систему действующей экономики», причем сделать это «одним прыжком, без подробного изучения действительности, без опоры на психологию, без предварительного полного изучения права и экономической истории». Обе, как он считал, являются идеологиями [Schmoller, 1998, с. 191–192], которые основывались на развиваемых Смитом и Марксом философиях. Наверное Россия является страной, которая в XX веке пострадала от экономических учений как идеологий больше, чем какая бы ни было другая. В начале века, основываясь на марксовой теории эксплуатации и классовой борьбы, находящих свое обоснование в экономической теории прибавочной ценности/стоимости, большевики погрузили страну в хаос, чекистский террор по отношению к буржуазии и их «прихвостням» (интеллигенции), а также по отношению к крестьянам с их превращением в государственных крепостных.

---

[1] Создание научных теорий является составной частью исследовательских практик. Такому пониманию мешает разделение (картезианский дуализм) на теорию и практику. Напротив, необходимо четко разделять научные и философские теории. Книга Джона Коммонса «Институциональная экономика» [Commons, 1990] — это философская книга, а его книга «Правовые основания капитализма» [Коммонс, 2011] — это научное исследование. С созданием Лондонского королевского общества (1662), в естествознании наука окончательно отделилась от философии. В других областях знания этого, к сожалению, не произошло. Обо всем этом, в частности, речь пойдет далее в этой книге.

В конце века, основываясь на неолиберальной идеологии, «научным» обоснованием которой является неоклассическая экономическая теория, «реформаторы» погрузили страну в хаос, разрушение экономического и научно-технического потенциала России, бандитский террор и ограбление страны горсткой приближенных к власти олигархов.

Английский экономист Джеффри Ходжсон в своей книге «Экономика (economics) и утопия. Обучающаяся экономика (economy) не есть конец истории» [Hodgson, 1999] определяет утопию как социально-экономическую реальность, которая с одной стороны не существует, но с другой стороны существование ее объявляется кем-то желательным [Hodgson, 1999, с. 4]. Так определяемое понятие утопии не сводится только к утопическому социализму, а может быть применено к любому проекту социально-политико-экономического устройства кем-либо предложенному. Всеохватывающий, саморегулирующийся, гармоничный рынок также является утопией, в разработку которой внесли вклад большое количество экономистов, и которую французский политолог Пьер Розанваллон назвал утопическим капитализмом [Розанваллон, 2007]. Россияне на протяжении 70 лет испытывали на себе попытку реализации марксисткой коммунистической утопии и вот уже более 20 лет российская элита следует в своей деятельности канонам утопического капитализма. Граждане России в своем большинстве разочаровались как в одной, так и в другой из этих утопий.

Вышесказанное не означает вредности или бесполезности идеологий и утопий, и та и другая играют важные роли в функционировании и эволюции общества. По существу «любая система социального контроля покоится на определенной идеологической работе предназначенной легитимировать ее притязания на власть» [Ricœur, 1984, с. 57]. Утопия является необходимым дополнением идеологии, «если идеология сохраняет и поддерживает реальность, утопия по существу ставит ее под сомнение. Утопия, в этом смысле, является выражением полного потенциала группы, которая рассматривает себя подавленной в рамках существующего порядка. Утопия — это упражнение воображения думать иначе» и «ее функция всегда состоит в том, чтобы предложить альтернативное общество» [Ricœur, 1984, с. 61].

Интересно отметить, что первые экономисты занимались наукой, как исследовательской практикой для получения знаний о реальности, а не построением идеологий и утопий. Антуан де Монкретьен, назвавший свою книгу, впервые опубликованную в 1615 году, «Трак-

тат политической экономии» [Montchrestien, 1999] обычно упоминается в учебниках по истории экономических учений лишь как автор термина «политическая экономия». Содержание его трактата никогда не анализируется по-видимому потому, что не считается очень научным, так как он не содержит дедуктивно построенных теорий с соответствующими предпосылками и выводами, а описание экономики Франции начала XVII века. Если этот критерий применить к современному естествознанию, я уж не говорю про такую общественную науку как социология, то абсолютному большинству современных исследований, нужно будет отказать в статусе научности. Важнейшим элементом любого научного исследования является описание, однако в среде экономистов слово «описательность» рассматривается чуть ли не как антоним слова «научность». Как уже отмечалось в главе 2, антрополог Клиффорд Гирц ввел понятие «насыщенного описания» [Гирц, 2004], которое содержит как собранные данные, так и их анализ, так что сформированный таким образом текст дает понимание изучаемого объекта и аутсайдеру. Социолог Брюно Латур говорит, что социологическая исследовательская деятельность состоит в описаниях. По его мнению, хорошее исследование всегда связано с большим объемом описаний. При этом хорошее описание для своего понимания внешним читателем не должно требовать никаких дополнительных объяснений. По мнению Латура, сформированный исследователем в результате контактов с акторами и изучения документов текст является «функциональным эквивалентом лаборатории», «местом для испытаний, экспериментов и моделирования» [Latour, 2005, b, с. 146–149][1]. Характеристика текста, сформированного как функционального эквивалента лаборатории вполне правомерна, так как такой текст является отражением экспериментальной ситуации в которую был погружен исследователь.

ЗАРОЖДАЮЩИЙСЯ КАПИТАЛИЗМ И СТАРТ ЕГО ИССЛЕДОВАНИЙ

Во второй половине XVII века два основателя экономической науки, Уильям Петти и Пьер Буагильбер, проводили действительно научные исследования. Петти был членом и одним из основателей Лондонского королевского общества по развитию знаний о природе

[1] В нашей дисциплине текст — не рассказ, не увлекательная история. Скорее, он — функциональный эквивалент лаборатории. Это место для испытаний, экспериментов и симуляций» [Латур, 2014, с. 208–209].

(Royal Society of London for Improving Natural Knowledge) основанного в 1662 году. Именно этим обществом, председателем которого в течение многих лет был Исаак Ньютон, были заложены стандарты научных исследований в области естествознания, благодаря которым кардинальным образом изменилось материальное положение человечества. Стандарты эти состояли не в применении математики, а в организации экспериментальных ситуаций, где исследователь взаимодействовал с объектом исследования, сборе данных генерируемых в рамках этих ситуаций, разработке детальных отчетов на основании этих данных и коллективной оценке полученных результатов. Петти хорошо знал эту практику научных исследований, важнейшей чертой которых является контакт исследователя с объектом исследования. На основании такого подхода он провел детальное исследование институтов и ресурсов Ирландии[1]. Нужно сказать, что изучение деталей является важнейшей частью исследовательских практик. Книга француза Пьера Буагильбера, которая была опубликована в 1695 году, так и называлась «Le Détail de la France, la cause de la diminution de ses biens et la facilité du remède en fournissant en un mois tout l'argent dont le Roi a besoin et enrichissant tout le monde» [Boisguilbert, 1966] или по-русски «Подробное описание положения Франции, причины падения ее благосостояния и простые способы восстановления, или как за один месяц доставить королю все деньги, в которых он нуждается, и обогатить все население». Проводил он свои исследования на основе включенного наблюдения, то есть непосредственного участия в наблюдаемых процессах, занимаясь торговлей и сельским хозяйством, а также на основе бесед с участниками экономических процессов. В одном из писем Буагильбер писал, *что он «занимается изучением практики во всех ее деталях и получением знания о всех регионах королевства»* [Hecht, 1966, с. 146]. Так, «постоянно объезжая сельскую местность в поисках информации, он расспрашивал встретившихся на его пути пахарей, а в городе Руане собирал ее, беседуя с богатыми негоциантами и капиталистами» [Hecht, 1966, с. 154]. Его книгу можно вполне охарактеризовать как «насыщенное описание».

[1] Эти исследования описаны им в его книге «Политическая анатомия Ирландии» (1672) [Петти, 1940, с. 90–153]. Указывая на тот факт, что Петти был пронизан стандартами Лондонского королевского общества, российский биограф экономистов прошлого подчеркивает, что «многие его работы и напоминают «отчеты об опытах». Правило это не мешало бы, впрочем, знать и руководствоваться им также современным экономистам и представителям других общественных наук» [Аникин, 1975, с. 69].

Буагильбер первым сформулировал основное либеральное предложение в терминах экономики [Faccarello, 1999, с. 11–12]. Доктрина *laissez faire* родилась на базе объективного анализа практик раннего капитализма, которые постоянно наталкивались на многочисленные препятствия. Естественным выводом из этого анализа была необходимость устранения этих препятствий. Буагильбер не мог себе представить возможность создания полностью новой системы регулирования экономики и поэтому считал, что необходимо просто устранить любое регулирование [Faccarello, 1999, с. 91]. Полвека спустя Анн Робер Жак Тюрго в своей работе «Похвальное слово Венсану де Гурнэ» сформулировал еще раз эту же идею также на основе эмпирических исследований, правда не его самого, а своего друга: «Г. де Гурнэ считал, что всякий гражданин, который работает, заслуживает признательность общества. Он был удивлен, увидев, что гражданин не мог ни производить что-либо, ни продать, не купив на это права путем вступления в какое-нибудь объединение, и что после приобретения этого права путем больших затрат приходилось еще иногда провести целое расследование, чтобы узнать, получил ли он, вступив в то или иное объединение, право продавать или производить именно ту или иную вещь»; «Он не представлял себе, что в королевстве, под властью одного и того же государя, каждая провинция, каждый город смотрели друг на друга как на врагов, присваивали себе право запрещать работать в своих пределах французам, обозначаемым словом чужаки, противодействовать продаже и свободному провозу товаров соседней провинции и бороться таким образом во имя ничтожных интересов против общего интереса государства и прочее и прочее» [Тюрго, 1961, с. 65–67].

Монкретьен и Буагильбер не были даже включены Марком Блаугом в сто великих экономистов до Кейнса [Блауг, 2009]. Историки экономической мысли ищут в произведениях этих авторов не знания относительно экономик прошлых веков, а доктрины, которые были бы связаны с таковыми существующими в настоящее время. Так Жильбер Факарелло анализируя произведения Буагильбера интересовался исключительно его ролью автора доктрины «laisser faire» [Faccarello, 1986; 1999]. Другой автор, многие положения книги которого перекочевали в учебники истории экономической мысли, охарактеризовал Буагильбера, как автора не только «laisser faire», но и сформулировавшего идеи о связи ценности/стоимости и цены, земельной ренте, экономическом равновесии и создавшего «прототип» будущей знаменитой книги Адама Смита «Богатство народов» [Van Dyke Roberts, 1935].

В ЛОВУШКЕ НЬЮТОНОВСКОЙ МЕХАНИКИ

Важнейшие мировоззренческие стандарты, в соответствии с которыми функционирует современная экономическая дисциплина, были заложены французской школой физиократов возглавляемой Франсуа Кенэ (1694–1774). В учебнике по истории экономических учений Высшей школы экономики центральная идея, лежащая в основе этой школы, название которой происходит от греческого «физиократия», то есть власть природы, трактуется неверно. Таковой была не «идея о природной силе земли как главном богатстве народов» [Автономов, Ананьин, Макашева, 2008, с. 53], а идея о естественных (природных) законах, которые управляют как природой, так и обществом. Придворный врач французского королевского двора Франсуа Кенэ, в отличии от Буагильбера, никогда не проводил исследований путем контактов с экономическими акторами, построения его были чисто умозрительными. Приступив к написанию своих экономических трудов в возрасте старше 60 лет, он основывался при этом на своих знаниях врача относительно функционирования человеческого организма (экономика как организм: товары и деньги, как кровь в социальном организме) и на своей вере в существование универсальных экономических законов, аналогичных закону всемирного тяготения сформулированного Ньютоном.

Физиократы называли себя «экономистами» и первыми стали использовать термин «экономическая наука», которая, по их мнению, должна заниматься исследованием экономических законов сформулированных в виде количественных моделей [Dostaler, 2008–2009, с. 71][1]. Таким образом, речь у них шла об экономике как математической науке наподобие ньютоновской физики. Их важной задачей была также популяризация выражения «*laisser faire*», ведь экономический либерализм и вера в естественное функционирование экономики были всегда тесно связаны друг с другом. В своей статье «Наблюдения за естественным правом людей, объединенных в общество» Кенэ утверждал, что люди должны подчиняться физическим и моральным законам, которые являются естественными законами установленными Всевышним. Также как для успешной навигации нужно наблюдать и точно вычислять движения небесных тел, так и для наилучшего управления собой и другими необходимо следовать соответствующим естественным законам, которые состоят в поддержании естественного порядка. Нарушения естественных

[1] В своей трактовке проблематики «естественных законов» я буду следовать логике этой статьи канадского историка экономических учений Жиля Досталера.

законов являются самыми обычными и распространенными причинами физической боли. Физическую и моральную боль может вызвать также плохое использование свободы людей. Человек должен разумно использовать свою свободу, следуя справедливым и совершенным естественным законам, которые были созданы их Автором. Человек наделен разумом для того, чтобы наблюдать и познавать эти законы для наиболее выгодного для себя их использования. Важно отметить, что для Кенэ экономические законы выражают скорее материальные потоки, а не взаимодействия людей: «основа общества — жизнеобеспечение людей и только невежество может вызвать введение законов противоречащих порядку ежегодного регулярного воспроизводства и распределения богатств территории королевства» [Quesnay, 1765]. Последователь Кенэ, Пьер-Самуэль Дюпон пошел еще дальше в интерпретации идей своего учителя, утверждая, что экономическая жизнь регулируется законами такими же определенными, как и законы физики, законами, которые впервые открыл Кенэ. Для него экономическая таблица Кенэ, устанавливающая материальные и стоимостные пропорции национальной экономики, превратила экономику в точную науку, законы которой являются такими же строгими и неоспоримыми, как законы геометрии и алгебры.

У современников Кенэ, которые занимались изучением реальных экономических проблем, а не построением абстрактных схем, его идеи вызвали резкий протест. Среди них был итальянец Фердинандо Гальяни, который в своей книге «Диалоги о хлебной торговле» [Galiani, 1984], опубликованной в 1770 году, критикует физиократическую веру в свободную торговлю хлебом не столько вообще, сколько исторически, как политику, которая была неблагоразумной во Франции его времени [Блауг, 2009, с. 78]. В этой книге он подверг сокрушающей критике идею о том, что можно теоретически вывести универсальные законы, касающиеся человеческих дел и указывал на опасности вывода политических заключений из универсальных абстракций. Динамический характер и неопределенность, характерные для человеческих дел могут, как он считал, свести на нет самые замечательно сформулированные законы. Фердинандо Галиани всю свою жизнь питал нелюбовь к картезианскому рационализму — попытке выводить вечные истины, верные для всех эпох и всех мест, исключительно из силы разума и нескольких априорных постулатов. Вместо этого он делал упор на эволюционном развитии общества, из которого могут быть выведены только исторически относительные истины [Блауг, 2009, с. 77].

Другой современник Кенэ, шотландец Джеймс Стюарт, опубликовал книгу «Принципы исследования политической экономии» [Steuart, 1767], в которой также резко критиковал его идеи, вывод которых, по его мнению, был осуществлен недостаточно серьезно. При определении политической экономии Джеймс Стюарт отталкивается от исходного значения этого греческого слова: «Экономия в общем есть искусство осторожного и бережного удовлетворения нужд семьи. <...> И если экономика действует в семье, то политическая экономия — в государстве. <...> Великое искусство политической экономии состоит прежде всего в том, чтобы приспособить различные ее операции к духу, манерам, привычкам и обычаям народа, и после этого повлиять на эти обстоятельства таким образом, чтобы быть в состоянии ввести множество новых и более полезных институтов».   А вот следующую фразу из того же сочинения 1767 года было бы полезно прочитать тем, кто проводил экономические преобразования в России в 1990-е годы: «Если рассмотреть разнообразие, которое может быть найдено в различных странах, в области распределения собственности, субординации классов, одаренности народа, процедур различных форм правления, законов, климата и манер, то можно заключить, что политическая экономия в каждой стране должна быть различной, и что как бы универсальны ни верны были бы принципы, на практике они могут стать достаточно неэффективными без достаточной подготовки духа народа».

Выше я уже указывал, что то, что объединяет исследовательские практики в естествознании с теми, которые должны иметь место в социальных науках, так это необходимость контакта исследователя с объектом исследования и его реакция ощущаемая исследователем при этом контакте. Но далее эти практики расходятся. Начиная с физиократов, экономисты, кроме Буагильбера и школ Густава Шмоллера и Джона Коммонса, имели в качестве образца ньютоновскую физику. В частности применение математики основывается на видении мира как совокупности вещей или явлений, находящихся во времени и пространстве, между которыми ищутся причинно-следственные связи. Буагильбер, Шмоллер и Коммонс проводили исследования совсем по-другому. Социально-экономические регулярности, как уже отмечалось ранее в этой книге, проистекают из того факта, что члены каждого сообщества следуют в своем поведении правилам принятым в этом сообществе, которые отражаются в их дискурсах. Исследование и должно быть направлено на обнаружение этих правил.

ЛИЧНЫЙ ИНТЕРЕС ОГРАНИЧЕННЫЙ ЛИЧНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

Жан-Жак Руссо (1712–1778) был, наверное, одним из первых, кто видел социальный мир не как мир естественный, созданный Богом или нет, но как мир искусственный созданный людьми. За десять лет до публикации «Богатства народов», в своей статье «О политической экономии» [Руссо, 1969, с. 109–141] он предложил альтернативное физиократам и Смиту видение политической экономии. Многие историки экономических учений, начиная с Шумпетера, в своих трудах полностью игнорировали Руссо. Французский историк экономической мысли Анри Дэни в своем влиятельном во Франции учебнике посвятил Руссо очень короткую главу [Denis, 2008, с. 245–254] в разделе, посвященном первым конструкторам социалистической доктрины[1]. Однако последние годы Руссо все больше и больше привлекает к себе внимание историков как автор такой версии политической экономии, которая противопоставляется версии Смита [Spector, 2003; Pignol, Hurtado, 2007; Rasmussen, 2008; Hurtado, 2010; Pignol, 2012]. По моему мнению, Руссо может рассматриваться как первый институционалист. Он был осведомлен об идеях физиократов и предложил в противовес им свою «собственную концепцию экономики тесно связанную с моралью и политикой» [Spector, 2003, с. 238]. Можно выделить три пункта расхождения его версии политической экономии с политической экономией физиократов. Центральным пунктом расхождения между этими двумя версиями является то, что Руссо считал, что «гармония [в обществе] не возникает сама по себе исходя из некоторых законов природы; человеческие дела регулируются человеческими законами и только сами люди могут создавать эти законы» [Hurtado, 2010, с. 75]. Вторым основным пунктом расхождения является то, что он отказывается «основывать свою политическую философию на экономическом дискурсе своего времени и отказ этот строится на главенстве, которое он предоставляет в ней справедливости» [Ibid., с. 74]. Наконец, третьим важным пунктом Руссо в этой области является мнение, в соответствии с которым любая экономическая тема должна трактоваться и обсуждаться гражданами на политической арене, а не независимо от них философами»[2] [Ibid., с. 75].

[1] Ниже я постараюсь изложить суть социально-экономико-политических взглядов Руссо, а судить насколько они являются «социалистическими» я предоставляю самому читателю.

[2] По моему мнению, Руссо предвосхитил здесь идеи Джона Дьюи.

Все вышеуказанные пункты доктрины Руссо связаны между собой. Физиократическая доктрина, ставшая по существу доктриной существующей сейчас экономической дисциплины, предполагает, что «политический порядок должен основываться на спонтанной и естественной гармонии создаваемой экономическими деятельностями, направляемыми свободно играющими на рынке интересами. Это означает, что политическая дискуссия становится дискуссией относительно эффективности экономических политик» проводимых «экспертами способными управлять организацией коллективной жизни в соответствии с предписаниями естественного порядка, так как [следуя идеям распространяемым экономистами] только эксперты могут дать арифметический ответ на все проблемы социальной и политической философии» [Ibid., с. 79]. Руссо рассматривает этот тип политической теории как неприемлемый: «По Руссо, такая теория не только игнорирует искусственные элементы общества, но что еще важнее она исключает всякую личную ответственность. Эта идея является важнейшей в понимании неприятия им анализа физиократов. Учение физиократов содержит проект социальной организации на основе правительства, которое чтит естественный порядок. <...> В этом смысле, это учение представляется как реализация естественного права и как оправдание легального деспотизма» [Ibid., с. 79–80]. В противовес физиократам Руссо считает, что «управление богатством не может ограничиться воспроизводством материальных условий жизни; оно должно заниматься также построением основ справедливости» [Ibid., с. 82–83]. Руссо провозглашает, что «справедливость — это фундамент всякого человеческого общества. Политическая экономия [берущее свое начало у физиократов] представляет собой дискурс относительно экономической эффективности, которая не эквивалентна справедливости. <...> По Руссо, только политическая воля, действующая на базе экономической организации, при которой экономические и моральные отношения смешиваются, может обеспечить соблюдение справедливости» [Ibid., с. 85]. Ответственность выражается у Руссо через понятие обязанностей: «С первой минуты жизни надо учиться быть достойными жить, и подобно тому, как рождаясь, мы уже тем самым приобретаем права граждан, так миг нашего рождения должен быть и началом отправления наших обязанностей» [Руссо, 1969, с. 126]; «Но когда граждане любят свои обязанности, а блюстители публичной власти искренне стараются поощрять эту любовь своим примером и заботами, все трудности исчезают» [Там же, с. 120].

Актуальность такого понимания экономических отношений стала особенно очевидной в связи с наступлением экономического кризиса. В своей книге «Цена цивилизации» американский экономист Джеффри Сакс утверждает, что «в основе экономического кризиса, переживаемого Америкой, лежит моральный кризис: упадок гражданской добродетели среди американской политической и экономической элиты» [Сакс, 2012, с. 11]. В 1990-е годы он активно участвовал в навязывании России политики экономических преобразований основанной на магистральной экономической теории, которая игнорирует понятие социальной ответственности. Сейчас Сакс утверждает, что «без возрождения духа социальной ответственности осмысление и устойчивое восстановление экономики невозможно» [Там же]. Он пишет: «Американское общество стало жестким, агрессивным, а элиты Уолл-стрит, нефтяные магнаты и ведущие политики в Вашингтоне проявляют самую высокую степень безответственности и эгоистичности. Когда мы поймем этот объективный факт, мы сможем приступить к переформатированию нашей экономики» [Там же, с. 18, 19].

Конечно, Руссо понимал ответственность не как просто принятие на себя груза последствий своих действий, например, отбывание срока тюремного заключения, а имеет ли для нас значение, и если имеет то насколько, выполнение наших обязанностей, исполнение нашего долга. Этика ответственности требует размышления и понимания, а немеханического или голого соответствия норме. Наряду с обязательствами, она обращается к идеалам, и, наравне с правилами, она апеллирует к ценностям. Быть действительно ответственным означает быть движимым долгом и беспокойством за других, а не опасением правовых санкций [Selznick, 2002, c. 29–30]. Я думаю, что следующая цитата из статьи Руссо «О политической экономии» является очень актуальной: «Тот, кто не боится угрызений совести, не убоится и пыток — кары менее страшной, менее длительной и такой, которую, по крайней мере, можно надеяться избежать; и какие бы предосторожности ни были приняты, — те, кому, чтобы творить зло, нужна лишь безнаказанность, едва ли не найдут способов обойти Закон и уйти от наказания. Тогда, поскольку все частные интересы объединяются против общего интереса, который не является больше интересом кого-либо в отдельности, все пороки общества, чтобы ослабить законы, приобретают силу большую, чем законы, чтобы уничтожить пороки; и разложение народа и правителей захватывает, в конце концов, и Правительство, сколь мудрым оно бы ни было. Худшее из всех зол состоит в том, что законам подчиняются по видимости, лишь для того, чтобы на деле с большей уверенностью их нарушать» [Руссо, 1969, с. 119–121].

ТЕОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОДНОЙ БАСНИ

Известный американский историк экономических учений Роберт Хайлбронер отмечал, что вклад современного экономикс «в расширение наших знаний о социальных процессах не просто разочаровывает, он откровенно скуден» [Хайлбронер, 1993, с. 53]. «Но если, — продолжает он, — экономическая теория настолько уязвима, почему же она пользуется таким престижем? К сожалению, не исключено, что причина этого заключается именно в том, что в своей современной форме она неисторична, асоциальна и аполитична» [Там же]. Именно в таком виде, как считает Хайлбронер, она может рассчитывать на особую благосклонность существующего общественного порядка, выполняя поддерживающую его идеологическую функцию [Там же]. По его мнению, экономикс представляет собой идеологическую систему, назначение которой заключается в том, «чтобы обеспечить моральную уверенность, которая есть необходимая предпосылка политического и социального душевного покоя как для господствующих, так и для подчиненных элементов» действующих в рамках существующего социального порядка [Там же, с. 53–54]. Хайлбронер уточняет, что в этой своей идеологической функции экономикс вуалирует тот факт, что «система цен есть также система власти» и подменяет рассмотрение «конкретного социального порядка, который мы называем капитализмом», «совокупностью индивидов» [Heilbroner, 1988, с. 7–8].

Давайте попробуем разобраться с той самой идеологической системой, носителем которой, по словам Роберта Хайлбронера, и является экономикс. Вот некоторые выдержки из «Богатства народов» Адама Смита, отражающие эту идеологическую систему: «Дай мне то, что мне нужно, и ты получишь то, что необходимо тебе. <...> Именно таким путем мы получаем друг от друга значительно большую часть услуг, в которых мы нуждаемся. Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мыполучить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов. Мы обращаемся не к гуманности, а к их эгоизму и никогда не говорим им о наших нуждах, а лишь об их выгодах» [Смит, 1962, с. 28]; «Каждый человек живет обменом или становится в известной мере торговцем, а само общество превращается таким образом в торговое общество»[1] [Там же, с. 33]; «Он не имеет в виду содействовать общественной пользе

[1] Мой скорректированный перевод с английского оригинала: «Every man thus lives by exchanging, or becomes in some measure a merchant, and the society itself grows to be what is properly a commercial society».

и не сознает, насколько он содействует ей. Предпочитая оказать поддержку отечественной промышленности, а не иностранной, он имеет в виду лишь свой собственный интерес, а направляя эту промышленность таким образом, чтобы ее продукт обладал максимальной стоимостью, он преследует лишь собственную выгоду, причем в этом случае, как и во многих других, он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения; при этом общество не всегда страдает от того, что эта цель не входила в его намерения. Преследуя свои собственные интересы, он часто более действительным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится делать это. Мне ни разу не приходилось слышать, чтобы много хорошего было сделано теми, которые делали вид, что они ведут торговлю ради блага общества. Впрочем, подобные претензии не очень обычны среди купцов, и немного надо слов, чтобы уговорить их отказаться от них» [Там же, с. 332].

Элементы этой идеологической системы Смит заимствовал у Кенэ и Тюрго, с которыми лично познакомился во время своего пребывания во Франции, однако, более важным источником его вдохновения был труд его современника, голландца по рождению проживавшего в Англии, Бернарда Мандевиля, «Басня о пчелах»[1] [Мандевиль, 2000]. Большой российский знаток жизни и творчества Смита пишет по этому поводу: «Мандевиль оказал большое влияние на развитие английской политической экономии, прежде всего на Смита и Мальтуса (хотя на словах оба забавным образом открещивались от него, как от грубого циника!). Это влияние идет не по линии разработки основных категорий (стоимость, капитал, прибыль и т.д.), а больше по коренной философской позиции, которая легла в основу классической школы. Главный парадокс Мандевиля содержится во фразе «частные пороки — общественные выгоды». Поставьте вместо пороков (vices) знаменитый Смитов self-interest (своекорыстный интерес), и вы получите коренное представление Смита о буржуазном обществе: если предоставить каждому индивиду разумно преследовать свой интерес, свою выгоду, то это будет способствовать богатству и процветанию всего общества. Смит так критиковал Мандевиля в своей книге «Теория нравственных чувств»: автор «Басни о пчелах», мол, неправ лишь в том, что он всякое эгоистическое

---

[1]Марк Блауг, который включил Мандевиля в сто великих экономистов до Кейнса, подтверждает, что «Басня о пчелах» повлияла на Смита, который «принял основу доктрины Мандевиля о непреднамеренных социальных последствиях, хотя в основном отверг ее форму» [Блауг, 2009, с. 199]. Даже термин «разделение труда» Смит заимствовал у Мандевиля [Там же].

устремление и действие называет «пороком». Корыстолюбие, скажем, вовсе не порок» [Аникин, 1975, с. 122].

Книга «Богатство народов» Адама Смита получила такое огромное влияние только потому, что удачно выразила идеологическую систему, в которой были заинтересованы «господствующие элементы» капиталистического общественного порядка, *в принятой в то время форме моральной и политической философии преподаваемой в университетах*. Сам Адам Смит читал курс нравственной философии в Университете Глазго, однако он не оставил нам текста своих лекций. Что собой представлял курс нравственной философии в Великобритании того времени можно увидеть, читая учебник 1785 года Уильяма Пейли «*Principles of Moral and Political Philosophy*» («Принципы нравственной и политической философии») [Paley, 2003]. Уильям Пейли (1743–1805) преподавал в Кембриджском университете курс по Новому Завету, а также курс нравственной философии, который и послужил основой для написания учебника. Пейли известен, прежде всего, как теолог. В своей книге «*Natural Theology*» («Натуральная теология», или «Естественное богословие», 1802) [Paley, 2008] он утверждал, что подобно тому, как сложный часовой механизм предполагает существование создавшего его часовщика, так организованность и целесообразность, царящие в мире, подтверждают существование великого Творца — Бога. В своих «Принципах нравственной и политической философии» Пейли по-существу применяет тот же подход и к этике, юриспруденции и политической экономии. В центре его дедуктивных конструкций стоят Бог и гипотеза о том, что после смерти каждый будет наказан или вознагражден в соответствии с тем, как вел себя в этой жизни. Кейнс назвал Пейли «первым кембриджским экономистом» [Keynes, 1951, c. 91].

Тонкий знаток и истории экономической мысли, и экономической истории Роберт Хайлбронер иронизирует по поводу основной идеи «Богатства народов»: «Если общественная жизнь Англии конца XVIII века и наводила на какие-либо мысли, то уж точно не о разумном устройстве или нравственной цели» [Хайлбронер, 2008, с. 52]. «Богатство народов», как известно, не единственное сочинение Смита. За 17 лет до публикации этого главного произведения Смита в свет выходит его книга под названием «Теория нравственных чувств» [Смит, 1997]. Благодаря Шумпетеру абсолютно разное видение человека в этих двух произведениях Смита получило название «проблема Адама Смита» («*Das Adam-Smith-Problem*»). В ранней книге Смита человек наделен моралью; если он и стремится к богатству, то не столько для повышения своего благосостояния, сколько для того,

чтобы быть признанным другими членами общества, что совсем не похоже на экономического человека «Богатства народов». Задолго до Шумпетера французский мыслитель конца XIX — начала XX веков, Габриэль Тард, в своей книге «Экономическая психология» формулирует проблему Адама Смита следующим образом: «Удивительно то, какую малую роль играет психология в экономических писаниях Смита, и полное отсутствие в них коллективной психологии. Однако это он, Смит, первым изучал *симпатию* как источник и основу межумственной психологии. Как случилось так, что он не почувствовал ни необходимости, ни возможности использования своих тонких замечаний, которые делал относительно взаимного стимулирования чувствительности одних другими для объяснения экономических отношений людей?» [Tarde, 1902, с. 135]. В этой же работе Тард предлагает такое теологическое решение проблемы Адама Смита: «Можно понять, что человек, так расположенный видеть божественного художника за картиной человеческих событий и божественную мудрость за любым человеческим безумием, мог без всякой горечи смотреть на эгоизм и себялюбие как на качества, наделенные священной функцией создавать и укреплять социальную гармонию. Так, когда он (Смит) основывал всю политическую экономию на этом принципе и сводил *экономического человека* к интересу, абстрагируясь от всякого чувства привязанности и самоотверженности, для него это было не результат эпикурейской и материалистической концепций, а наоборот естественным следствием его набожности и веры в Бога. За человеком-эгоистом стоял благодетельный Бог, и апология эгоизма первого была, по правде говоря, не чем иным, как гимном в прозе бесконечной доброте второго» [Ibid., с. 137][1]. Это и стояло за концепцией «невидимой руки» Смита, а его последователи просто негласно заменили богом-рынком предполагаемого Бога.

Профессор экономики Манитобского университета Энтони Уотерман считает, что на протяжении XVIII века «Богатство народов» читалось студентами Кембриджского университета скорее как «Натуральная теология», а не как ньютоновские «Математические начала натуральной философии». Проведя дискурсивный анализ «Богатства народов», он констатирует, что термин «природа» и производные от него слова используются Смитом аналогично тому, как в традиционных теологических текстах применяются слова «Бог» и «божественные законы» [Waterman, 2004, с. 88–106]. Если поставить перед собой задачу кратко охарактеризовать светскую религию, которой

[1] Цит. по: [Latour, Lépinay, 2008, с. 113–114].

служит современная западная экономическая наука, то это можно было бы сделать, наверное, следующем образом: Богом в этой религии, безусловно, выступает Рынок. В соответствии с ней Рынок, с одной стороны, обеспечивает наивысшее материальное благосостояние общества, а с другой — служит гарантом свободы и демократии. Законы[1] рынка представляют собой слово Божье, и игнорирование их людьми неизбежно приводит к Его гневу с соответствующими негативными для них последствиями (кара Божья). Гэри Беккер пытается убедить нас, что бог-рынок присутствует и управляет во всех сферах нашей жизни, включая политику и семью [Беккер, 2003]. Верующие в этого бога видят не только деятельность предпринимателей как максимизаторов своих доходов, но точно также и работу ученых, писателей, художников и других представителей творческих профессий. Что касается наемных работников, то их поведение объясняется как совокупность операций обмена и потребительского выбора максимизирующего их функции полезности. Наконец, бог-рынок не терпит вмешательства государства, по крайней мере, в неоспоримую область своей компетенции, экономическую сферу, и оставляет ему роль ночного сторожа. Эта религия следует протестантской традиции, в соответствии с которой спасение достигается без помощи церкви и ее служителей; в то же время эта религия, в отличие от коммунистической, не является атеистической и терпимо относится к членству своих адептов в религиозных сообществах. Более того, протестантизм, по существу, хорошее дополнение рыночной религии, с чем связана одна из причин необыкновенного успеха евангелизма в современном мире. Преподаванием такой религии и заняты многие современные экономисты. Это относится в частности к Сергею Гуриеву (бывшему ректору Российской школы экономики — РЭШ) [Гуриев, 2011] и Константину Сонину (бывшему проректору РЭШ, а позже и Высшей школы экономики (ВШЭ)) [Сонин, 2011], книги которых есть не что иное, как набор басен затро-

---

[1] Метафора «закон», взятая из юридической и религиозной практики, активно и, до недавнего времени, вполне успешно использовалась в естествознании. Природа рассматривалась, как монарх или как Бог, который диктуют свои законы. Метафора была плодотворна до тех пор, пока системы, изучаемые науками о природе, были достаточно простыми. Применение этой метафоры в общественных науках, в том числе и в экономической, с самого начала плодотворным не было. Она уводила исследователей от реальности, ложно ориентируя их внимание. Бессознательно или осознанно, но и Адам Смит в «Богатстве народов», и Иосиф Сталин в «Экономических проблемах социализма в СССР» апеллировали к понятию экономических законов, независимых от воли людей, не столько по причине следования естественнонаучной традиции, сколько, и прежде всего, с целью убедить читателя в естественности и неизбежности проповедуемого каждым из них определенного общественного порядка.

нутых идеологией берущей свое начало в «Басне о пчелах» Мандевиля.

Итак, Смит заложил идейные основы современного магистрального направления экономической дисциплины путем преобразования идей одной басни в соответствии со стандартами моральной и политической философии преподаваемой в то время в университетах. Свидетельство Ариэля Рубинштейна приведенное в предыдущей главе говорит о том, что за более чем двухсотлетний период ее существования, басенный генотип дисциплины, заложенный Смитом, полностью сохранился. Далее в этой книге мы попытаемся разобраться, как и почему это произошло.

ДВА СПОРА О МЕТОДАХ

«Спор о методах» (*Methodenstreit*) между Г. Шмоллером и К. Менгером, начало которому положила статья [Шмоллер, 2011], был, по существу, спором не столько о методах, сколько о характере экономической науки и ее роли в обществе. Если для Шмоллера экономическая наука была инструментом социально-политико-экономических преобразований с активным участием государства, то для Менгера, а вслед за ним и для всей неоклассики, она была идеологическим обоснованием ненужности этих преобразований. Из очень краткого, всего на одну страницу, обсуждения Спора о методах в учебнике Высшей школы экономики делается следующий вывод: «В краткосрочном аспекте спор о методах на немецкой земле кончился полной победой исторической школы, в результате чего Германия оказалась на полвека закрытой для проникновения маржиналистских идей. В долгосрочном же аспекте, исходя из дальнейшего развития экономической науки, мы можем сделать вывод, что ближе к истине в этом споре оказался все-таки Менгер» [Автономов, Ананьин, Макашева, 2008, с. 202]. Попробуем опровергнуть такое заключение.

Спор о методах между Г. Шмоллером и К. Менгером имел своего исторического предшественника в XVII веке. Это был спор между Робертом Бойлем и Томасом Гоббсом. «Против Бойля выступил философ Томас Гоббс (1588–1679), который не считал эксперимент методом научного исследования. По его мнению, единственным орудием науки является мышление» [Боголюбов, 1984]. Гоббс, выпускник Оксфордского университета, стал классиком политической философии с ее априорно-абстрактным подходом, в рамках которой развивались и обсуждались различные социально-политические про-

екты. Он считал этот подход единственно возможным способом познания. Его последователи политэкономы, а затем и экономисты неоклассики несколько смягчили этот взгляд на получение знаний. Они допускали плодотворность экспериментального метода в естествознании, но отрицали его применимость в социально-политико-экономической сфере.

Хотя Новое время и связано с развитием науки о природе, с тем, что по-английски называется *science*, нужно четко осознавать: тип мышления, порожденный научной революцией, стартовавшей в 1543 году[1], и тип мышления, связанный с Новым временем, не одно и то же. Столкновение этих двух типов мышлений проявилось в споре между Робертом Бойлем и Томасом Гоббсом[2]. Бойль на заседаниях Лондонского королевского общества по развитию знаний о природе (далее Лондонское королевское общество) демонстрировал коллегам — членам Общества и приглашенной публике свои опыты. Гоббс критиковал исходную установку членов Общества, а именно их веру в возможность постижения законов природы посредством систематических экспериментальных исследований. В принципе, Гоббс не исключал полезности и даже истинности отдельных экспериментов, однако, полагал, что познание универсальных законов природы должно основываться на универсальных же законах математики и логики, восходя затем от них к конкретным феноменам. Между тем в лаборатории, считал Гоббс, мы видим демонстрацию каких-то явлений, а затем их интерпретацию, достигнутую на основе соглашения группы людей и претендующую на обнаружение истины. Члены Общества уверяли, что их соглашения не имеют ничего общего со сговором, их знание носит принципиально публичный характер, в чем они предлагают убедиться всем желающим. Ученые поясняли, что, достигая соглашения, они пользуются хорошо известными принципами судопроизводства: один свидетель — не свидетель; выслушиваться должны все свидетельства; в случае сомнений расследования необходимо продолжить; члены сообщества, как и судьи, должны быть людьми с незапятнанной репутацией; не допускается умолчание о неудачных экспериментах и т.д. Кроме того, Общество регулярно публикует отчеты, включающие подробные описания проведенных опытов и использованных инструментов, а

[1] В этом 1543 году вышла книга Николая Коперника «Об обращениях небесных сфер», в которой провозглашался отказ от господствовавшей в течение почти полутора тысяч лет геоцентрической системы Птолемея.

[2] Изложение спора я заимствую из работы [Менцин, 1993], где замечательно резюмируется содержание книги [Shapin, Schaffer, 1985].

также мнения всех участников обсуждения. Эти отчеты содержат только факты, изложенные так, чтобы любой желающий мог повторить описанные опыты.

Лондонское королевское общество, основанное в 1662 году, избрало выражение «Ничего на словах» (*Nullius in verba*) своим девизом, что означало: доказывать можно только данными научного эксперимента, а не словами научных авторитетов (в отличие от средневековой схоластической философии, для которой непререкаемыми авторитетами были Аристотель и отцы Церкви, а научная истина строилась на дедуктивной логике в согласии с божественным Провидением). Лондонское королевское общество ставило основной своей целью опытное исследование и на одном из первых собраний сформулировало свои задачи следующим образом: «Общество не будет признавать никаких гипотез, систем, учений натуральной философии, предложенных или признававшихся древними или современными философами <...>, но будет испытывать и обсуждать все мнения, никакого не принимая до тех пор, пока после зрелого обсуждения и иных доказательств, даваемых правильно поставленными опытами, не будет бессомненно доказана истинность каждого положения». Лондонское королевское общество собрало ученых, занимавшихся новой, или экспериментальной, философией. В 1662 году Карл II утвердил устав, определявший цель Общества: составить «точное описание всех природных явлений» простым и лаконичным языком, близким к языку «ремесленников, крестьян, торговцев», а не языком «философов». В королевских хартиях существование Общества связывается с поиском истины и подчеркивается экспериментальный характер получения знаний, которому оно будет способствовать. Как видно из вышеизложенного, институт науки, возникшей в виде академий, не имел ничего общего с институтом университета того времени, не имеющим ничего общего с экспериментальным естествознанием и только реформа Гумбольдта начала XIX века сделала возможным постепенное изменение ситуации в университетах. Это относится и к Кембриджскому университету, где учился Исаак Ньютон. В его время наука Галилея и Кеплера еще в недостаточной степени проникли через Ла-Манш. Как ученому-физику ему сильно повезло, что его студенческие годы (он поступает в университет в 1661 году) совпали с первыми годами деятельности Лондонского королевского общества. Вся его научно-исследовательская деятельность была связана именно с ним.

Деятельность немецкого Союза за социальную политику (*Verein für Sozialpolitik*) во второй половине XIX века была по многим аспек-

там схожей с деятельностью Лондонского королевского общества второй половины XVII века. В обоих случаях речь шла о совместных усилиях членов ассоциации по сбору данных в рамках экспериментальных ситуаций, разработке детальных отчетов на основании этих данных и коллективной оценке полученных результатов. Можно сказать, что в Споре о методах Шмоллер был Бойлем, а Менгер был Гоббсом, однако Бойль выиграл в споре с Гоббсом, а Шмоллер проиграл. Вопрос возникает — почему? Это произошло из-за различного отношения влиятельных общественных кругов к естественнонаучным экспериментальным исследованиям и экспериментальным социальным исследованиям. Они были заинтересованы в первых из них, и они увидели гораздо больше опасности, чем пользы для них во вторых. Напротив, эти круги были заинтересованы в абстрактных теоретических построениях, обосновывающих видение общества как рынка и бесконтрольность их экономической деятельности (*laissez-faire*). Этот вид построений соответствовал глубоко укорененным в то время схоластическим традициям европейских университетов преподавания в качестве центрального предмета теологии и тесно связанной с ней философии. В рамках этих традиций математика считается вершиной научного подхода.

Разногласия между Шмоллером и Менгером касались следующих вопросов: что должна изучать экономическая наука? каков тип результатов экономической науки? каким образом эти результаты должны быть получены? в чем разница и какова связь между экономическими теоретическими (фундаментальными) исследованиями и исследованиями прикладными? какова связь экономической науки с другими общественными и гуманитарными науками? Кратко охарактеризуем содержание спора на основании анализа методологической работы Менгера «Исследование о методах социальных наук и политической экономии в особенности» [Менгер, 2005] и статьи Шмоллера «К методологии общественно-политических и социальных наук» [Шмоллер, 2011][1] .

По Менгеру изучать нужно обмен между индивидуальными хозяйствами, которые вместе составляют народное хозяйство. По Шмоллеру экономические органы/организации и институты составляют скелет экономического тела, и изучать нужно именно их. Кроме того он считал, что необходимо изучать мнения и намерения людей и прежде всего властителей, так как социальная реальность есть не что иное, как проявление коллективной воли. Для главы

[1] «Zur Methdologieder Staats — und Sozial-Wissenschaften» [Schmoller, 1998, c. 159–184].

австрийской экономической школы результатом исследований должны быть универсальные законы, касающиеся экономического обмена, действующие с небольшими поправками в любую эпоху и для любых народов. Лидер немецкой историко-этической школы в экономике считал, что максимум, на что экономист-исследователь может рассчитывать — это понимание того, что происходит в данном месте (страна) и в данное время (эпоха). Так как реальность по нему исторична, то понимание прошлого может помочь в понимании настоящего.

Вывод универсальных законов по Менгеру должен происходить дедуктивным способом на основе абстрактных построений и упрощенных предположений[1]. Менгер следует той точке зрения, что цель теоретических наук — господство над реальным миром. Понимание экономической реальности по Шмоллеру, которое не ставит своей целью господство, может быть достигнуто путем досконального исторического описания функционирования экономических организаций и институтов, совокупности правил, которым люди следуют, а также религиозных (идеологических) систем в которые они верят. Эти описания должны служить базой для детального анализа с целью построения концепций и обобщений, могущих вести к возникновению теории.

Менгер считал абсолютно недопустимым смешение теоретических и прикладных исследований. Для него это было эквивалентно смешению, например, теоретической химии с химической технологией. Исследования Шмоллера было направлено на сугубо практические цели проведения социальных реформ в Германии, в которых он сам лично активно участвовал. Наконец менгеровская экономическая наука является абсолютно самодостаточной, все положения, например, о поведении людей она вырабатывает (постулирует) сама,

[1] «Менгер не имел ни малейшего представления о математическом анализе. Внимательное чтение его главных работ свидетельствует о том, что он не был знаком с физикой того времени. Однако несмотря на эти несоответствия требованиям, Менгер начал уничтожительную атаку на немецкую историческую школу в своей работе "Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности", главным образом посвященную заявлению о том, что его оппоненты не понимают природы «точной науки» …[С]лабые и неубедительные заявления Менгера о том, что он продвигает методы «точных исследований Ньютона, Лавуазье и Гельмгольтца», обнаружили его невежественность, наспех замаскированную напыщенностью. Он попытался распространить свой радикальный субъективизм на физику, не удосужившись привести ни единого примера из физики. Он порочил эмпиризм, не указывая конкретно, против каких практик он выдвигал возражения. Его концепция науки была строго аристотелевской, и он не обращал внимания на тот факт, что ученые его времени эту концепцию отвергли. Наоборот, он приводил ссылки на их имена, чтобы вызвать больше доверия» [Майровски, 2012, с. 109].

не прибегая к помощи других наук, таких как психология и антропология. Шмоллер критиковал Менгера за то, что тот по-видимому не знал крупных новых для того времени успехов эмпирической и философской психологии, языкознания, философии права и этики, которые уже так сильно способствовали открытию тайн индивидуальной умственной жизни и психических массовых явлений, что игнорировать их экономистам совершенно нельзя. Шмоллер особенно выделял психологию и антропологию, как основу для всех других гуманитарных наук. Он считал, что только на основании психологии и антропологии, через науки о культуре и организации общества, можно решить проблему познания исторической связи последовательных общественных состояний. Почему идеи Шмоллера были отброшены и забыты, нам поможет понять институциональная история экономической мысли.

ОСНОВЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ МЕЙНСТРИМА

Институциональная история экономической мысли является историей профессиональной деятельности экономистов (публикация статей и книг, преподавание экономических дисциплин в высших учебных заведениях и участие в научных конференциях и семинарах), которая протекает в рамках определенных правил, связанных с определенными убеждениями относительно характера деятельности академических экономистов. Правила эти касаются преподавателей и студентов высших учебных заведений, а также работников академических институтов. Правила института экономической науки (дисциплины) создают рамки для разработки учебных планов и программ, а также для организации экзаменов. Они определяют процедуры и направления исследований, критерии для публикации статей в научных журналах. Эти правила включают также формальные и неформальные нормы функционирования профессиональных организаций экономистов, например, таких как Американская экономическая ассоциация (American Economic Association) или созданная в России Новая экономическая ассоциация. Убеждения, которые лежат в основе правил функционирования сообщества академических экономистов, выражаются в тех или иных ответах на такие вопросы: что такое научное исследование? какова цель научного исследования? что нужно изучать? как нужно изучать? какую форму должен принять результат исследования? Ответы на эти вопросы

вместе с формальными и неформальными правилами поведения, на них основанными, и составляют институциональное знание профессии экономистов. Кандидаты для принятия в эту профессию приобретают бóльшую часть этих знаний во время подготовки и защиты диссертаций, что для многих протекает в рамках обучения в аспирантуре. Если кто-то становится членом профессии и не обладает этим знанием или отказывается следовать его предписаниям, то рано или поздно этот член профессии будет ею отброшен.

Далее в этом разделе я изложу точку зрения, согласно которой современная экономическая профессия функционирует на основании институционального знания, берущего свое начало в институте средневекового европейского университета и центральной дисциплины, преподаваемой в нем, – теологии. Во время институционализации политической экономии в Великобритании и США в конце XIX века к этим двум источникам было присоединено метафорическое перенесение математических конструкций термодинамики в экономическую дисциплину[1] (рис. 4). Очевидно, что такой институциональный багаж не мог привести профессию экономистов к познавательным успехам, которые хоть в какой-то степени были бы близки по их социальной значимости успехам естественных наук.

Институт экономической науки возник в рамках и под влиянием института университета, и профессия академического экономиста была создана как профессия университетского преподавателя и остается во многом таковой и по сей день. Университеты возникают в XIII веке и на протяжении нескольких столетий являются *чисто образовательными учреждениями, подчиненными церкви и государству* [Charle, Verger, 2007, c. 13]. Базовыми предметами, которые преподавались в университетах, были латынь, риторика, логика, арифметика, геометрия, астрономия, музыка, а венцом обучения была теология. В качестве прикладных дисциплин выступали право и медицина. Возникновение университетов было связано с тем, что *Католическая церковь*, *гражданские власти и правящие классы* нуждались в образованных людях для ведения своих дел [Charle, Verger, 2007, c. 8–9]. Первые университеты, будучи ассоциациями, тем не менее сильно зависели от поддержки светских властей, то есть короля, но решающей была поддержка со стороны пап [Charle, Verger, 2007, c. 15], и очень скоро университеты практически полностью подчинились церкви.

[1] Об этом более подробно пойдет речь в главе 6.

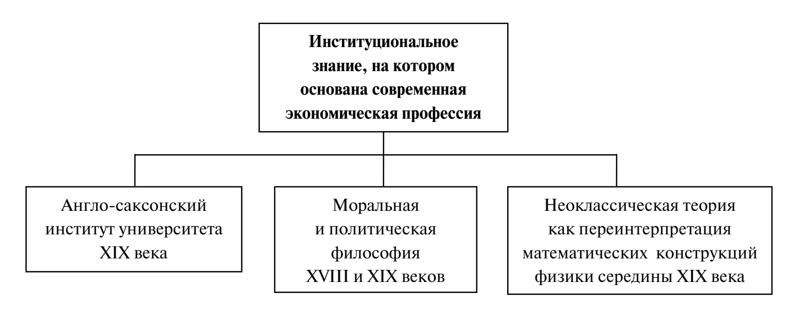

Рис. 4. Источники институционального знания мейнстрима

В XIV и XV веках, официально оставаясь учреждениями церкви, университеты все больше и больше подпадали под контроль городов и государств, ждавших от них с одной стороны подготовки грамотных и компетентных юристов для различных административных органов, а с другой — разработки национальной и монархической идеологии, которая сопровождала рождение современного государства. В обмен за потерю автономии университеты получали всевозможные выгоды, в том числе выплату государством заработной платы профессорам, и стали выполнять отведенную им роль обучения будущих элит, а также поддержания и укрепления установленного общественно-политического порядка [Charle, Verger, 2007, с. 19]. Каждый университет имел все или некоторые из четырех факультетов — искусств, медицины, права, теологии. Изучаемые дисциплины по существу остались те же, что и в XIII веке. Искусства делились на искусства слов и знаков (грамматика, то есть латынь, риторика, диалектика) и искусства вещей и чисел (арифметика, музыка, астрономия, геометрия). Точные науки преподавались в старых рамках, зафиксированных Аристотелем и Птолемеем [Charle, Verger, 2007, с. 33]. Обучение медицине основывалось на древнеримских источниках. На факультете права акцент делался на преподавании церковного права, нацеленного на усиление папской власти. Высшей дисциплиной была теология, в рамках которой, с одной стороны, изучалась и интерпретировалась Библия, а с другой стороны изучалась собственно теология, находившаяся в то время под влиянием философии Аристотеля [Charle, Verger, 2007, с. 26].

В целом вся система университетского средневекового образования носила сугубо схоластический характер. Университеты сохранили вплоть до XVIII века устаревшее обучение, основанное на средневековых авторитетах и источниках (Аристотель в философии, Петр Ломбардский в теологии, Кодификация Юстиниана в праве, Гиппократ в медицине), и полностью игнорировали новаторские течения, рожденные вне универ-

ситета. К ним относятся учения Декарта и Ньютона, философия Просвещения, новое право и даже новые интерпретации в теологии. Правительства и церкви в XVIII веке поручали университетам стоять на страже единомыслия и бороться со всякого рода отклонениями от него. Так, Сорбонна блюла интересы абсолютизма и Католической церкви, а Кембриджский и Оксфордский университеты были непосредственно связаны с Англиканской церковью[1]. *Университетский диплом служил свидетельством определенной социальной принадлежности*, знаком лояльности установленному политическому порядку. *Настоящее образование приобреталось вне университета*, в семье, в салонах, путем прослушивания частных лекций, чтения книг, а также непосредственно на практике в начале карьеры [Charle, Verger, 2007, с. 56]. Если некоторые университетские преподаватели или студенты и входили в число ученых и мыслителей этой эпохи, то *делали они свои открытия и разрабатывали свои труды вне университета*. Институтами, в рамках которых эта деятельность осуществлялась, в то время были академии и научные общества, а так же кабинеты богатых любителей науки [Charle, Verger, 2007, с. 53–54]. *Естественные науки возникли вне университетов и оформились как институт также вне них*. Рождение этого института может быть связано с возникновением в 1662 году Лондонского королевского общества по развитию знаний о природе (Royal Society of London for Improving Natural Knowledge), которым была заложена культура естествознания, благодаря которой кардинальным образом изменилось материальное положение человечества. Эта культура пришла в университет первоначально в Германии. В 1810 году в Берлине был основан университет, который под руководством Вильгельма Гумбольдта в значительной степени порвал со многими традициями института средневекового университета. Этот университет стал первым так называемым исследовательским университетом, то есть одновременно учебным и исследовательским учреждением.

[1] «В Оксфорде и Кембридже наукой занималась в основном аристократическая элита, чуждая практике и не имевшая сколько-нибудь заметных побуждений к исследованиям. Здесь продолжал существовать средневековый университет, находившийся под управлением церкви, что сказывалось в монастырском образе жизни (*college-system*) и в отсутствии принципиального признания свободы науки. Исследования, в свою очередь, были делом гражданского общества, которое частным образом заботилось об их финансировании и обнародовании, а также сферой деятельности академии (*Royal Society*). Во Франции же после 1806 года 22 бывших университета страны были понижены до уровня специальных школ, управляемых и координируемых институтом, который назывался "Императорский университет". Не "учащая наука, а преподающее государство" использовало здесь университеты. Исследования были исключены из университета в пользу государственного учебного плана и достались в удел академии. Эта французская модель уже в начале XVIII века под влиянием Лейбница была перенесена в Россию Петром Великим и до сих пор определяет советскую и восточноевропейскую сущность университета» [Шнедельбах, 2002, с. 67–68].

В Великобритании и США XIX века университеты в отличие от Германии еще не стали исследовательскими, и институционализация экономической науки в этих странах произошла в рамках университетов, несущих на себе многие черты средневековых. «Естественные науки были введены в британское университетское образование достаточно поздно, не ранее 1880-х годов», господствующее положение в ней на протяжении всего XIX века занимала математика, которая рассматривалась как классическое наследие древних Греции и Рима [Fourcade, 2009, с. 149]. В этой интеллектуальной атмосфере связь дисциплины с математическим методом, а не с экспериментальным была решающим признаком научного характера дисциплины. Для того чтобы заслужить такую характеристику, британские экономисты пошли по пути «последовательного исключения индуктивных и исторических элементов курса политической экономии, приведшее к господству дедуктивного метода» [Fourcade, 2009, с. 149].

В США ситуация была аналогична британской. Гарвардский университет основали в 1639 году как Гарвардский колледж, ориентированный на обучение пуританских священников. Университетское образование в Америке в первой половине XIX века «было нацелено на обучение набожности и дисциплине», «первые учебники политической экономии были написаны священнослужителями» и «распространенным было религиозное понимание экономической деятельности». В соответствии с этим пониманием «капитализм и законы политической экономии были в гармонии с Законом Божиим» [Fourcade, 2009, с 64]. Такого типа экономическая теория всячески приветствовалась американскими бизнесменами, которые в конце XIX века все больше и больше заменяли священнослужителей в университетских попечительских советах: «Руководство университетов (президенты и члены советов) часто благоволили экономической теории как “гражданской религии” и видели в ней продолжение старых курсов по нравственной философии»[1] [Fourcade, 2009, с. 66].

[1] Такое видение экономической науки характерно не только для прошлого. Некоторые современные экономисты, в том числе и лауреаты Нобелевской премии по экономике, открыто призывают сообщество академических экономистов к содействию в создании «гражданской религии»: «Эта книга представляет собой выражение надежды на то, что мы находимся на пути к зарождению новой “гражданской религии” — религии, которая отчасти возвратит нас к характерному для XVIII века скептическому отношению к политической деятельности и правительствам и которая, вполне естественным образом, сосредоточит наше внимание на *правилах, ограничивающих деятельность правительств*, а не инновациях, оправдывающих все возрастающее вмешательство политиков в жизнь граждан. Наша нормативная роль, как философов-обществоведов, состоит в том, чтобы придать определенную форму этой гражданской религии» [Бреннан, Бьюкенен, 2005, с. 262]. Сейчас, после погружения мира в экономический кризис, вызванный дерегуляцией экономики, эти слова звучат воистину зловеще.

ОСНОВЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Институциональное знание, на котором был основан институционализм в Германии и США, имело в качестве источников исследовательские практики экспериментального естествознания и гумбольдтскую модель исследовательского университета, а также передовые направления философии того времени (рис. 5). Обеим школам удалось найти адекватную социальным исследованиям методологию. Немецкая историческая школа сделала это, отталкиваясь от герменевтики Шлейермахера и Дильтея, а американский институционализм апеллировал к философии прагматизма Пирса и Дьюи. Фридрих Шлейермахер, один из сподвижников Гумбольдта в создании первого исследовательского университета в Берлине, основал новую дисциплину — герменевтику (как науку истолкования текстов, как «учение об искусстве понимания» письменных документов вообще [Шлейермахер, 2004]), которая заложила начало интерпретативной парадигме в гуманитарных науках. Хотя Вильгельм Дильтей и выступал против переноса на общественные науки естественнонаучного подхода, но, на самом деле, он имел в виду ньютоновскую ограниченную методологию, а не общую естественнонаучную методологию с ее прямым контактом исследователя с изучаемым объектом. В своей статье [Шмоллер, 2011], которая положила начало «спору о методах» (*Methodenstreit*), Шмоллер противопоставляет книгу Дильтея (2000) с его герменевтической методологией социальных наук книге Менгера (2005) с его примитивной методологией, пришедшей из Нового времени.

Шмоллер получил хорошее образование в области естественных наук; он изучал химию, физику и механику в Тюбингенском университете [Grimmer-Solem, 2003, с. 133]. Когда появился полный перевод на немецкий язык книги Милля «Система логики», Шмоллер заметил несостоятельность трактовки в ней «моральных наук» [Grimmer-Solem, 2003, с. 133]. Шмоллер считал, что «у экономических и социальных наук та же самая эпистемология, что и у естественных наук» [Grimmer-Solem, 2003, с. 160], которая соответствовала бы их экспериментальному духу. Экономическая наука, по его мнению, должна быть нацелена на изучение того, что мы сейчас бы назвали институциональным знанием, разделяемым тем или иным сообществом акторов: «Взгляд на общие для определенного сообщества мораль, этику и институты как важнейшие источники социальных регулярностей значительно усиливает ценность исторических исследований относительно природы и происхождения этой общности» [Grimmer-Solem, 2003, с. 160].

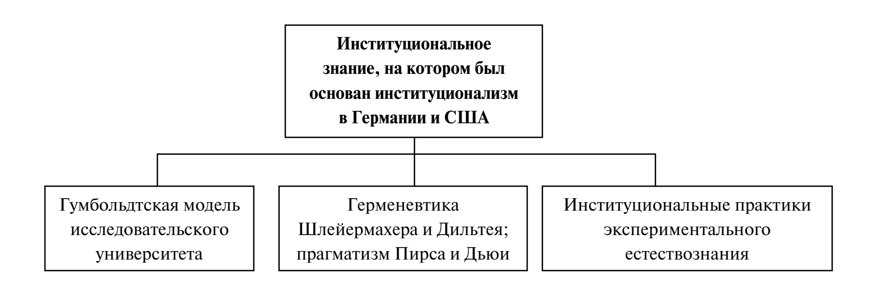

Рис. 5. Источники институционального знания исходного институционализма

Концепция Гумбольдта трактовала науку не как нечто законченное, что преподаватели должны передавать студентам, а как задачу, которая еще не решена, и для ее решения нужно никогда не останавливать исследования. Отношения между преподавателем и студентами становятся совсем не такими, как раньше. Преподаватель теперь в университете присутствует не только и не столько для студентов, сколько все они вместе, и преподаватель и студенты, находятся в университете для науки, служат ей. Действующие исследователи, которые не являются штатными сотрудниками университета, получают право преподавать в нем. Признавая полезность борьбы и трений по научным вопросам между преподавателями университета, Гумбольдт в своем проекте оставляет право назначения преподавателей на должности исключительно за государством, так как университеты по своей природе настолько тесно связаны с интересами государства, что не должно быть иначе [Гумбольдт, 2002]. О каком типе науки и исследованиях говорит Гумбольдт? Об этом можно легко догадаться: в своем проекте он считает, что без сомнения можно доверить развитие науки исключительно университетам, при условии их надлежащей организации, и вполне обойтись без академий. Академии же в то время представляли собой организации, нацеленные исключительно на экспериментальные науки. Из вышеизложенного становится понятным, почему возникновение экспериментально-исследовательски ориентированной немецкой историко-этической школы Густава Шмоллера стало возможным в немецких университетах того времени, а перенесение традиций этой школы в английские и американские университеты неизбежно наталкивалось на большие трудности.

ГЛАВА 5.
ЭКОНОМИСТЫ, СОЦИАЛЬНЫЙ ВОПРОС И СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

О КОНЦЕПЦИЯХ «СОЦИАЛЬНЫЙ ВОПРОС» И «СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО»

Сейчас мало кто вспоминает о том, что рождение профессии экономистов как университетских преподавателей, непосредственно связано с возникновением в XIX веке в Англии, Франции и Германии, так называемого, социального вопроса [Sage, 2009]. Вопрос этот в середине века был углубленно изучен экономистом Лоренцом Штейном[1][Stein, 1850][2], который охарактеризовал его как самый большой вопрос современности (*die große Frage der Gegenwart*). Экономисты того времени под социальным вопросом обычно понимали большое количество явлений, связанных с плохим положением рабочих и их семей и их протестной деятельностью. Однако Штейн трактовал его намного шире: социальный вопрос, конечно, включает наличие бедности, но не сводится к нему. Можно устранить бедность, но оставить людей без социальной независимости и, тем самым, без совершенной политической свободы. Решение социального вопроса — это достижение социальной независимости работников от работодателей, которая обеспечит наибольшее развитие и самореализацию каждой личности. Если Штейн и интересуется материальными условиями, то, в конечном счете, из-за неразрывной связи между социальной независимостью и свободой. Подлинная реализация идеи свободы — это не просто функция политической свободы, которая предусматривает, в чисто формальном виде, одинаковые права для всех. Свобода зависит, в конечном счете, от социальных условий: преобразование низшего и зависимого класса людей в сво-

[1] В пользу того, что Лоренц фон Штейн был экономистом говорит хотя бы тот факт, что он являлся автором учебника по национальной экономике Lehrbuch der Nationalökonomie, третье издание которого было опубликовано в 1887 году.

[2] Имеется русский перевод этой книги (Штейн, Л. История социального движения Франции с 1789 года. — СПб. : Тип. А. М. Котомина, 1872.), терминология которого не всегда соответствует современной русской научной терминологии. Имеются также значительно более поздние современные переводы: французский перевод введения к первой части книги — Stein L. Le concept de société. — Grenoble : ELLUG, Université Stendhal, 2002 и английский перевод всей книги — Stein L.The History of the Social Movement in France, 1789–1850. New York : Bedminster Press, 1964.

бодных и независимых индивидов может быть достигнуто только, если они имеют доступ к материальным и духовным благам, которые абсолютно необходимы для их возвышения. Как обеспечить этот доступ и является для Штейна действительным социальным вопросом нашего времени (*die eigentlich soziale Frage unserer Gegenwart*) [Waszek, 2001, с. 226–227].

Штейн считал, что «социалисты слишком ограничены рамками «материального», что, соответственно, не позволяет им выражать сущность социального вопроса. Более того, смысл социальной свободы не должен сводиться лишь к одной собственности. Она включает в себя и необходимость обеспечения для каждой человеческой личности свободной беспрерывной эволюции, которая требует доступа к высшим культурным благам цивилизации. Потому «было бы неверным и близоруким» считать рабочий вопрос простым вопросом желудка» [Stein, 1850, Bd. 2, с. 10]. Это тем более верно, что он останется нерешенным и в том случае, если «будут осуществлены смелые требования теоретиков социализма». «Урчания брюха» могут быть «временно прекращены», и «тупая, бедная мыслями масса будет <...> сначала удовлетворена, но страстные сердца и мыслящие головы останутся неудовлетворенными [Stein, 1850, Bd. 2, с. 10–11]» [Эйдукене, 2006, с. 58].

Развиваемая Л. Штейном концепция социального государства основывалась на том, что решение так понимаемого им социального вопроса должно обеспечить государство. Он считал что «социальный вопрос не решить одним «махом» революции раз и навсегда. Он не может быть каким-то конечным результатом. Строительство нового социального здания государства, затрагивающее все устои его жизни — продолжительный и постоянный, самообновляющийся и созидательный процесс. Он требует участия в нем членов всего общества и самого государства. В этом действии они должны слиться в единый поток общих интересов, видя перед собой общую цель» [Эйдукене, 2006, с. 60]. Концепция социального государства Штейна не была компромиссом между либерализмом и социализмом, а указывала на некий «третий путь» «между крайностями либерального индивидуализма и опасностями революционного социализма, делая главный упор на устранение противоречий за счет усилий государства с целью сохранения самого общества» [Кочеткова, 2009, с. 55]. Государство должно переориентироваться [Кочеткова, 2009, с. 101] от служения сословно-классовым интересам на «обеспечение условий развития нового гражданского общества и человеческого потенциала», «при этом, конечно, не следует идеализировать ситуацию и

доводить ее до пропаганды антагонизма к классу предпринимателей. В условиях рыночной экономики *ориентация государства на интересы каждого отдельного гражданина не отменяет его обязанностей по защите интересов предпринимателей*. Более того, обеспечение политической свободы и социальной мобильности представителей всех классов было в интересах буржуазии, которой нужны были свободные, производственно мотивированные трудовые ресурсы. В конечном счете, и в настоящее время предпринимателям нужен активный работник — свободный и независимый член гражданского общества. В этой связи ориентация государства на защиту интересов предпринимателей *не противоречит* его ориентации на защиту интересов каждого индивида как члена гражданского общества. Именно по этой причине возникновение и развитие социального государства — это не акты альтруизма, а достижение своеобразного классового компромисса на базе капиталистического способа производства» [Докторович, 2012, с. 221].

Для того чтобы способствовать наибольшему развитию и самореализации каждой личности, социальное государство, по мнению Л.Н. Кочетковой должно выполнять *ограничительную* функцию (ограничение монополизации, регламентация трудовых отношений, регулирование экономики, концентрация средств на социальные программы и нужды), *обеспечительную* функцию (социальное страхование, социальное обеспечение, предоставление возможностей для получения образования и медицинского обслуживания) и *гарантирующую* функцию (государство дает гарантии прав человека и гражданина закрепляя их на конституционном уровне) [Кочеткова, 2008, с. 78]. Близкой к такому пониманию социального государства является и концепция современного французского экономиста К. Рамо. Кроме такой традиционной функции социального государства, как социальная защита (la protection sociale), он считает, что социальное государство должно заниматься регулированием трудовых отношений (la réglementation des rapports de travail), оказывать гражданам всевозможные услуги (les services publics) и разрабатывать и проводить экономическую политику поддержки различного вида деятельностей и занятости (les politiques économiques de soutien à l’activité et à l’emploi) [Ramaux, 2012].

СОЦИАЛЬНЫЙ ВОПРОС И РОЖДЕНИЕ ПРОФЕССИИ ЭКОНОМИСТОВ ВО ФРАНЦИИ

Книге Л. Штейна «История социального движения во Франции с 1789 года до наших дней» [Stein, 1850] предшествовала его книга «Социализм и коммунизм в современной Франции» (*Der Socialismus und Kommunismus des heutigen Frankreichs*), изданная в 1842 года. В этом труде Штейн «пришел к выводу, что французское общество было раздираемо классовым политическим конфликтом, происходящим от увеличивающегося социального неравенства, которое в свою очередь было продуктом свободной рыночной конкуренции. Социализм и коммунизм, по его мнению, был, таким образом, просто выражением обоснованных пролетарских стремлений к достижению социального равенства» [Grimmer-Solem, 2003, с. 109]. Тремя годами позже выходит книга Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», с подзаголовком «По собственным наблюдениям и достоверным источникам». А еще три года спустя, Маркс и Энгельс публикуют свой «Манифест Коммунистической партии». Маркс в это время еще не был экономистом, его первая экономическая книга «К критике политической экономии» появляется только в 1859 году. Но экономисты до него уже вовсю занимались социальным вопросом.

Как известно первыми, кто назвали себя экономистами, были сторонники *laissez-faire* и сначала термин «экономист» вовсе не означал профессию. Во Франции первые экономисты объединились вокруг издаваемого с 1841 года *Journal des économistes*. В Великобритании термин экономист означал в это время определенную «черту социальной и политической культуры», откуда и появление в 1843 году журнала *The Economist*, нацеленного на защиту свободной торговли [Tribe, 2002, с. 4]. Американский историк Э. Сейдж в своей книге «Сомнительная наука. Политическая экономия и социальный вопрос во Франции XIX века» [Sage, 2009] связывает рождение профессии экономиста во Франции с существованием социального вопроса, порожденного возникновением промышленного капитализма.

Рождение и эволюция этой профессии происходят под сильным (определяющим) влиянием внешних к профессии сил, связанных с погруженностью профессии в капиталистический общественный порядок и ее функционированием как профессии университетских преподавателей. Книга Адама Смита «Богатство народов» была переведена на французский язык и получила во Франции широкое распространение. Ж.-Б. Сэй способствовал распространению ее идей в этой стране. Э. Сейдж пишет, что французские промышленники, ставшие с развитием капитализма наиболее влиятельной социальной

группой, нашли в произведениях Смита и Сэя «оправдание правомерности их деятельности, утверждение их материального богатства и «научную» поддержку принципов *laissez-faire* и правительственного невмешательства» [Sage, 2009, c. 23]. Французские экономисты увидели для себя хорошие возможности профессионализации своей дисциплины, связанные с актуальностью социального вопроса. Для того чтобы получить «научный статус и власть» дисциплина «ограждала себя от нежелательного знания», «возвышала определенные типы знания и дисквалифицировала другие» [Sage, 2009, c. 6]. Нежелательное знание касалось, прежде всего, социального вопроса: «Именно промышленники предлагали описания социального вопроса и предложения по его решению, которые экономисты изучали, продвигали и интегрировали в свою науку» [Sage, 2009, c. 7]. При этом они опирались на фиктивных «ими придуманных Адама Смита и Жана-Батиста Сэя» [Sage, 2009, c. 19], игнорируя в их учениях все, что противоречило бы принципу *laissez-faire*. Содержание их статей и книг определялось «их желанием защитить социальный порядок и страхом перед социализмом» [Sigot, 2010, c. 777].

Среди французских экономистов одним из «наиболее видных сторонников мнения о том, что в своей нищете рабочие виноваты сами, был экономист Шарль Дюнуайе. Он указывал, что буржуазия сама вышла из средневекового рабочего класса и сумела подняться по социальной лестнице благодаря напряженной работе, бережливости и нравственности. Если рабочие XIX века неспособны подняться по социальной лестнице, как это в свое время сделала буржуазия, то это связано, скорее с недостатком усилий с их стороны, отсутствием морали и невежеством, а не экономической системой *laissez-faire*» [Sage, 2009, c. 15]. Бедность Дюнуайе фактически рассматривал как важный, выгодный обществу социальный механизм: «Это хорошо, что в обществе есть возможность падения для тех семей, которые плохо себя ведут, и возможность оправиться в случае, если они поведут себя хорошо. <...> Возможно, что именно страдания и целительный ужас, сопровождающие бедность, развивают наш разум и ведут к добродетельной практике, которые действительно необходимы для прогресса нашего человеческого рода и его стабильного развития» [Dunoyer, 1846, c. 214].

В середине XIX века курсы политической экономии сознательно создавались как средство поддержки существующего общественного порядка. Вот что французский министр народного образования В. Дюрю и писал в 1864 году в своем докладе Императору Наполеону III по поводу создания кафедры политической экономии на париж-

ском факультете права: «В свое время Ваше Величество обратилось к руководителям национальной промышленности с призывом распространения среди занятых у них рабочих здоровых идей политической экономии. Вы, Государь, утверждали также, что обязанностью правительства является распространение этих важных идей, которые, по словам английского министра того времени, спасли Англию от социализма. Эту необходимость распространения идей политической экономии, провозглашенную Императором четырнадцать лет тому назад, страна полностью осознала сегодня. Общественное мнение требует заполнения досадного пробела в нашей системе общего образования и несколько городов уже объявили организацию у себя курсов политической экономии» [Dumez, 1985, с. 43–44].

ВИДЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ВОПРОСА У Д. РИКАРДО, К. МАРКСА И Г. ШМОЛЛЕРА

В своей трактовке социального вопроса, Ш. Дюнуайе не был оригинален, практически он многое заимствовал из «Начал политической экономии и налогового обложения» Д. Рикардо [Рикардо, 1955]. Рикардо считал, что «труд имеет свою естественную и свою рыночную цену. Естественной ценой труда является та, которая необходима, чтобы рабочие имели возможность существовать и продолжать свой род без увеличения или уменьшения их числа» [Рикардо, 1955, с. 85]. Он верил, что цены на все покупаемые и продаваемые предметы устанавливаются на основе соотношения спроса и предложения. В рамках этой логики Д. Рикардо и рассматривает проблему бедности: «Рыночная цена труда есть та цена, которая действительно платится за него в силу естественного действия отношения между предложением и спросом: труд дорог, когда он редок, и дешев, когда имеется в изобилии. Но как бы рыночная цена труда не отклонялась от естественной цены его, она подобно цене товаров имеет тенденцию сообразоваться с нею. Когда рыночная цена труда превышает его естественную цену, рабочий достигает цветущего и счастливого положения, он располагает большим количеством предметов необходимости и жизненных удобств и, может, поэтому вскормить здоровое и многочисленное потомство. Но когда вследствие поощрения к размножению, которое дает высокая заработная плата, число рабочих возрастает, заработная плата опять падает до своей естественной цены. Она может даже иногда в силу реакции упасть ниже последней. Когда рыночная цена труда ниже его естественной цены,

положение рабочих в высшей степени печально: бедность лишает их тогда тех предметов комфорта, которые привычка делает абсолютно необходимыми. Лишь после того, как лишения сократят их число или спрос на труд увеличится, рыночная цена труда поднимается до его естественной цены, и рабочий будет пользоваться умеренным комфортом, который доставляет ему естественная норма заработной платы» [Рикардо, 1955, с. 86].

Далее с этих позиций Рикардо критикует принятые в Англии законы, нацеленные на помощь бедным: «Так же как и при всяких других соглашениях, размеры заработной платы должны быть предоставлены частной и свободной рыночной конкуренции и никогда не должны контролироваться вмешательством законодательства. Явная и прямая тенденция законов о бедных прямо противоречит этим очевидным принципам; эти законы ведут не к улучшению положения бедных, что имели в виду благодушные законодатели, а к ухудшению положения и богатых и бедных. <...> Не подлежит никакому сомнению, что комфорт и благосостояние бедных не могут быть постоянно обеспечены, если вследствие их собственных стараний или некоторых усилий со стороны законодательства не будет урегулировано возрастание их численности и ранние и непредусмотрительные браки не станут менее частыми в их среде. Действие системы законов о бедных было прямо противоположно. Они делали воздержание излишним и поощряли неблагоразумных, предлагая им часть заработной платы благоразумных и трудолюбивых. <...> Всякий план реформы законов о бедных, который не ставит себе конечной целью их отмену, не заслуживает ни малейшего внимания» [Рикардо, 1955, с. 95–96].

Итак, по мнению Рикардо, всякая помощь или какое-либо другое законодательное вмешательство по отношению к доходам бедных нарушает действие естественных законов рынка и тем самым вредно как богатым, так и самим бедным[1].

Попался на удочку «естественных законов» и Карл Маркс: «Общество, если даже оно напало на след естественного закона своего развития, — а конечной целью моего сочинения является открытие экономического закона движения современного общества, — не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами. Но оно может сократить и смягчить муки родов» [Маркс, 1983, с. 7–8]. Много позаимствовав у Смита и Рикар-

[1] Как уже отмечалось ранее традиция апеллировать в экономических рассуждениях к естественным законам идет от Ф. Кенэ [Dostaler, 2008–2009].

до в анализе капиталистического общественного порядка, К. Маркс не считал его вечным, и решение социального вопроса видел в свержении этого порядка (сокращении мук родов). Следуя Рикардо, который «сознательно берет исходным пунктом своего исследования противоположность классовых интересов, заработной платы и прибыли» [Маркс, 1983, с. 12], Маркс характеризует их как *антагонистические*. Слова с корнем «антагонист» встречаются в «Капитале» Маркса не реже, чем слова однокоренные со словом «естественный» в «Богатстве народов» Смита. Вот пример характерного предложения из «Капитала»: «Накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, муки труда, рабства, невежества, огрубения и моральной деградации на противоположном полюсе, то есть на стороне класса, который производит свой собственный продукт как капитал. Этот антагонистический характер капиталистического накопления в различных формах признан экономистами, хотя они сваливают в одну кучу с ним отчасти аналогичные, но, тем не менее, существенно отличные явления докапиталистических способов производства» [Маркс, 1983, с. 603]. Таким образом, с одной стороны, капиталистические экономические законы являются естественными и, таким образом, не могут быть ни отменены, ни скорректированы, а с другой — они носят антагонистический характер, и, следовательно, по Марксу, противоречия между работодателями и наемными работниками являются непримиримыми и строй, основанный на разделении работодателей и наемных работников, должен быть заменен другим, где этого разделения нет.

Видение социального вопроса у Густава Шмоллера и его школы было отличным от видения его как у Рикардо, так и Маркса. Шмоллер отказался как от естественных экономических законов, так и от непримиримого антагонизма между работодателями и их наемными работниками. Я позволю себе привести здесь длинную цитату из работы Г. Шмоллера под названием «Справедливость в народном хозяйстве»[1]: «Старая смитовская политическая экономия <...> находила свой идеал справедливости исключительно в свободе договоров. Исходя из представления, что по природе все люди равны, она требовала для этих равных людей только свободы и надеялась, что в таком случае будут заключаться договоры относительно одинаковых для обеих сторон ценностей с одинаковыми выгодами. Она не знала ни общественных классов, ни значения общественных институтов для народно-хозяйственной жизни. Социальная динамика слагается,

[1] *Schmoller G.* Die Gerechtigkeit in der Volkswirtschaft. 1881.

по ее взгляду, исключительно из деятельности отдельных личностей, отдельных договоров этих личностей. Поэтому она и не могла требовать никакой иной справедливости. То, чего она требовала, не было само по себе ложно, но оно было только частью справедливости. Мы требуем теперь, рядом со справедливым меновым оборотом, прежде всего *справедливых народнохозяйственных институтов, то есть, мы требуем определенной совокупности нравственных и юридических правил, которые управляли бы группами совместно работающих и совместно живущих людей* (выделено мною — В. Е.) в некоторых сторонах их деятельности, — требуем того, чтобы *результаты их деятельности стояли в согласии с теми идеальными представлениями о справедливости, которые в настоящее время являются у нас господствующими на основании наших религиозных и нравственных представлений или должны достигнуть господства в будущем* (выделено мною — В. Е.). Мы не признаем того, что эти институты являются постоянными в истории и необходимы для всех будущих времен. По отношению к каждому из них мы производим исследование его результатов, спрашиваем, каким образом оно возникло, какие представления о справедливости его породили и в какой степени необходимо оно в настоящее время» [Шмоллер, 2012, b, с. 53–54]. Итак, вместо естественных законов — институты, а вместо либо сохранения статус-кво, либо революционного свержения капитализма, решение социального вопроса видится Шмоллером в переходе к справедливым народнохозяйственным институтам, которые реформируют, а не ликвидируют частную собственность и наемный труд. Такое видение социального вопроса произошло в рамках кардинальной смены парадигмы экономической науки. Решение социального вопроса в рамках новой парадигмы экономической науки предполагало детальное изучение его проявлений и разработку законодательных мер, нацеленных на их устранение.

Шмоллер «связывал возможности социальной реформы с существованием аристократических элит». Он заявлял, что опасности социализма могут быть предотвращены только в том случае, если «королевская власть и чиновники, эти самые естественные представители идеи государства, единственные нейтральные элементы в социальной борьбе классов, связанные с идеей либерального государства и усиленные лучшими силами парламентаризма, решительно и уверенно выступят с инициативой разработки и принятия законодательства широкомасштабной социальной реформы» [Bruhns, 2004, с. 48]. Шмоллер сохранял это убеждение до конца своих дней. Хайнрих Херкнер (Heinrich Herkner), сначала ученик, а впоследствии ближайший сотрудник и соратник Шмоллера, так охарактеризовал

фундаментальное противоречие присущее этому убеждению: «Шмоллер предполагал, что у Германии был если не парламентский, то, по крайней мере, конституционный режим. В действительности же эта власть была крайне опасной смесью безответственной аристократии и парламентаризма»; но, что особенно важно, так это то, что «высший корпус государственной службы так глубоко был пропитан идеалами консервативной стороны [то есть тех, кто стоял за сохранение существующего порядка], что можно было очень ограниченно говорить об их надклассовым и надпартийным положением» [Ibid.].

РОЛЬ ЭКОНОМИСТОВ НЕМЕЦКОЙ ИСТОРИКО-ЭТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ В СОЦИАЛЬНЫХ РЕФОРМАХ ОТТО ФОН БИСМАРКА

Как отмечает Л.Н. Беспалова, «социальный аспект внутренней политики О. Бисмарка редко обращал на себя внимание советских и российских исследователей» [Беспалова, 2013, с. 69]. Тем более это касается прослеживания причастности экономистов к его социальной политике. Как правило, указывается влияние на эту политику идей «государственного социализма» в интерпретации Ф. Лассаля и К. Родбертуса. В частности, на такое влияние впервые обратил внимание еще в 1890 году русский экономист, академик Российской академии наук, профессор Московского университета И.И. Янжул [Янжул, 1890]. В зарубежной литературе по социальным реформам Бисмарка, если и указываются какие-то другие влияния, то среди них практически никогда не раскрывается роль в подготовке этих реформ экономистов историко-этической школы во главе со Г. Шмоллером. Исключением является книга Е. Гриммера-Солема (*E. Grimmer-Solem*) [Grimmer-Solem, 2003]. Объясняется такое пренебрежение этой школой укоренившимся пониманием деятельности экономистов (а иногда и социологов с политологами) либо как социальных (и/или политических) философов, либо как «социальных физиков» (ньютоновского периода развития физики), ищущих естественные экономические законы.

Что из себя представляет профессия экономистов, возникшая во второй половине XIX века? Как уже отмечалось в предыдущей главе, экономическая мысль существует в четырех лицах: наука, философия, идеология и утопия и если под наукой понимать действительные (а не выдуманные) исследовательские практики, принятые в естествознании, то в истории экономических учений можно обнаружить

несколько островков науки в море философии, идеологий и утопий. Именно немецкая историко-этическая школа, возглавляемая Шмоллером, и стала одним из упоминавшихся ранее островков экономической дисциплины как науки. Для реформаторской деятельности нужны как доктрины, которые дают ей направление, так и детальные знания о существующих социальных практиках с тем, чтобы оценить реальность доктрин и, что не менее важно, осуществлять реалистичные изменения существующих социальных практик. Сами эти изменения осуществляются не учеными, а политиками и акторами, вовлеченными в реформируемые практики, а ученые поставляют политикам и другим акторам доктрины и знания о реальности. Многие негативные, а нередко просто катастрофические, последствия деятельности профессии экономистов были вызваны тем, что они ограничивались снабжением политиков только доктринами, но никак не реальными знаниями о действительности, которая подлежит реформированию. Пионерский вклад школы Шмоллера как раз и состоит в том, что она дала пример того, как профессия экономистов может способствовать реформам, принося политикам детальные знания о реформируемой реальности.

Долгосрочная эффективность какой-либо реформы зависит от трех факторов: от доктрины, которая положена в ее основу; от качества знания о реформируемой реальности; и последнее, но далеко не последнее по важности, от характера политического процесса реформирования[1]. Как и в СССР, российские руководители не озадачивают экономистов детальным изучением реальности. Очень интересно в этом отношении свидетельство В.Л. Глазычева о его беседе с одним из высокопоставленных российских чиновников: «Мы говорили: “Страну неплохо бы знать”. А нам говорили: “Да не надо ее знать совершенно”»[2]. Подход Шмоллера был противоположен для того, чтобы знать «как надо», нужно знать «как оно есть», но проблема состоит в том, что узнать «как оно есть» требует *очень большой работы* по сбору информации, ее анализу и *нужно быть очень мотивированным социально*, чтобы ее качественно сделать.

Социальные реформы Бисмарка оказались долгосрочно достаточно успешными. Какие из трех вышеназванных факторов обеспечили ее успех? В распоряжении немецкой общественности того времени была доктрина социального государства Лоренца Штейна в

---

[1] В моих работах [Yefimov, 2003; Ефимов, 2009; 2010] показано, как все эти три фактора повлияли на долгосрочную неэффективность аграрных реформ, проводимых в России начиная с середины XIX века.

[2] URL: http://polit.ru/article/2004/09/21/glaz/.

форме «социальной монархии». Эта доктрина вряд ли была реалистична, так как можно было очень ограниченно говорить о надклассовом и надпартийном положении высшего корпуса немецкой государственной службы того времени. В политический процесс создания социального законодательства не были активно вовлечены его бенефициары, а именно рабочие (например, через их профсоюзы), что создавало риск не учета их интересов, чаяний и реальностей их производственной деятельности и быта. Можно сделать вывод, что успех реформ обеспечило детальное знание составителями социального законодательства реальностей проявления социального вопроса, где роль Шмоллера и его профессиональной организации экономистов «Союза за социальную политику» (*Verein für Sozialpolitik*) была решающей.

Как профессия экономистов в России могла бы способствовать продвижению страны к социальному государству? Для этого нужно перестать пропагандировать и развивать социально вредные доктрины, чем сейчас активно занимается существенная часть представителей профессии, а начать изучать действительность на основе адекватной методологии, и обеспечить информационное обслуживание демократического процесса принятия государственных решений. При этом следует в своей методологии исследований опираться не на таких философов как К. Поппер или И. Лакатос или материалистическую диалектику Карла Маркса, а на прагматизм Ч. Пирса и Д. Дьюи, а также современный конструктивизм. Что касается обеспечения экономистами информационного обслуживания демократического процесса принятия государственных решений, то вот что Дьюи писал на эту тему: «Любое экспертное управление, при котором массы не получают возможности информировать экспертов о своих потребностях, есть не что иное как олигархия, правящая в интересах меньшинства... Иными словами, насущной потребностью общественности является совершенствование методов и условий проведения дебатов, обсуждения вопросов и убеждения граждан. В этом и состоит основная проблема общественности <...>. Успешность решения данной задачи, в сущности, зависит от раскрепощения и усовершенствования исследовательских процессов и распространения выводов, полученных в результате данных исследований. Само же исследование является задачей, целиком ложащейся на плечи экспертов. Но демонстрировать свои особые знания и умения эксперты должны не на ниве формирования и осуществления политических стратегий, а в области обнаружения и популяризации тех фактов, от знания которых зависит любая политика <...>. Нет никакой необходимости в

том, чтобы знаниями и умениями, требующимися для осуществления соответствующих исследований, обладали многие члены общества; достаточно, чтобы эти многие были в состоянии судить о том, какое значение имеет добытое другими знание для общества в целом» [Дьюи, 2002, с. 151–152]. В бисмарковской монархической Германии предвосхитить и реализовать такое видение роли экспертов в полной мере на практике было невозможно, однако Шмоллер со своей школой сделал важные шаги в этом направлении.

СОЮЗ ЗА СОЦИАЛЬНУЮ ПОЛИТИКУ И МЕТОДЫ ЕГО РАБОТЫ

В 1873 году, два года спустя после объединения Германии, был основан Союз за социальную политику (*Verein für Sozialpolitik*). Эта была необычная ассоциация экономистов, созданная не для того, чтобы организовывать ежегодные конференции, где члены ассоциации могли бы представить доклады по своим выполненным индивидуально работам, а для того чтобы своими исследованиями коллективно способствовать решению социального вопроса. Германия отставала от Великобритании и Франции в области индустриализации и урбанизации. Шмоллер и его коллеги находились под большим впечатлением от исследований Энгельса о положении рабочего класса в Англии и Штейна — о ситуации во Франции. Они рассматривали эти исследования как указания на то, что может произойти в будущем в Германии. «Яркие описания Энгельсом промышленной неустойчивости и сотворенного самими людьми ада, образовавшегося в результате промышленного развития, хаотичной урбанизации, многочисленных злоупотреблений и лишений, которым подвергался рабочий класс, что порождало моральное и этическое вырождение, а также полной беспомощности благотворительности помочь рабочим, а также жестокости заводчиков и беспечность британского правительства в решении этих проблем, вызвала сенсацию в Германии» [Grimmer-Solem, 2003, с. 110]. Как и Штейн, Энгельс характеризовал рабочий класс как все более и более однородный и политически организованный. «Трудно переоценить влияние на читающую публику этих двух работ, особенно потому, что во многих важных аспектах они подтверждали друг друга и описывали немецкому бюргеру общества кошмара, пророчествуя тоже самое для Германии» [Ibid.]. В начале 1860-х годов Шмоллер был хорошо знаком с рабо-

тами Штейна и Энгельса. Он даже собирал информацию из британских газет с целью сравнения с данными из этих книг.

В своем выступлении на первом заседании Союза за социальную политику Шмоллер «предупреждал об угрозе социальной революции, порожденной разделением между работодателем и работником, имущим и неимущим классами, и заявил, что популярные экономические убеждения относительно коммерческой свободы и экономического индивидуализма вполне могли создать скорее даже больше беспорядка, а не “розовое” будущее, которое эти убеждения представляли» [Tribe, 2002, с. 10]. По его словам, «только немецкое государство было в состоянии уменьшить социальную напряженность и способствовать национальному единству, потому что стоя выше эгоистичных классовых интересов, оно путем введения новых законов, а также ведя справедливой рукой управление, защищает слабых и поднимает низы» [Ibid.].

Представители имущих классов отрицали существование социального вопроса, но с национальным объединением информированием национального правительства, стало больше известно относительно реальностей экономических условий. А именно, что фабричные законы, фабричные инспекции, профессиональные организации, а также третейские суды были на самом деле все устранены [Grimmer-Solem, 2003, с. 178]. Для того чтобы детально узнать и понять, что же происходит на самом деле «новая организация [*Verein für Sozialpolitik*] была задумана как орган, нацеленный исключительно на исследование социального вопроса, результатом которого будет обеспечение [всех вовлеченных в процесс принятия решений] научно полученной, полной, и, прежде всего, практической информацией для [разработки и проведения] реформы. Эта информация была предназначена для центристских политических партий, общественности, законодателей и правительственных чиновников. Создатели Союза надеялись, что собранная и проанализированная ими «научная» информация будет затем использоваться в качестве основы для принятия политических решений, и, тем самым процесс принятия решений не будет ослеплен туманом экономических идей, за которыми стоят интересы той или иной стороны» [Grimmer-Solem, 2003, с. 179].

При этом членам Союза неизбежно пришлось решать важнейшие методологические вопросы относительно природы социальных регулярностей, роли статистических данных при выявлении этих регулярностей и того, как соотносятся человеческая свобода воли и социальные регулярности [Grimmer-Solem, 2003, с. 154–160]. Стандартные ответы экономистов того времени на эти вопросы, с кото-

рыми согласны и многие экономисты нашего времени, состоят в том, что экономика подвержена неким естественным законам, которые существуют независимо от воли человека и что эти законы носят количественный статистический характер, которые могут выявляться статическими методами. Ближайший сотрудник Шмоллера Г.Ф. Кнапп противопоставлял этому следующее: «Статистические данные показывают нам фактическую вплетенность личности в связи общества, истории и традиции. <...> Индивид, рассматриваемый с этической точки зрения, обладает личной свободой в той мере, в какой его поведение определяется не внешними законами, а внутренними решениями. Видение его статистически очень ограничено, однако возможно, так как он не может выйти из связей, в которых он родился, и поэтому он подвергается очень схожим мотивам, что и его собратья. Внутреннее объяснение законоподобного поведения формирует новую школу, которая может процветать только тогда, когда господа статистики узнают что-то большее, кроме их жалкого числового артистизма» [Grimmer-Solem, 2003, с. 159]. Ранее уже упоминалось, что некоторые современные экономисты магистрального направления также приходят к аналогичному выводу [Акерлоф, Крэнтон, 2011].

Не побоюсь повторить еще раз то, что уже было сказано в Предисловии: Шмоллер и его коллеги пришли к революционному для экономической науки методологическому положению, что *источниками регулярностей в функционировании определенного экономического объекта*, например, национальной экономики, являются *формальные и неформальные* правила, которым следуют сообщества людей, привязанных к этому объекту. Причем как *за формальными, так и неформальными правилами стоят разделяемые этими сообществами определенные убеждения-верования*, нередко берущие свое начало в истории сообществ. Шмоллер прямо связывал понятие института с понятием сообщества: «Под политическим, юридическим, экономическим институтом мы понимаем служащий определенным целям порядок жизни *сообщества* (выделено мною — В. Е.), достигнутый на некоторый момент времени, который служит рамками и формой для действий следующих друг за другом поколений» [Schmoller, 1920, с. 61]. *Институты и социальные организации* представлялись ему «как наиболее важный результат *моральной жизни, как ее кристаллизация* (выделено мною — В. Е.» [Ibid., с. 61]. По Шмоллеру, когда мы говорим об определенном институте, речь идет о «наборе привычек и правил морали, обычаев и норм права, связанных между собой и имеющих общую цель, образуя, таким образом, определенную сис-

тему, которая осваивается членами сообщества в результате практического и теоретического обучения и, являясь прочно укоренившейся в жизни сообщества, эта система, как типичная форма действия, вовлекает в себя все его живые силы» [Ibid., с. 61–62]. Школа Шмоллера во время своего существования называлась не исторической, как это принято говорить сейчас, а этической или историко-этической [Nau, 2000].

Детальное изучение действующих институтов нужно было не только для того, чтобы точно знать, что нужно менять, но также и для того, как и насколько их можно менять, исходя из того, что введение новых правил должно принимать во внимание укорененные привычки и традиции во избежание того, что новые правила могут быть отторгнуты или деформированы[1]. Для того чтобы оценить укорененность реформируемых институтов, необходимо было обязательно проследить их историческое происхождение. Для Шмоллера и его коллег социальная реформа была процессом постепенной институциональной адаптации. Институты были «средством создать для современной промышленной экономики новый морально-этический порядок» [Grimmer-Solem, 2003, с. 168]. В учебниках по истории экономической мысли можно найти следующую историю столкновения мнений между Шмоллером и В. Парето: «Густав Шмоллер как-то возразил Парето, что никаких экономических законов нет. В ответ на это последний вежливо осведомился, можно ли бесплатно пообедать в ресторане. Шмоллер пренебрежительно сказал, что это, конечно, невозможно. Но это, отпарировал Парето, и есть естественный экономический закон»[2]. Нам неизвестно, продолжался ли этот диалог дальше, но Шмоллер вполне мог бы ответить Парето, что необходимость платить за обед в ресторане не есть «естественный экономический закон», а представляет собой правило, являющееся частью действующей институциональной системы. Система эта или ее часть могут быть подвергнуты изменениям: так, например, во Франции существуют рестораны для бедных, где в определенное время можно пообедать бесплатно.

Союз за социальную политику развертывал свою работу, заказывая своим членам исследования социально-экономических проблем, основанную на сборе данных для понимания общественных отношений и явлений, связанных с социальным вопросом, и доклады по

---

[1] Такое отторжение и деформация наблюдались в России на протяжении всех 1990-х годов.

[2] *Селигмен Б.* Основные течения современной экономической мысли. М. : Прогресс, 1968.

этим исследованиям заслушивались на его заседаниях. Во многих случаях Союз получал финансовую поддержку от правительственных учреждений для сбора этих данных [Tribe, 2002, с. 12]. Среди исследуемых проблем были такие, как эффективность фабричных законов, проблемы и злоупотребления, порождаемые обществами с ограниченной ответственностью, устройство органов промышленного арбитража, реформирование прямого налогообложения в интересах социальной справедливости, заводское регулирование относительно здоровья и безопасности, ответственность завода за болезнь и травмы работников, ограничения на работу женщин и детей, регулирование ученичества, регулирование продолжительности рабочего дня, реформа торговых палат, правовая защита бастующих рабочих и профсоюзов [Grimmer-Solem, 2003, с. 184–185].

Благодаря Союзу за социальную политику, в сообществе немецких экономистов хорошую профессиональную практику стали отождествлять с эмпирическими исследованиями. Союз направлял и организовывал экономические исследования через постоянные программные комиссии своих ежегодных конференций. Эти конференции были не просто встречами представителей профессии для обмена результатами своих исследований. Они были, прежде всего, местом обсуждения заказанных Союзом за социальную политику исследований. «Заблаговременно до начала конференции постоянные программные комиссии Союза проводили встречи, на которых выдвигались и голосовались темы, которые будут обсуждаться на конференции. Комиссии формулировали вопросы [на которые исследования должны дать ответы] и определяли параметры будущих исследований [в том числе проводимых путем бесед на местах проведения исследований] (для обследований разрабатывались подробные вопросники), которые затем передавались экспертам и, все чаще, группам экспертов в виде заказов на проведение исследований. <...> Результаты этих исследований и обследований затем кратко формулировались в отчетах, которые распространялись среди членов Союза заблаговременно до начала конференции [на которой эти исследования и будут обсуждаться]. <...> После конференции, заказанные исследования публиковались в серии монографий Союза. <...> Чтобы получить представление о масштабах исследований Союза, можно указать, что к 1914 году он публиковал около 140 томов своих трудов со средним объемом около 350 страниц» [Grimmer-Solem, 2003, с. 69–70].

Результаты исследований проводимых Союзом за социальную политику имели непосредственное влияние на законодательную

деятельность в Германии. 6 июля 1884 года был принят закон о страховании рабочих от несчастных случаев. «Он вводил обязательное страхование всех рабочих и ряда групп служащих с годовым доходом не более 2 тысяч марок и гарантировал им помощь при несчастном случае на работе. Проект закона о медицинском страховании, в разработке которого принял участие О. Бисмарк, впервые был представлен на рассмотрение рейхстага 29 апреля 1882 года. <...> Закон о медицинском страховании был принят в июне 1883 года. Его действие распространялось на рабочих и служащих большинства отраслей с дневным заработком не более 6,6 марок. Медицинское страхование вступало в силу в случае профессиональной болезни или производственной травмы, которая не излечивалась более 13 недель. Законопроект о пенсионном обеспечении пожилых рабочих и опеке над инвалидами обсуждался в рейхстаге с 1881 по 1889 год. В силу закон вступил 1 января 1891 года, его основу составляло положение об обязательном страховании широкого круга рабочих и служащих с годовым доходом не более 2 тысяч марок» [Беспалова 2011, с. 232].

Г. Шмоллер влиял на профессию экономистов в Германии не только через деятельность Союза за социальную политику, но, благодаря своей роли посредника между правительственными и академическими учреждениями, он оказывал большое влияние на назначения на должности и повышения в должности в прусских университетах [Tribe, 2002, с. 9]. Шмоллер, вступая в 1897 году в должность ректора Берлинского университета, в своем программном докладе, посвященном экономической науке, утверждал, что экономистам, ориентированным на экономический либерализм или марксизм, место не в университетах, а в политических партиях, дирекциях политических изданий, профсоюзах и союзах предпринимателей. По его мнению, они не могут быть полезными профессорами и занимать кафедры [Schmoller, 1998, с. 205]. Работая над проблемами обуздания буржуазии в ее отношениях с рабочими, а также улучшения положения трудящихся, Шмоллер был противником марксисткой политической экономии. Он считал, что Маркс «не изучает человека, его действия и его институты, но показывает с помощью диалектики и внешне неоспоримых математических формул магию процесса технико-капиталистического производства. Капитал представлен как вампир, сосущий кровь рабочих. С точки зрения метода, это шаг назад по отношению к Гегелю, а именно возврат к схоластике» [Schmoller, 1998, с. 195]. И я совершенно согласен с этим мнением Шмоллера. Трагической ошибкой марксисткой политической экономии являлась ее недооценка, а, может, даже и полное непонимание

роли предпринимателей в промышленно развитом обществе. Эта ошибка проистекала от того, что она в значительной степени развивалась в рамках того же самого механистического и гипотетико-дедуктивистского мировоззрения эпохи Просвещения, что и классическая политэкономия, где человеку действующему не было места. Справедливое и эффективное общество это не общество без предпринимателей, а общество с реальной демократией, где буржуазия, равно, как и связанная с ней часть государственной бюрократии, перестанут идеологически, культурно и политически доминировать над обществом, и где формальные и неформальные правила, а также общественная мораль, не дадут им такой возможности.

ГЛАВА 6.
КАК КАПИТАЛИЗМ, УНИВЕРСИТЕТ И МАТЕМАТИКА СФОРМИРОВАЛИ МАГИСТРАЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

Каким образом классическое, а затем неоклассическое экономическое направление стало доминирующим? Сейчас среди тех, кто вообще задумывается над этим вопросом, распространена следующая теория функционирования и эволюции профессии академических (университетских) экономистов:

1. Профессия академических (университетских) экономистов состоит из независимых исследователей-преподавателей, которые взаимодействуют друг с другом желая убедить коллег в своей правоте.

2. Победа той или иной парадигмы исследования и преподавания происходит в том случае, когда ее представителям удается убедить большинство членов профессии в правильности своего подхода.

3. Победить какому-то подходу, парадигме, удается тогда, когда его адепты могут «продемонстрировать прежде неизвестные объяснения, показать новые причинно-следственные связи, предложить новую интерпретацию имеющихся данных, интерпретацию, обогащающую наше понимание происходящего в экономике на разных уровнях»[1].

Здесь, в этой книге, я предлагаю совсем другую теорию функционирования профессии академических (университетских) экономистов[2]. В соответствии с этой теорией, профессия академических (университетских) экономистов состоит не из независимых исследователей-преподавателей, а представляет собой социальный институт (то есть совокупность принятых в определенном сообществе, в данном случае сообществе экономистов, формальных и неформальных правил) и деятельность каждого члена сообщества академических (университетских) экономистов определена этим институтом (то есть этими правилами). Понимание внутри этого сообщества, что является «убедительным», а что нет, также является производным от этого института (то есть от принятых правил и убеждений их сопро-

[1] Я благодарен Ивану Болдыреву из ВШЭ за эту формулировку.

[2] Эта теория, начальная версия которой была опубликована в [Ефимов, 2011, b], не априорна, а выведена мною из многолетнего включенного наблюдения в разных странах за профессией экономистов, а также из исследований историков экономической профессии, которые работали с первичными источниками, в том числе архивными.

вождающих). Кардинальное отличие института естественнонаучных дисциплин от института экономической дисциплины (institution of economics) состоит в том, что центральным и конечным предметом обсуждения внутри сообщества естественников являются эксперименты[1] (недаром естественников называют естествоиспытателями), а центральным и конечным предметом обсуждения внутри сообщества экономистов являются абстрактные теории[2]. Это требование к политической экономии четко сформулировал Милль[3]. Теория рождения и эволюции профессии академических (университетских) экономистов, которую я развиваю в этой книге, исходит из того, что, как я писал выше, эти рождение и эволюция происходят под сильным (определяющим) влиянием внешних к профессии сил, связанных с погруженностью профессии в капиталистический общественный порядок и ее функционированием как профессии университетских преподавателей с неизбежным подчинениям ее представлениям времени ее возникновения, что из себя представляет профессия университетского преподавателя. По существу, начала этой теории функционирования профессии академических (университетских) экономистов уже были изложены в предыдущих главах этой книги. В этой и последующих главах книги я продолжу изложение институциональной истории экономической мысли послужившей основой этой теории.

Итак, как мы видели в предыдущей главе, возникновение профессии экономистов в середине XIX века во Франции, и как увидим позже, также в Англии и США, было связано с существованием социального вопроса вызванного ранним капитализмом. Французские экономисты-любители XIX века, сторонники идей Кенэ относительно естественного порядка, естественных законов и *laissez-faire* были

[1] В сообществе естественников принятие или отбрасывание тех или иных теорий происходит на базе обсуждения экспериментов, а так как, еще в колыбели института естествознания, Лондонском королевском обществе, с самого начала правдивость в свидетельствовании результатов эксперимента и его честной интерпретации была высшей ценностью и неукоснительным правилом, то и институт успешно продвигался по пути познания природы.

[2] Значение абстракции Маркс определяет так: «При анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции» [Маркс, 1983, с. 6].

[3] «В определении предмета, которое мы попытались сформировать для науки политической экономии, мы характеризовали ее как по существу *абстрактную* науку и ее метод как — метод *apriori*. Такой [метод] в понимании и преподавании [другим] всех самых выдающихся учителей, несомненно, является отличительной чертой [политической экономии]. Она ведет рассуждения и, как мы утверждаем, обязательно должна вести рассуждения от предпосылок, а не от фактов» [Милль, 2012, с. 60–61].

хорошо подготовлены для теоретического обоснования «естественности» тяжелого положения промышленных рабочих и вредности вмешательства государства с целью его улучшения[1]. Уже очень экономически и политически влиятельные в то время промышленники способствовали профессионализации экономистов, выражающих и защищающих их интересы, путем влияния на их идеи и на процесс создания государством кафедр политической экономии в университетах. *Легкость, с которой произошла интеграция экономистов в университеты, объясняется схоластическим характером в XIX веке этих учебных заведений и их нацеленностью на поддержание существующего общественного порядка.* Из этого становится понятным, почему в основу профессионализации французских экономистов были положены произведения Смита и его популяризатора Сэя, а не Буагильбера, Галиани, Стюарта и Руссо. Ярлык науки, который Кенэ присвоил своим экономическим идеям, стал служить легитимизации профессиональной деятельности экономистов как университетских преподавателей.

РОЖДЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ В АНГЛИИ И США

Как уже отмечалось выше, стараниями физиократов экономическая дисциплина попала в ловушку ньютоновской механики, однако ни сам Кенэ, ни его непосредственные последователи не использовали математический аппарат в своих построениях. Спрос на использование этого аппарата у экономистов явно был, так как дифференциальное исчисление было важным атрибутом ньютоновской механики служащей для них образцом. Этот спрос, казалось бы, должен был быть удовлетворен французским математиком Антуаном Огюстеном Курно (1801–1877), который использовал дифференциальное исчисление для построения моделей экономики, однако этого не произошло, так как будучи сторонником вмешательства государства в экономику [Sigot, 2005], он строил математические модели, которые не очень были приспособлены для выражения «идеологической системы» затребованной капиталистическим общественным порядком. Однако физика развивалась и на смену механике во второй половине XIX века пришла термодинамика с соответствующим ей

[1] Когда молодой наследник престола, будущий Луи XVI, спросил Кенэ, что нужно делать, чтобы помочь экономике королевства, он ответил «ничего» [Dostaler, 2008–2009, с. 76].

математическим аппаратом. Этот аппарат был использован Леоном Вальрасом (1834–1910) и Уильямом Джевонсом (1835–1882) в экономике, что получило название «маржиналистской революции»[1]. Тем самым экономическая дисциплина попала еще в одну ловушку, на этот раз термодинамическую. Как блестяще показал Филип Майровски, их построения, давшие начало неоклассической экономической теории, есть не что иное, как переинтерпретация математических конструкций термодинамики середины XIX века. По его мнению, «маржиналистскую революцию» следовало бы переименовать в «маржиналистскую аннексию»: «Неоклассическая экономическая теория присвоила себе целиком физику середины XIX века: полезность была переопределена так, чтобы занять место энергии» [Майровски, 2012, с. 105]. Знание хронологии событий и анализ трудов и биографий «героев» позволили Майровски понять одновременность «открытия» неоклассической экономической теории в 1870-е и 1880-е годы: «Мнимая тайна рассеивается после того, как становится понятным, что физика энергий проникла в некоторые учебники к 1860-м годам и быстро стала основной метафорой обсуждений в физическом мире. Не случайно, что несмотря на кардинально различные культурные и социальные влияния на европейских прародителей неоклассической теории, все они получили образование в области естественных наук. Влияние этого образования на их экономические писания совсем не было особенно тонким, и выявить его не представляет труда» [Mirowski, 1989, с. 217][2]. Таким образом, *возникновение неоклассической теории нужно рассматривать не как какое-то открытие в области экономической науки, а просто как совершенно произвольное наложение на социальную реальность аналитических построений, взятых из совершенно иной, ничего с ней общего не имеющей, области знания* [Carlson, 1997]. *Необыкновенный успех маржиналистской революции объясняется тем, что она очень удачно позволила одеть в математические одежды ту же самую идеологическую систему, присутствие которой в «Богатстве народов» обеспечило успех этой книги.*

В конце XIX века, Альфред Маршалл, взяв на вооружение построения Джевонса и Вальраса, стоял у истоков современного магистрального направления экономической дисциплины и был истин-

[1] Маржиналистской она была названа потому, что теоретические построения Джевонса и Вальраса использовали дифференциальное исчисление с ее предельными (маргинальными) величинами.

[2] Филип Майровски не включает Карла Менгера, основателя австрийской школы в экономической дисциплине и противника Густава Шмоллера в их споре о методах [Шмоллер, 2011] в авторы маржиналистской революции.

ным архитектором института британской экономической науки, который послужил моделью сначала для США, а потом и для всего мира. Важнейшей чертой этого института было дистанцирование экспертов от «людей практики», то есть от акторов. Эта черта была очень характерна для британского сообщества профессиональных экономистов XIX века. Уже Джеймс Милль, отец Джона Стюарта Милля, говорил, что нет худшего авторитета в любой области политической экономии, чем «чисто практические люди» (*mere practical men*) [Coats, 1993, с. 402]. Маршалл также сохранил в целостности традиционный для британской политической экономии абстрактно-априорный подход, четко сформулированный Дж. С. Миллем в статье «Об определении предмета политической экономии; и о методе исследования, свойственном ей», 1836)[1]. «С другой стороны, интегрируя маржиналистскую революцию в свой экономикс, Маршалл сузил предмет экономической дисциплины, устранив из нее такие беспокоящие (*troublesome*) вопросы, как распределение доходов и богатства, структура власти и социальная справедливость [Ibid., с. 396].

Поступив в колледж Сент-Джон Кембриджского университета, Маршалл реализовал свои честолюбивые устремления, заняв второе место по математике, и тут же был принят в аспирантуру, где намеревался посвятить себя изучению молекулярной физики. Однако под влиянием дискуссий, имевших место в Кембридже, он довольно скоро изменил свои планы: «Его стремление изучать физику было (по его собственным словам) пресечено внезапным пробуждением в нем глубокого интереса к философским основаниям знания, особенно в связи с теологией. Когда Маршалл был на последнем курсе в Кембридже, предпочтение, которое он отдавал математике перед древними языками, отнюдь не помешало ему сохранить прежние религиозные верования. Он все еще думал о посвящении в сан и временами даже мечтал стать миссионером в далеких странах» [Кейнс, 1993, с. 7]. Молодой Альфред Маршалл не мог быть безразличным к социальному вопросу, который был в Англии не менее острым, чем во Франции. Следующие отрывки из воспоминаний Маршалла дают ключ к пониманию того, как социальная среда повлияла на него в выборе занятием тем вариантом экономической дисциплины, которая «по словам английского министра того времени, спасла Англию от социализма»: «От метафизики я перешел к этике и считал, что трудно оправдать нынешние условия жизни общества. Один мой друг, весьма начитанный в области, которую теперь

[1] Русский перевод опубликован в [Милль, 2012] и [Милль, 2007, с. 985–1023].

называют наукой о морали, постоянно твердил мне: “Ах, если бы ты разбирался в политической экономии, ты бы так не считал”. Тогда я прочитал “Политическую экономию” Дж.С. Милля, и она произвела на меня глубокое впечатление. У меня возникли сомнения в правильности тезиса о неравных возможностях, противопоставляемого тезису о материальном достатке. Поэтому я во время каникул посещал беднейшие кварталы ряда городов, обходил одну улицу за другой и всматривался в лица самых бедных людей. В результате я решил как можно обстоятельнее изучить проблемы политической экономии. <...> Примерно в 1867 году, когда я преподавал математику в Кембриджском университете, (я задался вопросом) в какой мере условия жизни британских (и иных) трудящихся классов удовлетворительны, чтобы обеспечить им полноту жизни? Люди постарше и мудрее говорили мне, что производственных ресурсов не хватает для того, чтобы огромная масса людей могла пользоваться свободным временем и возможностями для получения образования; и они говорили, что мне необходимо изучить политическую экономию. Я последовал их совету и счел себя лишь временным путешественником в стране сухих фактов, которому затем очень скоро следует вернуться в богатый мир чистой мысли» [Там же, с. 9, 10]. Познакомившись с трудами Рошера, Маркса и Лассаля, «он решил ближе ознакомиться с практическим бизнесом и с жизнью трудящихся классов <...> установить контакты с лидерами профсоюзов, кооперативов и других групп трудящихся. Однако понимая, что изучение практической жизни и труда людей не принесет конкретных результатов в течение многих лет, он решил заполнить это время написанием отдельной монографии или специального трактата о внешней торговле, так как основные факты относительно этой отрасли хозяйства можно почерпнуть из публикуемых документов. <...> Роковым оказалось решение Маршалла отказаться от плана написать серию монографий по отдельным экономическим проблемам в пользу создания всеобъемлющего труда, который должен был родиться целиком и полностью в голове экономического кудесника» [Там же, с. 16–17].

Когда Маршалл в 1885 году стал профессором политической экономии в Кембриджском университете, эта дисциплина в Англии находилась в удручающем состоянии. Репутация ее была низкой в частности из-за острых разногласий ведущих авторов в этой области. В университетах было мало возможностей для преподавания и исследований, политическая экономия занимала очень мало места в учебных планах, в которых «все еще доминировали античная классика и теология». Экономическая дисциплина практически не при-

сутствовала в списке экзаменов, а преподавалась профессорами, чьи интеллектуальные интересы концентрировались на других дисциплинах [Coats, 1993, с. 106]. Маршалл разработал и ввел университетский унифицированный экзамен по экономической теории; таким образом, все студенты пропускались через чистилище неоклассической доктрины. Экзаменационная система по экономикс служила той силой, которая удерживала эффекты «дезинтеграции классической догмы» [Ibid., с. 120]. Маршалл же ввел правило, в соответствии с которым к эмпирическим исследованиям допускались только студенты, имеющие уже степень бакалавра, и тем самым работа с данными канализировалась в соответствии с неоклассической теорией [Ibid., 111]. Маршалл нарочито и успешно оберегал своих студентов от методологических разногласий, которые мучили экономистов его поколения, и способствовал возникновению духа непрерывности поколений, уважения и верности авторитетам прошлого. Половина экономических кафедр в Великобритании были заняты учениками Маршалла, а его влияние на систему экономического образования в этой стране простиралось еще шире [Ibid., с. 107–109]. В течение четверти столетия он, без сомнения, мог влиять на большую часть назначений на должность преподавателей экономикс в Англии [Ibid., с. 121]. Итак, в Великобритании конца XIX века стараниями Маршалла был дан старт институту экономической дисциплины, основанной на неоклассической экономической теории с ее абстрактно-априорным подходом. Как мы уже видели в предыдущих главах, практически в то же самое время (десятилетием ранее) в Германии стартовал институт *совершенно другой экономической науки*, которая, по существу, следовала естественнонаучной экспериментальной традиции.

Направленность британской традиции в политической экономии, а затем и в экономикс на абстрактно-априорный подход выводится из глубоких *теологических традиций британских университетов*. Значительную часть их долгой истории они были нацелены на подготовку *священнослужителей, что* не могло не наложить свой отпечаток. Маршалл был сильным математиком, но слабым философом. В методологии он шел на поводу у Дж.С. Милля, а в области экономической науки развивал и синтезировал теории, которые были созданы до него [Автономов, Ананьин, Макашева, 2008, с. 256]. Молодой Альфред Маршалл оказался, по его собственным словам, «временным путешественником в стране сухих фактов», считая, что «изучение практической жизни и труда людей не принесет конкретных результатов в течение многих лет». Маршалл выбрал «богатый

мир чистой мысли», так как английские университеты того времени были совершенно чужды научной экспериментальной культуре, рожденной в естествознании. Выбор в пользу эмпирических исследований мог оказать негативное, а может быть и роковое влияние на его академическую карьеру.

В конце XIX века профессионализация и связанная с ней институционализация экономической науки активно развивалась за океаном, в США. И здесь возникает уникальная и крайне интересная ситуация институционализации перенесенных из Европы в эту страну *двух образцов экономической науки*, английской и немецкой. В США в это время имеются два типа университетов. Во-первых, это университеты, доставшиеся США в наследство от колониального периода, когда территории, на которых возникла эта страна, были просто заморскими территориями Великобритании. Такие университеты естественно создавались по образцу британских университетов. Во-вторых, после обретения независимости в США возникают новые университеты, которые в XIX веке создавались сразу как исследовательские, имеющие в качестве образца немецкие. К первому типу относится Гарвардский университет. Основанный в 1636 году, он является старейшим высшим учебным заведением страны. Сначала он был конгрегационалистским[1] учебным заведением и в течении многих лет готовил священнослужителей. Свое название, сначала как Гарвардский колледж (1639), а затем и как Гарвардский университет (1780), он получил в честь молодого священника Джона Гарварда. Начиная с середины XIX века христианская религия вдохновляла оба лагеря американских экономистов, как сторонников *laissez-faire*, так и его противников. Его противники были членами движения Социального евангелия (Social Gospel) [Bateman, 1998]. Как пишет американский историк Мэри О. Фернер, сторонники *laissez-faire* были «членами так называемой клерикальной школы академических экономистов, которая тесно сотрудничала с группой состоятельных и видных деловых людей. Их общей целью было основание американской системы экономической дисциплины на базе доктрины *laissez-faire*» и «экономический синтез, возникший в середине XIX века, был результатом совместных усилий академических работников, которые применяли в США английскую классическую политическую экономию в качестве научной замены моральной философии, и американских бизнесменов, которые нуждались имен-

[1] Конгрегационалисты (*Congregational church*; индепенденты) — левая ветвь английского кальвинизма, утверждавшая автономию (*Independence*) каждой приходской общины (*Congregation*).

но в таком обосновании для развивающейся промышленной экономики» [Furner, 1975, с. 36, 37]. Открытый в 1876 году Университет Джонса Хопкинса является первым американским университетом, созданным в соответствии с немецкой моделью исследовательского университета, связанной с именами Вильгельма Гумбольдта, Иоганна Фихте и Фридриха Шлейермахера. Именно здесь первоначально профессорствовал Ричард Эли, который привез традицию немецкой экономической дисциплины в США, о чем речь пойдет в главе 8.

Относительно большинства американских университетов того времени Мэри О. Фернер свидетельствует: «К середине 1870-х годов экономисты сторонники *laissez-faire* укрепили свой контроль над дисциплиной в университетах. Экономика стала наукой о богатстве и полезным оправданием для предпринимателей, которые пожинали плоды растущей экономики. Право принадлежности к профессии экономиста связывалось с верностью системе *laissez-faire*, а не с полученным образованием или проявлением научных способностей <...> *laissez-faire* было больше, чем просто проверка экономической ортодоксии. Вера в *laissez-faire* использовалась в качестве критерия для решения вопроса о том является ли данный человек вообще экономистом» [Furner, 1975, с. 39–40]. Необходимо иметь в виду, что в 1890–1910-х годах, как раз во время институционализации экономической науки, в США достаточно большое количество экономистов, не являющихся сторонниками *laissez-faire*, были подвергнуты преследованиям [Fourcade, 2009, с. 79]. Политические атаки на экономистов побуждали их выбирать «безопасные» области и методы исследования. С этой точки зрения, неоклассическая экономическая теория, в особенности в ее математической форме, была такой идеальной безопасной областью. Вот почему неоклассическая экономическая теория стала «для американских экономистов притягательной исследовательской стратегией, особенно для молодого поколения экономистов, которым еще только предстояло обеспечить себе прочное положение» [Ibid., с. 79–80].

Важную роль в процессе профессионализации экономической дисциплины в США сыграл гарвардский профессор экономики Фрэнк Тауссиг (1859–1940). Он не был включен М. Блаугом в список «Сто великих экономистов до Кейнса» [Блауг, 2009], однако такая оценка не соответствует влиянию этого человека на эволюцию экономической дисциплины в США, а так как после Второй мировой войны она стала доминировать на Западе, то, следовательно, такая оценка не соответствует и его роли в развитии этой дисциплины в

мире[1]. Тауссига рассматривают как «американского Маршалла», который благодаря своему положению в Гарвардском университете, своему знаменитому учебнику 1911 года и контролю на протяжении 40 лет журнала «*Quarterly Journal of Economics*» (он был главным редактором журнала в 1889–1890 и 1896–1935 годах) способствовал распространению Кембриджской версии экономической дисциплины в Соединенных Штатах[2]. Характеризуя преподавательскую деятельность Тауссига, Шумпетер пишет: «Как когда-то Маршалл, он преподавал евангелие своего времени, никогда не выходя за его рамки и ничем не показывая его относительности. <...> Как и Маршалл, базовые элементы теории Тауссиг взял у Милля» [Шумпетер, 2011, с. 287, 304]. Что касается деятельности Тауссига как главного редактора журнала, то «он хотел, разумеется, чтобы его журнал освещал актуальные проблемы, но он предпочитал статьи о тех проблемах, которые можно было обсуждать в свете общих экономических принципов» [Там же, с. 296].

МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ, МАТЕМАТИЗАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ И ТРИ УБЕЖДЕНИЯ ЭКОНОМИСТОВ МАГИСТРАЛЬНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Представители магистрального направления в экономической дисциплине проявляют свое невежество в области истории естествознания, говоря, что критерием научности является измерение и применение математики. Так, например С.М. Гуриев считает, что «только при помощи количественных аргументов наука умеет решать, какие теории верны, а какие — нет» [Гуриев, 2008, с. 140–141]. Как уже отмечалось в Предисловии, такой критерий может привести к абсолютно абсурдным выводам, например, что микробиология Луи Пастера не является научной, так как «ни одного уравнения, ни одного вычисления нет в семи томах полного собрания сочинений Пастера» [Latour, 1994, с. 69]. Гуриев также считает, что «именно "экономический империализм" приносит в общественные науки методологию верификации и фальсификации теории. Поэтому он —

[1] Косвенно значение Фрэнка Тауссига в экономической науке подтверждается современным переизданием многих из его книг, в том числе и его двухтомного учебника «Principles of Economics» («Принципы экономической науки»), увидевшего свет в 1911 года и вновь выпущенного разными издательствами в 2000 и 2003 годах. Далеко не все сто экономистов из списка Блауга удостоены такого внимания.

[2] См. http://en.wikipedia.org/wiki/Frank_William_Taussig.

необходимое условие развития других общественных наук» [Гуриев, 2008, с. 141]. Но если Гуриев думает, что методология верификации и фальсификации теории и есть методология естествознания, то он глубоко заблуждается. Карин Кнорр Цетина, которая проводила углубленное изучение реальных естественнонаучных исследовательских практик, приходит к заключению, что они представляют собой «не какое-то четкое и строгое продвижение по пути верификаций или фальсификаций, а довольно неупорядоченные действия по различного рода экспериментированию» [Knorr Cetina, 1991, с. 107]. Что касается связи экспериментальной («лабораторной») науки с теорией, то на основании своих «полевых» исследований Кнорр Цетина делает следующие выводы: «Большая часть лабораторной науки в молекулярной генетике ни прямым образом не основана на каких-либо теоретических представлениях, ни как кажется, не очень-то вовлечена в их построение. В молекулярной генетике теоретические утверждения могут в действительности быть *ad hoc* "рационализациями" собранных данных» [Ibid., с. 120].

Конструктивистская постнеклассическая методология экономической науки, изложенная в первых двух главах этой книги, концентрирует свое внимание не на процедурах построения теорий и способах их верификации или фальсификации, но на *способах организации экспериментальных ситуаций*, в которых объект и субъект исследования не отделены друг от друга, а активно взаимодействуют. Математика хорошо послужила физике основанной на ньютоновской методологии, однако для общественных наук такая методология неадекватна и должна быть заменена дискурсивной. Применение математики в экономике является реализацией ошибки Декарта [Damasio, 2005] и мечты Декарта [Davis and Hersh, 1990]. Как уже отмечалось выше, картезианский дуализм произвольно разделил знание и действие, объект и субъект, факт и оценку, теории и практики [Bush, 1993, с. 65]. Верификации и фальсификации теорий, о которых говорит Гуриев, представляют собой их тестирование: «Оторванный от наблюдения как *источника* истины, картезианский разум, для того чтобы подтвердить свой реализм, придает большое значение "тестированию". Но тестирование не является гарантией верных идей, так как, потеряв свою швартовку к реальности, экономический разум, создал столько загадок, головоломок и чисто умозрительных конструкций, что тестирование доказывает все и ничего» [Mini, 1994, с. 41].

Применяя математику в своих исследованиях, экономисты магистрального направления разделяют вполне определенные три

убеждения. Первое из них проистекает из классической науки, родоначальником которой считается Галилео Галилей. Языком общения человека с природой он считал язык математики, так как по его мнению « книга природы » написана на этом языке [Burtt, 2003, с. 75; Котенко, 2005, с. 182, 185]. Его твердая вера в математическую структуру мира освобождала его от необходимой зависимости от эксперимента [Burtt, 2003, с. 76]. Именно «Галилей провозгласил суверенитет причинности в науке[1]. Причинное объяснение природы для него — основная задача исследования. < ... > Математика, говорит Галилей, раскрывает связь явлений, их причинную обусловленность» [Котенко, 2005, с. 184, 185]. Галилей и его последователи были уверены, что наука способна открывать глобальные истины, а так как, по их мнению, природа написана на математическом языке и этот язык природы единственен, то они считали, что эти глобальные истины могут быть получены путем локального экспериментирования. При этом «сложность природы была провозглашена кажущейся, а разнообразие природы — укладывающимся в универсальные истины, воплощенные у Галилея в математических законах движения. Убеждение основателей современной науки оказалось необычайно живучем и сохранилось на века» [Пригожин, Стенгерс, 2005, с. 50]. Большинство экономистов настойчиво сохраняют это убеждение применительно к экономической действительности.

Книга профессора экономики Университета Дьюка Э. Роя Вайнтрауба, называющаяся «Как экономикс стал математической наукой» [Weintraub, 2002], проливает свет на источник двух других убеждений экономистов магистрального направления. Отметив особую роль математики в Кембриджском университете, где стартовал институт экономикс, автор обращает внимание на то, что в послевоенный период два американских академических сообщества, математическое и экономическое, тесно взаимодействовали друг с другом. Э. Рой мог наблюдать это взаимодействие непосредственно в своей семье: сам он является экономистом-математиком, его отец, Сидни Вайнтрауб, был экономистом, но не математиком, а его дядя, Гарольд Вайнтрауб, — математиком. Культуры двух сообществ были вполне совместимы, и результатом стало «обогащение» культуры сообщества экономистов культурой сообщества математиков. Последняя характеризуется в частности отсутствием обязательности и необходимости непосредственной связи своих теоретических (математиче-

[1] О неадекватности убеждения в «суверенитете причинности в науке» применительно к социальным наукам уже указывалось в главе 2 (см. также [Ефимов, 2011, а, с. 26–34]).

ских) построений с реальностью [Леонард, 2006, с. 276] и критерием красоты как одним из важных принципов в выборе математических объектов исследования и оценке полученных результатов[1] [Sinclair, Pimm, Higginson, 2006]. Вот эти два убеждения и впитали экономисты вследствие взаимодействия двух культур. Пол Кругман так высказался по этому поводу в нашумевшей статье, опубликованной в газете «The New York Times» 2 сентября 2009 года: «Экономикс сбился с пути, потому что экономисты в массе своей ошибочно приняли за правду красоту, облицованную убедительно выглядящими математическими выкладками».

Математики приучены своим воспитанием на математических факультетах университетов не обращать внимания на связь своих математических конструкций с реальностью, а иметь дело исключительно с внутренней логикой самих математических структур. Филип Дэвис и Рубен Хэрш на базе включенных наблюдений и интервью с математиками написали книгу об этой профессии под названием «Математический опыт» [Davis and Hersh, 1981]. Вот как, по их мнению, ответил бы «идеальный математик» на вопрос «Имеет ли какой-нибудь смысл вне сообщества математиков теоремы доказываемые математиками?»: «Как мы, как математики, доказываем аутсайдеру-скептику, что наши теоремы имеют смысл в мире за пределами нашего собственного братства? Если такой человек принимает нашу дисциплину, и проходит через два или три года магистратуры в области математики, он впитывает в себя наш образ мышления, и больше не является критическим аутсайдером, которым он когда-то был. Таким же образом, критик сайентологии, который подвергся нескольким годам "обучения" признанными в сайентологии "авторитетами" вполне может стать верующим в нее, вместо того чтобы быть ее критиком»[2] [Ibid., с. 34–44]. Такого типа математика возникла под влиянием группы французских математиков, которые публиковали свои книги под псевдонимом Никола Бурбаки. Они пытались представить всю математику на основе аксиоматического метода, кото-

[1] Вот свидетельство Бертрана Рассела на эту тему: «Математика, при правильном на нее взгляде, обладает не только истиной, но и высшей красотой — красотой холодной и суровой, подобно скульптуре, не обращенной ни к какой стороне нашей слабой натуры, лишенной украшений живописи и музыки, и тем не менее утонченно чистой и способной к строгому совершенству, свойственному лишь величайшему искусству. Истинный дух восторга, блаженства, чувства что ты больше, чем Человек, каковое есть критерий высшего совершенства, присутствует в математике так же несомненно, как и в поэзии» [Russell, 1918, с. 60].

[2] Экс-проректор ВШЭ К.И. Сонин является по-видимому идеальным математиком защитив в 1998 году диссертацию на соискание ученой степени кандидата физико-математических наук под названием «Кольца лорановских рядов».

рый они понимали следующим образом: «Аксиоматический метод, собственно говоря, есть не что иное, как искусство составлять тексты, формализация которых легко достижима. Он не является новым изобретением, но его систематическое употребление в качестве инструмента открытий составляет одну из оригинальных черт современной математики. В самом деле, и при записи, и при чтении формализованного текста совершенно несущественно, приписывается ли словам и знакам этого текста то или иное значение или даже не приписывается никакого, — важно лишь точное соблюдение правил синтаксиса» [Бурбаки, 1965, с. 24].

Э. Рой Вайнтрауб и Филип Майровски блестяще показали, «как бурбакистская школа математики быстро мигрировала в неоклассическую математическую экономику. Это пересечение дисциплинарной границы установило для экономистов внушительное здание вальрасовской теории общего равновесия в качестве ориентира для высокой теории в экономике на протяжении последующих четырех десятилетий» [Weintraub, Mirowski, 1994, с. 246)] Жерар Дебре, обученный во Франции одним из членов группы Бурбаки, послужил «трансокеанским семечком» для прикладной математики, вдохновленной бурбакизмом, которое «пустило корни и расцвело в послевоенной американской среде» [Ibid., с. 248]. «Почвой подготовленной для посева» такого «семечка» в экономической дисциплине была Комиссия Коулза по исследованиям в экономике[1], многие сотрудники которого пришли в него из физики [Ibid., с. 249]. Среди работников этой организации и был француз Жерар Дебре. По Вайнтраубу и Майровски, «Дебре хотел, чтобы его "Теория ценности" была бы прямым аналогом "Теории множеств" Бурбаки», «в интерпретации Дебре, теория общего равновесия, таким образом, утрачивает свой статус "модели", чтобы стать самодостаточной "формальной структурой"». Цель состояла уже не в том, чтобы представить экономику, как бы это представление ни понимать, а в кодификации самой этой неуловимой сущности, вальрасовской системы» [Ibid., с. 265]. Комитет по премии Центрального банка Швеции (Sveriges Riksbank) в области экономических наук памяти Альфреда Нобеля объявил, что Жерар Дебре доказал, что «рынок работает автоматически», на что лауреат премии отреагировал фразой: «Извините, но я не имел этого ввиду» — "Sorry, I did not mean that" [Düppe, 2010, с. 30]. Выдающийся российский математик Владимир Игоревич Арнольд вы-

[1] Комиссия Коулза по исследованиям в экономике представляла собой научно-исследовательский институт, основанный и финансируемый бизнесменом Альфредом Коулзом (Alfred Cowles).

ступал с резкой критикой бурбакизма [Арнольд, 2002]. Он считал, что «современное формализованное образование в математике опасно для всего человечества» [Арнольд, 2000]. Бурбакизм сильно повлиял на экономическое магистральное направление экономической дисциплины, которое, как показал экономический кризис, также опасно для всего человечества.

Завышенные требования к знанию математики и статистики на экономических факультетах западных университетов являются зачастую непреодолимым барьером для творчески мыслящих экономистов, в то время как докторские (PhD) степени по экономике могут достаться физикам или математикам, не способным ориентироваться в простейших экономических вопросах. Складывается парадоксальная ситуация: чтобы получить докторскую степень по экономике, совсем не обязательно в ней разбираться [Тумилович, 2003, с. 103–105]. Именно в этом и исповедовался цитируемый выше Ариэль Рубинштейн. Экономическая дисциплина на Западе во многом превратилась в раздел прикладной математики. Процесс такого превращения наблюдается в настоящее время и в России. Задачи, решаемые студентами на занятиях по курсам «Экономическая теория (Микроэкономика)» и «Институциональная экономика» во многом представляют собой упражнения по математике. Так, например, задачник изданный ВШЭ по курсу институциональной экономики состоит в основном из задач по математической теории игр [Бальсевич, Подколзина, Юдкевич и др., 2009].

ГЛАВА 7.
ОТ МАШИН УДОВОЛЬСТВИЯ К МОРАЛЬНЫМ СООБЩЕСТВАМ

Название этой главы заимствовано из названия книги Джеффри Ходжсона «От машин удовольствия к моральным сообществам: Эволюционная экономика без Homo Economicus» [Hodgson, 2013]. Традиционный «экономический человек» охарактеризован здесь как индивид с поверхностными ценностями, недостаточной нравственностью и чувством долга, то есть как лишенная важнейших человеческих черт машина, а именно «машина удовольствия» [Hodgson, 2013, с. 10][1]. На смену этой машине в экономической дисциплине должен прийти не индивид, пусть и с другими, более человеческими качествами, а сообщество, причем сообщество моральное. За редкими исключениями Ходжсон не проводит исследований конкретных экономических явлений и является скорее философом, а не исследователем экономических практик. Конечно, его методологические убеждения, которые я критикую в третьей главе этой книги, очень негативно влияют на его исследования в области истории экономической мысли [Hodgson, 2001; 2004], однако в книге [Hodgson, 2013] Ходжсон выступает в значительной степени как социальный философ, а не как философ науки, и как таковой автор делает здесь существенный прогресс. В ней он по существу продолжает традицию, ранее критикуемой им историко-этической политической экономии Густава Шмоллера. Основную идею книги автор сформулировал следующим образом: «Имеется растущий спрос на то, чтобы экономисты стали принимать мораль всерьез, причем не только в теории индивидуальной мотивации, но и в их собственном поведении»[2] [P. XIV]. В русле этой идеи и пойдет последующее в этой главе повествование.

НЕОЛИБЕРАЛИЗМ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ, ПРЕПОДАВАЕМАЯ В УНИВЕРСИТЕТАХ

Неолиберализм, как идеология и как общественное движение, основанные на идее экономического человека (*homo economicus*) как

---

[1] Далее при указании страниц без указания источника имеется в виду рассматриваемая в этой главе книга [Hodgson, 2013].

[2] Мне думается, что на автора явно повлиял документальный фильм «Внутреннее дело» (*Inside Job*), на что указывает его ссылка на этот фильм [P. XIV].

аморальной машины удовольствия, во многом являются детищем экономистов. Возникновение неолиберализма связано с именами таких экономистов как Фридрих фон Хайек и Милтон Фридман, а применение и распространение его в постсоветской России осуществлялось в основном экономистами. Преподавание в настоящее время в российских университетах экономической теории (микроэкономики) и институциональной экономики есть не что иное, как преподавание неолиберальной теории. Ранее я уже цитировал Роберта Хайлбронера, который утверждал, что в своей идеологической функции экономикс вуалирует тот факт, что «система цен есть также система власти» и подменяет рассмотрение «конкретного социального порядка, который мы называем капитализмом», «совокупностью индивидов». Это вуалирование соответствует такому определению: «Экономическая наука — это наука, изучающая человеческое поведение с точки зрения соотношения между целями и ограниченными средствами, которые могут иметь различное употребление» [Роббинс, 1993, с. 18][1]. В этом случае изучать экономический порядок с точки зрения институтов и власти не нужно, так как он является, как его окрестил Хайек, «спонтанным». Понятие «спонтанного порядка» Хайека и понятие «естественных законов» Кенэ, на котором основывался Смит, и в которые по существу продолжают верить большинство экономистов, являются очень близкими. Социальный конструктивизм противопоставляет этим идеям следующее: «Социальный порядок не является частью “природы вещей” и не возникает по “законам природы”. Он существует *лишь* как продукт человеческой деятельности. Никакой другой онтологический статус ему нельзя приписать без того, чтобы окончательно не запутать понимание его эмпирических проявлений. И в своем генезисе (социальный порядок как результат прошлой человеческой деятельности), и в своем настоящем (социальный порядок существует, только поскольку человек продолжает его создавать в своей деятельности) — это человеческий продукт» [Бергер Лукман, 1995, с. 88–89]. Такое понимание присутствовало уже у Руссо. Человеческое поведение подчиняется двум типам правил: формальным (писанным) и неформальным (неписанным), и те и другие являются человеческим продуктом. Формальные пишутся людьми, и эти правила принимаются или отторгаются сообществами людей (коллективное отторжение всегда

[1] Во Введении я привел высказывание декана экономического факультета МГУ А.А. Аузана, из которого следует, что он именно так экономическую науку и понимает.

основывается на его коллективном аргументировании[1]), а неформальные создаются людьми путем подачи примера поведения, сопровождаемого разъяснением другим самого правила и почему ему нужно следовать, а также реакций на поведение других, выражаемых в аргументах почему рассматриваемому правилу, пример которого исходит от другого, нужно следовать или нет. Институт — это определенная совокупность формальных и неформальных правил принятых тем сообществом, для которого и/или в рамках которого, эти правила и создавались. При создании институтов решающую роль играют отношения власти. С другой стороны существующие институты во многом определяют отношения власти. Будучи совокупностью институтов, социальный порядок неотделим от отношений власти. Экономический порядок, как элемент социального порядка, также неотделим от отношений власти, причем далеко не только применительно к ценам. Поэтому, делая своим предметом институты, институциональная экономика неизбежно должна изучать экономику как систему власти ([Samuels, 1979], [Дементьев, 2006]). Именно это является совершенно недопустимым для экономической дисциплины, нацеленной на легитимизацию существующего экономического, да и всего социального, порядка.

Именно необходимостью в легитимизации не только экономического, но и всего социального порядка, и вызвано возникновение «экономического империализма»[2], то есть вовлеченность экономической дисциплины в трактовку политики и общества. Во времена Коммонса политология, дисциплина в которой центральным понятием является понятие власти, еще не существовала. Институциональная экономика Коммонса апеллировала к понятию власти, но так как у существующего сообщества экономистов, как ортодоксов, так и гетеродоксов, понятие власти полностью утеряно, то, по-видимому, традиция институциональной экономики естественно должна продолжаться не экономистами, а политологами, что, собственно говоря, и происходит в сообществах исторического (Теда Скочпол), дискурсивного (Вивьен Шмидт) и конструктивистского (Марк Блит) институционализмов[3]. Книга Марка Блита [Blyth , 2013] может слу-

[1] Примером массового отторжения введенного законодательства может служить глубокие искажения в применении законодательства по приватизации сельского хозяйства в 1990-е годы [Ефимов, 2009; 2010].

[2] Несколько лет тому назад на страницах журнала «Общественные науки и современность» прошла дискуссия относительно экономического империализма открытая статьей [Гуриев, 2008].

[3] Об этом более подробно речь пойдет в следующей главе.

жить образцом исследования проблем экономической политики. Послевоенная американская экономическая дисциплина питалась очень мощным притока в нее математиков, тоже самое стало происходить в России с созданием ЦЭМИ. Мне представляется, что сейчас настало время мощного прилива в экономическую дисциплину не математиков, а политологов.

Сутью социального порядка, на поддержание которого нацелено магистральное направление экономической дисциплины, является то, что важнейшим источником власти при этом социальном порядке являются деньги. Экономисты магистрального направления прилагают много усилий, чтобы обосновать необходимость сохранения и возрастания этого источника власти. Это делается четырьмя способами.

Первый способ — это полное отрицание властного характера экономических взаимодействий, а рассмотрение их как обменных эквивалентных отношений между равными индивидами. В своей книге «Институциональная экономика» Джон Коммонс так определил понятие трансакции: «Трансакции не являются “обменом товаров” в физическом смысле “поставки”, они представляют собой отчуждение и приобретение индивидами *прав* будущей собственности на материальные объекты, как это определяется коллективными правилами общества. *Передача этих прав* должна таким образом быть предметом переговоров между затронутыми сторонами» [Commons, 1990, с. 58]. Тем самым в своем определении трансакций Коммонс подчеркивает их властный характер, так как передача прав собственности на объект есть не что иное, как передача власти по отношению к этому объекту. Один из создателей «новой институциональной экономической теории» Оливер Уильямсон так исказил коммонсовское понятие трансакции: «Трансакция имеет место тогда, когда товар или услуга переходит от заключительной точки одного технологического процесса к исходной точке другого, смежного с первым. Заканчивается одна стадия деятельности и начинается другая» [Уильямсон, 1996, с. 27]. То есть по существу Уильямсон определяет трансакцию как физическое перемещение, то есть как «поставку» благ или услуг.

Второй способ — это обоснование необходимости минимизации роли государства и тем самым расширении роли денег в качестве источника власти.

Третий способ — это убеждение всех в том, что цель жизни состоит в максимальном потреблении, а так как товары и услуги могут быть приобретены за деньги, которые находятся в руках банкиров,

промышленников и предпринимателей, социальный заказ которых, экономисты, вот уже более полутора веков, выполняют, то это убеждение, как ничто другое, укрепляет их власть.

Четвертый способ — это убеждение всех в том, что при достижении этой цели, моральные правила не должны приниматься во внимание вообще или, по, крайней мере, рассматриваться как второстепенные. Снятие с себя какой либо моральной ответственности за последствия своих действий, то есть моральных ограничений на осуществляемые действия, также сильно увеличивает власть, основанную на деньгах. Тот же Оливер Уильямсон довел этот четвертый способ до своего логического конца, говоря о том, что людям свойственно оппортунистическое поведение: «Под оппортунизмом я понимаю преследование личного интереса с использованием коварства. Подобное поведение включает такие его более явные формы, как ложь, воровство и мошенничество, но едва ли ограничивается ими» [Уильямсон, 1996, с. 97].

В книге А.А. Аузана (декана экономического факультета МГУ) [Аузан, 2011], в учебнике Я.И. Кузьминова (ректора Высшей школы экономики (ВШЭ)) и М.М. Юдкевич (проректора ВШЭ) [Кузьминов, Бендукидзе, Юдкевич, 2006] и многочисленных других учебниках и учебных пособиях по курсу «Институциональная экономика» можно довольно легко проследить наличие в них четырех вышеназванных идеологических способов укрепления власти владельцев капиталов.

Для усиления ореола научности деятельности экономистов нацеленных на содействие укреплению власти банкиров, промышленников и предпринимателей Центральным банком Швеции (Sveriges Riksbank) была создана премия в области экономических наук памяти Альфреда Нобеля, основателя Нобелевской премии. Обычно ее называют «Нобелевской премией по экономике», но в действительности она не имеет ничего общего с завещанием Альфреда Нобеля. То, что это премия Центрального банка Швеции, а не действительная нобелевская премия, как-то «для краткости» умалчивается. Фридрих Хайек внес огромный вклад в развитие и распространение идей неолиберализма создав в 1947 году Общество «Мон-Пелерин». Он пригласил ряд университетских профессоров, в основном экономистов, но также и некоторых историков и философов, встретиться в Мон-Пелерин (Швейцария) для того, чтобы обсудить «состояние и возможную судьбу классического либерализма и способы борьбы "с господством государства и марксистским или кейнсианским планированием, которые охватили весь земной шар"». Можно предположить,

что наиболее выдающиеся промоутеры неолиберализма были удостоены «премии в области экономических наук памяти Альфреда Нобеля» за свою деятельность в качестве президентов Общества Мон-Пелерин, которое было нацелено на то, чтобы превратить университеты в площадки преподавания, коллективного изучения либеральной доктрины и ее продвижения в жизнь [Mirowski, Plehwe, 2009, с. 5]. Так Фридрих Хайек был президентом этого общества в 1947–1961 годы и стал лауреатом этой премии 1974 года; Милтон Фридман — президент общества в 1970–72 годы, лауреат премии 1976 года; Джордж Стиглер-президент в 1976–78 годы, лауреат премии 1982 года; Джеймс Бьюкенен — президент в 1984–86 годах, лауреат премии 1986 года; Гэри Беккер — президент в 1990–92 годы, лауреат премии 1992 года.

Американский политолог Соня Амадэ в своей книге «Логическое обоснование капиталистической демократии. Истоки либерализма рационального выбора в холодной войне» [Amadae, 2003] хорошо показала, что послевоенная экономическая дисциплина в США развивалась под сильным влиянием холодной войны между США и СССР. Аналогичный процесс происходил в Советском Союзе с марксисткой политической экономией. Конфронтация двух версий экономической дисциплины, объединяемых тем, что, основная задача каждой из них состояла в том, чтобы быть носителями определенных идеологий, закончилась полной победой американского экономикс. Ярослав Кузьминов, запуская ВШЭ, наверное, не очень отдавал себе отчет в том, что по существу он идет по стопам своего отца, Ивана Кузьминова, соавтора учебника «Политическая экономия» 1954 года, руководителем авторского коллектива которого был К.В. Островитянов. Влияние института капитализма на два форпоста перетекания американского экономикс в Россию, а именно ВШЭ и РЭШ хорошо просматривается. Что касается ВШЭ, то для этого просто достаточно знать, что ее президент Александр Шохин и научный руководитель Евгений Ясин тесно связаны с Российским союзом промышленников и предпринимателей (РСПП) (первый является президентом РСПП, а второй начал свою постсоветскую карьеру с генерального директора Дирекции по экономической политике РСПП и директора Экспертного института РСПП). А уж ангажированность Е.Г. Ясина в распространение идеологии неолиберализма совсем очевидна: он является президентом Фонда «Либеральная миссия». ***В истинно демократическом обществе экономические исследования и образование должны служить всему обществу, а не только отдельным его группам,*** а в случае ВШЭ у лиц определяющих

ее политику налицо то, что называется конфликтом интересов[1]. Хотя ВШЭ и РЭШ являются во многом импортированными университетами, они очень хорошо вписывались в традицию советских экономических вузов и факультетов университетов с их идеологической, а не исследовательской ориентацией. Как я подчеркивал выше в этой книге, эта идеологическая ориентация была доминирующей в англосаксонских университетах вплоть до конца XIX века, где и родилось, трудами Альфреда Маршалла, нынешнее магистральное направление экономической дисциплины.

Существование экономической дисциплины в четырех лицах (науки, философии, идеологии и утопии) является не только неизбежным, но и необходимым. Беды России XX века проистекали не из-за того, что она доверилась идеологиям и утопиям вообще, а в том, что сначала марксизм, а затем экономический либерализм, которым она последовала, настойчиво догматически применялись без оглядки на катастрофические результаты и игнорируя мнения и желания большинства населения страны. Я думаю, что современная экономическая дисциплина, как моральная и политическая философия, должна предполагать постепенность (экспериментальность) социально-экономико-политических преобразований с их корректировками исходя из получаемых результатов и вовлечение широких кругов общественности в эти преобразования, обсуждение их результатов и принятие решений по их корректировкам. Такая моральная и политическая философия должна основываться на таких трех центральных понятиях, как власть, ответственность и коммуникация. В Советском Союзе власть основывалась на силе, а на Западе на деньгах. Сейчас в России произошло необыкновенное смешение этих двух источников власти. Альтернативная и советской и западной политико-экономическая система должна на мой взгляд сместить источники власти от силы и денег к ответственности и коммуникации[2]: это и есть то, что в свое время Джон Коммонс назвал «коллективной демократией» [Commons, 1950, 24], а сейчас получило название делиберативной демократии, нашедшей теоретическое обоснование в частности в трудах Юргена Хабермаса. Коммонс сформулировал идею коллективной демократии так: «Предполагается, что все, что является "разумным" [должно быть] конституционным, и что разумность лучше всего устанавливается на практике,

[1] Конфликт интересов возникает тогда, когда человек выполняет одновременно несколько функций, одна из которых может отрицательно повлиять на надлежащее выполнение обязанностей в рамках других функций.

[2] Я еще раз вернусь к этому утверждению в Заключении.

когда представители конфликтующих организованных экономических интересов, вместо политиков или адвокатов, добровольно приходят к согласию относительно работающих правил своих коллективных действий по контролю индивидуальных действий»[1] [Ibid., 25].Это предположение не является чисто умозрительным, а основывается на исследовательском и реформаторском опыте Коммонса [Commons, 1964]. Что касается идей Хабермаса, то они, хотя пока и робко, но все же начинают проникать в экономическую науку [Wisman, 1990].

Конечно, экономическая дисциплина должна присутствовать в университете в двух лицах: как наука и как философия[2]. Как наука она должна давать студентам знания о реальности, донося до них результаты «полевых» исследований и вовлекая студентов в такие исследования, как это и имело место в Висконсинском университете при Джоне Коммонсе [Резерфорд, 2012, a; 2012, b]. Книги Коммонса «Институциональная экономика» [Commons, 1990][3] и «Экономика коллективных действий» [Commons, 1950] могут служить примерами изложения прогрессивной социально-политико-экономической философии. Конечно, сейчас курс институциональной экономики должен впитать в себя современные философско-экономические достижения противопоставляемые неолиберализму[4]. Необходимость такого курса — налицо, в частности в связи с наличием проблемы коррупции. Как известно, коррупция является важнейшей экономической, социальной и политической проблемой России. Кирилл Кабанов, председатель общественной организации "Национальный антикоррупционный комитет", является безусловно большим знатоком этой проблемы. Во время одной из своих пресс-конференций[5] он дает ее глубокий нетрадиционный анализ. В частности он считает, что "коррупция в России — основа идеологии большинства чиновников". Видение человеческих отношений исключительно через призму обмена оправдывает коррупцию, так как чиновник, требующий от предпринимателя отката за какое-то свое действие,

---

[1] “The assumption is that whatever is "reasonable" is constitutional, and that reasonableness is best ascertained in practice when representatives of conflicting organized economic interests, instead of politicians or lawyers, agree voluntarily on the working rules of their collective action in control of individual action”.

[2] В рамках философского направления экономической дисциплины должны обсуждаться также идеологии и утопии.

[3] Некоторые важные идеи этой книги можно найти в его статье под тем же названием [Коммонс, 2012].

[4] По моему мнению, такие очень ценные достижения получены философами в области коммунитаризма (коммунитарианизма) [Selznick, 2002].

[5] URL: http://lenta.ru/conf/kkabanov/.

рассматривает эту «трансакцию» как вполне справедливую и взаимовыгодную, забыв о своем долге, ответственности и достоинстве. "Беда в том, продолжает Кабанов, что у нас в стране низкий уровень морали и вообще отсутствует идеология, в том числе государственной службы". Ясно, что преподаваемые сейчас будущим бизнесменам, политикам и чиновникам курсы экономической теории и институциональной экономики питают идеологию коррупции, а не честного, ответственного и достойного служения людям. Важнейшей средне- и долгосрочной антикоррупционной мерой в России была бы реформа экономического образования, предполагающая отмену курса "экономической теории" (микроэкономики), как познавательно бесплодного и социально вредного, и кардинальный пересмотр философско-политико-экономического курса "Институциональная экономика". Поворот в курсе институциональной экономики к такой философии, которая может стать основой социально-полезной идеологии, должен быть таким, чтобы взамен своекорыстия экономического человека, рассмотрения социальных отношений исключительно через призму обмена, общества и сообществ как фикцию, государства как бандита и оппортунистического поведения как нормы [Аузан, 2011; 2014; Одинцова, 2009], он давал бы студентам совершенно другие образы социально-экономических взаимодействий. Ориентацию для такой идеологии можно найти уже у Жан-Жака Руссо в его статье «О политической экономии», следующая фраза из которой должна стать основным ориентиром в преподавательской деятельности экономистов университетских преподавателей, которые перестали бы готовить будущих коррупционеров: «Родина не может существовать без свободы, свобода без добродетели, добродетель без граждан. У вас будет все, если вы воспитаете граждан; без этого у вас все, начиная с правителей Государства, будут лишь жалкими рабами. Однако воспитать граждан — это дело не одного дня, и, чтобы иметь граждан-мужей, нужно наставлять их с детского возраста» [Руссо, 1969, с. 125].

РОССИЯ В ПОИСКАХ УТОПИЙ

По словам политологов В.С. Мартьянова и Л.Г. Фишмана, Россия в настоящее время находится в поисках утопий [Мартьянов, Фишман 2010]. Подзаголовок их книги указывает в каком направлении нужно искать эти утопии: «От морального коллапса к моральной революции». В уже упоминавшаяся выше книге [Hodgson, 2013] Джеффри

Ходжсон по существу говорит о том же самом, основным объектом атак в которой является «экономический человек», которого Мартьянов и Фишман применительно к российской действительности характеризуют следующим образом: «В чистом виде «экономический человек» склонен к упрощению реальности (поэтому предпочитает иметь дело скорее со сферой финансов, нежели производства), общество для него не организм, а механизм, условности морали и культуры ему нередко мешают и потому он входит в группу риска, скатывающуюся к криминалу. Подчинение социальным нормам для членов этой группы не императивно, а является результатом «взвешивания» при оптимизации. Иными словами, если «экономический человек» имеет возможность избежать наказания, он пойдет на нарушение закона и будет считать это всего лишь рациональным поведением... Отношения с другими «экономический человек» строит на принципе доминирования, как особь в стае. И со стаей таких же особей он готов броситься в том направлении, в котором разворачивается в настоящее время экономическая конъюнктура. Вся его рациональность служит тому, чтобы вовремя сообразить, в какую сторону бежит стадо. <...> Данная модель дает нам крайнего индивидуалиста — «максимизатора» целевой функции. Более того, она дает пассивного «максимизатора», поскольку в рамках данной модели человеку не нужно заниматься целеполаганием и (или) создавать свой индивидуальный план действий. Набор альтернатив также во многом предрешен рынком и универсальностью целевой функции, что приводит к полному детерминизму в поведении «экономического человека», его подчинению внешней воле обстоятельств» [Мартьянов, Фишман, 2010, с. 15–16]. Что это, результат наблюдений авторами российской действительности или отрывок из реферата по курсу институциональной экономики написанный на основе российских учебников [Аузан, 2011; Одинцова, 2009], сказать трудно. Однако можно достоверно утверждать, что такие учебники неизбежно оказывают влияние на студентов способствуя их превращению в «экономических людей»[1].

Для многих политэкономов единственной трудностью в переходе на неоклассику было их слабое владение математикой. И здесь на помощь пришли люди имеющее исходное базовое математическое образование и которые, по той или иной причине, предпочли карьеру экономиста. Утопия выраженная в формулах, а не естественным

[1] Ниже в разделе «Справедливость, машины удовольствия и торговое общество» этой главы будут охарактеризованы результаты экспериментальных исследований на эту тему.

языком, не перестает быть утопией, несмотря на свои математические одежды. В своей книге Ходжсон указывает направление альтернативное и коммунистической и капиталистической утопиям, а именно: развитие утопии общества как совокупности «моральных сообществ».

ДВА ВИДА МИРОВОЗЗРЕНИЙ И ДВА ТИПА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФИЛОСОФИЙ

Ходжсон является сейчас не единственным известным экономистом, который обращает внимание на мораль и сообщества. Гарвардский профессор экономики Стефен Марглин в своей книге «Зловещая наука. Как мышление, порожденное экономистами, подрывает сообщество» [Marglin, 2008], показывает, что такое мышление подрывает истинно человеческие отношения между людьми, то есть такие отношения, которые и отличают их от животного мира. Вместе с подрывом существования сообществ подрывается и мораль, которая в них поддерживается, обесцениваются такие понятия как порядочность, долг и ответственность. Вот как Марглин объясняет понятие сообщества: «Для меня отличительной чертой сообщества является то, что оно предоставляет своего рода клей, связывая отношения людей, что дает форму и вкус жизни. Тем самым сообщество зависит от ограничений и обязательств, которые превосходят расчет индивидуальной полезности... [В]озможно ли построить сообщество, которое предоставляет глубокие человеческие связи и в тоже время сохраняет достаточное пространство для индивидуального разнообразия. [М]ы никогда не найдем ответа на этот вопрос до тех пор, пока мы останемся ослепленными определенной идеологией, а именно идеологией рынка, которая делает сообщество невидимым» [Ibid., с. 20].

Профессор политической философии того же Гарвардского университета Майкл Сэндел посвятил свою недавнюю книгу также этому вопросу [Сэндел, 2013]. Эта книга под названием «Что нельзя купить за деньги. Моральные ограничения свободного рынка» во многом противостоит популярному учебнику гарвардского профессора экономики Грегори Мэнкью «Принципы экономикс» [Мэнкью, 2007][1]. Сэндел заявил, что «если бы я управлял миром, то переписал

[1] Студенты Гарвардского университета, которым Менкью читает курс лекций по «Экономикс 10» ушли с занятий, объяснив это тем, что «этот курс не отражает реалий и не дает базы для понимания экономических основ жизни общества и социальных проблем!» URL: http://forum-msk.org/material/news/7730342.html.

бы учебники экономической теории» следующим образом: «Я бы отказался от претензии, что экономикс является независимой, ценностно-нейтральной наукой, а вновь связал бы ее с ее корнями в моральной и политической философии. Классическая политическая экономия в XVII и XVIII веках, от Адама Смита до Карла Маркса и Джона Стюарта Милля, правильно рассматривала экономическую теорию, как раздел моральной и политической философии. В XX веке, экономикс отошла от этой традиции, определив себя как автономную дисциплину, стремящуюся к строгости естественных наук. Мнение о том, что экономикс представляет собой ценностно-нейтральную науку о человеческом поведении, является невероятным, но все более и более влиятельным»[1]. Дух экономических учебников, которые Сэндел санкционировал бы в случае, «если бы он управлял миром» можно себе представить, зная, с одной стороны, что они будут излагать определенный раздел моральной и политической философии, а, с другой стороны, также зная какое направление современной политической философии представляет сам Сэндел. Таким направлением является «коммунитаризм», от английского слова *community*, что означает «сообщество».

Коммунитаристское направление в обществоведении объединяет группу философов, политологов и социологов «озабоченную упадком морали и недовольную проводимой политикой». Видным представителем этого движения и является Майкл Сэндел: «Индивид в либерализме, полагает он, ничем не обременен, а потому может занять важную позицию за пределами сообщества, частью которого он является, определять и пересматривать свои цели, не оглядываясь на унаследованные традиции или разделяемые с другими цели. Он руководствуется правами и обязанностями сформулированными абстрактно» [Алексеева, 2000, с. 181, 182]. Сэндел считает такое утверждение ложным, так как наши цели мы не столько выбираем, сколько «открываем, в силу своей укорененности в некотором общем социальном контексте» и политика общего блага, проводимая государством[2], «выражая эти общие конституирующие нас цели, дает нам возможность знать благо сообща, которое нельзя знать в одиночку» [Кимлика, 2010, с. 292]. Сэндел утверждает, что «ценности сообще-

[1] URL: http://www.prospectmagazine.co.uk/magazine/if-i-ruled-the-world-michael-sandel//

[2] «Общее благо [в коммунитарном обществе] не выверяется в соответствии с системой предпочтений людей, но само является стандартом, по которому оцениваются эти предпочтения. <…> Коммунитарное государство может и должно поощрять людей принимать концепции блага, согласующиеся с образом жизни сообщества и препятствовать концепциям блага, конфликтующим с ним» [Кимлика, 2010, с. 287].

ства не просто одобряются его членами, но определяют их идентичность». Совместное следование цели сообщества является не выбором его членов, а определяется их привязанностью этому сообществу, причем цель эта является составной частью их идентичности [Там же, с. 294].

Другим видным лидером коммунитаристского движения является израильско-американский социолог Амитай Этциони. Он, также как и Майкл Сэндел, резко отрицательно относится к неоклассическому экономикс, лишенному «моральной размерности» [Etzioni, 1988]. По его мнению, «акторы неоклассического мира не способны действовать свободно, в то время как индивиды, включенные во всесторонние и стабильные отношения, сплоченные группы и сообщества, значительно больше способны осуществлять разумный выбор, выносить суждения и быть свободными» [Ibid., с. 10]. Вместо старого золотого этического правила «веди себя по отношению к другим людям так, как они, на твой взгляд, должны вести себя по отношению к тебе», он предложил новое: «уважай и поддерживай нравственный порядок в обществе, если хочешь, чтобы общество уважало и поддерживало твою независимость» [Этциони, 1999, с. 317]. При этом «новое золотое правило требует, чтобы разрыв между индивидуальными предпочтениями и социальными обязательствами сокращался за счет расширения сферы нравственной ответственности людей; речь идет не об обязательствах, навязываемых силой, а об ответственности, воспринимаемой человеческим долгом, ибо человек полагает, что она возложена на него совершенно справедливо» [Там же, с. 321–322]. В отличие от идеологии индивидуализма, где центральным элементом является требование свободы личности, для идеологии коммунитаризма характерно требование сбалансированности между независимостью личности и добровольным порядком построенном на разделяемых ценностях. При этом важно, чтобы «сама же независимость личности должна быть отнюдь не беспредельной, а иметь социальные границы и вписываться в контекст общественных ценностей» [Там же, 333]. Этциони применяет коммунитаристский подход к социальным системам любого уровня, в том числе и к международным отношениям [Этциони, 2004]. Коммунитаризм как направление политической философии основывается на том же виде мировоззрения, что и исторический, дискурсивный и конструктивистский институционализм в политологии, который я характеризую как продолжение институционализма Густава Шмоллера и Джона Коммонса.

Таблица 2

Два вида мировоззрений, одно из которых основано на понятии «*индивид*», а другое — на понятии «*сообщество*»

	Индивид	**Сообщество**
Познание	Открытие индивидуальным разумом сущностей и законов	Коллективная интерпретация наблюдений и экспериментов
Жизнь	Преследование собственного интереса	Следование принятым правилам, основанным на разделяемых убеждениях
Язык	Рассматривается только как средство передачи информации	Утверждается, что язык занимает центральное место в познании и жизни
Общество	Человек рождается в обществе, как совокупности индивидов, и вынужден жить в нем	Только в обществе, как совокупности сообществ, человек может раскрыть свой жизненный потенциал
Свобода	Общество и государство могут только ограничить свободу индивида	Только общество и государство могут обеспечить свободу индивида

Так как уже отмечалось выше, Шмоллер прямо связывал понятие института с понятием сообщества. Политическая экономия Коммонса основывается на том же виде мировоззрения, что и политическая экономия Шмоллера. Введя понятие трансакции, Коммонс понимал ее, как единицу деятельности, в которой экономика соединяется с правом и этикой [Commons, 1932]. Индивиды по Коммонсу взаимодействуют друг с другом не как физиологические тела движимые страданиями и удовольствиями, но как *граждане, с их правами и обязанностями, различных сообществ-организаций*, обладающие привычками и следующими им под давлением обычаев этих сообществ-организаций [Chavance, 2012]. Каждый индивид является гражданином нескольких таких сообществ-организаций. Для него правила не только ограничивают индивида в его действиях, но и освобождают его от принуждения и несправедливого поведения по отношению к нему со стороны других членов сообщества. Правила не только ограничивают волю индивида, но и усиливают ее, так как ее проявления было бы несравненно труднее добиться без них. Гарантом этих правил является общество и государство [Коммонс, 2012].

Сравним два вида мировоззрений, о которых речь шла выше, с помощью вышеприведенной таблицы. В табл. 2 все строки, кроме

первой, касаются социальной философии. Первая строка таблицы затрагивает философию науки. Интересно заметить, что как политические экономии школ Шмоллера и Коммонса, так и их исследовательские практики, которые основывались на включенных наблюдениях и интервью соответствуют виду мировоззрения правого столбца таблицы. Я думаю, что это не случайно, так как и в их экономических философиях и в их исследовательских практиках в центре их внимания был человек.

В своей книге [Hodgson, 2013] Джеффри Ходжсон, вольно или невольно, предлагает экономистам фактически перейти от мировоззрения безраздельно господствующего сейчас в экономической дисциплине, причем как в ортодоксальном его направлении (мейнстрим), так и в ее неортодоксальных течениях, а именно мировоззрения, отталкивающегося от понятия индивид, к мировоззрению, в центре которого ставится понятие сообщества. В двухсотлетней истории экономической дисциплины этот переход был последовательно осуществлен только двумя школами, а именно немецкой историко-этической школой Густава Шмоллера и исходным институционализмом Джона Коммонса. К. Маркс не осуществил такого перехода и, хотя он определял общество, как исторически развивающуюся совокупность отношений между людьми, складывающихся в процессе их совместных действий, в этом обществе не было места моральным сообществам. Вот, что пишет Ходжсон в своей книге по этому поводу: «Маркс упрекал социалистов, которые обращались к морали, а не к материальным интересам рабочего класса для осуществления нового порядка. К социализму должны были бы прийти не путем морального крестового похода, но с помощью рабочих, борющихся и объединяющихся для достижения своих материальных интересов. Марксизм сторонился всех моральных призывов к социализму, сфокусировавшись на пролетарском корыстном интересе. <...> Как и утилитаристы, Маркс отделял цели от средств. Цель социализма была провозглашена как желаемая и неизбежная и все средства для достижения этой цели были оправданы» [Hodgson, 2013, с. 5]. В тоже время у Маркса можно найти и следующее высказывание: «<...> цель, для которой требуются неправые средства, не есть правая цель» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2 изд., т. 1. С. 65).

СПРАВЕДЛИВОСТЬ, МАШИНЫ УДОВОЛЬСТВИЯ И ТОРГОВОЕ ОБЩЕСТВО

Я думаю, что российским экономистам, политикам и всей общественности следует принять всерьез заявление уже упоминавшегося гарвардского профессора политической философии Майкла Сэндела: «Если бы я управлял миром, то переписал бы учебники экономической теории». Он сделал это заявление исходя из глубокого понимания важности проблематики социальной справедливости[1], которая с самого начала институционализации экономической дисциплины была из нее исключена.

Джеффри Ходжсон в своей книге [Hodgson, 2013] указывает, почему современный экономический мейнстрим является социально вредным и почему действительно, как говорит Майкл Сэндел, нужно переписать учебники экономической теории: «Основываясь на понятии корыстного «экономического человека» экономикс был обвинен в том, что он лепит реальный мир по своему образу» [Hodgson, 2013, с. 5] и в этом мире нет места справедливости. Радикальное изменение содержания преподаваемых сейчас во всем мире, в том числе и в России, дисциплин экономической теории (Economics) нужно осуществить в первую очередь из-за их вредного влияния на воспитание будущей элиты, которая по ним обучается в США и других странах. Ходжсон ссылается на результаты многочисленных экспериментальных исследований, проводимых среди студентов экономики и бизнеса, которые «показывают, что университетские курсы по мейнстримовской экономике оказывают реальное влияние на поведение студентов, препятствуя сотрудничеству и внимательному отношению друг к другу среди них» и что «обучение по курсу экономикс поощряет убеждение, что люди мотивированы, прежде всего, собственными интересами» (Ibid.). В соответствии с новой институциональной экономической теорией все люди регулярно прибегают в своем поведении ко лжи и вероломст-

[1] Майкл Сэндел читает более 20 лет в Гарвардском университете курс «Справедливость», который прослушали рекордное за всю историю университета количество студентов. В одном только осеннем семестре 2007 года их было 1115. Видеозаписи некоторых фрагментов этого курса можно посмотреть здесь http://www.justiceharvard.org/watch/. Фильм с записью лекции был переведен и показан в Японии и Китае, где имел большой успех. В Юго-Восточной Азии было продано более миллиона экземпляров учебника по этому курсу (Sandel, 2009), а автору китайским изданием *Newsweek* присвоено в 2011 году звание «Иностранная персона года» (Thomas L. Friedman, «Justice Goes Global», *New York Times*, June 14, 2011).

ву[1]. Специальное исследование было посвящено склонности ко лжи среди студентов разных специальностей, вывод из которого состоял в том, что «студенты, специализирующиеся на экономике и бизнесе, лгут намного чаще, чем другие студенты» и что именно «изучение экономики и бизнеса имело причинное влияние на [такое] поведение» [López-Pérez, Spiegelman, 2012]. Ходжсон указывает, что «честность была бы чуждым понятием в мире машин удовольствия, где единственным возможным стандартом морали было бы собственное удовлетворение» [Hodgson, 2013, с. 133].

Выражение «машина удовольствия» для характеристики экономического человека Ходжсон заимствовал не у кого иного, как Фрэнсиса Эджуорта. Ходжсон приводит следующую цитату из его книги: «Концепция человека как машины удовольствия может оправдать и облегчить использование механических терминов и математических рассуждений в социальной науке» [Edgeworth, 1881, с. 15]. На основе этого оправдания и облегчения Эджуорт и следовал Джевонсу в утилитаризме Бентама и в математике: «Первым принципом экономики (Economics) является то, что каждый агент побуждается только своекорыстием» [Ibid., с 16]. Ходжсон подчеркивает, что хотя мейнстримовская экономика делает постоянно акцент на «выборе», этот выбор осуществляется своеобразным индивидом, «уровень моральной глубины и сложности которого не выше, чем запрограммированного термостата обеспечивающего постоянство температуры в комнате, который также делает «выбор» при понижении в ней температуры. Оценка этим индивидом того, что стоит делать, а что не стоит делать, поверхностна и его чувство долга и нравственности неадекватно. Он просто машина удовольствия» [Hodgson, 2013, с. 10]. Объясняя происхождение видения человека как машины удовольствия, Ходсон начинает с цитирования Бентама, который рассматривал «сообщество как фиктивное образование, состоящее из индивидуальных личностей, рассматриваемых как бы составляющих его членов», а интерес сообщества есть на самом деле для него не что иное, как просто «сумма интересов членов его составляющих», причем «интересы эти измеряются в терминах удовольствия» [Hodgson, 2013, с. 13]. Ходжсон приводит впечатляющий график необыкновенного

[1] «Люди склонны вести себя оппортунистически, то есть следуют собственной выгоде, используя для ее достижения все доступные им средства, в том числе ложь и вероломство. Это сильная степень следования собственной выгоде, но именно она, по мнению Уильямсона, в большей степени соответствует тому, как люди ведут себя в реальной хозяйственной жизни. Во всяком случае, никто из экономических агентов не может быть уверенным до конца, что партнер не воспользуется его уязвимым положением, например, при изменении обстоятельств» [Одинцова, 2009, с. 93].

падения с 1890-х по 2000-х годы использования понятия морали в пользу понятия полезности в лидирующих экономических журналах [Hodgson, 2013, с. 24]. Но мораль, как считает Ходжсон, не может быть устранена из экономических рассмотрений, так как «функционирование многих ключевых институтов зависит от моральных правил и мотиваций» [Hodgson, 2013, с. 164]. Кризис показал, что именно из-за падения морали эти институты и дают сбои. По мнению Ходжсона, восприятие недовольства других в случае нарушения норм не может адекватно рассматривать в терминах полезности, так как при этом будут «растворяться такие минимальные аспекты личности как достоинство и самоуважение» [Ibid.]. Ясно, что машины удовольствия не могут быть очень чувствительны к несправедливости.

Вторая, за экономическим человеком, концепция экономикс, также вносящая свой вклад в *придание формы реальному миру по ее образу*, является концепция обмена, который трактуется как центральное в отношениях между людьми. Мировоззренческая система, активно навязываемая обществу, сопровождающая и поддерживающая существующий капиталистический социальный порядок, представляет собой видение социального мира с точки зрения торговца: социальный мир при этом видении состоит из продавцов и покупателей; каждый торговец является в то же время и покупателем, приобретая нужные ему товары у других торговцев; цель жизни покупателей выражается в безграничном желании потреблять; продавец старается продать покупателям свои товары как можно дороже; торговцы конкурируют между собой и для того, чтобы продать свой товар продавец вынужден установить цену ниже, чем у конкурента; свою торговую деятельность продавец проводит с целью максимизации прибыли и всякая регламентация торговой деятельности может отрицательно сказаться на ее величине, откуда центральным требованием торговца к власти является *laissez-faire*; согласно видению торговца, отсутствие этой регламентации может только положительно сказаться на общих результатах экономической деятельности всех продавцов и покупателей, так как невидимая рука рынка направляет личный интерес всех торговцев на увеличение продаж нужных покупателям продаваемых товаров; та же невидимая рука рынка справедливо распределяет доходы так, что каждый его участник получает по заслугам. Это видение излагалось в трактатах классической политической экономии и это же видение было представлено Джевонсом и Вальрасом в математической форме взятой у термодинамики [Майровски, 2012], что придало этому видению видимость научности.

Доминирование в обществе мировоззрения основанного на видении торговцев способствует его разрушению, так как координация в обществе обеспечивается не только и не столько столкновением интересов, сколько формальными и неформальными правилами, тесно связанными с моралью, которая является очень важной частью механизма социального регулирования человеческого поведения. Основополагающие элементы морали каждый индивид осваивает в молодости, в том числе во время учебы.

Известный американский психолог Лоуренс Кольберг с 1955 по 1977 год проводил экспериментальные исследования по выявлению закономерностей в моральном развитии молодых американцев. Результатом его исследований стала его теория шести стадий морального развития. На *первой* стадии ребенок рассматривает моральные требования буквально, а не исходя из их смысла. Быть морально хорошим означает слушаться тех, кто обладает над тобой властью и тем самым, с одной стороны избегать наказания, а, с другой стороны, получать поощрения. На *второй* стадии своего морального развития ребенок определяет как хорошее то, что удовлетворяет его собственные потребности и при этом удовлетворение потребностей других рассматривается как средство для получения в обмен удовлетворения собственных. *Третья* стадия характеризуется тем, что поведение рассматривается ребенком как хорошее, если оно нравится членам его непосредственного социального окружения (семья, друзья, знакомые сверстники). На *четвертой* стадии акцент делается на моральном взаимоотношении со всей социальной системой. Исполнение законов, а также уважительное отношение к действующему социальному порядку являются центральной точкой развития морали на этой стадии. На *пятой* стадии юноша или девушка начинают понимать, что закон и социальный порядок являются результатом определенного общественного договора, осознается потребность в правилах для достижения консенсуса. Убеждение предыдущей стадии в незыблемости закона и порядка заменяются на веру в необходимость ориентации права на социальную пользу. Наконец *шестая* стадия, которая определяет уже уровень моральной зрелости, отождествляется с ориентацией на универсальные моральные принципы, следование которым определяется требованиями совести [Garz, 2009, с. 40–46]. Ходжсон приводит свидетельства Кольберга, что первая и вторая стадия морального развития характерны для большинства детей в возрасте до девяти лет, для многих подростков и некоторых преступников [Hodgson, 2013, с. 116]. Он также с иронией замечает, что «этот уровень является также наивысшем уровнем морального

развития “экономического человека”» [Ibid.]. Если на основании недавно опубликованных свидетельств относительно поведения экономических агентов в финансовой сфере, мы проведем идентификацию их уровня морального развития на основании теории Кольберга, то легко определим, что этот уровень не очень высок. Можно со значительной степенью уверенности сказать, что современное экономическое образование способствует воспитанию молодых людей, склонных к недобросовестному поведению. Ходжсон заявляет, что «коррупция на поверхности выглядит как касающаяся только закона, но на самом деле она касается, прежде всего, морали» [Hodgson, 2013, c. 163]. Информация вылившаяся на поверхность после начала кризиса показывает, что американские экономисты внесли существенный вклад в развитие системной коррупции в своей стране.

ДЖОН ДЬЮИ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Коммонс был насквозь пронизан идеями Дьюи, но в своих публикациях он делал только самые общие ссылки на Дьюи без изложения его идей или хотя бы ссылок на его конкретные работы. На мой взгляд, действительно понять Коммонса можно только освоив идеи Дьюи, и это является одной из важных, если не важнейшей, причиной непонимания Коммонса многими экономистами. Статья Резерфорда (2012, b) хорошо показывает исследовательскую кухню школы Коммонса. Кухня эта дискурсивная, исследователи изучают дискурсы акторов, вступая с ними в вербальный (дискурсивный) контакт, и тексты, например, разного рода нормативные документы, которые являются выражением и результатом дискурсов. В теоретической статье Коммонса (2012), ощущается нормативность этой дискурсивности экономической реальности, автор явно стоит за экономику, в которой решения не навязываются голой властью, а являются результатом честных переговоров. Так что и с позитивной и с нормативной точек зрения институциональную экономику Джона Коммонса можно назвать дискурсивной экономикой. Дьюи сильно повлиял на Коммонса, как в позитивной, так и в нормативной сторонах его институциональной экономики. Я думаю, что и само понятие трансакции Коммонс взял у Дьюи (см. с. 13—14 издания [Дьюи, 2002] "Общество и его проблемы" (на самом деле название этой книги нужно было перевести как "Общественность и ее проблемы" — *The*

Public and its Problems)). Но это влияние Дьюи на Коммонса еще важнее в видении места экономической науки в обществе. Как уже указывалось выше, он считал, что усилия экспертов должны быть направлены на обнаружение и популяризацию тех фактов, от знания которых зависит любая политика и которые бы питали дебаты и всевозможные обсуждения, проводимые общественностью [Дьюи, 2002, с. 151–152]. Таким образом *дискурсивная экономика*, задачей которой является институциональный мониторинг, который включает и институциональный анализ, должна быть погружена в *дискурсивную демократию*. Термин «дискурсивная демократия» был предложен политологом Джоном Дрызеком [Dryzek, 1990] и обозначал такую демократию, в рамках которой граждане участвуют не только в выборах, но и политических дебатах. Этот термин не прижился, а вместо него для обозначения того же самого стали говорить о «делиберативной демократии» или «делиберативной партисипативной демократии» [Cavalier, 2011]. Без дискурсивной (делиберативной) демократии нет спроса на дискурсивную экономику, так как без нее нет организованной общественности, которая должна быть основным потребителем результатов исследований экономистов. Без дискурсивной (делиберативной) демократии нет и широкомасштабного предложения результатов исследований экономистов, так как им не будет дана возможность проводить свои исследования-обследования-расследования. Ни дискурсивная экономика, ни дискурсивная демократия невозможны без *дискурсивной этики* или этики дискурса, у истоков которой стоит Юрген Хабермас [Habermas, 2006; 2008].

В соответствии с классификацией Хабермаса [Ulrich, 2010, a, с. 62–78], экономическая дисциплина со своим понятием рационального действия рассматривает в действительности исключительно несоциальные ситуации. Если она хочет стать социально полезной как в своей познавательной, так и в своей нормативной составляющих, то ей необходимо перейти к рассмотрению социальных ситуаций, в рамках которых осуществляется действие, с неизбежно имеющей место его коммуникативной составляющей. В экономической дисциплине наряду со стратегическим действием, нацеленным на достижения успеха, нужно рассматривать и коммуникативное действие, то есть такое, которое ориентировано на понимание партнера, в том числе его интересов и чаяний, а не исключительно на стремление добиться своего, во что бы то ни стало. Швейцарский специалист в области хозяйственной этики, Петер Ульрих, считает, что и в экономической теории и в хозяйственной практике нужно перейти от чисто экономической к социально-экономической рационально-

сти [Ulrich, 2010, с. 105–110]. Такой переход, по Петеру Ульриху, есть не что иное, как переход к цивилизованной рыночной экономике [Ulrich, 2010, b]. Это потребует от вовлеченных в конфликт акторов честности аргументирования при проведении переговоров. Требование моральной и юридической законности своих действий должно значить больше для актора, чем стремление к успеху. Каждый актор должен чувствовать безусловную ответственность перед теми, кто затронут его действиями, в том числе принимая во внимание их законные притязания. Наконец, цивилизованная рыночная экономика не может существовать без вовлеченности всех ответственных граждан в политические дебаты или политический дискурс.

Все три элемента дискурсивной тройки, а именно *дискурсивная экономика*, *дискурсивная (делиберативная) демократия* и *дискурсивная этика* могут и должны существовать только вместе. Переход к ним может происходить только постепенно и задачей экономистов, по моему мнению, и должно быть способствование такому переходу. Я думаю, что идея *дискурсивной тройки* продолжает идею Джона Коммонса [Commons, 1932] о корреляции при изучении любой трансакции права (law), экономики (economics) и этики (ethics). Ведь в идеале право должно формироваться народом (или его неформальным представителем — общественностью) и тем самым народ должен стоять у истоков институциональных изменений. На мой взгляд, следующие слова Джона Дьюи очень актуальны для сегодняшней России: «До тех пор, пока “великое общество” не превратится в “великое сообщество”, общественность будет находиться в состоянии затмения. Создать же великое сообщество способна только коммуникация». [Там же, с. 104]. Экономисты должны внести важный вклад в построение и обеспечение эффективного функционирования этой коммуникации с тем, чтобы направить вспять тенденцию «деструктивной трансформации российской публичной сферы и ее главной содержательной характеристики — политического дискурса» [Горбачева, 2007, с. 4].

ГЛАВА 8.
О ЗАРОЖДЕНИИ ИСХОДНОГО ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМА И ЕГО СОВРЕМЕННОМ ПРОДОЛЖЕНИИ

РИЧАРД ЭЛИ

Одним из наиболее известных экономистов, которые попытались перенести немецкую парадигму экономической науки на американскую землю, был Ричард Эли (1854–1943), который в отличие от Таусcига был включен Блаугом в список «Сто великих экономистов до Кейнса». В краткой профессиональной биографии Ричарда Эли Блауг достаточно хорошо излагает его историю как последовательность событий, однако моя интерпретация этой истории будет совсем другой. В 1876 году Эли завершает свою трехлетнюю учебу в Колумбийском колледже, в котором основное внимание уделялось античной классике и математике, а вопрос об академической свободе — свободе думать и свободе выражать свои мысли — даже не ставился [Ely, 1938, с. 124]. Годом позже он уезжает на три года в Германию учиться в аспирантуре. В Халле встречает своего соотечественника и будущего друга Саймона Петтена, который представляет его своему профессору Йоханну Конраду, соорганизатору шмоллеровского Союза за социальную политику и главного редактора влиятельного журнала «*Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*». Колеблясь в выборе специальности, молодой Эли предпочтет философии экономику под влиянием лекций Конрада. В 1878 году он отправится в Гейдельберг для обучения в аспирантуре под руководством Карла Книса и через год получит докторскую степень. Как он будет впоследствии вспоминать, в своей преподавательской деятельности уже в Америке он активно использовал книги и конспекты лекций Книса [Ely, 1938, с. 124]. От него и других немецких экономистов он усвоил «действительно научный подход» (*a fundamentally scientific approach*), при котором относительность и эволюция играют важную роль. Этот подход отвергает, что одна и та же политика является хорошей во все времена и применительно ко всем странам и тем самым полностью отмежевывается от догматического английского экономикс [Ely, 1938, с. 58]. Эли под влиянием Книса понял также, что центром всякого экономического исследования должен быть человек, а не абстрактные механистические законы [Rader, 1966, с. 13].

В 1881–1892 годах Эли преподает в Университете Джонса Хопкинса. Время работы здесь было для Эли самым плодотворным, но в тоже время и самым трудным периодом его карьеры. Дело в том, что единомышленники Тауссига в американских университетах составляли большинство. Приверженный идеалам и подходам немецкой исторической школы, Эли постоянно подвергался нападкам, да и при господствующем общественном мнении относительно характера экономической науки не все студенты правильно воспринимали его критику априорно-абстрактного подхода и изложение альтернативных подходов немецких экономистов [Ely, 1938, с. 29]. Уже на второй год своего пребывания в Университете Джонса Хопкинса Эли выступает на университетском семинаре с полемическим докладом «*The Past and the Present of Political Economy*» («Прошлое и настоящее политической экономии»), в котором он резко критикует традиционную классическую парадигму в экономической науке. Позднее он публикует расширенный текст этого доклада в виде брошюры, которую завершает следующими словами: «Исторический метод в политической экономии не может привести к *доктринерским* крайностям. В его основе лежит эксперимент; и если бы даже какой-то сторонник этой школы верил в социализм как конечную форму общества, он бы стоял за медленный поход к тому, что он считает лучшей организацией человечества. Если бы эксперимент показывал, что реализация его идей ведет к злу, он призвал бы к его остановке. Продвижение вперед должно идти шаг за шагом, с тем, чтобы имелась возможность наблюдать эффекты данного курса действий. Новая политическая экономия больше не позволяет науке быть использованной как орудие в руках жадных и алчных для подчинения и угнетения трудящихся классов. Она не признает ни *laissez-faire* в качестве оправдания отсутствия действий, когда народ голодает, ни вседостаточности конкуренции как предлога для изнурения бедных. Она означает возврат к великому принципу здравого смысла и христианского наставления. Любовь, великодушие, благородство характера, самопожертвование и все то, что есть лучшего и самого правильного в нашей природе, должно найти свое место в экономической жизни» [Ely, 1884, с. 64].

Ректор университета Дэниэл Гилман был обеспокоен появлением в прессе резкой критики на эту публикацию Эли. К счастью, один из членов попечительского совета университета успокоил ректора, объяснив ему, что критика проистекает от сторонников *laissez-faire*. Однако вскоре с письмом по поводу брошюры Эли к ректору обратился весьма уважаемый математик Саймон Нью-

комб[1], сотрудничающий с навигационным отделом Министерства военно-морского флота США. В этом письме он писал: «Кажется несколько несуразным видеть такую уничтожающую и массированную атаку на введение любого рационального или научного метода в экономике, исходящей от университета, другие специальности которого продвинулись в противоположном направлении. <...> Я никогда не был в состоянии увидеть большую разницу между возражениями против политической экономии, выдвигаемыми с точки зрения новой школы[2], и общими возражениями публики относительно ценности теоретической науки» [Rader, 1966, с. 32]. Война между Эли и Ньюкомбом продолжалась еще немало времени. Студенты Эли выступали в его защиту, боясь, что Ньюкомб вынудит Эли уйти в отставку, как уже случалось в других университетах, однако Эли сам тоже не оставался в долгу и после выхода в 1885 году книги Ньюкомба «Принципы политической экономии» публично разгромил ее на университетском семинаре [Rader, 1966, с. 32–33]. Атаки на Эли прессы и Ньюкомба были не самыми большими испытаниями, которые пришлось ему пережить позже, уже в Висконсинском университете, где в 1894 году он станет предметом специального разбирательства в попечительском совете университета его исследовательской и преподавательской деятельности, по существу судебного процесса с присутствием адвокатов со стороны обвинения и защиты. Он был обвинен в распространении социалистических и других «опасных теорий» и поддержке забастовок и бойкотов, организованных профсоюзами. В конечном счете, Эли был оправдан, и это оправдание стало знаменитым и широко комментируемым (вплоть до наших дней) прецедентом укрепления в США института академи-

---

[1] Ньюкомб Саймон (*Newcomb Simon*; 1835–1909) в 1861–1909) в 1861–1877 годы был профессором математики и астрономом-наблюдателем в Морской обсерватории (*United States Naval Observatory*), в Вашингтоне; в 1877–1897 годы руководитель американского морского астрономического ежегодника «Nautical Almanac». Преподавал математику и астрономию в университете Джонса Хопкинса. Познакомившись с трудами Курно и Джевонса, стал заниматься также применением математических методов для построения экономических теорий и опубликовал в этой области две книги: «The Method and Province of Political Economy» («Метод и предмет политической экономии», 1875) и «Principles of Political Economy» («Принципы политической экономии», 1885). Последняя из названных книг была очень положительно оценена Дж. М. Кейнсом. Саймон Ньюкомб входит в список М. Блауга «Сто великих экономистов до Кейнса»; см. о нем: URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Simon_Newcomb.

[2] Новой школой в то время в США называли новую немецкую историко-этическую школу и ее американских последователей.

ческой свободы [Ely, 1938, с. 218–233; Schlabach, 1963–1964; Rader, 1966, с. 130–158]. Однако все это не могло не сказаться на профессиональной деятельности Эли, взгляды которого после этого инцидента приняли более консервативный характер [Резерфорд, 2012, a].

Английский историк, методолог и социолог экономической науки Боб Коутс дает следующее объяснение наличия в то время подобных атак на таких экономистов, как Эли: «Легко понять, почему переключение внимания с обучения укоренившимся истинам на продвижение знания и исследование текущих проблем вызывало трения между социальными учеными и некоторыми частями их аудитории. <...> Конец XIX века был временем тревожных экономических, социальных и политических напряжений, и тот факт, что бизнес-сообщество обычно получало неблагоприятные отзывы в печати, когда экономисты предпринимали более полное изучение их деятельности, увеличивало вероятность того, что даже самые объективные и беспристрастные исследования дадут пищу бесчисленным критикам современного капитализма, среди которых новые ученые-обществоведы становились все более заметными. Были также и идеологические источники конфликта. *Laissez-faire* и консервативный социальный дарвинизм все еще были руководящими верованиями среди членов социальной и деловой элит, в то время как многие молодые обществоведы были реформаторами, которые рассматривали разнузданный индивидуализм и неограниченную конкуренцию как причину многих, если не всех, текущих экономических и социальных зол. В отдельных случаях они становились сторонниками определенных форм христианского социализма, симпатизируя принципиальной социалистической критике капитализма, не обязательно соглашаясь с анализом осуществляемым социалистами и с предлагаемыми ими средствами его лечения. Как можно было бы ожидать, в некоторых кругах такие взгляды рассматривались как опасно радикальные, откуда и рост напряжения внутри академического сообщества, так как бизнесмены все чаще и чаще заменяли священнослужителей в попечительских советах колледжей и университетов» [Coats, 1993, с. 439–440]. Эти строки с одной стороны дают портрет Ричарда Эли, а с другой стороны показывают институциональные механизмы направления в определенное русло деятельности экономистов в американских университетах того времени.

В 1885 году в институционализации американской экономической науки происходит важное событие — возникновение Американской экономической ассоциации. Инициаторами создания по-

добного профессионального объединения стали молодые американские экономисты, прошедшие обучение в немецких университетах. Йоханн Конрад, ближайший соратник Шмоллера, посоветовал им, когда они были еще в Германии, создать организацию типа немецкого Союза за социальную политику для того, чтобы через нее экономисты-исследователи могли влиять на практическую политику и, прежде всего, на коренные изменения в области социального законодательства. Был разработан проект программы Общества для изучения национальной экономики (*Society for the Study of National Economy*) [Ely, 1938, с. 134]. В этом проекте хорошо прослеживается идейная преемственность с деятельностью Союза за социальную политику: общество создается для проведения исследований, а не для обмена мнениями; объектом этих исследований будет конкретная национальная американская экономика со всеми ее специфическими национальными чертами, а не некая абстрактная экономика, результаты теоретизирования относительно которой будут верны всегда и повсюду. Однако молодым энтузиастам реализовать этот проект не удалось из-за слишком большого сопротивления. Тогда Ричард Эли предложил менее радикальный проект Американской экономической ассоциации, который мог бы получить поддержку и служить, по крайней мере, делу защиты экономистов, ориентированных на изучение социально-политико-экономической реальности. Такой проект удалось реализовать, и Эли на долгие годы стал секретарем этой организации, однако она не имела практически ничего общего с немецким Союзом за социальную политику.

Наверное, роль Эли в Американской экономической ассоциации положительно повлияла на его профессиональную безопасность, но его положение в Университете Джонса Хопкинса прочным так и не стало [Rader, 1966, с. 107], ну а о получении каких-то ресурсов и организационной поддержки со стороны университета для проведения эмпирических исследований нечего было и мечтать. Однако в этом университете Эли удалось подготовить своих студентов для проведения таких исследований, и это безусловно было решающим для налаживания подобной деятельности в другом американском университете, куда он переходит в 1892 году и позже перетаскивает своего ученика Дж. Коммонса. Речь идет о Висконсинском университете, где Эли проработал профессором и деканом факультета экономики, политологии и истории до 1925 года. В этом университете благодаря *исключительному стечению обстоятельств* рожденное в Германии действительно научное направление в экономической науке получает необыкновенно сильное, хотя и временное развитие. Этими об-

стоятельствами было наличие глубокого политико-институционального кризиса в стране, прибытие в Висконсин прошедшего немецкое обучение Эли и подготовленной им в немецком духе команды молодых американских экономистов, а также политическая воля губернатора Роберта Лафоллета[1], соединенная с политической волей на национальном уровне президента Теодора Рузвельта[2]. Наличие этой политической воли, на мой взгляд, было решающим в создании очень благоприятных институциональных условий для экспериментальных экономико-институциональных исследований в Висконсинском университете.

На посту декана факультета экономики, политологии и истории Висконсинского университета Эли проявил себя как хороший организатор оригинального типа обучения будущих экономистов и экономических исследований, тесно связанных между собой. По существу он следовал концепции исследовательского университета В. Гумбольдта, в соответствии с которой преподаватели не должны передавать студентам знания как нечто законченное, а должны вовлекать студентов в свой исследовательский процесс, помня, что «и преподаватель, и студенты находятся в университете для науки». Он называл свой метод и обучения, и исследования *the look and see method*, тем самым он призывал к тесному контакту с экономической жизнью. Он считал, что мир может быть постигнут как жизненный поток, но для этого нужно войти в него [Ely, 1938, с. 184]. Не все внутри университета и вне его положительно отнеслись к применению этого метода. Однако атаки на Эли полностью прекратились с приходом к власти Лафоллета. В период его губернаторства факультет Эли значительно расширился, а в 1904 году один из его наиболее способных, последовательных и мотивированных учеников в Университете Джонса Хопкинса, Дж. Коммонс, получает должность профессора в Висконсинском университете.

---

[1] Лафоллет Роберт Марион (La Follette Robert Marion, 1855–1925) — политический деятель США, юрист по образованию; в 1885–1891 годы член палаты представителей Конгресса США от Республиканской партии, в 1901–1905 годы губернатор штата Висконсин, с 1906 года сенатор. Программа Лафоллета, отражавшая недовольство широких слоёв населения политикой как Республиканской, так и Демократической партий, предусматривала ограничение экономического и политического могущества монополий, демократизацию политической жизни страны, улучшение положения фермеров и рабочих. Более подробно речь о нем пойдет в следующей главе.

[2] Рузвельт Теодор (Roosevelt Theodore, 1858–1919) — американский политик, 25-й вице-президент США, 26-й президент США (1901–1909). В 1901 году в своем первом послании Конгрессу США Рузвельт объявил своей целью достижение большей социальной справедливости.

ДЖОН КОММОНС

По мнению Эли, оживляющую силу его метода никто не охарактеризовал лучше, чем это сделал Дж. Коммонс: «Академическая деятельность представляет собой мозги без опыта. Другая, “практическая”, крайность — это опыт без мозгов. В первом случае мы получаем незрелые (*half-baked*) теории, во втором — эмпирические определения» [Ely, 1938, с. 186]. Метод Эли включает в себя интервьюирование, которое Коммонс называл «важнейшим (*prime*) способом исследования» [Commons, 1990, с. 106]. Исследование практического типа, нацеленное на изменение изучаемого объекта, также активно практиковалось в команде Эли – Коммонса; значительно позже оно получило название исследование действием (*action research*). «Мой опыт в Германии, — писал Эли, — прежде всего привлек мое внимание к важности соединения книжного знания и практического опыта. <...> Изучение книг рассматривалось как нечто важное, но, ни в коем случае, не достаточное <...> Никто не был удачливее профессора Коммонса в осуществлении этой идеи. Он был связан с одной стороны с рабочими, а с другой стороны с управленцами промышленности. Он общался с разными типами людей и приводил на свои занятия тех <...> кто рассматривался как опасные радикалы. Но для него они были просто человеческими типами, которых его студенты должны знать, побывав с ними в контакте, лицом к лицу. С другой стороны, он был рад пригласить на свои занятия капиталистов и лидеров промышленности. Коммонс мог восхищаться профсоюзным лидером, он мог понять трудягу, и у него вызывали истинный восторг крупные промышленные лидеры. Для того чтобы понять их точку зрения, он стал членом Висконсинской промышленной комиссии[1], получив творческий отпуск и тем самым освободившись от своих университетских обязанностей. Таким образом, ему удалось понять практическую сторону экономических проблем» [Ely, 1938, с. 187–188]. Фактически, Эли свидетельствует о том, что Джон Коммонс опирался в своей исследовательской и преподавательской практике на дискурсивной подход.

Лафоллет окончил Висконсинский университет в 1879 году и, разумеется, никогда не был студентом Эли, однако, когда Ричард Эли прибыл в 1884 году в Мэдисон, Лафоллет его приветствовал словами: «Вы были моим учителем», – имея, по-видимому, в виду, как много

[1] Висконсинская промышленная комиссия (*The Industrial Commissionof Wisconsin*) осуществляла мониторинг и регулирование трудовых отношений в штате, а также поставляла информацию для разработки социального законодательства и отслеживала его выполнение [Altmeyer, 1932].

он получил, читая его труды [Ely, 1938, с. 216]. Когда в Висконсине появился Коммонс, Лафоллет был уже его губернатором[1], и благодаря этому Коммонс стал сразу чувствовать себя в этом штате инсайдером, таланты которого были полезны людям облеченным властью, в то время как в других местах на него смотрели как на опасного радикала. Со временем Лафоллет и Коммонс сблизились и стали дружить семьями. Во время губернаторства Лафоллета установилась тесная связь между руководством штата, его делами и проблемами, и университетом, которая впоследствии получила название Висконсинской идеи [McCarthy, 1912]. Коммонс использовал много возможностей служить штату, и одним из его наиболее ощутимых вкладов была работа по законодательству, и особенно по социальному законодательству [Harter, 1962, с. 45]. Он был вовлечен в разработку законодательных актов, касающихся трех программ реформ в штате Висконсин: первая относилась к регулированию предприятий общественного пользования, таких как железные дороги; вторая была связана с регулированием технической безопасности и введения компенсации рабочих в случае получения производственных травм ; и наконец третья затрагивала разработку первой в стране системы выплаты пособий по безработице [McCarthy, 1912, с. 89]. За время своей работы в университете Коммонс руководил сам или был соруководителем 46 аспирантов, многие из которых так или иначе были вовлечены в его практическую деятельность. Общепризнанно, что Коммонс и его аспиранты оказали очень большое влияние на американское законодательство и политику [Резерфорд, 2012, a]. Американский историк экономической мысли, Филип Майровски, пишет по этому поводу следующее: «Многие из экономических функций правительства США, которые мы сегодня принимаем за само собой разумеющиеся, были в первой половине XX века делом рук Коммонса и его студентов» [Майровски, 2013, b, с. 81].

Ричард Эли передал Джону Коммонсу метод обучения студентов, который он освоил в Германии. Вместо повторения того, что было сказано на лекциях и прочитано в учебниках, немецкие университетские преподаватели рассматривали студентов как своих коллег в поиске нового знания. «Это то, что делает обучение в Германии истинным удовольствием для каждого настоящего любителя занятий исследованиями. Здесь и только здесь вы узнаете, как делать независимую, действительно научную работу», — вспоминал Эли [Rader,

[1] Как известно, в США роль губернатора в определении политики публичного университета штата очень велика, так, например, именно губернатор назначает членов попечительского совета университета [Дмитриев, 2005, с. 37–46].

1966, с. 13]. Коммонс, хотя и читал лекции, отдавал предпочтение индивидуальной работе со студентами, а также занятиям в небольших группах. И занятия эти состояли в том, что преподаватель вместе со студентами разбирали, укладывая в определенный порядок (*marshalling*), факты, что позволяло *продвигаться в понимании рассматриваемых явлений*. Коммонс сам проводил как исторические, так и полевые исследования и активно вовлекал в них своих студентов. Так, в написании объемного четырехтомного документального исследования по истории труда в Соединенных Штатах [Commons et al., 1966] участвовали восемь его студентов и аспирантов [Резерфорд, 2012, а]. По поводу полевых исследований его ученики вспоминают: «Это не было исследованием для исследования. Может быть некоторые (из его студентов) хотели продолжать работать над историей труда и чувствовали, что здесь остается еще много, чего нужно сделать, однако многие из его студентов (аспирантов) проводили исследование с целью его использования в различных баталиях по усовершенствованию чего-то, это то, что сейчас мы называем "исследование действием". В некоторых кругах это вызывает насмешки, но я считаю, что именно такого типа исследование является самым важным и полезным в социальных науках» [Raushenbush, 1979, с. 9]. Хотя трудовая тематика занимала важное место в исследованиях Коммонса, она была далеко не единственной. После наступления в 2007 году мощного экономического кризиса, вызванного финансовым дерегулированием, интересно вспомнить, что в круг интересов Коммонса входило также банковское регулирование, по которому у него даже были кое-какие заготовки проектов [Harter, 1967; Whalen, 2008], однако, эта его деятельность, по-видимому, не получила поддержки[1].

Нужно констатировать, что в ряде областей исследовательско-реформаторская деятельность Коммонса получала поддержку большого бизнеса. Так, в 1906 году, он участвовал в обследовании 35 компаний (как муниципальных, так и частных), занятых поставкой газа, электричества, тепла, а также трамвайного транспорта в Соединенных Штатах и Англии. В частности, на Британских островах он провел с этой целью пять месяцев [Harter, 1962, с. 72]. Все эти исследования проводились для финансируемой большим бизнесом Национальной гражданской федерации (*National Civic Federation*),

[1] Интересно отметить, что большой знаток идейного наследия Коммонса, гарвардский профессор Дэвид Мосс, предложил создать на федеральном уровне новое агентство — *Systemic Risk Review Board*, осуществляющее мониторинг финансовых институтов, напоминающее, на мой взгляд, коммонсовскую Висконсинскую промышленную комиссию, занимавшуюся мониторингом институтов трудовых отношений [Moss, 2009, с. 28].

которая занималась разработкой и лоббированием как на уровне штата, так и на федеральном уровне законов, касающихся государственного страхования по безработице, федерального регулирования торговли и предприятий общественного пользования [Rothbard, 2006]. Затем он был вовлечен в анализ результатов обследования в Питсбурге, в той их части, которая относилась к заработной плате. Это обследование финансировалось фондом Рассела Сэйджа [Harter, 1962, с. 72]. В 1906 году Джон Коммонс, Ричард Эли и ряд других экономистов создают Американскую ассоциацию трудового законодательства (*American Association for Labor Legislation*, *AALL*). В определенной степени AALL была американским аналогом немецкого Союза за социальную политику и занималась исследованиями для создания соответствующего законодательства, нацеленного как на социальное благосостояние, так и на лоббирование принятия такого законодательства. В отличие от Союза, исследования которого велись в основном на государственные средства, AALL финансировалась Рокфеллером и Морганом [Rothbard, 2006]. Занимаясь законодательством в области социального страхования и обеспечения «лидеры AALL, также как и Карл Маркс, сосредоточили свое внимание на вредных последствиях промышленного капитализма. Но если Маркс в качестве средства против этих последствий отдавал предпочтение социализации капитала, то эти американские экономисты выступали за социализацию риска» [Moss, 1996, с. 11]. Это касалось рисков несчастных случаев на рабочих местах, а также рисков связанных с болезнью и безработицей. AALL была очень влиятельна в 1920-е и 1930-е годы [Rothbard, 2006], но в 1943 году прекратила свое существование.

Почему такое успешное с социальной точки зрения направление, как исходный институционализм, возглавляемый Коммонсом, по существу перестал существовать? Можно предположить, что одной из причин была следующая: после завершения с помощью институционалистов изменений[1], в которых были заинтересованы правящие классы, эти последние прекратили поддержку первых и переключились на поддержку неоклассиков, идеологически помогающих им сохранить свою доминирующую роль в обществе. По меткому выражению Шмоллера, сформулированному им полвека до этого, экономическая наука снова «стала орудием класса собственников» [Schmoller, 1998, с. 202]. Другой причиной, однако, связанной с пер-

[1] Значительное смягчение классовых конфликтов путем создания государства всеобщего благоденствия (*welfare state*).

вой, было преследование институционалистов. Чисто политические и экономические интересы, стоявшие за этими атаками, маскировались фальсифицирующим дискурсом относительно необходимости переключения экономической дисциплины от пропаганды (*advocacy*) к объективности (*objectivity*) [Furner, 1975]. На самом деле, такое переключение означало отказ от объективного исследования реальности, нацеленного на решение жгучих социально-экономических проблем в пользу изучения неких абстрактных «вымышленных миров», которое бы оправдывало статус-кво и избегало любой связи с тем, что могло бы вызвать недовольство истеблишмента. Победа неоклассики над исходным институционализмом имела, конечно, еще несколько причин. Важным, по моему мнению, является то, что провозглашенное Новым временем разделение между наукой и философией или теологией применительно к политической экономии не было осуществлено. Благодаря схоластическим рассуждениям Дж. С. Милля [Милль, 2011; 2012], использовавшего слабости контовского позитивизма [Конт, 2003; 2010], политическая экономия *получила статус науки, оставшись политической или социальной философией*, то есть наукой равносильной естествознанию *так и не стала*. А дальше уже сделало свое дело мировоззрение Нового времени, применительно к науке выражающееся в так называемом научном методе, под который подводил философский базис логический позитивизм. От экономиста, осмелившегося ради познавательной и социальной эффективности своих исследований отказаться от этого мировоззрения, требуется большое мужество и работоспособность в освоении и применении необщепринятых подходов. На мой взгляд, важное значение в победе неоклассики имела ее простота. Поскольку основой функционирования и воспроизводства научных сообществ является общение (публикации, конференции, лекции и т.д.), неоклассики в этом отношении имеют колоссальные преимущества перед конструктивисткими институционалистами. Для первых оно требует намного меньше усилий из-за их простых и унифицированных, универсальных для всех проблем и контекстов, понятий, схем и способов изложения. Немаловажную роль, по-видимому, сыграло и предпочтение массой университетских преподавателей-экономистов легкости преподавания практически неизменных из года в год курсов неоклассического экономикс, постоянной адаптации курсов под исследование текущих социально-экономических проблем, которую предполагает конструктивистко-институциональный стиль обучения, а также совместным со студентами исследованиям.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ В СОЦИОЛОГИИ И ПОЛИТОЛОГИИ

В настоящее время институционализм в российской экономической науке представлен прежде всего новой институциональной экономической теорией. Сегодняшняя ситуация в институциональной экономике в не малой степени определяется взаимоотношениями экономики и социологии в прошлом. Дисциплинарное разделение общественных наук – явление относительно недавнее. Сто с небольшим лет тому назад обществоведы достаточно легко пересекали дисциплинарные границы, как в исследованиях, так и в преподавании, и их базовое образование или институциональная принадлежность не очень препятствовали этому. Сейчас безнаказанно пересекать дисциплинарные границы намного труднее. Сто с лишним лет тому назад экономическая наука, в особенности экономическая наука, развиваемая немецкой историко-этической школой, старалась подходить к экономике с социальных позиций. Вебер всегда считал себя экономистом и работал как профессор исключительно на экономических кафедрах, однако для него сейчас нет места в истории экономической мысли. С легкой руки Т. Парсонса, Вебер стал одним из основателей современной социологии[1]. Начав свою карьеру как экономист, Парсонс сыграл роковую роль как для экономической науки, так и для социологи. Вместо того, чтобы бороться с экономической неоклассикой и предложить экономической науке свою альтернативу, он много сделал, чтобы провести «демаркационную ли-

[1] Дж. Ходжсон рассказывает очень интересную историю о том, как Парсонс, этот столп социологической дисциплины, в свои студенческие годы находился под сильным влиянием двух крупных представителей институционализма — Уолтона Гамильтона (*Walton H. Hamilton*) и Кларенса Эйреса (*Clarence E. Ayres*) — и начинал свою академическую карьеру в 1927 году как преподаватель экономики на экономическом факультете Гарвардского университета. Следуя Ходжсону, Парсонс перешел из экономики в социологию исключительно из карьерных соображений. На захваченном неоклассиками экономическом факультете молодой Парсонс мог бы иметь серьезные проблемы, если бы он стал выражать какие-либо симпатии по отношению к институциональной экономике. Он стал также критиковать немецкий историзм, которому совсем недавно симпатизировал и по которому защитил в 1925 году диссертацию в немецком Гейдельбергском университете. Как пишет Ходжсон, изменение в поведении было разительным. В своих работах он опускал ссылки, свидетельствующие о его институциональном прошлом. По Ходжсону, Парсонс перешел в социологию, потому что, будучи не силен в математике и не очень соглашаясь с неоклассическим мышлением, он не был склонен строить свою карьеру как неоклассический экономист. Выбор, какую часть его интеллектуального капитала, приобретенного в Германии, использовать, производился в том же направлении и пал на Вебера, а не на Зомбарта, так как социальная теория Вебера с ее индивидуалистическими элементами могла вызвать меньше трений со стороны ортодоксальных экономистов и тем самым облегчить академическую жизнь Парсонса. [Hodgson, 2001, c. 179–187]

нию» между экономической наукой и социологией. Центральными фигурами его книги «*The Structure of Social Action*» («Структура социального действия») [Парсонс, 2000, с. 43–328] были Вебер и Дюркгейм. В ней он развивал структурно-функциональный подход к анализу общества, который в течение определенного времени был очень влиятельным в социологии. Одной из черт его социологии было «пренебрежение проблемой исторической специфики, несмотря на прямое влияние на Парсонса Вебера и Вернера Зомбарта. Тем самым некоторые элементы традиции немецкой исторической школы были переведены в американский контекст. Но из них были выхолощены большая часть их содержания и смысла. По иронии судьбы, Парсонс достиг известности, создав историческую школу в социологии, частично путем вылавливания (*rummaging*) избранных кусков из исторически ориентированной интеллектуальной традиции» [Hodgson, 2001, с. 178].

Рассматривая обществоведение в целом, историки экономической мысли находят *два старых институционализма*: американский и европейский. Последний представлен Г. Шмоллером и Э. Дюркгеймом [Nau, Steiner, 2002]. Действительно Дюркгейм определял социологию «как науку об институтах, их генезисе и функционировании», а институт — как «все верования, все поведения, установленные группой» [Дюркгейм, 1995, с. 20]. Историки экономических учений находят также связи между американским институционализмом и позитивной экономикой школы Дюркгейма [Gislain, Steine, 1999]. Эти связи очень многочисленны, когда речь идет о критике экономической классики и неоклассики, но они сразу ослабевают, когда разговор заходит о видении социально-экономических систем, на которых ученые основывали свои исследования. Так, Дюркгейм был ярым противником философии прагматизма. Его критике он посвятил специальный курс (20 лекций), прочитанный им в Сорбонне и впоследствии опубликованный на основании студенческих конспектов [Durkheim, 1955]. В своей первой лекции он характеризует прагматизм как штурм против разума (*un assaut contre la Raison*) и видит в нем опасность с национальной и философской точек зрения. Поскольку вся французская культура в основном рационалистична и пронизана картезианством, отрицание рационализма, по мнению Дюркгейма, приведет к разрушению всей национальной культуры. А так как философская традиция, начиная с самых ранних спекуляций философов, также имела рационалистическую тенденцию, то принятие прагматизма приведет к ниспровержению всей этой традиции [Durkheim, 1955, с. 27–28]. Комментируя данные высказыва-

ния Дюркгейма, Б. Латур заметил, что после ознакомления с ними он больше не страдает от медленности, с которой французы усваивают уроки социологии науки [Latour, 2006, c. 158].

Сейчас в экономической дисциплине термин «новый институционализм» (*New Institutionalism*) монопольно закреплен за новой институциональной экономической теорией (*New Institutional Economics*). В социологии такой монополии нет, но, по-видимому, достаточно большая часть этого направления в социологии является в значительной степени результатом экономического империализма со стороны новой институциональной экономической теории: «В отличие от раннего социологического институционализма, первооткрывателем которого в работе “Структура социального действия” был Талкотт Парсонс, новый институционализм пытается объяснить институты, а не просто предполагает их существование. В этой попытке новые институционалисты в социальных науках обычно полагают целенаправленное действие со стороны индивидов, хотя и в условиях неполной информации, неточных ментальных моделей и трансакционных издержек. Такие условия характерны для каждодневных социальных и экономических сделок (*transactions*). Таким образом, новая институционалисткая парадигма отбрасывает основные предпосылки неоклассической экономической теории, однако остается верной традиции объяснения в социальных науках присущей теории выбора» [Brinton, Nee, 1998, c. 1]. В данном высказывании очень хорошо подмечена одна из слабостей функционализма Парсонса, который «просто предполагает существование институтов», но не «пытается их объяснить». Второй слабостью, а лучше сказать пороком парсоновской социологии, является ее картезианская методология, выражающаяся в априорно-абстрактном подходе.

По сравнению с экономической наукой положение в новом институционализме радикально иное в политической науке (политологии). В отличие от экономической дисциплины, где связь с социологией была разорвана, в политической науке она сохраняется, и многие политологи одновременно считают себя и социологами, но большая часть социологов-политологов разочаровалась в социологии Парсонса. В политической науке на Западе наряду с институционализмом рационального выбора, толчок которому дала новая институциональная экономическая теория, существует и процветает исторический институционализм (*Historical Institutionalism*), по существу продолжающей традиции немецкой историко-этической школы и ее главы, Г. Шмоллера. Нередко в литературе представителей этого направления западной политологии называют историко-интерпре-

тативными институционалистами[1] (*historical-interpretive institutionalists*) [Steinmo, Thelen, Longstreth, 1992, с. 7]. Если в США новый институционализм в политологии по своему влиянию разделен между течениями рационального выбора и историческим, то в Канаде господствует именно исторический институционализм [Béland, 2002; Lecours, 2005, с. 4].

Исторический институционализм[2], пионером которого является профессор Гарвардского университета Теда Скочпол (*Theda Skocpol*), возник как реакция против анализа политической жизни в терминах групп и против структурного функционализма, который доминировал в политической науке в 1960–1970-е годы. Исторические институционалисты пытаются объяснить конфликты за обладание ресурсами не как противостояния групп, а исходя из того, что институциональная организация политического сообщества и экономические структуры входят в конфликт таким образом, что некоторым интересам отдается предпочтение в ущерб другим. Они считают, что именно институциональная организация политического сообщества является основным структурирующим фактором коллективного поведения. Государство рассматривается ими не как нейтральный арбитр между конкурирующими интересами, но как комплекс институтов, который способен структурировать природу и результаты конфликтов между группами. Большое внимание институционалисты этого направления уделяют тому, как институты распределяют власть неравным образом между различными социальными группами. Вместо мира индивидов свободно заключающих контракты, они видят мир, где институты предоставляют определенным группам или интересам слишком большой доступ к процессу принятия решений. Вместо того, чтобы искать, в какой мере некоторая данная ситуация выгодна всем, они настаивают на том, что одни социальные группы могут оказаться выигрывающими, а другие проигрывающими. Но что действительно составляет специфику исторического институционализма, так это его привязанность к концепции зависимости от пройденного пути, а отсюда и неизбежной контекстности исследований. Теоретики этой школы различают в потоке исторических событий периоды непрерывности и критические ситуации, когда

[1] Историко-интерпретативный подход, используемый в историческом институционализме, не нужно путать с интерпретативным институциоанализмом или австрийским институционализмом Людвига Лахмана [Foss, Garzarelli, 2007], представителя австрийской экономической школы.

[2] В своей характеристике исторического институционализма я буду следовать статье: [Hall, Taylor, 1996].

происходят важные институциональные изменения, своего рода бифуркации, которые корректируют траекторию исторического развития. Исторические институционалисты представляют мир более сложным, чем мир индивидуальных предпочтений институционалистов рационального выбора. В частности, они уделяют большое внимание взаимосвязям между институтами, идеями и убеждениями или верованиями. Важно отметить, что интерпретативно-исторический институционализм, наряду с понятиями «идеи» и «институты», активно используют понятие «интересы», просто последнее в них является равноположенным с двумя другими[1].

В последние годы исторический институционализм был доминирующим направлением исследований в области сравнительной, то есть межстрановой, политической экономии. Совсем недавно это лидерство стало оспариваться родственным направлением, получившим название дискурсивного институционализма, создателем которого является профессор Бостонского университета Вивьен Шмидт. Разделяя в основном исследовательские установки исторического институционализма, она все же считает, что он не обращал достаточного внимание на идеи и убеждения и на процессы их циркуляции, то есть дискурсы. Это не всегда сильно сказывается при изучении стационарных состояний, но может создать серьезные трудности при изучении институциональных изменений. Вивьен Шмидт пытается показать [Schmidt, 2008], что дискурсивный и исторический институционализмы в значительной степени дополняют друг друга: первый способен помочь второму в объяснении динамики изменений в выявленных историческим интитуциональным исследованием структурах через логику коммуникаций между акторами, основанную на смыслах (*meaning-based logic of communication*), а второй может быть полезен первому при объяснении закономерностей, происходящих в зависимости от пройденного пути в идеях и дискурсе в различных институциональных контекстах. Исследования Шмидт направлены

[1] Примером использования одновременно всех трех понятий в институциональном исследовании может служить статья П. Холла «*The movement from Keynesianism to monetarism: Institutional analysis and British economic policy in the 1970s*» («Движение от кейнсианства к монетаризму: институциональный анализ и британская экономическая политика в 1970-е годы») [Steinmo, Thelen, Longstreth, 1992, с. 90–113]. В 1970-е годы британская экономика переживала сильную инфляцию, которая весной 1975 года достигла 25%, и, одновременно, общую стагнацию производства с высоким уровнем безработицы. В значительной степени движение к монетаризму было откликом на плохое функционирование экономики и неспособность кейнсианской политики исправить положение. Различие интересов относительно этих двух политик проявлялось в поддержке организациями рабочего класса кейнсианской политики, а представителями капитала, и особенно финансового капитала, – монетаристской политики.

на понимание социально-политико-экономической реальности в Западной Европе. Одна из ее книг, под названием «*From State to Market? The Transformation of French Business and Government*» («От государства к рынку? Преобразование французского бизнеса и государственного управления») [Schmidt, 1996], посвящена изучению политико-экономических изменений в 1980-е и начале 1990-х годов. Ее исследование было основано, в частности, на глубоких интервью с более, чем 40 высшими государственными чиновниками и руководителями крупнейших предприятий. В другой книге, под названием «*The Futures of European Capitalism*» («Будущее европейского капитализма») [Schmidt, 2002] В. Шмидт показывает, что глобализация и европейская интеграция по-разному повлияли на Францию, Великобританию и Германию. Эти страны в разное время испытывали давление процессов глобализации и интеграции, неодинаково реагировали на них и получали разные результаты. Хотя все они либерализировали свои экономики, их политики несходны, а что касается дискурсов, то они просто совсем различны. Шмидт приходит к заключению, что ожидать какой-то тотальной конвергенции даже между этими близкими друг другу странами не приходится.

В статье, опубликованной в хрестоматии «*The Oxford Handbook of Political Institutions*» («Оксфордское руководство по политическим институтам») Колин Хэй [Hay, 2006] предлагает назвать институционализм, о котором фактически говорит Вивьен Шмидт, *конструктивистским институционализмом* (*constructivist institutionalism*). Институт он определяет как «кодифицированную систему идей и практик, которые они поддерживают» [Hay, 2006, с. 58]. Конструктивистский институционализм подчеркивает не только *институциональную,* но и *идейную* зависимость от пройденного пути. Институты строятся на основании идей, которые дают свой собственный эффект зависимости от пройденного пути, сказываясь на последующем развитии. Таким образом, конструктивистский институционализм пытается установить, как и в какой степени принятые идеи кодифицируются и служат когнитивными фильтрами, через которые акторы интерпретируют внешние сигналы. При этом выясняется и то, при каких условиях эти установленные когнитивные фильтры и парадигмы оспариваются и изменяются [Hay, 2006, с. 65]. Я считаю, что экономистам следовало бы принять для своего направления, использующего дискурсивный подход, термины «конструктивистский институционализм» и «конструктивистская институциональная экономика». Конструктивистская институциональная

экономика[1], как я ее понимаю, отбрасывает «объективизацию» социальной реальности.

Теда Скочпол, заключая свою статью «*Why I am a Historical Social Scientist*» («Почему я историко-социальный ученый»), говорит: «Я – социальный ученый. Думаю, что существует разница между наукой и нормативной работой, и хорошая социальная наука – это не совсем то же самое, что защита и оправдание каких-то взглядов, однако эта защита и (или) оправдание всегда может воспользоваться добротной наукой» [Skocpol, 1999, с. 19]. В противоположность философу-обществоведу теологической ориентации Джеймсу Бьюкенену, она видит в государстве не противника, а важного партнера бизнеса, и не случайно одна из первых книг, подготовленных под ее руководством, называлась «*Bringing the State Back In*»(«Вернуть государство») [Evans, Rueschemayer, Skocpol, 1985]. В книге рассматривалась роль государства в содействии экономическому развитию *(states as promoters of economic development*) и в структурировании социальных конфликтов (*patterning of social conflicts*). Скочпол заявляет, что никогда не чувствовала какого-либо уважения к дисциплинарным границам [Skocpol, 1999, с. 16]. Сейчас эти границы для экономической науки определяются так называемым экономическим подходом, что приковывает экономическую науку к теории рационального выбора (в том числе и в саймоновском варианте ограниченной рациональности), а также к связанному с этой теорией методологическому индивидуализму. Если такое определение границ сохранится, то экономическая наука приговорена анализировать не реальные, а вымышленные миры. Реальные же проблемы, связанные с экономикой, будут изучаться другими дисциплинами. Такой дисциплиной может стать экономическая социология: «Если для экономической теории исходной фундаментальной предпосыл-

[1] Всякое название неизбежно условно, так как обозначение не может отражать во всей полноте обозначаемое. Это относится и к понятию «конструктивистская институциональная экономика». Несколько лет я колебался в выборе названия для этого научного направления между прилагательными «интерпретативный» и «прагматический». Свой доклад на конференции Европейской ассоциации эволюционной политической экономии (*The European Association for Evolutionary Political Economy*, *EAEPE*) в 2003 году и выступление на Европейской школе новой институциональной экономической теории (*European School on New Institutional Economics, ESNIE*) в 2004 году я назвал «*On Pragmatic Institutional Economics*» («О прагматической институциональной экономике»), однако, опасаясь бытового понимания слова «прагматическая», в своих публикациях на русском языке я стал использовать термин «интерпретативная». Сейчас я думаю, что, поскольку конструктивизм, особенно с витгенштейновской прививкой, по существу поглощает и прагматизм, и герменевтику, название «конструктивистская институциональная экономика» подходит этому направлению больше, чем два предыдущих.

кой является независимость человека, его самостоятельность в принятии решений, то для экономсоциолога столь же фундаментальной предпосылкой выступает включенность человека в социальные отношения, укорененность всех его действий в этих отношениях» [Радаев, 2008, с. 28].

Конструктивистский институционализм может рассматриваться как некая *рамочная социальная теория*. Специализация науки при исследовании в рамках конструктивистского институционализма определяется тем, где мы делаем акцент: на экономике, политике или социальных вопросах. Именно акцент, но при этом сохраняется возможность понимания и взаимодействия представителей разных специальностей. Часто требуемая междисциплинарность, о которой много говорят, не реализуется на практике, во-первых, из-за того, что налицо непонимание друг друга представителями разных специальностей, причиной чему является использование совершенно по-разному определяемых понятий, а во-вторых, из-за принадлежности к сообществам, институционально никак не связанным между собой. Ссылки на публикации представителей иных дисциплин не только не приветствуются, но могут вызвать отрицательные реакции своего сообщества. Каждый, кто осмелится осуществить междисциплинарное исследование в рамках двух дисциплин, рискует сесть между двух стульев и быть отброшенным (не принятым) обоими сообществами, со всеми вытекающими для этого исследователя отрицательными последствиями. На мой взгляд, конструктивистский институционализм как рамочная теория может решить, по крайней мере, первую из указанных проблем междисциплинарного сотрудничества. Воплощая две традиции (немецкой историко-этической школы Густава Шмоллера и исходного, идущего от Уолтона Гамильтона [Гамильтон, 2007] и Джона Коммонса, американского институционализма) конструктивистский институционализм способен помочь восстановить эти взятые из прошлого традиции для того, чтобы экономическая наука действительно стала наукой. Для того чтобы конструктивистский институционализм нашел достойное место в экономической дисциплине, необходимы глубокие преобразования института экономической науки, а сообщество академических экономистов должно кардинально пересмотреть видение своей профессии.

ПРИМЕРЫ ПОПЫТОК ПЕРЕСМОТРА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРАКТИК ЭКОНОМИСТОВ

Профессор экономики Йельского Университета Трюмэн Бьюли, возможно, под влиянием своего коллеги по факультету Роберта Шиллера, провел в 1990-е годы исследование, следуя дискурсивной методологии, и опубликовал книгу под названием «*Why Wages Don't Fall during a Recession*» («Почему заработная плата не падает во время рецессии») [Bewley, 1999], где представил его результаты. Листая книгу, видишь ее необычный для экономической монографии характер: значительная часть текста представляет собой цитаты из интервью. Бьюли провел более 336 слабо структурированных интервью, которые наверно правильнее было бы назвать беседами, с менеджерами, профсоюзными лидерами, профессиональными рекрутерами и консультантами безработных. Как отмечается в одной из опубликованных рецензий на книгу[1], она «описывает, что работодатели думают относительно найма, увольнения, оплаты труда и производительности рабочих, рассказывает захватывающую историю о том, как эти идеи (и связанные с ними поведения) влияют на то, что происходит на рынке труда. Модель определения оплаты труда, которую развивает Бьюли, противоречит многим влиятельным теориям жесткости заработной платы (*wage rigidity*), особенно теориям неоклассического толка. Но, может быть, самое важное заключается в том, что эта книга поднимает некоторые базовые вопросы относительно экономической теории и методологии». Очень краткий методологический раздел, всего три с половиной страницы во введении к книге, представляет большой интерес, особенно если иметь в виду то, что 1970-е и 1980-е годы Бьюи посвятил математической экономике. Вот два отрывка из этого раздела: «Было бы слишком самоуверенным игнорировать свидетельства людей, которые принимают экономические решения, а так же наблюдают за экономической жизнью и участвуют в ней. Поступить так — означало бы сделать экономическую теорию (*economics*) скорее религией, чем ответственным анализом опыта < ... >. Деловые люди, с которыми я беседовал, формулировали очень четко свои мысли, безусловно, они очень много думали о проблемах управления, были способны ясно их анализировать и говорили мне, что многое из того, чему научились, они узнали из общения с другими менеджерами. Аутсайдер должен также быть способен узнать от них, как управляется бизнес, и это как раз то знание личных проблем, с которыми сталкиваются деловые люди;

[1] См.: URL: http://cowles.econ.yale.edu/news/bewley/tfb_02-eej_review.htm.

этого знания не хватает в исследованиях жесткости заработной платы» [Bewley, 1999, с. 14]. Бьюли, в отличие от Акеллофа, Крэнтон и Шиллера, не прятался за какие-то мейнстримовские ширмы типа поведенческой экономики и, по-видимому, именно поэтому его работа не имела продолжения[1].

В Западной Европе дискурсивный подход применял датский профессор экономики развития и политологии Джон Дегбол-Мартинуссен. В книге «*Policies, Institutions and Industrial Development. Coping with Liberalisation and International Competition in India*» («Политики, институты и промышленное развитие. Как Индия справлялась с либерализацией и международной конкуренцией») он так характеризует используемый им подход к исследованию: «Что касается метода и построения исследования, отраженного в данной книге, то я пытался скомбинировать макроэкономический и макрополитический анализы с детальным изучением восприятий и откликов акторов. Это изучение было основано на рассмотрении публичных заявлений, соответствующих документов, на интервью с ключевыми лицами, принимающими решения. Цели интервью состояли в том, чтобы попытаться определить, как 1) политики разрабатывались и были применены на практике; 2) политики и способы их воплощения в жизнь воспринимались теми, кто был вовлечен в принятие политических и административных решений и формулирование корпоративных стратегий; 3) организации и предприятия, которые они представляли, реагировали на эти политики на практике» [Degnbol-Martinussen, 2001, с. 238]. На начальной стадии своего исследования Дегбол-Мартинуссен беседовал с руководителями компаний, не очень структурируя свои интервью для того, чтобы «выявить институты и интересы, которые определяют их поведение». На основе информации, полученной на этой стадии работы, он строил вопросники для более детальных бесед с интересующими его людьми. Однако он очень быстро увидел, что вопросники с заранее подготовленными ответами совершенно не подходят для такого рода исследования: «Ключевые руководители не соглашаются быть настолько ограниченными в своих ответах» [Degnbol-Martinussen, 2001, с. 241]. В конечном счете, интервью оказались намного менее структурированными, и опрашиваемые руководители уводили беседу в направлении, которое считали имеющим большее отношение к обсуждаемым вопросам [Degnbol-Martinussen, 2001, с. 241]. Все это соответ-

[1] Последние книги этого ученого, основанные на его курсе, читаемом в Йельском университете, посвящены моделям общего равновесия и теории оптимального роста [Bewley, 2007; 2011].

ствует методологическим положениям, изложенным в первых двух главах настоящей книги, и полностью согласуются с моим собственным опытом исследований на основе интервьюирования.

МОЙ СОБСТВЕННЫЙ ОПЫТ

В данной главе книги мне хотелось бы также рассказать о том, как и почему я сам пришел к дискурсивной методологии для проведения экономических исследованиях. По своему базовому образованию я экономист-математик, и стал применять качественные методы исследования не потому, что не владел количественными, а из-за того, что понял их ограниченность. На самом деле, мастерски владеть качественными методами ничуть не легче, чем количественными. Еще будучи студентом второго курса отделения экономической кибернетики экономического факультета МГУ, я освоил модель равновесия конкурентной экономики Эрроу–Дебре [Карлин, 1964, с. 328–333] и читал лекции по ней в рамках Экономико-математической школы перед будущими абитуриентами отделения. Моя кандидатская диссертация была посвящена тем самым моделям-басням, о которых говорил в своей цитируемой ранее статье-исповеди Ариэль Рубинштейн. Как и он, я в свое время очень радовался, если удавалось сконструировать абстрактные формальные модели оптимизационного типа [Ефимов, 1970, a; 1970, b] и из манипуляции с символами рождался какой-то смысл [Рубинштейн, 2008, с. 63]. Однако будучи любопытным и очень мотивированным на то, чтобы сделать что-то полезное, уже после защиты в 1971 году кандидатской диссертации я пытался применить эти модели к конкретным объектам, и очень быстро понял их басенный характер, что меня никак не могло удовлетворить. Какое-то очень короткое время у меня была надежда, что (пусть и не на базе математики, а на базе компьютерной имитации) все-таки можно количественно исследовать экономику. Однако знакомство с психологией, социальной психологией и социологией, которые изучают человеческое поведение, привело меня вскоре к выводу о том, что количественные методы не очень-то способны моделировать это поведение. Решением для меня была попытка изучать жгучие проблемы советской экономики того времени с помощью специфических человеко-машинных имитационных систем – имитационных игр, которые представляют собой что-то вроде синхрофазотронов для проведения лабораторных экономических экспериментов [Ефимов, 1978; 1986; 1988]. В конце 1970-х годов я

уже был институционалистом и рассматривал метод имитационных игр (*gaming-simulation*) как институциональное моделирование (*institutional modeling*) [Yefimov, 1981, с. 187]. Но для построения имитационных игр нужно было знать, как работает советское предприятие, и я стал частым гостем на машиностроительных, металлургических и текстильных предприятиях. Нужно было знать, как функционирует Госплан, и я стал частым посетителем в кабинете начальника одного из подотделов Госплана СССР С.Ф. Подчайнова. Мои посещения Госплана и заводов были связаны с моей работой по построению специального испытательного стенда (имитационной игры), предназначенного для сравнительного анализа влияния различных хозяйственных законодательств на функционирование экономики, созданию которого я посвятил шесть лет (1980–1986), причем два последних года ушли практически исключительно на построение компьютерных программ. Создаваемый мною стенд (имитационная игра) предназначался для того, чтобы служить технической и методической основой проведения лабораторных экспериментов.

Правила моей имитационной игры были моделями хозяйственных законодательств, и для их построения я изучал реальное советское хозяйственное право, которое в значительной степени сводилось к таким нормативным документам, как положения, методики и инструкции. Я хотел сравнить в лабораторных условиях функционирование экономики при советском законодательстве и при альтернативном законодательстве, которое предусматривало бы отказ от многих элементов централизованного планирования. Для построения правил альтернативного сценария я изучал нормативные документы по реформе хозяйственного механизма в Венгрии[1]. С другой стороны, для построения других элементов экспериментальной установки я пытался получить информацию о реальной работе (функционировании) советских предприятий и других организаций, беседуя с их работниками и задавая им заранее подготовленные вопросы, но, в тоже время, стимулируя их делиться со мной дополнительной информацией, помимо моих вопросов. Вся конструкция игры была нацелена на изучение таких явлений советской экономики, как де-

[1] Знание хозяйственного законодательства и практики его применения или неприменения, которое я почерпнул из бесед с работниками предприятий и учреждений, позволило мне произвести подробный, резко критический анализ предлагаемого комиссией, возглавляемой А.Г. Аганбегяном, проекта закона «О государственном предприятии (объединении)»; см. мою, совместно с Т.И. Заславской, статью в газете «Советская Россия» (24 марта 1987 года).

фицит, низкая производительность труда, длительные сроки строительства, медленный инновационный процесс.

Для того чтобы ускорить работу по созданию стенда, последние два года я практически был прикован к компьютеру, отлаживал машинные программы. Для этого нужно быть очень мотивированным, и я был таким, ибо считал, что мой стенд позволит, наконец, разобраться в том, почему советская экономическая система хромает, а с, другой стороны, он даст возможность опробовать различные проекты по ее реформированию. Двигало мной также чувство соревновательности, так как в Центральном экономико-математическом институте АН (ЦЭМИ) целая лаборатория Е.Г. Ясина занималась разработкой стенда (имитационной игры) с теми же целями. Играло свою роль в моей мотивированности и ощущение, что я являюсь первооткрывателем нового направления в экономической науке – институционалистского моделирования. Сейчас это направление я назвал бы *лабораторной конструктивистской институциональной экономикой*. Проведение экспериментов на моем стенде требовало достаточно больших ресурсов, прежде всего времени, минимум десятка акторов[1], а также необходимы были многотерминальный компьютер (игра была интерактивной) и помещение, примыкающее к залу с терминалами. Исследовательские эксперименты были достаточно длительными: квартал моделировался за полдня, а для того, чтобы делать какие-то выводы, нужно было проиграть функционирование экономики в течение нескольких лет. Я был тогда убежден, что как только мой стенд будет готов, многие научные, учебные и некоторые административные учреждения захотят проводить у себя эксперименты на его основе или участвовать в них. Однако каковы же были удивление и разочарование, когда практически никто не выразил желания в этом участвовать! Е.Г. Ясин всячески стимулировал меня оформить докторскую диссертацию, для которой, по его мнению, у меня уже все было сделано, но помочь в организации экспериментов не пожелал. Я же наоборот считал, что стенд создается для того, чтобы его использовать, то есть проводить исследовательские эксперименты, и если он не используется, то это означает, что шесть лет моей жизни потрачены впустую. Какое-то время я был просто в шоке, но посчитав, что все это из-за того, что мой стенд слишком сложен, эксперименты на нем имитировали функционирование национальной экономики, решил сделать более простой

---

[1] В отличие от Вернона Смита я предполагал участие в своих экспериментах не студентов, а реальных руководителей, которые должны привнести в эксперимент свой опыт, ценности и неформальные правила.

стенд, эксперименты на котором были бы значительно дешевле. При этом, конечно, о народнохозяйственном уровне нечего было и думать, но в тоже время мне требовался объект более-менее замкнутый, с точки зрения управленческих воздействий, так как в противном случае эксперименты с ним теряли бы смысл.

Мой выбор пал на районный агропромышленный комплекс, и я стал изучать сельское хозяйство, пищевую переработку и другие отрасли комплекса. Сотрудник Т.И. Заславской в Новосибирском Академгородке, В.Д. Смирнов, стал моим гидом в путешествии в эту новую для меня область, причем не только фигурально, так как взял меня с собой в экспедицию на Алтай. После возвращения в Москву нужно было выбрать конкретный сельский район, который мог бы служить прототипом для моей будущей имитационной игры, и им стал Переславский район Ярославской области. Близкое знакомство с районом началось в 1988 году и быстро привело меня к решению, что вместо построения стенда для проведения *лабораторных экспериментов*, я буду проводить с этими же целями в этом районе *натурный эксперимент, и он* будет заключаться в попытке фермеризации этого района. Эксперимент длился с моим участием до 1991 года, и его значение для моего формирования как экономиста-экспериментатора трудно переоценить. Это было мое первое исследование действием, когда я в полной мере ощущал на себе латуровское «сопротивление объекта исследования» тому, что я о нем думаю. Попытки изменить объект, исходя из моего понимания, приводили к неожиданным реакциям, которые, будучи осмысленными, *давали либо изменения в его понимании, либо приращения в этом понимании*. В частности, мною достаточно скоро было отброшено общепринятое понимание колхозов и совхозов как предприятий – они были просто цехами в предприятии, называвшемся «район», которым руководил первый секретарь райкома КПСС. Явления и закономерности, с которыми сталкивался я в течение двух лет эксперимента в Переславском районе, потом, через несколько лет, воспроизводились в массовом порядке по всей России. Своим опытом, полученным в ходе эксперимента, я делился с читателями газеты «Известия»[1], а также работая в экспертных группах комиссий Президиума Верховного Совета СССР, разрабатывающих закон «О кооперации в СССР» (1988) и «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о земле» (1990). В 1990 году, когда был опубликован проект Земель-

[1] В 1989 году в этой газете были опубликованы две мои статьи.

ного кодекса РСФСР, этот опыт позволил мне сделать его резко критический анализ[1].

После переславского опыта мне удалось еще раз провести исследование действием в рамках проекта, финансируемого Европейской комиссией и посвященного экспериментальной приватизации североказахстанских совхозов (1995–1997)[2]. Это исследование имело решающее значение для моего окончательного понимания природы явления «Советское сельское хозяйство». Именно тогда я понял игнорируемую всеми, в том числе советскими (российскими) и западными экономистами-аграрниками, действительную природу личных подсобных хозяйств (ЛПХ) как *прямого продолжения дореволюционных крестьянских хозяйств*. Центральная роль этих хозяйств в жизни сельского населения определила сохранение коллективистских форм, а выпадение КПСС из системы управления при таком сохранении неизбежно и достаточно быстро приводило к полной деградации сельского хозяйства, что и наблюдалось на всем постсоветском пространстве.

В своих исследованиях, посвященных институциональным преобразованиям в сельском хозяйстве России [Yefimov, 2001; 2003; Ефимов, 2009; 2010], я пришел к выводу, что аграрные институциональные изменения у нас следуют определенным циклам. Аграрные потрясениями в России, такие как отмена крепостного права (1861), Столыпинская реформа (1906), Октябрьская революция (1917), коллективизация конца 1920 – начала 1930-х годов, а также постсоветские реформы 1990-х годов, не меняли полностью аграрную институциональную систему, а только видоизменяли ее. Мне стало понятно также, что идеи и дискурсы играют решающую роль в институциональных изменениях. В рамках исследования проводились обследования в нескольких регионах России. Только в Самарской области в августе-сентябре 1999 года продолжительные беседы-интервью были проведены с 53-мя акторами разного уровня. Тщательному анализу были подвергнуты законодательные акты и политические дискурсы (в частности, аграрные программы политических партий начала и конца XX века и тексты статей и докладов политических деятелей). В результате сравнительного анализа аграрных институтов, действующих в России в разные исторические периоды, был сделан вывод о существовании некой особой русской аграрной институциональной системы, состоящей из четырех ин-

---

[1] См. мою статью в газете «Сельская жизнь» (18 и 30 сентября 1990 года).

[2] Результаты этих исследований были опубликованы в работе: [Yefimov, 1997].

ститутов[1], действующих в России начиная с возникновения Московской Руси. Базовым институтом в ней всегда было, и во многом остается и сейчас, *крестьянское хозяйство*, роль которого в советское и постсоветское время стало играть так называемое личное подсобное хозяйство. Вторым институтом русской аграрной институциональной системы является *сельская община*, в советское время замененная колхозом. Институт *государственных органов территориального управления* является третьим институтом русской аграрной институциональной системы. Наконец, четвертым, последним, но не последним по важности институтом русской аграрной институциональной системы было на протяжении столетий *поместье-вотчина*. В соответствии с официальной советской версией колхоз рассматривался как сельскохозяйственное кооперативное предприятие. На самом деле он не был ни кооперативом, ни предприятием, а был, с одной стороны, цехом районного сельскохозяйственного предприятия (государственного поместья-вотчины), во главе которого стоял первый секретарь райкома КПСС, а с другой стороны, историческим продолжением сельской общины с близкими к ней функциями. В послесталинский период, особенно с конца 1960-х годов, совхоз мало чем отличался от колхоза. Все четыре вышеназванные института были тесно связаны между собой, и понять их функционирование и эволюцию можно, только рассматривая, как они взаимодействуют друг с другом. На разных этапах своего исторического развития эта институциональная система видоизменяется, сохраняя свое ядро. Проведенный анализ помог разобраться в том, почему претерпели неудачи те аграрные преобразования в России, у истоков которых стояла либеральная идеология, и пролить свет на то, что происходит с российским сельским хозяйством сейчас. В частности, этот анализ объясняет практическое фиаско политики фермеризации страны, проводимой российским правительством в 1990-е годы, и тех серьезных проблем, с которыми столкнулась сменившая ее в начале XXI века ориентация на создание агрохолдингов.

[1] Современная российская статистика сельского хозяйства выделяет три типа хозяйств: сельскохозяйственные организации; хозяйства населения (прежде всего, так называемые личные подсобные хозяйства (ЛПХ) сельского населения); крестьянские (фермерские) хозяйства (КФХ). Названия двух последних типов хозяйств связаны с идеологиями, лежащими в основе их законодательного закрепления. Сейчас можно констатировать, что идеологии, лежащие в основе названий ЛПХ и КФХ, не оправдались. Как-то не поворачивается язык, назвать подсобными хозяйства, производящие в постсоветское время около половины валовой сельхозпродукции страны, а с другой стороны, семейные высокотоварные фермы играют в современной России скорее маргинальную роль, производя относительно малую часть валовой продукции.

Заключая рассказ о моих исследованиях, я хочу подчеркнуть, что только благодаря использованию дискурсивной методологии удалось выявить фундаментальные закономерности функционирования изучаемых объектов, которые ускользали от глаз как консультантов, так и научных работников, не вступавших в непосредственный контакт с акторами и не изучавших производимые ими тексты. Понимание или непонимание такого типа закономерностей определяет во многом успех или неуспех разработки и осуществления институциональных преобразований.

ГЛАВА 9.
СОЦИАЛЬНЫЙ ВОПРОС В США И ИСХОДНЫЙ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ

Нередко в дискурсах относительно экономической науки происходит смешение понятий нормативности и практической направленности. Так, неоклассическая экономическая теория нормативна, но не имеет практической направленности. Наоборот, немецкая историко-этическая школа, возглавляемая Густавом Шмоллером, и институционализм Джона Коммонса не были нормативными, их даже часто обвиняют в том, что они чересчур описательны, но были непосредственно нацелены на социально-экономические реформы. На первый взгляд это может показаться даже парадоксальным. Однако такое соотношение нормативности и практической направленности в этих двух течениях экономической мысли легко объяснимо. Для того чтобы предложить *действенную реформу*, нужно хорошо знать *реформируемую действительность*, иначе имеется мало шансов на успех. Напротив, задача наукообразной проповеди определенной идеологии абсолютно не требует от экономической теории тесной связи с реальностью в виде ее практической направленности.

Как уже отмечалось выше, в конце XIX века, в начальный период своей институционализации, экономическая наука была тесно связана с наличием и обсуждением в обществе так называемого социального вопроса. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, выходивший в 1890–1907 годах, определяет этот термин следующим образом: «Социальный вопрос в узком смысле есть то же самое, что и "рабочий вопрос" в более широком смысле. Социальный вопрос может быть определен, как вопрос преобразования общественного строя в интересах тех классов, которые принимают главное участие в создании национального богатства»[1]. Классическая политическая экономия, а затем и неоклассический экономикс, давали ответ на «социальный вопрос», обосновывая правомерность (естественность) капитализма и его справедливость, эффективность и, в конечном счете, выгодность для всех социальных слоев общества. Марксистская политическая экономия обосновывала способ решения социального вопроса путем низвержения капитализма. «Обоснования» эти делались путем дедуктивных построений в рамках традиций нравственной и политической философии, тесно связан-

[1] См.: URL: http://ru.wikisource.org/wiki/Социальный вопрос и социальная политика.

ной с теологией. Формулирование как марксистского, так и либерального проектов не требовало изучения деталей функционирования существующей экономической системы, поскольку в первом случае речь шла о ее ликвидации, а во втором случае — о ее сохранении без каких бы то ни было изменений. Экономическая школа Густава Шмоллера была нацелена на другой вариант решения социального вопроса, а именно на проведение государством определенной социальной политики, откуда и название немецкой ассоциации экономистов того времени — Союз за социальную политику. На мой взгляд, именно необходимость знания деталей и понимания функционирования системы, которую собирались реформировать, разрабатывая политику, нацеленную на социально-экономические реформы, привела Шмоллера к институционализму.

Институционализм шмоллеровской немецкой историко-этической школы был подхвачен в США, где собственно и родился термин «институционализм». Направленность немецкого институционализма на решение социального вопроса переформулируется в американском институционализме в виде его ориентации на необходимость социального контроля над бизнесом. Обеим школам успешно удалось способствовать частичному решению социального вопроса путем проведения исследований, практическим результатом которых было создание в Германии и США систем социального обеспечения. Однако один из источников существования социального вопроса, а именно нестабильность капиталистической системы хозяйствования, порождающая время от времени экономические кризисы со вспышками безработицы, так и не была исследована представителями этих школ, и возникает естественный вопрос «почему?». Хотя наверняка ответ должен быть многосторонним и не сводим к объяснению какой-то одной причины, я думаю, дело в следующем: институционализм, как он практиковался школами Шмоллера и Коммонса, основывался по существу на дискурсивном подходе, что требует прямых контактов с акторами, и мой собственный опыт исследований на базе этого подхода показывает, что «капиталистические акторы» далеко не всегда готовы поделиться с исследователем правилами, которым они следуют, из-за возможной негативной моральной оценки этих правил. Под страхом революций на рубеже XIX и XX веков, правящие круги Германии и США разрешили и даже стимулировали исследования, направленные на решение социального вопроса, и можно предположить, что те же правящие круги были совершенно не заинтересованы впустить исследователей в святая святых капитализма, в область финансов. Ниша регулирования капиталистической эконо-

мики вместо институционализма была занята кейнсианством. Кейнс признал свою близость Коммонсу, написав ему в 1927 году, что «нет, кажется, больше ни одного экономиста, с чьим образом мысли я в общем находился бы в таком согласии» [Скидельски, 2005, с. 640]. Посткейнсианцы признают, что «экономические процессы упорядочены в большей степени благодаря институтам и конвенциональному поведению, а не рыночной координации» [Dow, 2001, с. 19], однако из-за неприятия ими дискурсивного подхода в экономических исследованиях, это утверждение остается только добрым пожеланием. Методология, которой следуют посткейнсианцы, является во многом той же, что и у неоклассиков.

Ранее я уже подчеркивал, что исходный институционализм — это с одной стороны определенная социально-политико-экономическая философия, а с другой стороны оригинальная исследовательская традиция, причем традиция, которая продемонстрировала в свое время высокую эффективность и очень хорошо послужила важным реформам в Германии и США. Если истоками происхождения неоклассической традиции были классический, по существу теологический университет; затем дисциплина, которая в нем преподавалась, а именно, моральная и политическая философия; и, наконец, беспринципно заимствованные математические конструкции физики середины XIX-го века, то у институционализма Шмоллера и Коммонса совершенно другие источники. Он первоначально возник не в университете пропитанном средневековой схоластикой, а в новом Берлинском университете, который был основан в 1810 году сразу как исследовательский. Гумбольдт писал, что в этом университете роли преподавателя (теперь преподавателя-исследователя) и студента меняются. Они оба служат науке, проводя совместные исследования. Этот институционализм основывался на интерпретативной природе социального исследования, на герменевтике Дильтея, и на экспериментально-социальном понимании любого исследовательского процесса, развитом в прагматизме Пирса и Дьюи. Что касается социально-политико-экономической философии Джона Коммонса, то она была очень близка к философии демократии Джона Дьюи.

Понимание того чем занимались исходные институционалисты в США можно получить из следующего списка исследований школы Коммонса: 1) правовая и законодательная тематика, в том числе законодательство по профсоюзам, трудовое право, антимонопольное законодательство, судебные запреты, практика черных списков, бойкоты, полицейская власть, вооруженные охранники, практика срыва забастовок, свобода слова; 2) организации трудящихся и ведение

коллективных переговоров в различных отраслях промышленности, в том числе исследования ассоциаций профсоюзов и работодателей, торговые соглашения, научное управление, забастовки, другие выступления трудящихся, насилие, трудящиеся неорганизованные в профсоюзы, потенциальные средства правовой защиты; 3) занятость, включая исследования биржи труда и службы занятости, временная и миграционная занятость, нерегулярность занятости, экономические колебания и занятость, уровень безработицы на конкретных рынках труда, схемы страхования от безработицы; 4) труд в сельском хозяйстве, в том числе фермеров-арендаторов и сельскохозяйственных рабочих; 5) образование, включая ученичество, профессиональное обучение, детский труд; 6) социальное обеспечение и страхование, в том числе мероприятия по улучшению условий жизни рабочих, жилищные и бытовые условия жизни, страхование на случай болезни, а также профилактика заболеваемости; 7) несчастные случаи, техника безопасности, санитария, включая заводскую инспекцию по этим вопросам и компенсацию рабочих в случае несчастных случаев на производстве; 8) выявление причин вызывающих беспорядки среди рабочих, в том числе распределение доходов, заработная плата, сравнительный анализ изменения заработной платы и цен, стоимость жизни, часы работы, введение машин, иммиграция и трудовая миграция; 9)женщины в промышленности, в том числе количество и экономический статус женщин в промышленности, регулирование работы женщин, продолжительность рабочего дня у женщин, исследования таких «женских» отраслей, как, например, швейная промышленность[1]. Описания того, как исследования проводились по темам такого типа, даны в статье [Резерфорд , 2012, b], которые я и воспроизведу ниже.

В США социальный вопрос получил название «рабочего вопроса» (“*labor problem*”). Рабочий вопрос выражался в несправедливых отношениях работодателей к своим работникам, которые пытались с помощью профсоюзов исправить свое положение, однако последние наталкивались на действия работодателей и правительства направленные против них. Работодатели нередко заключали контрак-

1 Эта информация взята из ранней версии (см. http://web.uvic.ca/~rutherfo/observation.pdf) статьи [Резерфорд, 2012, b], которая ссылается на следующий документ: “Divisions Of The Broad Subjects Of Research And Investigation Together With A Classification Of The Reports Completed to Date Along These Various Lines Which Have Been Sent In To The Director” February 15, 1915, хранящийся в архиве Висконсинского исторического общества среди документов Чарльза Маккарти: ящик № 8, папка № 6. Маккарти возглавлял команду занятую этим исследованием, проводимым для Комиссии США по трудовым отношениям. Джон Р. Коммонс был членом этой комиссии.

ты найма, запрещавшие членство в профсоюзах, а также добивались судебных запретов их деятельности. Ниже будут рассмотрены два примера исследований проявлений рабочего вопроса. Первый пример является исследованием проведенным Джоном Фитчем, учеником Джона Р. Коммонса, среди рабочих сталелитейной промышленности в Питтсбургской агломерации, это исследование было опубликовано в [Fitch, 1910]. Второй пример — это работа по временным, мигрирующим с места на место, рабочим и их профсоюзу «Промышленные рабочие мира» (I.W.W.) в Калифорнии, завершенная между 1914 и 1916 годами, сделанная Ф.К. Миллсом для Калифорнийской комиссии по иммиграции и жилью и Комиссии США по трудовым отношениям.

На момент исследования проводимого Фитчем «Питтсбург был в значительной степени промышленным городом с преобладанием металлургических компаний, крупнейшей из которых была «ЮС Стил Корпорейшн» созданная в 1901 году. В этой компании имели место мощные забастовки, в частности в 1892 году забастовка в предместье Хоумстед, в которой профсоюз (Объединенная ассоциация работников металлургической промышленности) потерпел поражение. Другая забастовка, также потерпевшая поражение, произошла в 1901 году, а профсоюз был фактически изгнан из отрасли так, что «с этого времени работодатели снова стали свободно вырабатывать свою собственную политику. То, что тогда изучал Фитч было тем, что он назвал" политикой по отношению к рабочим ничем не сдерживаемого капитала [Fitch, 1910, с. 192]» [Резерфорд, 2012, b, с. 94]. Исследование в районе Питтсбурга проводилось в течении десяти месяцев и состояло в обследовании там всех крупных заводов, причем большинство из них Фитч посещал «неоднократно». Посещение заводов осуществлялось в сопровождении людей, которые были «хорошо знакомы со сталелитейным производством, но теперь никак не были связаны с отраслью», а также квалифицированными рабочими, которые добровольно помогали ему и «объясняли роль труда в процессе производства чугуна и стали» [Fitch, 1910, с. 9]. Вот как Финч характеризовал свое исследование: «Чтобы понять этих людей, Вы должны, прежде всего, увидеть их в процессе их работы, вы должны стоять рядом с рабочим обслуживающим мартеновскую печь, когда он выпускает пятьдесят тонн жидкой стали из его печи, вы должны чувствовать тепло бессемеровского конвертора, когда вы наблюдаете за рабочими и вы должны разговаривать с ними когда вы слышите стук и рев прокатного стана, а пяти и десятитонные стальные слитки безумно снуют взад вперед между валками. Вы должны

видеть людей работающих в цехах, где температура воздуха высока, а работа тяжела, вы должны увидеть их на фоне ковша расплавленной стали, среди груды раскаленных прутьев, или склонившихся над трубоправильным прессом прокатного стана» [Fitch, 1910, с. 10].

«Фитч также посещал и интервьюировал рабочих у них дома, что было, как он думал, также жизненно важно для их понимания. В этих случаях он первоначально был представлен своими друзьями "сталеварам-лидерам", и эти люди, в свою очередь давали ему имена других. Таким образом, как утверждает Фитч, он смог подобраться к жизни "типичных" квалифицированных и неквалифицированных людей и это несмотря на то, что его собеседники часто подозревали, что он является шпионом посланным компанией для того, чтобы он попытался узнать об отношении рабочих к профсоюзу или компании. Сталелитейные компании действительно нанимали многочисленных шпионов, и людей, про которых узнавали, что они являются профсоюзными активистами, регулярно увольняли» [Резерфорд, 2012, b, с. 95]. Несмотря на эту атмосферу запугивания, как утверждает Фитч, он смог осуществлять свои интервью при условии, что он мог бы показать рекомендательные письма, объяснить свою цель, и обещать не раскрывать имен [Fitch, 1910, с. 215–216]. Вот короткий отрывок из одного из его интервью взятого у рабочего: «Я могу вам сказать, что мало кто выдержал то, что перенес я. Я уже двадцать лет у печи и все это время работал семь дней в неделю по двенадцать часов в день. Мы начинаем работать в семь утра, а заканчиваем в шесть вечера. Мы работаем таким образом в течение двух недель, а затем мы переходим на ночную смену по тринадцать часов <...>. Теперь, если бы у нас был восьмичасовой рабочий день, то все было бы по-другому. <...> После ужина я и моя жена могли бы пойти в парк, если бы мы захотели, или я мог бы взять своих детей в деревню, где нет никаких кабаков» [Fitch, 1910, с. 11].

Наблюдение на рабочих местах, а также интервью, проводимые на работе и дома, были не единственными источниками информации для Фитча. Так анализ по вопросам здоровья и несчастных случаев при производстве стали был проведен на основе данных взятых в первую очередь из другого исследования проведенного на тех же предприятиях Питтсбургского района. Им рассматривается история профсоюзного движения в отрасли, политика Объединенной ассоциации работников металлургической промышленности, и «великие забастовки», за данными о которых Финч обращается к профсоюзным газетам, профсоюзным циркулярам, профсоюзному законодательству и подзаконным актам, а также к другим предоставляемым

профсоюзом документами данным. Несколько глав его книги детально характеризуют практику и политику, которой следуют работодатели, включая вопросы величины заработной платы, стоимости жизни, продолжительности рабочего дня и недели, повышения интенсивности труда и премиальной системы. Он использовал для своего анализа бюллетени издаваемые Бюро труда, данные предоставленные металлургическими компаниями, документы компаний в отношении семидневной рабочей недели, планы участия в прибылях, планы помощи при несчастных случаях, применяемые пенсионные схемы, информацию, взятую из предыдущих исследований забастовок, свидетельства в Конгрессе, рабочие газеты, данные из других исследований проводимых в районе Питтсбурга, и данные классифицирующие работников в соответствии с уровнем квалификации, гражданства и языка, которые по-видимому были взяты в компаниях [Резерфорд, 2012, b, с. 95].

«Комментарии Фитча и акцент в [его] книге сделаны применительно к некоторым ключевым условиям труда, постоянному росту механизации, интенсификации работы, использования этнических разногласий, и больше всего на двенадцатичасовой рабочий день и семидневную рабочую неделю, которые применялись на большинстве заводов. При таком графике человеку предоставлялся 24-часовой перерыв в работе каждые две недели при переходе с дневной смены на ночную, но с другой стороны, это требовало один раз в две недели отрабатывать 24-часовую смену. Такая организация работы была, как выявил Фитч, центральной для большинства проявлений рабочего вопроса в черной металлургии. Финч также подробно характеризовал опасности сопровождающие работу сталеваров, отсутствие системы государственной заводской инспекции или законов по компенсации рабочих в случае несчастных случаев на производстве, низкой и снижающейся реальной заработной платы большинства рабочих, а также попытки металлургических компаний влиять на политическую деятельность и голосование своих сотрудников. Для Фитча все это указывало на желательность профсоюзного представительства интересов рабочих и ведение коллективных переговоров. Фитч [Fitch, 1910, с. 206] утверждал, что работодатели использовали свою свободу от ограничений для проведения «негативной и разрушительной политики». Для Фитча профсоюз имеет «четкое моральное право голоса в определении условий труда» [Fitch, 1910, с. 205]. Условия в сталелитейной промышленности привели к еще одной мощной забастовке в 1919 году, однако еще раз профсоюз потерпел в ней поражение» [Резерфорд, 2012, b, с. 96].

Другой пример достаточно подробно изложенный в статье М. Резерфрда касается исследований, проведенных среди калифорнийских временных рабочих. Эти исследования были организованы в связи с имеющими место беспорядками среди этих рабочих: «В ноябре 1913 года Карлтон Паркер, экономист из Калифорнийского университета в Беркли, специализирующийся в области труда, был назначен исполнительным секретарем Калифорнийской Комиссии по иммиграции и жилью. Часть работы Паркера состояла в расследовании причин беспорядков в местечке Уитлэнд в штате Калифорния. Это был бунт, в котором участвовали летом 1913 года рабочие-мигранты сборщики хмеля, и который разразился из-за ужасных условий в палаточном лагере, разбитом для временных рабочих на ранчо принадлежавшего Ральфу Дерсту. На рекламное приглашение Дерста откликнулось значительно больше рабочих, чем требовалось, и часть заработной платы удерживалась для выплаты премий тем, кто оставался на весь сезон сбора урожая. Лагерь был разбит в чистом поле и не обладал адекватными санитарными условиями и водоснабжением. Температура воздуха превышала 100°F (37.8°C). Доставка воды и продуктов питания не осуществлялась, так как Дерст хотел дополнительно заработать на принадлежащем ему единственном существующем на ранчо магазине, а его двоюродный брат имел концессию на производство лимонада. Акция протеста достигла своей вершины на митинге созванном профсоюзом I.W.W (Промышленные Рабочие Мира). Местный шериф прибыл со своим отрядом с целью арестовать зачинщиков и в ходе последующих беспорядков погибли четыре человека (в том числе окружной прокурор и заместитель шерифа), и много людей было ранено. На помощь была вызвана Национальная гвардия и на всей территории штата члены профсоюза I.W.W. были арестованы, а два лидера I.W.W. находящиеся во время бунта в лагере (Ричард Форд и Херман Сур) в конечном итоге были приговорены к пожизненному заключению» [Резерфорд , 2012, b, с. 97].

Отчет Паркера об этом бунте был им охарактеризован следующим образом: «Этот отчет основан на тщательном личном исследовании физических фактов всеми исследователями нанятыми комиссией; на внимательном изучении судебного процесса над Фордом, Суром и [двумя другими участниками беспорядков] Беком и Баганом проходившем в городе Мэрисвил; на интервью со свидетелями на суде и с рабочими, которые были на ранчо в дни, предшествовавшие 3 августа (день бунта), но которые не присутствовали на суде и которых пришлось искать по всему штату, а также на интервью с жителями района Юба Канти, где находится местечко Уитлэнд» [Parker,

1920, с. 174]. «Основные рекомендации Паркера состояли в надлежащем обеспечении государственного регулирования условий жизни в лагерях для сезонных рабочих, осуждение обоих сторон конфликта: работодателей, которые допустили неудовлетворительные условия для рабочих, но и насильственные методы проведения забастовки профсоюзом I.W.W.» [Резерфорд, 2012, b, с. 97]. Исследования Паркера относительно бунта наталкивались как на нежелание работодателей сезонного труда в сокрытии истинных условий труда и жизни, так и на подозрительность членов I.W.W. по отношению к любому "официальному" расследованию их деятельности. Поэтому Паркер решил провести исследования касающиеся положения сезонных рабочих в других временных лагерях Калифорнии. С этой целью он весной 1914 года нанял своего бывшего студента Калифорнийского университета в Беркли Ф.Л. Миллса для проведения дополнительных расследований условий существующих в различных лагерях для сезонных рабочих, сбора информации об их жизни, и оценки присутствия и поведения профсоюза I.W.W. в этих лагерях [Там же].

Миллс в своей исследовательской работе использовал метод включенного наблюдения: «Он соответствующим образом оделся как сезонный рабочий, принял вымышленное имя, вступил в профсоюз I.W.W., работал в различных лагерях для сезонных рабочих, путешествовал пешком или ездил по железной дороге (в том числе устроившись между вагонами), спал в местах скопления бродяг около железнодорожных путей или в стогах сена или в отцепленных крытых вагонах, и мылся водой из придорожных водоколонок или оросительных канав. Он работал упаковщиком апельсинов в долине Сан-Хоакин, как рабочий на лесозаготовках в Сиерра, и как дорожный рабочий в Сэнд Крик. Он написал два доклада об условиях работы и жизни сезонных рабочих занятых сбором апельсинов, доклады по его опыту жизни в лагерях рабочих на лесозаготовках и для дорожных рабочих, и о некоторых элементах жизни "на дороге". Он также охарактеризовал мнения, которые имеют различные группы рабочих, касающиеся I.W.W. и дал общую характеристику деятельности этого профсоюза, все время [в течение двух месяцев] он вел подробный дневник» [Резерфорд, 2012, b, с. 98].

Работая в качестве упаковщика апельсинов, Миллс заметил, что количество желающих получить работу было намного выше, чем количество реально имеющихся рабочих мест и он видел «незанятых людей на каждом углу» [Woirol, 1992, с. 23]. На лесозаготовках, он подробно описывал условия жизни и труда, а также виды выполняемых работ, этнический состав рабочей силы, выплачиваемую зара-

ботную плату. В качестве дорожно-строительного строительного рабочего он обнаружил возможный сговор работодателя с агентством по занятости близлежащего города. С людей взималась плата агентством и плата за перевозку в лагеря. Работодатель получал часть этих сборов. Около десятка людей прибывало каждый день для работы в бригаде по двадцать или тридцать человек. Рабочие часто бросали работу из-за тяжелых условий, были вынуждены уехать, либо были уволены под каким-нибудь предлогом, чтобы освободить место для вновь прибывших [Woirol, 1992, с. 25–75]. Позже в своих путешествиях Миллс провел дальнейшие исследования по агентствам занятости [Ibid., с. 104].

Информация, добытая Миллсом, давала картину «общего характера изучаемых им людей и их отношение к определенным вещам, таким образом, что просто статистические данные не могут сделать» [Woirol, 1992, с. 40]. Вот пример такой информации: «"Тони", как он просил называть себя, был рабочим в сортировочной бригаде в Хьюме. Ему было двадцать три года, а родился на он на острове Сардиния <...>. Услышав чудесные россказни о необыкновенных возможностях найти работу в Калифорнии, Тони прибыл сюда в марте прошлого года, оставив своего брата в Нью-Йорке. В течение двух месяцев он находился в Сан-Франциско и не мог найти работу <...>. Тони не был женат, и говорит, что практически все итальянцы, которые работают, переезжая с места на место, также не женаты, так как устроенный образ жизни невозможен. <...> Его цель заключается в накоплении достаточного количества денег, чтобы приобрести небольшую ферму или магазин и привести жену из Италии и устроившись угомониться» [Woirol, 1992, с. 50–51]. Из своих бесед с рабочими Миллс сделал вывод, что жизнь в качестве временного рабочего была несовместима с какой-либо устроенной семейной жизнью, и часто приводит к чередованию периодов работы перемежающихся с приступами «разгула» [Ibid., с. 60–64].

Что касается отношения рабочих к I.W.W., то Миллс пришел к заключению, что отношение к этому профсоюзу со стороны более квалифицированных работников на упаковочных заводах или среди лучше оплачиваемых лесорубов не было столь положительным как в случае менее квалифицированной и в большей степени мигрирующей части рабочей силы. Он объяснял привлекательность этой организации для странствующих рабочих следующим образом: «Среди рабочих этого типа часто наблюдаются проявления социальных волнений, растущего недовольства многим в их жизни». I.W.W. «рассматривается многими как самая заманчивая организация из всех,

которые предлагают выход, и среди людей имеет место широко распространенное знание деятельности этой организации и симпатии к ней» [Woirol, 1992, с. 120]. Идея необходимости протестных действий была достаточно популярной: «На городских площадях этой мысли аплодировали, а в местах скопления бездомных рабочих ее одобряли. [Такие писатели как] Эптон Синклер и Джек Лондон проповедуют ее» [Ibid, с. 128]. На базе этих исследований Калифорнийская комиссия по иммиграции и жилью, в своем Докладе по безработице за декабрь 1914, рекомендовала создание в штате бирж труда и обеспечение большего регулирования деятельности частных агентств [Резерфорд, 2012, b, с. 99]. Другой бывший студент Паркера, Пол Бриссенден, который также участвовал в исследовании положения временных рабочих, подготовил в Колумбийском университете диссертацию по I.W.W [Brissenden, 1919]. «Бриссенден был против распространенных крайних и полностью негативных взглядов на I.W.W. Его книга во многом является обсуждением эволюции I.W.W. и его организации, членства, позиций относительно проводимой политики и внутренних споров, но он явно видел некоторые положительные аспекты взглядов I.W.W. относительно промышленной демократии. Книга Бриссендена [Brissenden, 1919] стала стандартным источником информации по I.W.W» [Резерфорд , 2012, b, с. 99].

На основе собранной информации Карлтон Паркер разработал теорию волнений рабочих основанную на идее несоответствия между человеческой природой и «небрежно упорядоченным миром». Деятельность человека «приводится в действие требованием реализации инстинктивных нужд», но экономические условия, с которыми сталкиваются многие, и особенно временные рабочие, являются такими, что препятствуют реализации этих инстинктов и приводят к «психическому бунту», который может выражаться либо в потере интереса или в качестве антагонизма или насилия: постоянные волнения, недовольство и распад морали [Parker, 1920, с. 161–164]. «Паркер включил I.W.W. в сферу этого тезиса. Паркер рассматривал обычные осуждения I.W.W. как незаконную в своих действиях, непатриотичную и антиамериканскую организацию, как полностью игнорирующие условия, которые породили это движение: «Временные мигрирующие рабочие являются продуктом экономической среды, которая кажется жестоко эффективной в преобразовании человеческих существ по таким стандартам, к которым общество питает отвращение <...> I.W.W. имеет значение лишь как иллюстрация стабильных американских экономических процессов» [Parker, 1920, с. 123]» [Резерфорд, 2012, b, с. 100].

Подход исходных американских институционалистов школы Джона Коммонса к решению социального вопроса был заимствован у немецкой историко-этической школы Густава Шмоллера и состоял в введении законов социального обеспечения. Однако американские институционалисты были вынуждены отойти от патерналистского подхода немцев и заниматься кроме этого законодательством, нацеленным на обеспечение прав рабочих на свою защиту с помощью профсоюзов от злоупотреблений работодателей. Эмпирические полевые исследования, примеры которых были приведены выше, давали исходный материал для разработки таких законов. Таким образом, кроме анализа информации относительно условий работы и жизни рабочих, необходимо было также проанализировать существующее законодательство, которое является препятствием для улучшения жизни рабочих. Такой анализ был проведен в книге Коммонса под названием «Принципы трудового законодательства», которую он написал в соавторстве с Джоном Эндрюз. Впервые эта книга была издана в 1916 году, а четвертое ее переработанное издание вышло в свет в 1936 году [Commons, Andrews 1936]. В этой книге авторы не только проанализировали существующее законодательство с точки зрения социального вопроса, но предложили пути его законодательного решения.

Один из наиболее известных учеников Джона Коммонса, Эдвин Витте, продолжил эту работу и занимался как анализом существующего законодательства с точки зрения социального вопроса, так и, также как Коммонс, разработкой нового. В 1927 году он защитил диссертацию «Роль судов в трудовых спорах», которая впоследствии была существенно переработана и была опубликована в 1932 году под названием «Государство в трудовых спорах» [Witte, 1932]. Американские суды в то время выступали преимущественно на стороне работодателей, а не на стороне профсоюзов. В частности они применяли для осуждения деятельности профсоюзов антитрестовское законодательство. Витте способствовал разработке закона Норриса-Лагуардия (Norris-LaGuardia Act) принятого в 1932 году, который подтвердил право рабочих на коллективный договор, сузил возможности вмешательства судов в трудовые конфликты и запретил применение антитрестовского законодательства к профсоюзам. Этот закон создал препятствия на получение предпринимателями в *федеральных судах судебных предписаний* против профсоюзов и объявил недействительными обязательства рабочих, которые они принимали на себя под давлением работодателей, о невступлении в профсоюз. Витте часто рассматривается как «отец» Закона о социальном обеспечении

1935 года (Social Security Act). И действительно он внес очень большой вклад в разработку и принятие этого закона будучи исполнительным директором Комитета по экономическому обеспечению в 1934—1935 года. Историю деятельности этого комитета и того как Закон о социальном обеспечении был разработан и увидел свет Витте описал в своей книге [Witte, 1962].

Президент Франклин Рузвельт, при котором в США проводилась политика Нового курса, был пронизан идеями исходного институционализма. Решение социального (рабочего) вопроса виделось им в построении в США социального государства. Особенно четко проект социального государства Рузвельта прозвучал за год до его смерти в его радиовыступлении 11 января 1944 года. Этот проект получил название второго или экономического «Билля о правах». Вот как он сформулировал этот проект: «Наша республика возникла и затем выросла в могущественную державу благодаря неотъемлемым правам граждан, к числу которых относятся свобода слова, свобода печати, свобода вероисповедания, право на суд присяжных, гарантия от необоснованного обыска и ареста. Все вместе они составили наше право на жизнь и свободу. Однако постепенно мы стали все яснее осознавать, что подлинная свобода отдельной личности невозможна без экономической безопасности и независимости. Нужда и свобода несовместимы. Массы голодных и безработных — эта та почва, на которой вырастают диктатуры.

В наше время эти истины стали самоочевидными. Мы, можно сказать, приняли еще один «Билль о правах», на основе которого можно построить безопасность и благосостояние для всех, независимо от социального положения, расы и вероисповедания. Вот основные из этих прав:

- право на полезную и оплачиваемую работу в промышленности, торговле или сельском хозяйстве страны;
- право на доход, достаточный для покрытия потребностей в пище, одежде и отдыхе;
- право фермеров реализовывать свою продукцию по ценам, обеспечивающим их семьям достойную жизнь;
- право каждого предпринимателя — крупного или мелкого — вести бизнес в условиях, исключающих несправедливую конкуренцию или засилье монополий внутри страны или за границей;
- право каждой семьи на достойное жилище;
- право на полноценное медицинское обслуживание, на реальную возможность приобрести и сохранить хорошее здоровье;

- право на достаточное экономическое обеспечение в старости и в болезни, страхование от несчастных случаев и безработицы;
- право на хорошее образование» [Рузвельт, 2003, с. 350–351].

Рузвельт заявил: «Я прошу Конгресс найти средства провести в жизнь экономический «Билль о правах». Сделать это — прямая обязанность Конгресса, и народу об этом известно. Многие из перечисленных проблем уже поставлены перед комиссиями Конгресса в виде законодательных предложений. Я буду поддерживать связь с Конгрессом, следить за их судьбой. Если не будет выработано достаточно полной программы движения к намеченным экономическим и социальным целям, страна обязательно об этом узнает» [Там же, с. 352]. Однако после смерти Франклина Рузвельта движение в США в сторону социального государства было приостановлено, а затем, не без помощи ортодоксальных экономистов, повернуто вспять.

Франклин Рузвельт четко осознавал искусственный, человекотворный характер экономической реальности, в отличие от видения этой реальности через призму «естественных экономических законов» в ортодоксальном экономикс. Так выступая 2 июня 1932 года на Съезде демократической партии в Чикаго, который его выдвинул в кандидаты на должность президента, он критиковал лидеров Республиканской партии за их приверженность этим идеям: «Наши республиканские лидеры говорят нам, что экономические законы — священные, неприкосновенные и неизменные — и вызывают панику, которую никто не мог предотвратить. Но в то время как они болтают об экономических законах, мужчины и женщины голодают. Мы должны четко освоить тот факт, что экономические законы не сделаны природой. Они сделаны людьми». Этот аргумент «рукотворности нашего мира» Рузвельт использовал, выступая в защиту законодательства по социальному обеспечению. Он утверждал, что бедность является побочным продуктом созданной людьми системы, а не является некоторым естественным явлением: «Я отказываюсь принять нынешние условия как нечто неизбежное, неподдающееся контролю». Такая же позиция была выражена в преамбуле закона Норриса-Лагуардия (Norris-LaGuardia Act): «В то время как при преобладающих экономических условиях, созданных с помощью правительственной власти для владельцев собственности, им предоставляется возможность объединяться в корпоративные и иные ассоциативные формы собственности, отдельный рабочий обычно является беспомощным в фактическом осуществлении свободы договора и защите своей свободы труда, с тем, чтобы получить приемлемые условия найма» [Sunstein, 2004, 29]. С этой же точки зрения

он рассматривал и права собственности, которые, по его мнению, зависят от государства [Ibid., с. 4]. Права собственности играют важную роль в рыночных механизмах, но сами эти механизмы создаются законом, который дает одним людям право отлучить других от «их» ресурсов. Рыночные взаимоотношения относительно заработной платы и продолжительности рабочего дня также основываются на правовых нормах связанных с правом собственности. Рассмотренное в этом свете, законодательство о минимальной заработной плате, которое Рузвельт всячески поддерживал, не следует рассматривать как навязывание регулирования в сфере чисто добровольных взаимодействий. Напротив, такое законодательство просто замещает одну форму регулирования другой. В этом смысле понятие laissez-faire представляет собой не что иное, как миф. Система свободного рынка опирается на совокупность правовых норм, устанавливающих кто, что может делать, соблюдение которых обеспечивается с помощью судов [Ibid., 26]. Рузвельт всячески избегал основывать свои решения на каких-либо теориях и догмах. Его подход был сугубо эмпирическим и экспериментальным [Ibid., 27]. Он говорил: «Возьмите метод и попробуйте его. Если он не дает желаемых результатов, честно в этом признайся и попробуй другой. Но, прежде всего, обязательно что-то обязательно пробуйте» [Ibid., с. 42].

В 1932 году вышла книга экономиста-институционалиста Гардинера Минса «Современная корпорация и частная собственность» [Berle, Means, 1932], которую он написал совместно с правоведом Адольфом Берли. Опираясь на содержание этой книги, Франклин Рузвельт в одном из своих выступлений во время предвыборной компании 1932 года заявил: «Недавно было сделано тщательное изучение концентрации бизнеса в Соединенных Штатах. Оно показало, что наша экономическая жизнь находится во власти около шестисот корпораций, которые контролируют две трети американской промышленности. Оставшуюся треть делят между собой десять миллионов бизнесменов возглавляющих малые предприятия. Еще более впечатляющим является то, что если процесс концентрации будет далее происходить с той же скоростью, то в конце следующего века мы получим ситуацию, при которой вся американская промышленность будет контролироваться десятком корпораций, находящихся в ведении возможно сотни людей. Ясно, что мы движемся устойчивым курсом к экономической олигархии, если мы уже не пришли к ней» [Roosevelt, 1932]. Именно эта олигархия и помешала решать социальный вопрос в США путем движения этой страны к социальному государству. Рузвельт охарактеризовал своих олигархов так:

«Они начали рассматривать правительство Соединенных Штатов как простой придаток к своим делам. Теперь мы знаем, что положение, когда страной управляют организационно объединенные обладатели больших денег так же опасно, как и тогда, когда страной управляла бы организованная преступность»[1].

Все эти мысли Франклина Рузвельта шли в русле идей представителей исходного институционализма. Как уже говорилось выше, создатель Американской экономической ассоциации Ричард Эли был одним из них. Вот как он сформулировал принципы, на которых должна была основываться деятельность этой организации:

1. Мы рассматриваем государство как орган, позитивное содействие которого является одним из необходимых факторов человеческого прогресса.
2. Мы полагаем, что политическая экономия как наука все еще находится на ранней стадии своего развития. Хотя мы ценим работу предшествующих экономистов, мы ориентируемся не столько на спекуляции, сколько на историческое и статистическое изучение фактических условий экономической жизни для удовлетворительного осуществления развития нашей науки.
3. Мы считаем, что конфликт труда и капитала сделал известными большое число социальных проблем, решение которых требует объединенных усилий, каждой (каждого) в своей собственной сфере, церкви, государства и науки.
4. В изучении промышленной и торговой политики правительств, мы не будем стоять на чьей-либо стороне. Мы верим в прогрессивное развитие экономических условий, которое должно сопровождаться соответствующим развитием законодательной политики [Eisenach, 2006, с. 44].

В своей книге «Исследования эволюции индустриального общества», Ричард Эли указывал на растущий рост кооперации между людьми и тем самым увеличивающуюся зависимость одного человека о другого. Однако эта зависимость не будет обременительной, если она будет взаимной. В тоже время одностороннняя зависимость может фактически стать рабством под именем свободы. Зависимость, по мнению Эли, должна быть взаимозависимостью. Он считал, что для

[1] “They had begun to consider the Government of the United States as a mere appendage to their own affairs. We know now that Government by organized money is just as dangerous as Government by organized mob”. Address at Madison Square Garden, New York City, *October 31, 1936.*

того, чтобы сохранить свободу, человеческие отношения требуют государственного регулирования [Ely, 1971, с. 98, 99].

Другой основатель Американской экономической ассоциации, прошедший обучение и защитивший диссертацию в Германии, Саймон Пэттен, преподавший в Пеннсильванском университете, в своей книге «Теория процветания» опубликованной в 1902 году сформулировал экономические и социальные права, которые достаточно сходны с теми, которые 42 года спустя озвучил Франклин Рузвельт. Вполне возможно, что ученик Пэттена, Рексфод Тагуэл, который был ближайшим советником Рузвельта, и передал ему идеи Пэттена относительно экономических прав. Пэттен считал, что свобода состоит не только из наличия политических прав, но зависит и от обладания экономическими правами, свободно признанными и универсально предоставляемыми каждому человеку его согражданами [Patten, 1902, с. 215]. На интеллектуальную атмосферу, в которой действовал президент Франклин Рузвельт, повлиял также и экономист-институционалист Генри Адамс, работавший в Университете Джонса Хобкинса. Он, так же как Эли и Пэттен, обучался в Германии и считается одним из основателей Американской экономической ассоциации. Выступая в 1897 году с президентским обращением на заседании этой ассоциации, Генри Адамс выразил мысли относительно собственности, которые впоследствии и подхватил президент Франклин Рузвельт. По мнению Адамса, развиваемая в каждый исторический период теория собственности должна быть приспособлена к нуждам этого периода. Такая теория для Америки конца XIX века, утверждал он, должна с одной стороны выражать права индивидов действующих совместно в рамках какой-либо промышленной единицы, а, с другой стороны, выражать обязанности этих промышленных единиц по отношению к обществу в целом. Первое представляет собой рабочий (социальный) вопрос и индикатором его решения должна быть свобода индивида для собственной самореализации. Второе выражается в проблеме монополии, и цель ее решения является достижение справедливых цен и сохранения промышленной маневренности. По мнению Адамса, такие права и обязанности должны выражаться либо в контрактах, либо законодательно и политическая экономия должна способствовать установлению этих прав и обязанностей [Adams, 1969, с. 162].

Новый курс Франклина Рузвельта был подвергнут мощным атакам со стороны истеблишмента. Рузвельта стали сравнивать с Гитлером, Сталиным и Муссолини. Благодаря этим атакам и сопротивлению реформам со стороны крупного бизнеса, а также некоторым

колебаниям внутри самих реформаторов, политика Нового курса не привела Америку к социальному государству [Brinkley, 1995]. Некоторые историки и экономисты называли то, что делалось администрацией президента Франклина Рузвельта революцией [Einaudi, 1959; Tugwell, 1977], однако среди ортодоксальных экономистов стало уже традицией давать Новому курсу отрицательную оценку [Фолсом, 2012]. Что же случилось? Почему это произошло? Дело в том, что американский истеблишмент, то есть владельцы капиталов и люди связанные с их интересами, в действительности не были заинтересованы в социальном государстве, к которому вел страну президент Франклин Рузвельт, опираясь при этом, в частности на идеи исходного институционализма. Истеблишмент позволил, и даже помог, институционализму развиваться, а президентам Теодору и Франклину Рузвельтам ввести элементы социального государства из-за страха за стабильность своего положения в условиях массового проявления народного недовольства. Однако видя народную поддержку своей политике и своему политическому дискурсу, Франклин Рузвельт, в восприятии истеблишмента, зашел слишком далеко, став, по существу, предателем своему классу (*Traitor to His Class*), именно так называется одна из книг посвященных биографии Франклина Рузвельта [Brands, 2008]. Вторая мировая война, с одной стороны улучшила экономическое положение США, дав возможность смягчить социальный вопрос, а с другой стороны, усилила СССР, а тем самым и коммунистическую угрозу для США. Начатая после окончания Второй мировой войны холодная война породила маккартизм, в рамках которого подверглись гонению не только американские коммунисты, но и все выступавшие против всесилья власти денег, в том числе и экономисты-институционалисты[1]. С другой стороны, холодная война вызвала необыкновенную активизацию развития неоклассического направления экономической дисциплины [Amadae, 2003], которое в конечном счете вылилось в его практически монопольное положение в американских университетах. Американский истеблишмент использовал внешнюю угрозу, как предлог для того, чтобы расправиться со своими интеллектуальными противниками и укрепить положение тех интеллектуалов, которые способствовали укреплению его власти. Американский вариант элитарной демократии позволил американскому истеблишменту это сделать. Для эффективного движения к социальному государству необходим другой тип

[1] Об этом более подробно, в том числе о роли ФБР в этом процессе, речь пойдет в следующей главе.

демократии, основные черты которого будут намечены в заключительном разделе этой книги.

Дойдя до этого места книги, читатель, по моему мнению, может сделать следующий вывод: судьбы капитализма и экономической дисциплины тесно связаны друг с другом, обоюдно влияя друг на друга. Реформирование современного капитализма требует, как заметил Джозеф Стиглиц, радикального реформирования профессии экономистов [Стиглиц, 2011, с. 288]. Однако верно и обратное: продвижение в реформировании профессии экономистов невозможно без радикальной демократизации капитализма. В своей в книге «Суперкапитализм: трансформация бизнеса, демократии и повседневной жизни», профессор государственной политики Калифорнийского университета в Беркли, Роберт Рейч, который в 1993–1997 годов занимал пост министра труда в администрации Клинтона, писал, что, начиная с 1970-х годов в Америке родилось то, что он назвал суперкапитализмом. В этой новой системе американцы получили дополнительные возможности как покупатели и инвесторы, но много потеряли как *граждане*. Институты, которые служили для защиты того, что граждане совместно считали для себя ценным стали исчезать. Через систему лоббирования корпорации становились все более и более влиятельными в принятии решений относительно законов и правил. Таким образом, *суперкапитализм заменил демократический капитализм* [Reich, 2007, с. 7]. Демократический капитализм — это строй, ядром политической системы которого должно быть гражданское общество, которое через систему делиберативной демократии самым решительным образом влияет на все важнейшие решения принимаемые государством. Именно такая политическая система позволит реально двигаться к социальному государству, при котором сообщество экономистов, как преподавателей, так и экспертов, будет служить не элите, как это происходит сейчас, а всему народу.

ГЛАВА 10.
ИСХОДНЫЙ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

С легкой руки Альфреда Маршалла неоклассическая экономическая теория вот уже более ста лет служит центральным элементом университетского экономического образования сначала в Великобритании и США, а затем и во всем мире, в том числе начиная с 1990-х годов и в России. Такая центральная роль неоклассики со всеми ее усовершенствованиями сохраняется, несмотря на достаточно многочисленные протесты как со стороны студентов, так и некоторых преподавателей[1]. В настоящее время университетские преподаватели-экономисты редко оспаривают сам факт преподавания неоклассической экономической теории, но некоторые из них выступают за равноправное присутствие в учебных планах-стандартах других экономических теорий. И представители магистрального направления экономической дисциплины и сторонники других современных направлений сходятся в том, что экономическое образование — это обучение экономическим теориям, они расходятся только в том, каким теориям нужно студентов обучать[2]. Целью данной главы является информирование российских читателей, не обязательно только экономистов, с некоторым опытом экономического образования в США в первой половине XX-го века, когда в этой стране было очень влиятельным иное, чем господствующее сейчас, видение и экономической профессии и экономического образования. Это иное видение исходило от институционалистского движения в сообществе

[1] Вот сайты двух студенческих организаций выступающих против доминирования неоклассики в учебных планах: www.rethinkeconomics.org/, http://pepseco.wordpress.com/category/mouvement-peps/. Университетские преподаватели-экономисты, которые являются сторонниками других направлений экономической мысли, прежде всего марксисты и кейнсианцы, объединяются в многочисленные общества и ассоциации, а также издают собственные журналы. В 2011 году был основан журнал Международной политэкономической ассоциации стран СНГ и Балтии «Вопросы политической экономии» (http://vopoliteco.ucoz.com/g/index.htm). Примером аналогичной ассоциации на Западе может служить созданная в 2010 году «Французская ассоциация политической экономии» (http://www.assoeconomiepolitique.org/). Ее лозунгом является плюрализм в экономической дисциплине. Существует также Международная конфедерация ассоциаций за плюрализм в экономической дисциплине (http://www.icape.org/).

[2] Неслучайно и очень показательно, что английское слово *economics* переводится в настоящее время на русский язык как «экономическая теория».

американских экономистов [Rutherford, 2011][1]. Представители этого движения внесли важный вклад в реформирование американской экономики в интересах большинства американцев в периоды правления президентов Теодора Рузвельта и Франклина Рузвельта.

ЕЩЕ РАЗ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИСЦИПЛИНЕ КАК ФИЛОСОФИИ И КАК НАУКЕ

Лозунгом институционалистского движения служило словосочетание «Наука и Социальный Контроль». Участники этого движения понимали науку не в старом дедуктивистском аристотелевском и картезианском смысле, а так как она сложилась в естествознании после научной революции XVII века [Shapin, 1996], то есть такую, в основе которой лежит экспериментальный метод. Институционалисты сумели найти его функциональный эквивалент для социальных наук, состоящий в прямом контакте исследователей с экономическими акторами. Второй элемент лозунга институционалистского движения в США, а именно «Социальный Контроль» являлся ядром их социальной философии. То, что сейчас экономисты называют их научными теориями, являются таковыми только в аристотелевском смысле, а на самом деле представляют собой не что иное, как выражение определенных философий, причем это относится и к тем из них, которые принимают математическую форму. Понимание послевоенной экономической дисциплины как экономической философии присутствовало уже у англичанки Джоан Робинсон [Robinson, 1962], ну а французы Ален Леру и Ален Марсиано сформулировали это уже совсем четко: «Когда политическая экономия XVIII века вылезла из своей куколки (которой была политическая философия), она инициирует новую форму социальной философии. Ее предмет, таким образом, состоит по-прежнему в понимании социальных свя-

[1] Стало уже клише рассматривать в качестве « отцов основателей» исходного (original) институционализма Торстейна Веблена, Уэсли Митчела и Джона Коммонса. Известный канадский историк экономической мысли Малколм Резерфорд оспаривает это. Для него центральными лицами в американском институциональном движении были Уолтер Гамильтон и Рексфорд Тагуэлл. Оба они, в отличие от Веблена, ратовали за экспериментальную экономическую науку и критиковали его спекулятивный подход. Джон Коммонс со своими учениками в начале прошлого века проводил много экспериментальных экономических исследований, однако позже, после перенесенного в 1916 году нервного переутомления [Harter, 1962, с. 74], стал заниматься больше экономической философией, чем экспериментами. В отличие от Митчела, Коммонс, Гамильтон и Тагуэлл придавали большее значение качественным (интервью, включенное наблюдение), а не количественным методам исследования.

зей, но ее оригинальность определяется предпочтением в поиске этого понимания того, что связано с экономической деятельностью. Однако так получилось, что в то же самое время, одна из форм рационального мышления, имеющая совершенно другой предмет, освобождается от опеки философии, а именно научная мысль. Совсем еще тогда молодая политическая экономия разрывается между своей природой и своей мечтой. Она осознает, что она является философией (социальной), но желает быть наукой (социальной) <...>, что толкает экономистов копировать формы принятые в дискурсах физиков, не задавая себе вопроса о значительных различиях в их соответствующих знаниях» [Leroux, Marciano, 1998, с. 111–113].

Две части экономической дисциплины практикуемой институционалистами, экономическая наука и их экономическая философия, были тесно связаны между собой. Центральным пунктом философии разделяемой институционалистами было рассмотрение экономического порядка как совокупности договоренностей (arrangements) относительно правил взаимодействия между людьми, а не как независимых от них механизмов основанных на некоторых «естественных» законах. Откуда следовало, что эти правила-договоренности подлежат контролю со стороны людей действующих в рамках экономического порядка и в случае необходимости эти правила-договоренности могут быть изменены. Данные договоренности осуществлялись в человеческой истории чаще всего неявно без проведения каких-либо переговоров, а простым навязыванием условий/правил взаимодействия более сильной стороной. Джон Коммонс ввел понятие «коллективной демократии» [Commons, 1950], при которой обе заинтересованные стороны реально участвуют в переговорах и приходят к взаимоприемлемым договоренностям. Задача экспертов-экономистов в этом случае состоит в изучении экономического порядка, то есть изучения реальностей этих правил-договоренностей, состоящего из описания и анализа их реального протекания, и результатов для участников взаимодействия этого протекания. Такое изучение, требующее непосредственного контакта с объектом изучения, а именно с вовлеченными во взаимодействие сообществами, представляет собой функциональный аналог экспериментального исследования в естествознании. Результаты этого научного исследования, принимающего форму расследования, в истинно демократических обществах должны доводиться до сведения всех членов вовлеченных во взаимодействие сообществ, а также всей заинтересованной общественности, а не только тех, кто имеет экономическую или политическую власть. Вот на подготовку к такой

деятельности и было направлено осуществляемое институционалистами экономическое образование будущих исследователей. Это образование, с одной стороны, давало студентам знание о действующих в настоящее время правилах-договоренностях, то есть институтах, а с другой стороны, обучало их детально изучать происходящие изменения в этих институтах. Как известно, большинство выпускников экономических факультетов не становятся исследователями, а работают либо в бизнесе или в правительственных учреждениях. Для них знание действующих институтов позволит быстро и эффективно начать их профессиональную деятельность с минимальным сроком адаптации. Философская же часть экономического обучения, как будущих исследователей, так и практиков, была нацелена на привитие им мировоззрения, возвышающего добродетельные ценности человека и гражданина демократического общества. Этим институционалистское экономическое образование резко отличалось от классического и неоклассического, где рассмотрение человека как гражданина совсем отсутствовало, а рассматривался он, прежде всего, как эгоистичный и корыстолюбивый.

В настоящее время экономисты как ортодоксы, так и неортордоксы, обученные понимать науку в аристотелевском смысле, обвиняют институционалистов прошлого в отсутствии у них теорий, а также в их ангажированности. По их мнению, именно наличие теорий, для ортодоксов к тому же и количественных, является признаком истинной науки, что совсем не соответствует практикам наук о природе [Моркина, 2010; Латур, 2013]. Объективность же естественнонаучных исследований достигается не за счет нейтральности исследователей по отношению к своему объекту исследования, а по причине одинаковой реакции объекта исследования в экспериментах проводимых разными исследователями [Латур, 2006, a; 2006, b] и последующего эффекта научного открытия на практике. Дедуктивное построение, в том числе и с использованием аппарата математики, как-то объясняющее какое-то явление, не является автоматически научным. Дедуктивное построение может внести действенный вклад в научное исследование только в том случае, если исследование было нацелено на то, что вызывает социальные регулярности, чем являются правила человеческого взаимодействия и стоящие за ними убеждения разделяемые членами сообщества, связанного с изучаемым явлением. Такие построения получают статус научного результата тогда, когда на основе результатов обследований/расследований разных исследователей выводятся одни и те же правила, которым следуют акторы и одни и те же убеждения, которые они разделяют.

Экономисты, прежде всего ортодоксы, но не только, обвиняли и продолжают обвинять американских институционалистов первой половины прошлого века в том, что они занимались чистым описательством, что они если и осуществляли измерения, то делали это не прибегая к теориям, а также в том, что, по их мнению, институционалисты по существу просто критиковали ортодоксальную теорию не предлагая своей собственной позитивной исследовательской программы. Эта критика во многом проистекает из аристотелевского понимания науки. По мнению Малколма Резерфорда, у экономистов этого направления была четкая собственная программа исследований и состояла она в критическом изучении функционирования действующих торговых, финансовых и производственных институтов с целью их реформирования в интересах всей нации, а не какой-то ее части. Причем изучение это, а также предложения по реформе вытекающие из него, осуществлялись с использованием достижений в других социальных науках, а также в области психологии, философии и права [Rutherford, 2011, с. 53–54].

Джон Коммонс был одним из основателей институционализма как в его научной, то есть экспериментальной форме, так и в его философско-теоретическом обличье. Так называемая «новая институциональная экономическая теория», которая сейчас стала одним из важных элементов экономического мейнстрима, сделала своим центральным понятием «трансакцию», которое она заимствовала у Коммонса, полностью исказив, сведя к трансакционным издержкам. Известный современный американский историк экономической мысли так характеризует интеллектуальное наследие Коммонса: «Если рассматривать трансакцию как сложный социальный феномен, которым она и является, должно стать очевидным, что конфликты интересов и интерпретаций будут очень распространены. Таким образом, проблемы координации в рыночной системе будут изобилующими, и возникнет настоятельная необходимость некоторого понятия «разумной ценности», относительно которой нужно будет достигать договоренностей. Эта концепция ценности может быть лишь исторической,и зависящей от эволюции интерпретативного сообщества. Наследие Коммонса как экономиста было удивительно созвучно сформулированным им философским предпосылкам. Как хорошо известно, и он, и его студенты были очень активны в юридических и правительственных кругах, направляя усилия на то, чтобы склонить суды и законодателей признать их роль как экспериментаторов и посредников. Позиция Коммонса заключалась в открытой пропаганде идеи постепенного совершенствования

капитализма посредством государственного вмешательства. Многие из экономических функций американского правительства, которые мы сегодня принимаем за само собой разумеющиеся, были делом рук Коммонса и его учеников в первой половине XX века. Однако последующее поколение экономистов сочло его величайшие триумфы в практической сфере за упущения в сфере экономической теории. Его основная мысль о том, что не существует никаких «естественных» оснований экономических институтов, было истолковано как подразумевающее, что Коммонс не оставил после себя никакой систематической экономической теории» [Майровски, 2013, b, с. 81].

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ СТИЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Уолтер Гамильтон был первым, кто ввел понятие институциональной экономики [Гамильтон, 2007]. В 1919 году он писал: «История экономической науки указывает на то, что выживание часто зависело от того, насколько доктрина соответствовала привычкам мышления своего времени. Если следующее десятилетие потребует формальной теории ценности, которая избежит дискуссий о том, чему подобен экономический порядок, институциональная экономика потерпит фиаско. Если же оно потребует понимания наших отношений с миром, в котором мы живем, то институциональная экономика выживет» [Там же, с. 117]. Слова Гамильтона оказались пророческими, институциональная экономика не выжила именно потому, что экономическая дисциплина под давлением влиятельных сил «избежала дискуссий о том, чему подобен экономический порядок». Однако в первой половине XX века, в США имелись академические центры, где таких дискуссий не только не избегали среди университетских преподавателей, но и стимулировали такие дискуссии среди студентов. Это были центры развития институциональной экономики. К двум таким центрам Уолтер Гамильтон имел самое непосредственное отношение. Одним из них был Амхерстский колледж (*Amherst College*), частный гуманитарный университет, расположенный в штате Массачусетс, а другим Брукингская школа (*Robert Brookings Graduate School of Economics and Government*), стартовавшая при Университете Вашингтона в Сент-Луисе, штат Миссури, но уже в 1924 году переведенная в столицу США Вашингтон. В первом из них Гамильтон проводил свой эксперимент по экономическому образованию между 1916 и 1923 годами, а во втором — между 1923 и 1928.

Прежде всего, нужно подчеркнуть, что Гамильтон отказывался рассматривать экономическое образование как «ритуал» освоения определенных теорий, а стремился к тому, чтобы образовательные процессы были бы для студентов «приключением» истинного интеллектуального расследования путем погружения в существующие социальные и экономические проблемы и поиска их решений [Hamilton, 1923]. В Амхерсте эксперимент Гамильтона касался бакалавриата. Обучение экономистов по учебному плану Гамильтона начиналось не с курса экономической теории, а с курса «Введение в социальные и экономические проблемы». Если судить по оглавлению объемного ридера под названием «Текущие экономические проблемы», изданному под редакцией Гамильтона [Hamilton, 1914], то экономические проблемы в этом курсе рассматривались как аспекты более общих проблем социального развития. Упомянутый ридер содержит всего 14 разделов, причем первые два из них являются историческими, трактующими, как период средневековья, так и эпоху промышленной революции. Третий раздел посвящен рассмотрению концепции социального контроля в современном индустриальном обществе, который заканчивается статьями «Индивидуализм и американская эффективность» и «Немецкая социализированная эффективность». Последующие разделы посвящены финансовым основам экономической организации, проблемам деловых циклов, проблемам международной торговли, проблемам регулирования отрасли железнодорожного транспорта, проблемам капиталистической монополии, проблемам населения, проблемам отсутствия экономической безопасности, проблемам профсоюзного движения, социальным реформам и институтам права, социальной реформе и налогообложению, и, наконец, комплексным схемам социальной реформы. Содержание ридера отражало действительно жгучие для Америки того времени проблемы. Так в разделе по вопросам отсутствия экономической безопасности, трактовались такие проблемы как безработица, несчастные случаи в промышленности, компенсации по болезни и старости, обеспечение определенного жизненного уровня, минимальная заработная плата, принудительный арбитраж в области заработной платы.

Следующий годовой курс, читаемый Гамильтоном, имел название «Экономический порядок» [Rutherford, 2011, с. 157]. Этот курс включал в себя следующие разделы: институциональные основы денежного порядка, денежный расчет, денежная конкуренция, рынки, контракт и собственность, корпорация как единица деловой организации, бухгалтерский учет и корпоративные политики, класс наем-

ных работников, организация капиталовложений, спекуляция, страхование, и, наконец, специальный контроль со стороны правительства. Другой годовой курс, называемый «Богатство и благосостояние», также институционалистской и реформисткой направленности, был впоследствии разбит на два курса: «Труд в промышленном обществе» и «Проблемы труда и управления». Этот курс затрагивает изучение деления общества на разные, с точки зрения денег группы; факторы, влияющие на благосостояние общества в целом; благосостояние различных групп затронутых рыночной оценкой оказываемых ими услуг и социальными договоренностями; распределение возможностей; а также программы нацеленные на повышение благосостояния, такие как научное управление, профсоюзное движение и социализм [Hamilton, 1917, с. 12]. За тремя названными экономическими курсами на завершающим году обучения некоторые студенты допускаются к курсу «Развитие экономической науки», который, насколько можно судить из очень краткого его описания [Ibid., с. 8–9], нацелен на творческую оценку состояния экономической науки по отношению к отдельным текущим социальным и экономическим проблемам.

Как уже отмечалось ранее в этой книге, одна из глубинных причин живучести схоластического варианта экономической дисциплины как в ее ортодоксальной, так и гетеродоксальной формах является факт рождения дисциплины в середине XIX века в университетах сохранивших на себе многие черты средневековой схоластики и где наука понималась по-аристотелевски. Напротив, предшественница американского институционализма, задавшая ему свой генетический код, немецкая историко-этическая школа родилась сразу в исследовательском университете, где наука понималась уже не по Аристотелю и Декарту, а так как она сложилась в результате научной революции. Наука у институционалистов была направлена на решение жгучих проблем современности и поэтому гумбольдтская концепция науки как задачи, которые еще не решены, им очень подходила, и задача эта, для решения которой нужно никогда не останавливать исследования, формулировалась в терминах этих самых жгучих проблем. В случае экономической науки, как сами исследования, так и тесно связанное с ним обучение невозможно без контактов с экономическими акторами.

ИНСТИТУЦИОНАЛИСТСКАЯ АСПИРАНТУРА В СРАВНЕНИИ С ДЕЙСТВУЮЩЕЙ НЫНЕ

В 1923 году руководитель Амхерстского колледжа, несмотря на протесты студентов, был освобожден от своей должности и Гамильтон был вынужден в связи с этим подать в отставку, после чего эксперимент по экономическому образованию, проводимый им в этом колледже был приостановлен. В этом же году Гамильтон становиться руководителем Брукингской школы, которая была не чем иным как аспирантурой при Брукингском институте (*Brookings Institution*), одном из важнейших аналитических центров (*think tank*) США специализирующихся на общественных науках. Брукингская школа отличалась от других американских аспирантур того времени своей ориентированностью «на проблемы, а не на дисциплины», на «проведение актуальных исследований, а не академические категории». Она должна была «обучать искусству решать проблемы, а не передавать накопленные знания, а целью ее была подготовка мастеров, которые могли бы способствовать поиску умного направления социальных изменений». Тем самым Гамильтон перенес свою философию экономического образования развитую им в Амхерстском колледже на аспирантский уровень [Rutherford, 2011, с. 164][1]. Курсы конечно в школе также читались, однако они регулярно менялись, приспосабливаясь к интересам аспирантов, и проведение занятий по ним включало чтение материалов, выступления аспирантов и многочисленные обсуждения. Одним из курсов, который вел сам Гамильтон был «Современная организация экономики». Этот курс проводился в виде задавания аспирантам вопросов, указания на проблемы, различные точки зрения относительно них и возможные пути их изучения, а также путем формулирования аспирантам заданий. Среди вопросов были, например, такие: «Почему обычно начинают с изучения ценовой системы?»; «Образуется ли спрос до и независимо от существующей рыночной ситуации?»; «Какое значение различные авторы придают термину конкуренция?»; «Включает ли контракт все черты взаимоотношений или некоторые из них фиксируются законом (или обычаями) и только небольшое число этих черт контрактами?»; «Обеспечивает ли всегда стремление к максимизации прибыли достижение социальных целей?»; «Является ли одним и тем же конкуренция и laissez-faire?». Для Гамильтона, институциональный подход к экономике требовал не только использования институци-

[1] Далее изложение опыта преподавания Гамильтона в Брукингской школе заимствовано мною из [Rutherford, 2011, с. 170–177].

оналистских идей, но и очень специфического типа обучения. Это обучение в явном виде было направлено на развитие расследовательского (investigative) подхода к экономическим и социальным проблемам, на привитие интереса к методам социального контроля, а так же на воспитание готовности игнорировать обычные дисциплинарные границы. Гамильтон уделял, конечно, гораздо больше времени и усилий реализации образовательных стратегий, чем это делали другие институционалисты. Его программы представляли собой удивительное сочетание сосредоточенности на существующих реальных проблемах и интеллектуальной широты. Методы обучения Гамильтона могут характеризоваться в современных терминах как «активное обучение» и междисциплинарность.

Учебный план Брукингской школы совсем не включал обучения неоклассической теории, но это никак не повлияло на успешное устройство на работу ее выпускников. Интересно сравнить аспирантское образование, предоставляемое Брукингской школой в 20-х годах прошлого века, с американским аспирантским образованием 60 лет спустя. Такое сравнение становится возможным, так как в конце 80-х годов было проведено исследование этого образования специальной комиссией Американской экономической ассоциации (The Commission on Graduate Education in Economics) [Krueger, 1991; Hansen, 1991]. В отличие от институционалистской аспирантской программы рассмотренной выше, аспирантские программы практически всех американских университетов конца 80-х годов были направлены на обучение неоклассической теории и на исследования в ее рамках и на ее основе. Если и сами аспиранты Брукингской школы и последующие работодатели были довольны подготовкой осуществляемой в ней, то отчет комиссии рисует совсем другую картину для американских университетов 80-х годов: «Комиссия была создана как ответ на растущее множество жалоб относительно природы экономических исследований и обучения на экономических факультетах большинства университетов <...> экономическая теория, которой учат в аспирантуре стала слишком оторванной от вопросов реального мира. Эта точка зрения разделяется достаточно большим количеством людей как внутри профессии, так и вне ее. <...> Интервью проводимые с неакадемическими работодателями защитивших диссертацию экономистов выявили достаточно глубокую неудовлетворенность относительно их подготовки в аспирантуре <...> Если изменений не произойдет, то неакадемические работодатели сократят наем защитивших диссертации по экономике» [Krueger, 1991, c. 1035–1938]. Отчет комиссии также констатирует, что опрошенные

преподаватели и студенты были единодушны в том, что «в аспирантуре делается акцент на теории и инструментарии, и значительно меньший упор делается на «творчестве» и решении проблем ... Члены комиссии исходя из своего собственного опыта разделяют мнение о том, что нет достаточной «связи» между инструментарием, как теорией, так и эконометрикой, и «проблемами реального мира» <...> [они] опасаются, что, то как в настоящее время структурировано обучение в аспирантуре может отторгнуть потенциально творческих и глубоких экономистов от аспирантских программ. <...> Преподаватели программ бакалавриата свидетельствуют, что их лучшие студенты решают не идти в экономическую аспирантуру, или покидают ее на первом году обучения, из-за абстрактной, технической природы курсов учебного плана». [Ibid., с. 1039–1041]. Один из членов комиссии констатировал, что блестящие аспиранты, легко справляющиеся со сложными уравнениями, полностью теряются при рассмотрении элементарных экономических вопросов. Ну и следующий вывод членов комиссии говорит сам за себя: «Комиссия опасается, что аспирантские программы могут произвести поколение, в котором будет слишком много *ученых идиотов* (*idiots savants*)[1]высоко квалифицированных в математических методах, но ничего не понимающих в реальных экономических проблемах» [Ibid., с. 1044–1045].

Публикации результатов работы этой комиссии предшествовала публикация обследования аспирантского экономического обучения в США проведенного профессорами экономики Арио Кламером и Дэвидом Коландером [Colander, Klamer, 1990], которое «обрисовывало не очень лестную картину аспирантского экономического образования», «это была картина профессии заблудившейся в чистой теории и технических тонкостях с малым вниманием к идеям», «экономическая наука имела дело с умственными играми, а не с реальными проблемами экономики» [Colander, 2007, с. 8, 9]. Через семнадцать лет Д. Коландером было проведено по той же методике второе обследование, внимательное изучение материалов которого [Colander, 2007] показывает, что ситуация мало в чем изменилась. Если смотреть по крупному, то мало что изменилось в аспирантском экономическом образовании до сих пор. А так как путь к профессии экономиста лежит через аспирантуру и защиту диссертации, то ее нынешнее состояние пагубно влияет на всю экономическую профессию и ее социальную полезность и эффективность. Общество должно решить готово ли оно содержать армию экономистов, выполня-

[1] В английском оригинале было именно так, по-французски.

ющих задачу представления определенных абстрактных, очень отдаленных от жизни экономически теорий, за которыми стоит та или иная идеология, или лучше использовать эти ресурсы на содержание экономистов-исследователей, которые принесут обществу понимание самого себя, на основе которого можно было бы разрабатывать и осуществлять реалистические социально-экономические реформы.

ЗНАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ И ЕЕ ПРОБЛЕМ ВМЕСТО АУТИЗМА АБСТРАКТНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ

Американская экономическая ассоциация образовывала комиссию не только по экономическому аспирантскому образованию, о чем речь шла выше, но и по бакалавриату. Так специальный комитет по бакалавриату (The Committee on the Undergraduate Teaching of Economics and the Training of Economists) был создан в 1944 году и опубликовал свой отчет в декабре 1950 года [Taylor, 1950]. Возглавлял этот комитет профессор факультета экономики Колумбийского университета Хорас Тейлор. Нужно сразу заметить, что до войны этот факультет был одним из наиболее активных и влиятельных центров институционализма. Достаточно сказать, что другой профессор этого факультета, институционалист Рексфорд Тагуэл был ближайшим советником президента Франклина Рузвельта при разработке и осуществлении его политики Нового курса (New Deal) [Sternsher, 1964] положившей конец последствиям мощнейшего экономического кризиса начавшегося в 1929 году. Тот факт, что Тейлор был назначен Американской экономической ассоциацией председателем комитета по бакалавриату говорит также о влиятельности институционалистов в то время. Однако влияние это подходило уже к своему концу. В связи с этим доклад комитета под редакцией Тейлора не является цельным документом, а представляет собой фактически сборник статей членов комитета, а также внешних к нему экономистов, совсем не отражающих какое-то общее мнение по реформированию профессии. В той части доклада, в написании которой принимал участие сам Тейлор, можно найти следующий вопрос: «Должна ли факультетская программа рассматриваться как способ подготовки бакалавров и магистрантов к профессии экономистов, или как способ дать молодым людям возможность большего понимания их экономического окружения, и улучшить их способность действия в нем?» [Taylor, 1950, с. 13]. Ортодоксальное экономическое образова-

ние выбирает первый вариант ответа, а институционалистское — второй. С учетом того, что большая часть выпускников экономических факультетов и вузов не становятся университетскими преподавателями-теоретиками, то второй вариант ответа является значительно более рациональным и социально полезным. Однако реальное развитие системы экономического образования, сначала в США, а затем и во всем мире, пошло по первому варианту ответа, которому соответствовал учебник Пола Самуэльсона, первое издание которого появилось в 1948 году [Samuelson, 1948].

Именно против экономического образования по Самуэльсону и восстали в 2000 году французские экономисты, породив международное движение против «аутистической» экономической дисциплины, которое продолжается и усиливается до сих пор. Аутизм, то есть потеря связи с реальностью, как характерная черта доминирующего сейчас направления экономической науки, о котором говорили французские студенты-экономисты в 2000 году, проистекает от априоно-абстрактного, неэкспериментального характера этой науки, хотя слово наука применять в этом случае *уже некорректно*. Аутизм, как отсутствие реакций на сигналы из внешнего мира, или по-другому, отсутствие обратной связи, является важной чертой экономического образования в высшей школе. Протест французских студентов вызвал в то время много шума и Министр национального образования социалист Жак Ланг поручил Жану-Полю Фитусси, одному из столпов французского экономико-академического истеблишмента, провести изучение отечественных и иностранных практик преподавания экономических наук в высшей школе и подготовить доклад содержащий «размышление, позволяющее установлению таких условий обучения, которые бы без потери научного богатства и строгости способствовало бы улучшению дебатов в обществе». В этом запросе нет упоминания о том, против чего собственно выступали французские студенты, а именно против «вымышленных миров» (*les mondes imaginaires — imaginary worlds*), в которые их погружают курсы микро- и макроэкономики. Они требовали выхода (*sortons*, *to escape*) из этих миров и приближения экономического образования к реальности. Запрашиваемый доклад был достаточно быстро подготовлен и опубликован под претенциозным названием «Высшее образование в области экономических наук под вопросом» [Fitoussi, 2001]. В аналитической части доклада аутический характер преподаваемых экономических дисциплин науки в нем даже не упоминался, а рекомендательная часть включала предложения по некоторой реструктуризации преподавания тех же дисциплин и меры типа повышения

заработной платы преподавателей. Ниже привожу полный текст «Открытого письма студентов-экономистов преподавателям и ответственным за преподавание этой дисциплины»[1].

«Мы, студенты-экономисты университетов и высших школ Франции, заявляем, что мы принципиально не удовлетворены получаемым нами преподаванием экономики. Для этого имеются следующие причины.

Вырваться из выдуманного мира!

Подавляющее большинство из нас выбрало изучение экономической дисциплины для того, чтобы максимально глубоко понять те экономические явления, с которыми сегодня сталкиваются граждане. Однако то обучение, которое мы получаем, в большинстве своем состоящее из неоклассической теории или подходов, производных от нее, в целом не отвечает нашим ожиданиям. Даже тогда, когда теория обоснованно абстрагируется на первом этапе от непредвиденных обстоятельств, она в дальнейшем не возвращается к их объяснению. Фактическая сторона (исторические факты, функционирование институтов, изучение поведения и стратегий агентов...) почти не существует. Более того, этот разрыв между преподаванием и конкретными реалиями создает огромные проблемы для тех, кто хотел бы быть в дальнейшем полезен для экономических и социальных акторов.

Нет бесконтрольному использованию математики

Использование математического инструментария представляется необходимым. Но когда использование математической формализации становится не инструментом, а самоцелью, то это приводит к шизофрении по отношению к реальному миру. Напротив, формализация облегчает составление упражнений и моделей, где главное - получение «хорошего» результата (то есть результата, вытекающего из логики исходных гипотез). Это придает записи и выбору наукообразный вид, но не отвечает на вопросы, обсуждаемые в современных экономических дебатах.

За плюрализм экономических подходов

Очень часто основой курс лекций не оставляет места для размышлений. Из множества существующих подходов к экономическим проблемам нам, как правило, дается только один. Этот подход претендует на то, чтобы объяснить все чисто аксиоматическими средст-

---

1 Перевод письма в основном заимствован с сайта: http://sorokinealexandre.professorjournal.ru/teacher/literatura.

вами, так, как будто это является истиной в последней инстанции. Мы не принимаем догматизм. Мы хотим плюрализма объяснений, адекватного многообразию и сложности объектов и неопределенности в решении большинства проблем экономики (безработица, неравенство, место финансовых рынков, достоинства и недостатки свободной торговли, т.д.)»

Заканчивается письмо таким обращениям к преподавателям: «Проснитесь, пока не поздно!»[1]. Читая учебники, подготовленные для студентов-экономистов Колумбийского университета под руководством Хораса Тейлора и Рексфорда Тагуэла, невольно ловишь себя на мысли, что курсы, читаемые по этим учебникам — это были как раз те курсы, которые требовали восставшие французские студенты-экономисты. Очень кратко пройдемся по трем учебникам этих авторов.

Начнем с книги Тагуэла, написанной в соавторстве с Говардом Хиллом «Наше экономическое общество и его проблемы» [Hill, Tugwell, 1934]. Вот, что они пишут в предисловии к этому учебнику: «Мы надеемся, что эта книга будет принята как честная, кропотливая и вдумчивая попытка не только объяснить студентам нашу экономическую жизнь, но также помочь создать у них определенные экономические и социальные взгляды необходимые для исполнения долга и выполнения обязанностей гражданина. События последних лет вызвали у всех думающих американцев необходимость в жизненном и практическом обучении по природе и проблемам нашей совместной экономической жизни. Мнения варьируются относительно причин и средств борьбы с депрессиями и бедствиями, от которых страна время от времени страдает, но хорошо информированные люди соглашаются, что общее невежество в области элементарных экономических фактов и принципов было фактором первостепенного значения способствующего этому. Если мы хотим избежать бед присущих низкому уровню жизни и если мы должны решить проблемы безработицы, бедности, взаимоотношений труда и капитала, и эффективной координации наших производственных учреждений, мы должны привить нашим молодым людям живой интерес, а также умное понимание, основ нашего экономического общества и его проблем» [Ibid., с. V]. В книге нет и следов никаких абстрактных

[1] Текст этого письма был опубликован в газете Le Monde 17 июня 2000 года. За месяц его подписали около тысячи студентов и десятки преподавателей. Результатом этого письма, позднее подписанного десятками тысяч студентов и преподавателей всего мира, стало появление и растущая популярность Интернет-журнала «Post-Autistic Economics review» http://www.autisme-economie.org/ (название, которого позже было изменено на «Real World Economics Review» http://www.paecon.net/PAEReview/.

экономических теорий. При ее прочтении получаешь довольно полное представление об экономической жизни, включая ее трудности, в США того времени. В конце книги имеется глоссарий экономических терминов. Учебник начинается с изложения исторических корней существующего экономического общества. Далее описывается уровень жизни в США различных социальных групп, включая бедность и имеющийся уровень комфорта в деревне и городе, а также характеризуется жизнь в богатстве. После этого каждая из следующих частей посвящается отдельным способам повышения уровня жизни. Среди них такие, как совершенствование методов производства, улучшения ведения бизнеса, перераспределение доходов, разумное использование доходов, международная кооперация. Наконец, последняя, но не последняя по важности, часть посвящена повышению уровня жизни путем рассмотрения альтернатив курсу *laissez-faire*, которые характеризуются как разные формы социального контроля, в том числе различные способы вмешательства государства. В этой части кратко описано, какие изменения проводились в этом направлении в рамках Нового курса президента Франклина Рузвельта. Авторы указывают, что принятие этого курса наталкивалось на трудности идеологического характера: «Мы продолжаем думать в терминах индивидуализма и конкурентной погони за прибылью, хотя условия, благоприятствующие этой экономической философии уже давно не существуют» [Ibid., с. 542].

Почему современные экономисты настойчиво продолжают преподавать эту устарелую экономическую философию? В значительной степени это объясняется наличием внешних влияний на профессию экономистов. Однако внутренний фактор, влияющий на это также достаточно силен. Почему протестное движение французских студентов экономистов окончилось ничем? В немалой степени из-за того, как повели себя даже те университетские преподаватели-экономисты, которые поддерживали это движение: «Сначала французские студенты получили довольно много поддержки от преподавателей: несколько сотен из них подписали петицию, поддерживающую их движение, особенно те, кто ратовали за "плюрализм" в обучении различным подходам в экономической дисциплине. Но когда студенты предложили четкую программу обучения, без микроэкономики и без макроэкономики основанной на "репрезентативном агенте", почти все преподаватели отказались их в этом поддерживать, рассматривая такое требование как "чрезмерное", потому что "студенты должны выучить все эти вещи, даже с некоторыми математическими деталями". Если вы спросите их "почему", ответ обыч-

но звучит примерно так: "Ну, даже если мы лично никогда не используем "теории" или "инструменты" преподаваемые в курсах микроэкономики (так как мы является регуляционистами, эволюционистами, институционалистами, конвенционалистами и т.д.), конечно, есть люди, которые «используют» и «применяют» их, даже если [мы считаем], что это использование и применение являются "нереалистичными" или "чрезмерными"» [Guerrien 2003, с. 105]. Объяснить такое поведение преподавателей очень просто. Если необходимо минимум «20 минут для проверки студенческой работы посвященной разбору конкретной экономической проблемы, нужно всего 5 минут, чтобы поставить оценку по упражнению в курсе микроэкономики. Проверка математических упражнений этого курса не требует никакой предварительной подготовки и сводит к минимуму диалог со студентом хорошо определенными математическими конструкциями, что защищает преподавателя от проникновения в современную реальность и историю, что потребовало бы от него определенной культуры, которой ему часто и не хватает»[Généreux, 2001, с. 23].

Ясно, что требуется намного больше от преподавателей работы по проведению занятий и написанию учебников в институционалистском стиле, чем в неоклассическом или каком-либо другом абстрактно-теоретическом стиле. Учебник Хораса Тейлора «Современные экономические проблемы и тенденции» [Taylor, 1938], начиная с 1929 года многократно кардинальным образом переписывался из-за меняющейся экономической реальности и выступающих на первый план разных тех или иных проблем. Каждый раз приходилось несколько по новому трактовать проблемы социального обеспечения, организации и методов американского бизнеса, организации денежно-кредитной системы, международных отношений, сельского хозяйства, труда, государственного регулирования, принятия специальных мер против отсутствия экономической безопасности, а также альтернативных принятым способов обеспечения этой безопасности. Десятью годами позже вышел другой, также приспособленный к изменившимся условиям учебник «Функционирование американской экономики» [Taylor, Barger, 1949]. Вот как характеризуют этот учебник его авторы: «Мы не пытались, не намеревались создать в этой книге систематическую и всеобъемлющую экономическую теорию. Часто получается, что изучение функционирования нашей экономики в контексте замысловатой теории производства, обмена, ценности и распределения приводит к необходимости принятия определенных ограничений и жесткостей. <...> Мы исполь-

зовали теоретический анализ и достигли обобщающих заключений стремясь достигнуть цели, совершенно отличной от построения экономической теории» [Ibid., c. 19].

Выше охарактеризованные учебники служили для базовых курсов, преподаваемых в то время на экономическом факультете Колумбийского университета. Значение базового курса в экономическом образовании очень велико, так как он фактически задает направление или, если хотите, парадигму этого образования. В советском экономическом образовании базовым курсом был курс марксистко-ленинской политической экономии, делящейся на три части: политическая экономия капитализма, политическая экономия империализма и политическая экономия социализма. В постсоветской России базовым стал курс неоклассической экономической теории, продвинутость варианта которого в основном измеряется сложностью используемого математического аппарата. Фактически продолжением этого курса является курс получивший название «Институциональная экономика», но который по существу к институциональной экономике объявленной Уолтером Гамильтоном не имеет никакого отношения. Как до, так и после развала СССР, студентам предлагается базовый курс представляющий собой очень далекие от реальности теории, только в первом случае это была теория клеймившая капитализм, а во втором случае теория всячески его превозносящая. Как мы видели выше, институционалистский стиль экономического образования является совсем другим. Студентов не пытаются доктринерски убедить в превосходстве той или иной системы, а честно рассказывают студентам о реально существующей в данной стране и в данное время экономической системе со всеми ее трудностями и проблемами.

Преподаватели экономисты-институционалисты того времени были убеждены, что предоставляемое ими экономическое образование готовит ответственных граждан. Однако в таком экономическом образовании, где трезво анализируются недостатки существующей системы, и предлагается устранять их с помощью различного рода способов социального контроля, влиятельные круги США не были заинтересованы. Образование, направленное на воспитание ответственных граждан, было прекращено с соответствующими негативными последствиями, которые в частности бурно проявились в 2007 году. Политическая и деловая элита, массово подготовленная на экономических факультетах американских университетов, по существу и породила этот кризис, благодаря своей безответственности не только как граждан своей страны, но и как руководящих работников

своих организаций и предприятий. Болезнью безответственности с уходом институционалистов заразилась и сама профессия экономистов, а ведь Хорос Тейлор уже давно предупреждал об этом в своем отчете Американской экономической ассоциации: «Преподаватель, именно потому, что он является преподавателем, должен верить в то, что образование может влиять на судьбы людей и народов. И самым очевидным фактом относительно обучения чему-либо, и обучению экономике может быть больше, чем чему-то еще, является наличие груза ответственности, который преподаватель при этом берет на себя» [Taylor, 1950, с. 17]. Джон Коммонс, в соответствии со свидетельством его ученика Эдвина Витте, полностью принимал на себя этот груз ответственности: «Профессор Коммонс вдохновлял студентов посвятить свои жизни совершенствованию нашего демократического образа жизни и нашей экономики свободного предпринимательства, к которым он развивал в студентах не только глубокое восхищение, но также и правильную оценку того, что американская идея есть идея непрерывного совершенствования. Как часто бывает с молодыми людьми, многие студенты Коммонса были неудовлетворенны тем, что существовало в реальности. Но после его занятий они, без сомнения, хотели исправить то, что считали плохим, и сделать это без разрушения нашей политической, экономической и социальной структуры. Коммонс учил их, что они должны полно знать факты и делать реальные (*workable*) предложения для улучшения существующей ситуации. Он предлагал им не только изучать то, что было написано о предмете, и логически рассуждать об этом, но делать собственные наблюдения и обдумывать их, скорее в терминах мер, которые нужно принять, а не с точки зрения критики. Он призывал получать информацию о предмете, вступая в контакт с теми, кто непосредственно заинтересован в таких мерах» (Harter, 1962, с. 77).

ПОЧЕМУ ИСЧЕЗ ИНСТИТУЦИОНАЛИСТСКИЙ СТИЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНЯ?

Сейчас курс истории экономических учений постепенно устраняется из университетского образования. Но там где этот курс еще преподается, он представляет собой выстроенное во временной последовательности краткое изложение экономических теорий, чаще всего связанных между собой так, что может создаться впечатление постепенного возвышения экономической мысли к сегодня существующей. Однако такой подход совершенно не позволяет действи-

тельно понять эволюцию экономической дисциплины со всеми ее зигзагами. По моему убеждению, курсы истории экономической мысли не только не должны быть изъяты из учебных планов, но наоборот серьезно расширены. Необходимость выделения на них большего количества часов, чем сейчас, объясняется тем, что именно в рамках этого курса нужно кратко излагать неоклассическую экономическую теорию, а не в отдельном объемном курсе экономической теории-микроэкономики. Одновременно в этом курсе нужно обязательно отразить при каких исторических обстоятельствах эта теория, равно как и ее предшественница, классическая политическая экономия, возникла и какие силы, в том числе вне сообщества экономистов, повлияли на ее развитие и эволюцию. По существу такой конструктивистский подход к истории экономических учений основан на том, что носителем и преобразователем этих учений является профессиональное сообщество экономистов, обучение членов которого, рекрутирование в которое и направления его деятельности определяются во многом отношениями власти как внутри, так и во вне этого сообщества. То есть при конструктивистском подходе, без которого понять эволюцию экономической дисциплины просто невозможно, история экономических учений излагается через призму истории сообществ экономистов, а не отдельно взятых их членов, в их связи с внешним к этим сообществам миру. Именно такой подход и был использован профессором Университета Миссури расположенного в Канзас-Сити (США) Фредериком Ли при описании послевоенной истории марксистского и кейнсианского направлений экономической мысли [Lee, 2009]. Он прекрасно характеризует отношения власти внутри сообщества экономистов при репрессивной роли в нем магистрального направления (экономисты ортодоксы) и отношения власти вне этого сообщества, которые способствовали укреплению доминирующего положения ортодоксов в экономической профессии, в частности путем преследования представителей других направлений. Собственно говоря, те же отношения власти и привели к послевоенному исчезновению исходного институционализма и поэтому ниже я воспроизведу отдельные отрывки из книги Ли. Для того, чтобы понять причины послевоенного исчезновения американского исходного институционализма, необходимо вспомнить, что холодная война началась в 1946 году, а маккартизм стартовал в начале 1950 года. Слабое присутствие в отчете Хораса Тейлора Американской экономической ассоциации [Taylor, 1950], который уже упоминался в выше в этой главе, институционалистского стиля экономического образования безусловно объясняется именно этим.

Отрывки из книги Фредерика Ли «История неортодоксальной экономики»[1]

«История экономической дисциплины (history of economics) это не просто интеллектуальная история, то есть история экономических идей. Носителями этих идей являются индивиды, которые разрабатывали и распространяли их среди членов сообщества ученых и других заинтересованных людей. Таким образом, история экономической дисциплины является переплетением взаимосвязанных повествований идей и сообщества. Без истории сообщества, не может быть реального понимания того, как и почему теория разрабатывалась именно так, а не иначе» [с. 11].

«В послевоенные годы, три разные силы влияют на ландшафт американской экономической дисциплины. Наиболее драматичным из них была антикоммунистическая истерия, которая заставила замолчать целое поколение радикальных и прогрессивных американских ученых, в том числе экономистов. Кроме того, возникающий консервативный антиправительственный политический и социальный климат, порожденный бизнес-сообществом, повлиял на прогрессивных экономистов в плане того, что они преподавали и что они писали в учебниках. Наконец последняя сила [повлиявшая на послевоенную американскую экономическую дисциплину] было движение модернизации, в рамках которого экономические факультеты сознательно меняли свои программы так, чтобы самые последние версии неоклассической экономической теории преподавались бы с использованием соответствующих математических инструментов. В результате, все, чему учили в этот послевоенный период была неоклассическая экономическая теория, в то время как подход ориентированный на описание институтов стал практиковаться значительно меньше, чем раньше и почти исчез» [с. 35].

«Повсюду в Соединенных Штатах как администрация, так и преподаватели университетов перешли на сторону маккартизма <...> и считали, что «чрезмерная» академическая свобода недопустима и должна быть ограничена тем, что обычно считается социально приемлемым <...> администраторы активно сотрудничали с ФБР и во многих случаях просили ФБР проверять как вновь нанимаемых преподавателей, так и тех, кто уже числился в штате, а также давать рекомендации о найме и увольнении. Преподаватели не сопротивля-

[1] Далее в скобках указываются номера страниц этой книги [Lee, 2009], откуда взята соответствующая цитата.

лись (а если и сопротивлялись, то не очень сильно) таким действиям университетской администрации по разным причинам, включая, то,что некоторые сотрудники были членами Американского легиона и информаторами ФБР, а другие опасались репрессий со стороны администрации. Более того, многие из профессиональных ассоциаций, к которым ученые принадлежали, такие как Американская антропологическая ассоциация и Американская экономическая ассоциация (АЕА) либо сотрудничали с ФБР, либо, как Американская ассоциация университетских профессоров, были намеренно пассивны и неэффективны <...> ФБР следило за тем, чтобы радикал уволенный из одного университета не был бы принят на работу в другом университете» [с. 36–37].

«Чтобы избежать снятия с финансирования исследований или избежать атак, преследования, общественного остракизма, или неизбежного увольнения или отказа в продлении договора найма, многие прогрессивные преподаватели добровольно покидали университеты, поступали на работу в университеты за пределами Соединенных Штатов, ограничивали и подвергали самоцензуре содержание своих лекций (например, не преподавали кейнсианство или старались не выглядеть пацифистами, атеистами, или непатриотами), так как за занятиями осуществлялась слежка со стороны полицейских осведомителей. Профессора советовали своим аспирантам готовить безопасные, общепринятые диссертации, с тем, чтобы избежать травли со стороны членов диссертационных советов, а сами они <...> переориентировали свои собственные исследования и публикации в безопасные, более традиционные области» [с. 38].

«Одновременно с антикоммунистической истерией, неортодоксальные экономисты подвергались двум дополнительным типам цензуры. Первый тип цензуры отталкивался от мнения, что свободное предпринимательство является важной основой для интеллектуального прогресса, подразумевая, что ученые-экономисты должны верить в свободное предпринимательство, а также выступать в его пользу обучая этому своих студентов. При поддержке бизнес-сообщества (которое также полностью одобряло антикоммунистическое устранение радикальных и прогрессивных ученых), это мнение о свободном предпринимательстве интерпретировалось как убеждение в негативной роли правительства, профсоюзов и экономического планирования [в эффективном функционировании экономики]. Таким образом, неортодоксальные экономисты, включая кейнсианцев и экономистов связанных с разработкой и осуществлением Нового курса, были подвержены атаке за то, что они преподавали кей-

нсианскую макроэкономику или институциональную экономику, критиковали неоклассическую теорию, как нацеленную против рабочих и фермеров, выступали за некоторое участие государства в экономике, поддерживали профсоюзы, и были критически настроены против того как организован, функционирует и какие методы при этом использует крупный бизнес. <...> Законодательное собрание штата Техас потребовало увольнения [институционалиста] Кларенса Айерса только за то, что он выступая перед студентами утверждал, что текущая враждебность к правительству вызвана некритическим восприятием идеологии свободного предпринимательства и совсем не способствует пониманию развития капиталистического общества. К середине 1950-х годов подобные атаки начали уменьшаться, однако отдельные атаки подобного рода имели место еще и в1960-е годы. Затем бизнес-сообщество поменяло свою стратегию и начало в основном подкупать экономические факультеты, предлагая деньги на открытие преподавательских должностей и другие научные виды деятельности» [с. 38].

«Второй тип цензуры, которым подвергались неортодоксальные экономисты, был вызван отсутствием у них интереса или даже противодействие тому, чтобы стать респектабельными неоклассическими экономистами. Странным образом[1] работа экономистов во время войны в рамках военной командной американской экономики убедила их, и послевоенных экономистов, в действенности неоклассической теории цен и формалистического и математического дискурса. Более того, в годы холодной войны общая неоклассическая теория и ее такие отдельные области, как линейное программирование и теория игр, получали значительные объемы финансовой поддержки из Вашингтона, а также от частных фондов, потому что они внесли свой вклад в «объективные» потребности национальной обороны. Следовательно, по причине этого послевоенного общественного мнения [о роли математики] и [в существующем в то время] антикоммунистическом контексте, экономические факультеты хотели избежать репутации слабых в теории и математической подготовке для того чтобы обеспечить, чтобы их студенты не стали бы жаловаться, что они не получают хорошее образование, а также для того чтобы быть в теоретическом авангарде дисциплины или по крайней мере быть респектабельными. Продолжая тенденцию 1930-х годов найма современных обученных неоклассических теоретиков, экономические факультеты начиная с 1945 года и далее в 1970-е годы

[1] Эта «странность» подробно разобрана и объяснена в главе 6 настоящей книги.

приняли четкие решения нанимать хорошо обученных неоклассических теоретиков, которые проповедовали бы анти-плюралистические взгляды, с тем, чтобы преобразовать способы обучения как студентов, так и аспирантов [с. 38]).

«Итогом политических репрессий послевоенных лет вместе с репрессивным господством неоклассиков обеспечило практически полное подавление марксистской экономической теории и непрерывное падение, ведущее к вымиранию, институциональной экономики» [с. 40].

ГЛАВА 11.
МИФ ОБ ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ ЛИЦЕ ЭКОНОМИКС И НЕОБХОДИМОСТЬ РЕФОРМЫ ПРОФЕССИИ ЭКОНОМИСТОВ

Как видно из предыдущего изложения, исходный институционализм как мощное влиятельное направление экономической науки в Германии и США практически исчезает после Второй мировой войны по институциональным и политико-экономическим причинам. Экономическая дисциплина опять становится ареной защиты и обоснования определенных социально-экономических проектов. К двум ранее имеющимся проектам — либеральному и социалистическому — в этот период добавляется кейнсианский, призывающий к государственному регулированию капиталистической экономики.

Институционализм подвергается эрозии, начало которой положил Веблен[1]. Не проводя эмпирических исследований[2], Веблен наблюдал экономическую действительность издалека и осуществлял свои теоретические построения, применяя идеи, полученные им во время обучения в университетах. Так, о важности в экономической жизни институтов он не мог не слышать во время подготовки диплома бакалавра под руководством Джона Бейтса Кларка (John Bates Clark), прошедшего обучение в Германии, а также посещая в течение семестра курс читаемый Ричардом Эли в Университете Джонса Хопкинса. Наставником Веблена в этом университете был Чарлз Пирс, и вебленское понятие института как «мыслительной привычки» наверняка проистекает от пирсоновского понимания привычки как цели закрепления убеждения. Наконец, свою диссертацию он писал под руководством Уильяма Грэма Саммерса (William Graham Sumner), у которого он, безусловно, взял дарвинские идеи эволюции. Именно Веблен является родоначальником дискурса в экономическом сообществе относительно экономистов немецкой исторической школы как простых собирателей данных [Veblen, 1990, с. 58; Веблен, 2006, с. 12]. Такая оценка проистекала из «наивной концепции науки» [Майровски, 2013, b, с. 78], которая производит, по мнению Веблена,

[1] Американский социолог и юрист Дэвид Рисмен в своей книге о Торстейне Веблене один из разделов назвал «Веблен — антиинституциональный экономист» [Riesman, 1953, с. 75–77].

[2] «Веблен, по всей вероятности, обладал очень малыми знаниями о заводах» [Riesman, 1953, с. 85].

только теории и никак не связана с какими бы то ни было прагматическими рассмотрениями [Veblen, 1990, с. 19].

Процесс выхолащивания сути институционализма, заложенного первоначально Шмоллером и Коммонсом, продолжил Рональд Коуз. Взяв у Коммонса понятие сделки (трансакции), Коуз сильно его обеднил. Если Коммонс изучал сделку на пересечении права, экономики и этики (морали) [Commons, 1932], то у Коуза рассмотрение ее сводится к трансакционным издержкам [Coase, 1937]. Тем самым Коуз положил начало новой институциональной экономической теории как продолжению неоклассической теории. В руководствах по новой институциональной теории всячески подчеркивается ее связь и взаимодополняемость с неоклассическим экономикс [Фуруботн, Рихтер, 2005; Ménard, Shirley, 2005]. Сам Коуз пишет об этой связи следующим образом: «Отличительной чертой подхода современных экономистов-институционалистов является не то, что они вообще говорят об институтах (это, так или иначе, делали и американские институционалисты), и не то, что они предложили новую экономическую теорию, хотя возможно, что существующая теория ими была различными способами модифицирована, а то, что они использовали стандартную экономическую теорию для анализа работы этих институтов и попытались вскрыть ту роль, которую последние играют в функционировании экономики» [Coase, 1984, с. 230][1]. В автобиографии Коуз рассказывает, что семинар, который он посещал в Лондонской школе экономики, в корне переменил его представление о работе экономической системы, а именно познакомил его с «невидимой рукой» рынка Адама Смита [Окрепилов, 2009, с. 218]. Это представление и легло в основу его профессиональной деятельности как экономиста. Я это интерпретировал бы так: институт экономической науки продолжал деформировать инститиуциональную экономику.

Как я уже отмечал ранее, само название «институциональная экономика» было предложено Уолтоном Гамильтоном (*Walton H. Hamilton*) в 1918 году на заседании Американской экономической ассоциацией. Ровно год до этого президентом этой ассоциации был Джон Коммонс. Гамильтон выделил в качестве предмета институты как определенные социальные договоренности (*arrangements*), соглашения (*conventions*), связанные с мыслительными привычками (*habits of thought*). В качестве метода институциональной экономики он назвал исторический или генетический.

[1] Цитируется по: [Фуруботн, Рихтер, 2005, с. 551].

И вот в 1980-е и 1990-е годы Оливер Уильямсон и Дуглас Норт, вытащив на поверхность Рональда Коуза, запускают так называемую новую институциональную экономическую теорию, резко искажающую гамильтоновский замысел и полностью противоречащую исходным идеям, на которых она произросла, принесенным в США Ричардом Эли из Германии. Эли в США и Каннингем в Англии называли эту рожденную в новых немецких исследовательских университетах науку «новой» в противовес классической и неоклассической версиям этой науки. С этой точки зрения, новая институциональная экономическая теория совсем не является «новой», так как соответствует *старой* неоклассической версии экономической науки с ее старой же и традиционной (нововременной) методологией. Иными словами в новой институциональной экономической теории произошел *возврат* к классической парадигме неоклассики, и, с этой точки зрения, она принадлежит скорее к «старой» экономической науке, а не к «новой». Правильнее было бы определять эти два вида институционализма не как старый и новый, а как исторический институционализм (*historical institutionalism*) и институционализм рационального выбора (*rational choice institutionalism*), что и сделали американские политологи, и в этом случае все встает на свои места. Такого типа терминологические изменения необходимо сделать в дискурсе тех, кого не устраивает придание прилагательным «новая» ложного ореола новаторства направлению, которое, обретя колоссальное влияние, на самом деле тянет сообщество академических экономистов в схоластику и светскую теологию. В отличие от институционализма Эли — Коммонса — Гамильтона в новой институциональной экономической теории практическая значимость в качестве критерия оценки научных результатов не имеет большого веса. Полевые исследования рассматриваются в сообществах экономистов как занятие недостойное для высококвалифицированных ученых, а если уж экономисты и участвуют в решении каких-то практических задач, то как носители уже готовых теорий, а не с целью создания теории, имеющей практическую значимость.

После Второй мировой войны от исходного немецкого и американского институционализма не осталось и следа. В СССР и в странах советского блока, в высших учебных заведениях, была институционализирована марксисткая политическая экономия. В послевоенных западноевропейских и американских университетах также было немало экономистов-марксистов. Если в США их ряды существенно поредели после маккартисткой чистки, то во Франции, например, положение экономистов-марксистов было в 1950–1960-е годы доста-

точно стабильно, и конец этому пришел после развала СССР [Pouch, 2001]. По-видимому, нечто подобное произошло и в других западных странах. Некоторые академические экономисты-марксисты стали перекрашиваться в институционалистов. Так, Бернар Шаванс, автор таких книг, как «*Le capital socialiste*» («Социалистический капитал») [Chavance, 1980] и «*Marx et le capitalisme*» («Маркс и капитализм») [Chavance, 1996], издал книгу «*Institutional Economics*» («Институциональная экономика») [Chavance, 2008]. Хорошо известный российскому читателю английский экономист Джеффри Ходжсон, в настоящее время главный редактор «*Journal of Institutional Economics*», был автором таких книг, как «*Trotsky and Fatalistic Marxism*» («Троцкий и фаталистический марксизм») [Hodgson, 1975] и «*Capitalism, Value and Exploitation*» («Капитализм, стоимость и эксплуатация») [Hodgson, 1982]. Сейчас в своих многочисленных книгах он всячески пытается пропагандировать и развивать институционализм вебленского типа.

Во Франции появились три институционалистских школы, и все они, по существу, следовали классической методологии. С одной стороны, здесь становится очень популярной пришедшая из США новая институциональная экономическая теория [Ménard, Shirley, 2005; Brousseau, Glachant, 2008], берущая свое начало от Коуза, Уильямсона и Норта. С другой стороны, возникают две свои институционалистские школы: теория регуляции и теория конвенций. Для теории конвенций характерны следование методологическому индивидуализму и традиционное для экономистов смешение нормативного и позитивного рассмотрения экономической реальности [Amable, Palombarini, 2005, c. 34]. Теория регуляции [Буайе, 1997], по свидетельству одного из регуляционистов, основана на отбрасывании методологического индивидуализма и экономического детерминизма и тяготеет к конструктивистскому институционализму[1]. Драматическая история эволюции регуляционистской школы во Франции [Vidal, 2001] показывает обреченность самых искренних попыток понять социально-экономическую реальность, оставаясь в рамках традиционной экономической методологии (традиционного (нововременного) рассмотрения научного исследования). Рождение этой школы было связано с разочарованием молодых экономистов, работавших в исследовательских подразделениях различных правительственных служб, в макроэкономическом моделировании. В результате этого разочарования они сначала обращаются к марксизму [Aglietta, 1976; Boyer, Mistral, 1978], и этот их выбор безусловно был

[1] См.: URL: http://www.redcelsofurtado.edu.mx/archivosPDF/kabad1.pdf.

сделан под влиянием того веса Французской коммунистической партии, который она имела в 1945–1980 годах [Vidal, 2001, с. 23]. Далее они отходят от марксизма и идейно присоединяются к посткейнсиантву. Некоторые из них, начав проводить эмпирические исследования в области финансов [Aglietta, Rebérioux, 2004], приходят к выводу, что дерегламентация, глобализация и усложнение финансовых инструментов влияют на появление современных финансовых кризисов [Boyer, Dehove, Plihon, 2004]. Однако они так и не смогли предвидеть кризис, так как пытались делать это исходя из анализа количественных данных, относящихся к уже прошедшим кризисам [Boyer, Dehove, Plihon, 2004, с. 341–374], вместо того, чтобы произвести детальный анализ действующих правил, которым следуют акторы, а также других элементов институционального знания акторов.

В предыдущей главе я сказал, что внимательное изучение материалов (таблиц и текстов ответов на вопросы) обследования американского аспирантского экономического образования проведенных Дэвидом Коландером ([Colander, Klamer, 1990; Colander, 2007] показывает, что ситуация в 1990–2005 годах мало в чем изменилась. Однако сам Коландер сделал в своей книге 2007 года совсем другие выводы. По его мнению, «экономикс изменился и будет продолжать изменяться, так что больше уже нельзя будет существующую профессию называть неоклассической» [Colander, 2007, 15]. Собственно говоря, этот вывод Дэвид Коландер сделал еще до обследования аспирантов, проводя, вместе с Ричардом Холтом и Беркли Россером, интервью с рядом известных американских экономистов. Интервью эти были опубликованы в книге под названием «*The Changing Face of Economics. Conversation with Cutting Edge Economists*» («Меняющееся лицо экономикс. Беседы с экономистами переднего края») [Colander, Holt, Rosser, 2004]. В качестве разделов нового экономикс, которые, по мнению авторов, и изменили лицо дисциплины, называются следующие: поведенческая экономика (*behavioural economics*), агентное моделирование (*agent-based modelling*), эволюционная теория игр (*evolutionary game theory*) и экспериментальная экономика (*experimental economics*)[1]. Беседы были проведены с 12-ю экономистами. По-видимому, Дейрдра Макклоски, Кеннет Эрроу и Пол Самуэльсон, которые указанными областями не занимаются, были включены в список интервьюируемых просто из-за их большой известности. Интересно отметить, что из девяти оставшихся только двое имели

---

[1] Все четыре направления так или иначе связаны с теорией игр, начала которой заложил Джон фон Нейман; об этой теории речь пойдет ниже.

базовое экономическое образование, все остальные — либо математическое (шестеро), либо химическое (один). Хотя все девять человек были названы экономистами, трое из них имели PhD не по экономике, а по математике, а один не по экономике, а по наукам о принятии решений[1]. Из этого можно сделать вывод, что если упомянутые выше четыре области действительно являются передовым краем экономической науки и перечисленные девять экономистов действительно хорошо их представляют, то «передовые направления» экономической дисциплины были инициированы людьми, сформированными первоначально как математики, а не как экономисты или исследователи в области социальных наук.

На самом деле заявление Коландера о том, что «экономикс изменился и будет продолжать меняться, поэтому уже нельзя будет существующую профессию называть неоклассической», никак не оценивает *познавательную и социальную эффективность* этой перемены. В книге, вышедшей двумя годами позже, Коландер высказывается о результатах проведенного им в США обследования более ясно [Colander, 2009] и призывает экономические факультеты европейских университетов не копировать американское высшее экономическое образование; он говорит, что проведенные им, с промежутком в 20 лет, обследования американского аспирантского экономического образования, показали: в нем имели место как положительные, так и отрицательные сдвиги. «Положительным» сдвигом в США, по мнению Коландера, с момента предыдущего обследования является то, что обучение стало более «эмпирическим». В качестве отрицательного сдвига он называет тот факт, что обучение теперь в большей степени, чем раньше, фокусируется на подготовке студентов для написания статей в академические журналы, а не на обучении их для решения реальных экономических проблем (*focus on training students to write journal articles as opposed to solving real-world problems*) [Colander, 2009, с. 4–6]. На первый взгляд, в утверждении Коландера есть явное противоречие: как это может быть, что, несмотря на уделение в последнее время все большего внимания эмпирическим исследованиям, американское аспирантское экономическое образование еще меньше, чем раньше нацеливает студентов на ре-

[1] Одним из интервьюированных «экономистов переднего края» (*cutting edge economists*) был Герберт Гинтис (Herbert Gintis). Его совместная с Самуэлем Боулзом (ранее имя этого экономиста транслитерировалось как *Сэмюэл Боулс*) статья «*Walrasian Economicsin Retrospect*» («Вальрасианская экономическая теория в ретроспективе») [Боулс, Гинтис, 2006] является хорошим примером производства нового экономикс. Учебник Боулза, вышедший в русском переводе [Боулз, 2011], выдержан в духе такого производства.

шение реальных экономических проблем? На самом деле никакого противоречия в этом утверждении нет, так как увеличение «эмпиричности» происходит за счет использования статистических данных, эконометрического анализа и данных лабораторных экспериментов в рамках ньютоновской методологии (см. табл. 1 в главе 2) выше названных поведенческого и экспериментального направлений в экономикс. Компьютерные эксперименты в рамках агентного моделирования также могут классифицироваться как эмпирические. На самом деле все эти «эмпирические» направления экономикс никак не уменьшают аутистический характер экономической дисциплины. Можно сказать, воспользовавшись терминологией, введенной Ариэлем Рубинштейном, что эти эмпирические направления экономикс еще больше позволяют ее назвать «басенной» дисциплиной. В лучшем случае то, на что способны лабораторные эксперименты в современном экономикс, это тоже что-то намекнуть тем, кто хочет понять, что реально происходит в экономике, однако такие намеки могут служить этой цели никак не больше, чем басни и сказки (без кавычек) служат пониманию действительности[1].

Нужно сказать, что книга Коландера, Холта и Россера отражает широко циркулирующий в среде экономистов миф о якобы изменившемся лице экономикс. Возникновение этого мифа связано с тем, что ортодоксальный экономикс подвергается нападкам из-за той негативной роли, которую он сыграл в различных странах мира, включая Россию. Нападки эти делались уважаемыми экономическим сообществом людьми, в том числе и Джозефом Стиглицем [2005]. Здесь мне хотелось бы опять предоставить слово Ариэлю Рубинштейну, одному из немногих экономистов, рефлексирующих по поводу своей профессии: «Для меня экономикс является совокупностью идей и конвенций, с которыми экономисты согласны, и на основании которых они базируют свои рассуждения. Таким образом, экономикс — это определенная культура. Поведенческая экономика представляет собой преобразование этой культуры. Тем не менее <...> ее методы в значительной степени те же, что были привнесены в экономикс теорией игр. В центре большинства моделей поведенческой экономики те же самые агенты, которые максимизируют предпочтения на пространстве последствий, и искомое решение в большинстве случаев связано с использованием стандартных понятий равновесия. Однако поведенческие экономисты не связывают себя

[1] «Сказка — ложь, да в ней намек! Добрым молодцам урок» (*А.С. Пушкин*. Сказка о золотом петушке).

с тем, что обычно называют рациональными мотивациями. Экономическая басня (или модель, как мы ее называем), которая бы имела в качестве своего ядра такие понятия как справедливость (*fairness*), зависть (*envy*), смещение предпочтений в пользу настоящего (*present-bias*) и тому подобное, теперь не только позволительна, но даже и предпочтительна. Почему это произошло именно сейчас? Может быть, потому что экономисты, в конце концов, поняли: ортодоксальные экономические модели слишком нереалистичны и догматичны. А может быть, это было результатом нашего постоянного поиска новых направлений исследования. Напрашивается также вопрос, а почему другие идеи <...> не так радужно принимаются, как идеи поведенческой экономики? Я думаю, что это происходит потому, что профессия предпочитает прогресс, осуществляемый малыми шагами. Модели поведенческой экономики не так уж сильно отличаются от тех, которые используются в прикладном экономикс, и тем самым не воспринимаются как угроза» [Rubinstein, 2006, с. 246]. Мне кажется, что лучше не скажешь. Ключевыми словами в этой очень точной и тонкой характеристике экономической дисциплины являются «культура» и «угроза».

Что же эта за культура, которую разделяет современная профессия академических экономистов? Ранее мною были уже охарактеризованы источники этой культуры, а именно этими источниками были англо-саксонский институт университета XIX века, моральная и политическая философия XVIII и XIX веков и неоклассическая теория как переинтерпретация математических конструкций физики середины XIX века (см. рис. 4). В свои студенческие годы я, как будущий экономист-математик, был глубоко пронизан культурой, о которой говорит Рубинштейн. Мои аспирантские публикации [Ефимов, 1970, a; 1970, b] выходили за рамки математики, преподаваемой нам на экономическом факультете МГУ. Однако я находился под влиянием и другой культуры, а именно естествознания, и моими любимыми книгами в то время были «Резерфорд» Д. Данина и «Нильс Бор — человек и ученый» Р. Мура. Именно эти люди были для меня образцами ученого-исследователя. И если красота построений еще некоторое время меня привлекала, то отсутствия непосредственной связи с реальностью моих теоретических (математических) построений я терпеть никак не мог. Очевидно, что экономисты, вовлеченные в *эволюционную теорию игр,* не испытывали неудобств, подобных моим. Я уже говорил выше, что вначале надеялся добиться тесной связи с реальностью на основе компьютерной имитации, однако в отличие от тех, кто занимается сейчас *агентным моделиро-*

ванием, быстро понял, что это невозможно. Тогда для меня остался только один путь — экспериментальных исследований, в том числе и лабораторных. Первое, что напрашивалось само собой в середине 1970-х годов, это двинуться в сторону того, что сейчас называется *экспериментальной экономикой*, однако я сознательно этого не сделал, предпочтя совсем другой методологический выбор.

Как я уже отмечал, экспериментальный подход к исследованию предполагает прямой контакт с изучаемым предметом, институтами и непосредственно с ними связанными идеями, убеждениями, ценностями, верованиями. Если это контакт не с документами, а непосредственно с акторами, то, как правило, при дискурсивном подходе исследователь вступает с ними в контакт в естественном для них, часто рабочем, окружении. Поместив акторов в искусственные условия, выведя их из привычного рабочего окружения, мы делаем первый шаг к проведению исследований в лаборатории. Вторым шагом было бы создание некой экспериментальной установки, которая и представляла бы собой эти искусственные условия. Выше упоминалось: такая установка (имитационная игра) была мною создана в 1980-е годы для сравнительных лабораторно-экспериментальных исследований влияния на хозяйственную деятельность разных хозяйственных законодательств [Ефимов, 1986; 1988]. Построение этой установки, а также методики ее использования основывались на конструктивистской методологии.

Прежде чем углубиться в методологическое сравнение моей конструктивисткой дискурсивной экспериментальной экономики и неоклассической экспериментальной экономики Вернона Смита, вернемся к двум ключевым словам в характеристике дисциплины (института) экономикс, данной Ариэлем Рубинштейном: культура и угроза. Эволюция культуры экономической дисциплины, связанной с доминирующей сейчас методологией, проходит через определенные стадии. Используя термин Роберта Хайлбронера, можно сказать, что первые экономисты были «философами от мира сего» (*worldly philosophers*), или просто экономистами-философами. Постепенно, начиная с момента институционализации экономической дисциплины на рубеже XIX и XX веков, и особенно интенсивно — после Второй мировой войны, члены этого дисциплинарного сообщества все больше и больше становились экономистами-математиками. Те из них, кто использовал экономическую статистику на основе математической статистики, стали называться эконометриками. Эта эволюция достигла своей кульминации в 1970-е и 1990-е годы, когда экономикс превратился почти что в раздел прикладной математики. Такая дис-

циплина стала оспариваться, с одной стороны, студентами, а с другой, рядом влиятельных членов сообщества экономистов. Возникновение поведенческой и экспериментальной экономик можно рассматривать как ответ профессии на это оспаривание. Экономисты становятся экспериментаторами, но экспериментаторами очень специфическими, которых я назвал бы «теоретико-игровыми экспериментаторами». Дело в том, что как поведенческая экономика, так и экспериментальная экономика, кладут в основу построения экспериментальных ситуаций, которые они изучают, математическую теорию игр, и в качестве игроков, как правило, используют студентов, а не реальных акторов. Такое экспериментирование оставляет дисциплину в привычной для нее культуре отсутствия обязательной и необходимой непосредственной связи с реальностью своих построений и красотой, как одним из важных критериев в оценке этих построений и полученных результатов. Таким образом, «теоретико-игровые экспериментаторы» не создают никакой угрозы фундаментальным чертам установившейся культуре экономической дисциплины.

Напротив, конструктивистский дискурсивный подход в экономических исследованиях создает для этой культуры вполне реальную угрозу. Экономисты, которые используют этот подход, работают не только как статистики, но и как антропологи и (или) историки. Их культура по существу никак не соприкасается с культурой «философов от мира сего», математиков, эконометриков и теорико-игровых экспериментаторов. Она есть на самом деле не что иное, как преломление культуры исследователей в области естествознания на общественно-научную область исследования. Форма этого преломления определяется адекватной для социальных наук дискурсивной методологией и вытекающих из требований этой методологии способов построения экспериментальных ситуаций. Превращение нынешних экономистов-математиков, экономистов-статистиков-эконометриков, теорико-игровых экспериментаторов и экономистов-философов в экономистов-статистиков-историков-антропологов потребовала бы от них таких колоссальных усилий, что они в своей массе не могут не рассматривать такую перспективу иначе, чем угрозу профессии. Однако, если бы такое превращение воспринималась как угроза только действующими членами профессии, то постепенно, при наличии политической воли со стороны влиятельных кругов вне сообщества экономистов, эта трансформация профессии могла бы, в принципе, быть осуществлена. Но все дело в том, что изменение профессии экономистов в этом направлении может рассматриваться как угроза и влиятельными кругами, контролирующими профес-

сию, представленными в попечительских советах университетов, руководстве частных фондов, финансирующих исследования, а также оказывающими влияние на региональную и федеральную администрации. Эти круги есть не что иное, как сообщество бизнесменов. Частные фирмы совсем не заинтересованы быть объектами детальных исследований антропологического типа, так как они могут выявить и сделать достоянием гласности немало асоциальных и даже аморальных элементов их деятельности. Однажды я сам испытал эффект такой незаинтересованности.

После окончания в 1994 г., *во Франции,* школы бизнеса «Институт международного агропромышленного управления» *(Institut de Gestion Internationale Agro-Alimentaire,* IGIA), я, перед тем, как начать работу в проекте по приватизации продовольственной торговли в городе Минске, который финансировался Европейской комиссией, решил пройти стажировку в фирме «Ашан» (Auchan). Учитывая будущую работу в Минске, меня интересовали, в первую очередь, источники эффективности этого сетевого торгового предприятия. В рамках стажировки я получил возможность проведения включенного наблюдения и углубленных интервью с работниками разных подразделений этой фирмы. Я открыл для себя, что действительно вклад в экономическую эффективность фирмы вносят определенные элементы организации, например, сотрудничество с производителем по совместной разработке новых продуктов или делегирование ответственности по заказам на самый низкий уровень управленческой иерархии. Однако я увидел и другое, в том числе и то, что процветание компании «Ашан» во Франции напрямую связано с высоким уровнем безработицы в этой стране. Предлагая низкую заработную плату, фирма является временным приютом для безработных, которые трудятся в ней, продолжая искать более подходящую для себя работу; отсюда высокая текучесть рабочей силы и соответственно приспособленный для этого раздутый отдел кадров. Менеджер секции, центральная фигура в гипермаркетах «Ашан», является объектом жесткой эксплуатации. За достаточно низкую заработную плату такой работник имеет 12–14-часовой рабочий день и шестидневную рабочую неделю. Менеджеров, согласных на подобные условия, фирма выращивает сама из способных рабочих, как правило, избегая принимать на эти должности людей с управленческим образованием. Еще одним важнейшим источником экономической эффективности являются силовые отношения с поставщиками. Я мог их воочию наблюдать, присутствуя на переговорах менеджеров фирмы с руководителями предприятий производителей. Используя олигопольное положение, фирма контрактной политикой ставит большое количество своих поставщиков на грань разорения. Увидев, что работники гипермаркета не очень-то беспокоятся о высоком уровне потерь скоропортящихся продуктов (таких, как овощи и фрукты) — потерь, которых несложно было избежать, — я узнал, что поставщику оплачивается только проданная продукция. Значительные объемы товара выбрасывались (например, достаточно дорогостоящая клубника), но фирму это не очень беспокоило. Конечно, цены могли бы ниже, если к товару относиться бережнее. Источником эффективности фирмы является также нередко

достаточно сомнительная с моральной точки зрения политика навязывания товаров покупателю. По крайней мере, мое включенное наблюдение заставило меня начать сомневаться в распространяемом фирмой мифе о том, что она делает все для счастья как своих сотрудников, так и покупателей. Стажировка была рассчитана на два месяца. После первого месяца я уже мог сделать описанные выше выводы и поделился кое-какими из них с руководством гипермаркета, к которому организационно была прикреплена[1] моя стажировка. На следующий день после этого все ранее намеченные встречи были отменены и, хотя еще в течение месяца, до официального окончания стажировки, на мой банковский счет продолжало поступать предусмотренное денежное вознаграждение, моя стажировка, а вместе с ней и мое исследование были прекращены.

Но вернемся к поведенческой и экспериментальной экономикам. В основе их лежит теоретико-игровая схема, поэтому я дам свою интерпретацию схемы теории игр, к которой я пришел много лет тому назад [Ефимов, 1978]. Начала математической теории игр положила работа Джона фон Неймана 1928 года, называвшаяся «*Zur Theorie der Gesellschaftsspiele*». Русский перевод этого названия, следующий английскому переводу, не совсем верен: «К теории стратегических игр» [Нейман, 1961]. Правильнее было бы перевести как «К теории салонных игр». Фон Нейман поясняет предмет своего математического исследования — салонную игру — следующими словами: «В это понятие укладываются очень многие довольно разнообразные вещи – от рулетки до шахмат, от баккара до бриджа, — распространяются различные варианты общего понятия салонной (в русском и английском переводах было *стратегической. — В. Е.)* игры. И, в конце концов, любое событие с данными внешними условиями и данными действующими лицами (предполагая абсолютную свободу воли последних) можно рассматривать как салонную (в русском и английском переводах было *стратегическую. — В. Е.)* игру, если иметь в виду его обратное действие на этих лиц» [Нейман, 1961, с. 173–174]. Далее, в сноске, фон Нейман дополняет: «Это основная проблема классической экономики; как поступит абсолютно экономичный *homo economicus* при данных внешних условиях?» [Нейман, 1961, с. 174]. Эта последняя аналогия между поведением человека в салонной игре и в экономической жизни и послужила основой для знаменитой монографии фон Неймана и Моргенштерна «*Theory of*

[1] Включенное наблюдение и интервью я проводил не только в гипермаркете Сержи-Понтуаза, к которому организационно была прикреплена моя стажировка, но и на многих других объектах фирмы на территории Франции, таких как другие гипермаркеты, региональные оптовые базы, центр закупок на оптовом рынке Rangis («Ранжис»), который также осуществлял связь с аукционом в Голландии, управленческий центр фирмы под Лиллем.

Games and Economic Behavior» («Теория игр и экономическое поведение»). В книге формулируется следующее методологическое положение: «Для экономических и социальных проблем игры выполняют — или должны выполнять — ту же роль, которую различные геометрические модели с успехом осуществляют в физических науках» [Нейман, Моргенштерн, 1970, с. 58]. Ход рассуждений фон Неймана и Моргенштерна о теории игр как теории экономического поведения сводится примерно к следующему: салонные игры являются хорошими моделями экономического поведения, математическая теория игр является математической теорией салонных игр; отсюда следует, что математическая теория игр является теорией экономического поведения. В послесловии к русскому изданию этой книги редактор перевода пишет следующее: «Книга называется “Теория игр и экономическое поведение”, а в первой же ее фразе авторы указывают, что ее цель — рассмотреть некоторые фундаментальные вопросы экономической теории. Таким образом, может создаться впечатление, что книга посвящена экономике, а именно приложениям к экономике методов теории игр. Однако в действительности, содержание монографии — чисто математическое» [Воробьев, 1970, с. 650].

Теория игр фон Неймана была изначально создана как математическая теория салонных игр, которые, безусловно, являются в свою очередь очень специфическими моделями социальной жизни. Взяв теоретико-игровую схему в качестве основы построения лабораторных экспериментов, Даниэль Канеман и Амос Тверски [Kahneman, Tversky, 2000] под лозунгом поведенческой экономики, а также Чарлз Плотт и Вернон Смит [Plott, Smith, 2008; Смит 2008] под лозунгом экспериментальной экономики упростили экономическую реальность до уровня салонной игры. Это они сделали, следуя фон Нейману, который полагал, что «любая социальная ситуация» может быть «редуцирована до шахмат» [Леонард, 2006, с. 277]. Более 30 лет назад я писал по этому поводу: «На языке понятий теории игр, а, следовательно, на языке категорий салонных игр (стратегия, платеж) нельзя отразить самого главного в поведении индивида в социально-экономических системах, а именно — структуры ролей» [Ефимов, 1978, 173]. Сейчас я не стал бы апеллировать к понятию роли, но, поскольку социальная роль определяется совокупностью норм поведения, утверждение в целом остается верным. Теоретический язык этих авторов во многом позаимствован у стандартного микроэкономического подхода, но несколько «усовершенствован». Успех в прогнозировании кризиса Шиллером показал, что теоретический язык конструктивисткой дискурсивной институциональной экономики

объясняет явление возникновения пузырей удачнее, чем языки, используемые как ортодоксами, так и гетеродоксами, однако надеяться на возникновение в ближайшее время критической массы сторонников этого языка внутри сообщества экономистов не приходится по институциональным причинам. Даже самому Шиллеру, несмотря на его авторитет и прочное положение, для того, чтобы не оказаться вне институциональных рамок дисциплины, приходится оправдываться по поводу необходимости изучения историй и ложно выдавать то, что он делает, за нечто, основанное на результатах поведенческой экономики, которая уже стала частью мейнстрима.

Работы психологов Канемана и Тверски можно рассматривать как результат экономического империализма в область психологии, а эксперименты, проводимые ими, равно как Плотом и Смитом, строились в соответствии с традиционным представлением о научном исследования (см. рис. 2). Профессиональные психологи Канеман и Тверски, как и многие их коллеги [Солсо, Маклин, 2006], игнорировали те методологические споры, которые имели место внутри их профессии, в частности, на страницах журнала «American Psychologist». Еще в 1962 году Мартин Орн утверждал, что «поведение испытуемого в любой экспериментальной ситуации будет определяться двумя типами переменных: 1) теми, что традиционно определяются как экспериментальные переменные, и 2) его восприятием того, что от него требуется в этой экспериментальной ситуации» [Orne, 1962, 779]. По мнению Орна, в связи с тем, что в социальной психологии эксперимент выступает сам по себе как некоторое социальное взаимодействие, он не может строиться в соответствии с канонами классического естествознания. Ирвин Силверман публикует в 1971 году в том же журнале статью, где высказывается по данному поводу еще более определенно: «Модель испытуемого как только объекта в социально-психологическом эксперименте оказалась совершенно неадекватной, и поэтому данные, получаемые в экспериментах, значительно более связаны с мотивами и чувствами испытуемых относительно роли в эксперименте, чем с жизнью за пределами лаборатории»; «В условиях лаборатории происходит известное выключение испытуемого из системы реальной культуры и включение его в систему иной — “лабораторной” — культуры» [Silverman, 1971, 584].

Лабораторные экономические эксперименты при конструктивистско-дискурсивном подходе должны строится и проводится совсем не так, как того требует классическая методология. В качестве образца они берут не салонные, а детские ролевые игры, в которых дети

осваивают через активное использование языка социальные нормы взрослых. Основы теории детской ролевой игры были заложены Львом Выготским. В своей лекции, прочитанной в 1933 году в ЛГПИ им. А.И. Герцена, он называет отличительной чертой детской ролевой игры то, что в ней ребенок создает мнимую ситуацию. «Игра с мнимой ситуацией, — подчеркивает он, — в сущности, представляет собой игру с правилами. <...> Всякая игра с мнимой ситуацией есть вместе с тем игра с правилами, и всякая игра с правилами есть игра с мнимой ситуацией». Действие в мнимой ситуации, которая не видится, а только мыслится, приводит к тому, что «ребенок начинает определяться в своем поведении не только непосредственным восприятием вещи или непосредственно действующей на него ситуацией, а смыслом этой ситуации» [Выготский, 1966]. Экспериментальная ситуация в исследовательском лабораторном (игровом имитационном) эксперименте соответствует мнимой ситуации в детской игре. Важнейшими элементами экспериментальной ситуации являются правила, соответствующие исследуемым институтам. Г.П. Щедровицкий и Р.Г. Надежина развили идеи Выготского, выявив во время своих наблюдений за детскими ролевыми играми два типа деятельностей во время такой игры: 1) собственно игровой деятельности и 2) деятельности по поводу игры [Щедровицкий, Надежина, 1973]. Эти понятия полностью переносятся в организацию исследовательских лабораторных экспериментов. Игровая деятельность — деятельность имитирующая деятельность акторов. Деятельность по поводу игры — это исследовательская деятельность участников, которая может принимать самые разнообразные формы, и связана с обсуждением и замечаниями по поводу изучаемой в эксперименте проблеме между игроками и между игроками и экспериментаторами, а также обсуждением и замечаниями по поводу конструкции и организации эксперимента. Деятельность по поводу игры является важнейшей в лабораторном эксперименте [Ефимов, 1978, с. 151]. В этом типе эксперимента коллектив игроков при конструктивистско-дискурсивном подходе нужно рассматривать не только (и не столько) как заменителей соответствующих акторов, а как реальную социальную группу, возникновение лабораторной культуры в которой не элиминируется, а используется [Ефимов, 1978, с. 144].

С одной стороны, игроки-участники должны подчинять свои взаимодействия и решения введенным экспериментатором формальным правилам, а с другой стороны, они привносят в эксперимент из своей реальной жизни идеи (убеждения, ценности, верования) и неформальные правила и тем самым дают возможность прослеживать

совместное влияние идей-ценностей и двух типов правил на результаты функционирования моделируемой компьютером системы. Конструктивистско-дискурсивные лабораторные эксперименты моделируют функционирование реальных институтов, так как формальные правила в этих экспериментах есть модели реальных законодательств, а неформальные правила и другие элементы институционального знания приходят в эксперименты вместе с реальными акторами, которых приглашают принять участвовать в экспериментах. В неоклассических лабораторных экспериментах такой связи с реальностью нет, и то, что называется в них «институтами», описываемыми в инструкциях участникам, во многом является плодом воображения авторов эксперимента[1].

В 1970-е годы, в начале своей работы по лабораторному экономическому экспериментированию, я сделал определенный методологический выбор [Ефимов, 1978; Yefimov, 1979], дав ответы на четыре вопроса. *Первый вопрос* касался выбора участников эксперимента: должны ли они быть реальными акторами или можно ограничиться студентами? Для меня как преподавателя МГУ было намного проще сделать выбор в пользу второго варианта, но я выбрал первый. *Второй вопрос* относился к мотивации участников эксперимента. С самого начала я понимал, что «акцент на цели выигрыша может нарушить необходимый уровень двупланового поведения (игровая деятельность и деятельность по поводу игры) и тем самым обесценить эксперимент» [Ефимов, 1978, с. 154]. *Третьим вопросом* был такой: «Нужно ли в эксперименте собирать только количественные данные или следует сосредоточиться, прежде всего, на сборе качественных данных дискурсивного типа, максимально записывая всевозможные обсуждения на диктофон?» Мой выбор был в пользу сбора качественных данных. Наконец, *четвертый вопрос* (последний по счету, но далеко не последний по важности) касался деятельности участников-игроков: должна ли она быть ограничена только исполнением определенных ролей или необходимо также и их участие в аналитической исследовательской деятельности? Из вышеизложенного читатель уже знает, что я выбрал второе. *В работах Даниэля Канемана и Вернона Смита был сделан противоположный методологический выбор относительно всех четырех вопросов.*

Я очень надеюсь, что если читатель дошел до этого места, то он должен быть полностью убежден, что для того, чтобы профессия экономистов стала социально полезной, ее необходимо подвергнуть

---

[1] См.: [Смит, 2008, 303].

радикальной реформе. Первое, что экономистам нужно сделать в рамках этой реформы, то это освоить основные положения философии прагматизма и конструктивизма. Неоклассическое направление в экономической дисциплине, полностью доминирующее в ней в настоящее время, основывается на позитивизме или на более утонченном пост-позитивизме (попперианстве). Один из законодателей в области методологии и истории экономической мысли Марк Блауг, практически исключил исходный американский институционализм из своего методологического [Блауг, 2004] и исторического [Блауг, 1994] рассмотрения. И сделал он это, как и другие методологи и историки экономической дисциплины, в частности потому, что послевоенные экономисты не владели философскими основами исходного институционализма, в качестве которых служил прагматизм Чарльза Пирса и Джона Дьюи. Не освоив эту философию, экономисты не поняли и новейшее направление философской мысли — конструктивизм, идущий в русле идей прагматизма и развивающих их. Тот же Марк Блауг по существу признается в этом в своей статье «Почему я не конструктивист. Исповедь не раскаивающегося попперианца» [Blaug, 1994][1]. Переведенная на русский язык антология «Философия экономики» [Хаусман, 2012] не содержит ни идей прагматизма, ни концепций конструктивизма[2]. Методология и философские основания исходного институционализма были достаточно хорошо освещены в литературе [Майровски, 2013, a; 2013, b; Bush, 1993]. Ниже я воспроизвожу философские основания исходного институционализма изложенные в [Майровски, 2013, a; 2013, b], иногда позволяя себе мою собственную их интерпретацию.

Философские основания исходного институционализма можно разбить на две части: философия науки и социальная философия. Что касается философии науки, то в соответствии с прагматизмом и конструктивизмом наука представляет собой, прежде всего, процесс исследования экспериментального типа. Этот процесс рассматривается как своего рода расследование, проводимое определенным сообществом исследователей. Науке не соответствует никакая совокупность универсальных (неисторических) правил проведения исследований. То, что является в ней универсальным, так это необходимость

[1] В настоящее время философские взгляды российских экономистов представляют собой причудливое сочетание позитивизма/пост-позитивизма (попперианства) и диалектического материализма (марксизма).

[2] Те же философы [Hands, 2001]и историки экономической мысли [Weintraub, 1991; 2001], которые изучали литературу по конструктивизму и пытались применить его в своих публикациях, рассматривали конструктивизм с чуждых ему позиций картезианского дуализма.

экспериментального взаимодействия исследователя с объектом исследования; знания об объекте получаются на основании анализа результатов этого взаимодействия [Латур, 2006, а]. Как четко выразился один из основателей конструктивизма Жан Пиаже, познать объект можно только путем воздействия на него, и путем преобразования его[1]. Познание не сводится к применению различных логик (дедуктивной, индуктивной), а является значительно более сложным процессом. Поскольку не существует абсолютно надежных безличных правил научного метода, то решения, касающиеся обоснованности научных положений, принимаются внутри исследовательского сообщества и тем самым исследовательское сообщество, а не отдельный исследователь, является базовой познающей единицей. При отбрасывании картезианского дуализма (четкого разделения между объектом исследования и исследователем) наука имеет непреодолимо антропоморфный характер. Отсюда интерпретация наблюдаемого, то есть использование герменевтических методов, является неотъемлемой компонентой научного исследования. Это влечет за собой то, что философия и социология каждой науки должна неизбежно апеллировать к дискурсам, имеющим место внутри соответствующего сообщества исследователей. В связи с тем, что прагматизм и конструктивизм опираются в конечном итоге на исследовательское сообщество, то из этих двух учений вытекает, что правила, в соответствии с которыми это сообщество функционирует, и определяют будет ли их наука просто поддерживать статус-кво или способствовать развитию и пропаганде новых технических и социальных проектов.

Социальная философия исходного институционализма является тесно связанной с ее философией науки. Экономика, в соответствии с этой социальной философией, — это, прежде всего, процесс координации, переговоров и адаптации путем обучения, а не конкурентное безмолвное столкновение максимизирующих свои полезности индивидов. Экономическая рациональность рассматривается в ней как социально и культурно детерминированная, а, следовательно, история, антропология и экономика являются различными точками зрения на один и тот же исследуемый объект. Сама по себе экономика может быть представлена как взаимодействие между людьми вовлеченными в определенные материальные процессы, при котором материальные ценности создаются, а социальные ценности раскрываются. Регулярность в экономике проистекает от того, что экономические акторы, принадлежащие определенной хозяйственной

[1] «On ne connaît un objet qu'en agissant sur lui et en le transformant» [Piaget, 1970, c. 85].

общности, ведут себя, следуя соответствующим этой общности правилам, за которыми стоят определенные убеждения разделяемые членами общности. Эти правила и убеждения сконструированы людьми и поэтому в принципе могут быть изменены. Однако на пути такого изменения стоят привычки и определенное социальное воспитание, через которое проходит каждый член сообщества. Замена привычек может происходить только постепенно при достаточно длительном ином воспитании, нацеленном на это изменение. Законы создаются не природой, а людьми и предметом экономической науки должен быть институт. Институты представляют собой межличностные правила, наделяющие индивидуальных экономических акторов способностью справляться с интерпретацией действия и с изменениями; определение института Коммонсом таково: «коллективное действие по контролю, освобождению и расширению индивидуального действия». [Коммонс, 2012, с. 69]. Формами этого коллективного действия могут быть«неорганизованный обычай и организованные действующие предприятия или, при более общей трактовке, функционирующие организации» [Там же]. Не существует единой логики выбора: «Страсть и удовлетворение благами незаметно и неизбежно становятся неотделимы от оценки.... Удовлетворение перестает выступать как нечто данное и превращается в проблему. В таковом качестве оно предполагает интеллектуальное расследование условий и последствий, связанных с оцениваемым объектом, то есть — критику» [Dewey, 1939, c. 260–261]. В связи с тем, что не существует никаких врожденных правил рационального экономического поведения, оценка обоснованности такого поведения осуществляется только конкретным экономическим сообществом. В этом случае экономистам неизбежно необходимо использование герменевтики, или социологии знания, в процессе изучения поведения экономических акторов. В связи с тем, что структуры правил не могут быть постигнуты посредством беспристрастных (оторванных от их применения) внешних наблюдений, экономисты должны намеренно вовлекаться во включенные наблюдения и интервью экономических акторов. Экономические теории объясняющие определенные явления происходящие в отдельных хозяйственных общностях должны быть направлены на понимание того, как акторы интерпретируют значение имеющих место трансакций. Исходная институциональная экономика, в отличие от неоклассической экономической теории, нацелена совершенно не на защиту статус-кво, а, наоборот, на разработку и пропаганду демократического социально-политико-экономического проекта.

В июне 2001 года студенты-экономисты, а также более зрелые экономисты исследователи и преподаватели из 22 стран мира, собравшиеся в Канзасском университете (США) подготовили открытое письмо адресованное экономическим факультетам университетов всего мира[1]. В этом письме утверждалось, что все экономические факультеты должны провести реформирование экономического образования осуществив разбор методологических предпосылок лежащих в основе экономической дисциплины. Ответственная и эффективная экономическая дисциплина должна рассматривать экономическое поведение в широком социальном и политическом контексте и поощрять философские дебаты. Непосредственно сейчас область экономического анализа должна быть расширена с учетом следующих предложений:

1. Более широкая концепция человеческого поведения. Определение экономического человека как автономного рационального оптимизатора слишком узко и не включает многих социальных факторов формирующих экономическую психологию социальных агентов.

2 Признание роли культуры. Экономическая деятельность, как все социальные явления, необходимо встроена в культуру, которая включает в себя все типы социальных, политических и моральных систем ценностей, а также институтов. Именно они в значительной степени формируют и направляют поведение человека путем наложения обязательств, помогая или наоборот мешая осуществлению определенных действий, создавая социальные и общностные идентичности, которые могут повлиять на экономическое поведение.

3. Рассмотрение истории. Экономическая реальность скорее динамична, чем статична и как экономисты мы должны расследовать как вещи меняются во времени и в пространстве. Реалистическое экономическое исследование должно фокусироваться на процессе, а не просто на каких то целях.

4. Новая теория знания. Наука и философия связаны между собой. Научные результаты, полученные на основе экспериментирования с реальностью, могут повлиять на наши философские представления. С другой стороны философия влияет на научное изучение действительности, предоставляя исследователям определенное видение реальности и влияя на их социальные ценности. Экономисты должны развивать свою дисциплину и как экономическую науку, и как экономическую философию. Обе эти составляющие экономи-

[1] Здесь я привожу сокращенный вольный перевод большей части этого письма, полный текст оригинала которого доступен по следующей ссылке http://www.paecon.net/petitions/KC.htm.

ческой дисциплины должны преподаваться студентам, однако, без смешения одного с другим.

5. Эмпирические заземления. Больше усилий должно быть сделано, чтобы обосновать теоретические утверждения на основе эмпирических данных. Предпочтение в нынешнем экономическом образовании изложению теоретических положений без ссылки на эмпирические наблюдения порождает сомнения в реалистичности этих положений.

6. Расширение используемых методов. Такие процедуры как включенное наблюдение, исследование конкретных ситуаций и дискурсивный анализ должны быть признаны как законные средства сбора и анализа данных наряду с эконометрикой и формальным моделированием.

7. Междисциплинарный диалог. Экономисты должны быть в курсе имеющихся идей [не только] в различных экономических школах, но и в других дисциплинах, и прежде всего в других социальных науках.

В современном мире нужна непредубежденная экономическая дисциплина, которая была бы аналитически эффективной и морально ответственной. Такая дисциплина возникнет только при условии нашего постоянного участия в продумывании, пересмотре и расширении смысла того, что мы, как экономисты, делаем.

В заключении этой главы я изложу мои предложения по реформе экономического образования в России. Первое с чего нужно начинать реформу в исходно-институционалистском стиле системы обучения на экономических факультетах и в экономических университетах, это введение курса философии науки в ее конструктивистском варианте, освоение которого позволит студентам в последующем трезво и реалистично относиться к двум лицам экономической дисциплины: науке и философии. Параллельно нужно вводить студентов в экономическую проблематику, но не путем изложения одной абстрактной теории (позиция мейнстрима) или нескольких абстрактных теорий (позиция гетеродоксов), а с помощью курса, который показывал бы как российская экономика, погруженная в глобальную экономику, реально функционирует на основе действующих в России институтов. Такой курс мог бы называться «Современная российская экономика». Одновременно аналогичный курс отражающий функционирование другой современной национальной экономики (например, американской) также может быть предложен будущим экономистам. Абстрактные экономические теории, накопленные экономической профессией, должны излагаться исключительно в курсе

истории экономических учений, который строится не как чистая история идей, а как история сообществ экономистов, деятельность которых находилась под сильным влиянием их социального и политического окружения[1]. Естественным продолжением курса философии науки является курс методологии и методики экономических исследований, в рамках которого должно уделяться особое внимание таким качественным методам исследования как включенное наблюдение и интервью, а так же методике теоретизирования основанной на анализе текстов (Grounded Theory). В этом же курсе излагаются основы применения статистических методов, которым в дальнейшем может быть посвящен отдельный курс. Продолжением курсов по национальным экономикам, прежде всего российской, будет курс «Современные проблемы российской экономики», после которого может последовать курс «Мировая экономика и ее проблемы». Читаемый в настоящее время курс под названием «Институциональная экономика» должен полностью изменить свое содержание и по существу стать курсом экономической философии, развитие которой может быть осуществлено отталкиваясь от идей исходного институционализма, осовремененных путем опоры на таких современных мыслителей как Юрген Хабермас. Далее экономическое образование детализируется в отраслевых его блоках, среди которых важнейшим является блок по финансам.

По моему мнению, в экономическом образовании необходимо произвести следующие изменения институционального характера:

1. Поменять образ науки вообще и экономической науки в частности в обучении молодежи начиная со средней школы. Отказаться от аристотелевского образа науки в пользу новой конструктивисткой модели.

2. Поменять правила рекрутирования в профессию нацелив их на образ ученого экспериментатора-исследователя, а не математика/философа. В связи с этим роль математики, на разных этапах отбора, в том числе на вступительных экзаменах, должна быть уменьшена, а роль экспериментальных наук увеличена.

3. Разделить в университетах экономические кафедры нацеленные на экономическую науку с ее экспериментальным характером и кафедры экономической философии, связанные с социально-политико-экономическими проектами.

[1] Такой курс можно было бы назвать «Конструктивистская история экономической мысли».

4. Для того чтобы экономическая дисциплина выполняла свою социальную роль *науки*, а не только философии, необходимо настроить экономическое образование не на обучение теориям, в настоящее время в большинстве своем чисто схоластическим, а на познание социально-политико-экономических реалий. Конструктивистская методология и связанные с ней методы исследования должны быть в центре процесса обучения.

5. Лекции должны играть только вводно-ориентационную роль, а основная масса аудиторных занятий должна проходить в виде семинаров. На семинарах студентам предлагается не пересказывать услышанное на лекциях и прочитанное в книгах, а либо выступать в дебатах по тому или иному вопросу, либо участвовать в разборе конкретных ситуаций (*case studies*). Последние в бакалавриате должны носить в основном чисто учебный характер, а в магистратуре учебно-исследовательский, при котором преподаватель вовлекает студентов в процесс своих собственных исследований.

6. Важным направлением образования получаемого на экономических факультетах университетов должно быть доведение до студентов знаний относительно институциональной структуры экономики и экономического права в прошлом и настоящем, в России и зарубежом. Экономическая история должна изучаться, прежде всего, как институциональная эволюция, а история экономической мысли, с одной как сопровождающая эту эволюцию, а с другой стороны как институциональная история самой экономической науки.

7. Необходимо изменить институциональные и дискурсивные практики относительно академической свободы. Преподаватель-исследователь должен ориентироваться не только на свое научное сообщество, но прежде всего на нужды общества в котором он живет. Ученый-исследователь должен быть социально ангажированным, а не социально безразличным. Выбор направлений исследования должен определяться не тем, что делает большинство, а напрямую связан с необходимостью решения жгучих проблем общества. Оценка результатов исследований должна происходить исходя из того вклада, которое они вносят в их решение.

На пути этих изменений в экономическом образовании встают следующие трудности:

1. Поддержка существующего теоретического экономического образования «глобальным капиталом», в том числе и российской ее частью.

2. Поддержка существующего теоретического экономического образования экономической и образовательной частями госаппарата РФ.

3. Ориентация многих российских экономистов, в том числе и молодежи, на их включенность в мировое сообщество экономистов, где созданы такие механизмы престижности профессии как так называемая Нобелевская премия по экономике, которую аналитики, занимавшиеся историей ее возникновения, характеризуют как самое великое интеллектуальное мошенничество XX века.

4. Как начальство, так и рядовые члены сообщества экономистов в подавляющем большинстве не желают изучать ничего, что противоречит установленным взглядам.

5. Последнее, но далеко не последнее по важности: экономисты ориентированы на карьеру, а не на социальную пользу.

Среди мер по преодолению этих трудностей можно назвать следующие составляющие «дорожной карты» по реформированию экономического образования:

1. Создание в некоторых университетах островков, где отдельные экономисты работают в соответствии с предложениями по реформе.

2. Обсуждение в государственных органах и организациях гражданского общества предложений по реформированию экономического образования.

3. Организация коллективов по написанию учебников в соответствии с новой концепцией экономического образования.

4. Эксперименты в пилотных университетах целиком перешедших на работу по новому.

5. Подготовка новых стандартов экономического образования.

6. Распространение практики работы по новому по всей стране.

ГЛАВА 12.
МЕТОДОЛОГИЯ И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ЭКОНОМИСТОВ

В последнее время появляется достаточно большое число книг, написанных академическими экономистами и посвященных развенчанию экономикс. Одна из них так и называется — «Debunking Economics. The Naked Emperor of the Social Sciences» («Развенчанный экономикс. Голый король социальных наук») [Keen, 2001]. Еще одна книга имеет не менее броское название – «The Dismal Science» («Зловещая наука»), а ее подзаголовок – «How Thinking like an Economist Undermines Community» («Как мышление, которому следуют экономисты, подрывает сообщество») – указывает на одну из тех сторон экономикс, которые делают его зловещим [Marglin, 2008]. В книге «A Perilous Progress: Economists and Public Purposein Twentieth-Century America» («Опасное развитие: экономисты и общественные цели в Америке двадцатого века») рассказана история увядания общественных целей в экономической профессии и проанализирована ключевая роль экономистов в отходе от федеральных инициатив 1930-х годов по реформированию экономической и социальной жизни США [Bernstein, 2001]. Три другие книги раскрывают ненаучный идеологический характер экономикс: «Chicago Fundamentalism. Ideology and Methodology in Economics» («Чикагский фундаментализм. Идеология и методология в экономикс») [Freedman, 2008]; «The Puzzle of Modern Economics. Science or Ideology?» («Загадка современной экономикс. Наука или идеология?») [Backhouse, 2010]; «The Road from Mont Pélerin. The Making of the Neoliberal Thought Collective» («Дорога из Мон-Пелерэн. Как была распространена неолиберальная мысль») [Mirowski, Plehwe, 2009]. Отечественным экономистам хорошо известен лауреат Нобелевской премии по экономике Джозеф Стиглиц как жесткий критик неоклассической экономикс и либеральных реформ в России [Стиглиц, 2005]. В своей книге «Freefall» («Крутое пике») он пишет про экономистов: «Вместо представителей научной дисциплины они становятся самыми активными участниками группы поддержки капиталистического свободного рынка» [Стиглиц, 2011, с. 288]. Стиглиц считает, что «если Соединенные Штаты собираются добиться успеха в реформировании своей экономики, то, им, возможно, придется начать с реформирования экономической науки» [Стиглиц, 2011, с. 288]. Однако создается впечатление, что все прошлые и настоящие разоблачения и призывы

к модификациям современной экономической дисциплины практически ничего не меняют. Дисциплина в ее ненаучной форме является необыкновенно институционально устойчивой. Я уже называл два источника такой устойчивости: укорененность институционального знания, доставшегося нам в наследство от Нового времени, а также политические и экономические интересы влиятельных кругов. Однако институциональная стабильность экономической дисциплины достигается также благодаря господствующим ценностным ориентациям в сообществе академических экономистов. Данная заключительная глава книги посвящена именно этому.

Изложенное ранее в этой книге позволяет мне ввести следующую «методологическую» классификацию экономистов: экономисты-математики, экономисты-статистики-эконометрики, экономисты теоретико-игровые экспериментаторы, экономисты-философы и экономисты-статистики-историки-антропологи. Первые три категории экономистов составляют мейнстрим, четвертая в основном относится к неортодоксальным течениям, а пятая институционально не существует. Из предыдущего изложения следует: для того, чтобы экономическая дисциплина стала научной, членам сообщества необходимо превратиться в экономистов-статистиков-историков-антропологов. Предположим, что влиятельные круги вне этого сообщества, которые не заинтересованы в такой трансформации профессии, нейтрализованы, и теперь само сообщество имеет возможность преобразоваться, с тем чтобы стать познавательно эффективным и социально полезным. Но в том то и дело, что, будучи приведенным в действие, мейнстрим экономической науки проявляет необыкновенную устойчивость и без особых контролирующих воздействий извне. Почему это происходит? Одновременно нужно также ответить и на такой вопрос: почему в естествознании дисциплина (или ее направление), которая терпит провал за провалом в объяснении и предсказании каких-то явлений, неизбежно обречена на академическую смерть? Ответ на оба вопроса один и тот же: это объясняется доминирующими ценностными ориентациями членов соответствующих сообществ.

Согласно Т. Куну, «научное сообщество состоит из исследователей с определенной научной специальностью. В несравнимо большей степени, чем в большинстве других областей, они получили сходное образование и профессиональные навыки; в процессе обучения они усвоили одну и ту же учебную литературу и извлекли из нее одни и те же уроки. <...> В результате члены научного сообщества считают себя и рассматриваются другими в качестве единственных людей,

ответственных за разработку той или иной системы разделяемых ими целей, включая и обучение учеников и последователей. В таких группах коммуникация бывает обычно относительно полной, а профессиональные суждения относительно единодушными» [Кун, 2002, с. 227–228]. Имея в виду, конечно, естествознание, Кун утверждает: победа нового, радикально отличного от старого, научного направления начинается с осознания достаточно узкой частью научного сообщества, что старое направление перестало адекватно функционировать при исследовании определенных явлений [Кун, 2002, с. 129]. Что значит для какого-то научного направления адекватно функционировать в естествознании? Это означает открывать новые свойства изучаемого объекта и (или) давать такое понимание и объяснение известных явлений, которые лучше согласуются с результатами опыта. Новое направление вытеснит старое, когда будет открывать новые свойства и (или) объяснять известные явления удачнее, чем прежнее, и тем самым привлечет на свою сторону критическую массу сторонников. Адепты старого направления признают свое поражение из-за *ценностных ориентаций ученых-естественников на поиск истины, то есть понимание изучаемых объектов, честность в проведении экспериментов и правдивость в оглашении их результатов*. Это было заложено в колыбели института естествознания — в Лондонском королевском обществе.

Лондонское королевское общество с момента своего создания функционировало не только и не столько на основе формальных правил (писанных норм), сколько в соответствии с неформальными правилами научной этики, за которыми стояла высшая ценность поиска истины. Американский социолог и историк науки Стивен Шейпин в книге «*A Social History of Truth. Civility and Science in Seventeenth-Century England*» («Социальная история истины. Благовоспитанность и наука в Англии XVII века») [Shapin, 1994] исследует эти правила и ценности, используя биографический метод. Центральной фигурой исследования Шейпина является Роберт Бойль (Robert Boyle), один из главных основателей Лондонского королевского общества. Он принадлежал к старинному аристократическому роду. Как и для других членов этого одного из первых институционализированных сообществ ученых-исследователей, его присутствие в нем никак не было связано с какими-то материальными интересами. Наоборот, получив после смерти отца значительное состояние, он тратил его на проведение исследований, которые носили экспериментальный характер. Анализируя биографию Бойля и документацию Лондонского королевского общества, Шейпин приходит к обра-

зу члена сообщества исследователей как ученого и джентльмена (*a scholar and a gentleman*), для которого правдивость в поиске истины и в передаче другим результатов своих экспериментальных исследований «гарантировались нравственностью» (*underwritten by virtue*): «Джентльмены настаивали на правдивости их отношений как знаке их положения и чести. Признание правдивости джентльмена было признанием его идентичности. Свобода действий и идентичность рассматривались как условие правдивости, в то время как стеснение и нужда (*constraint and need*) признавались как почва для лживости» [Shapin, 1994, с. 410]. Для них любовь к истине была даже выше репутации и славы [Shapin, 1994, с. 280]. Близкие ценности для людей науки полтора века спустя проповедовал один из идеологов института исследовательского университета, первый ректор нового Берлинского университета, Иоганн Фихте. По его мнению, назначение ученого сословия — «это высшее наблюдение над действительным развитием человеческого рода в общем и постоянное содействие этому развитию» [Фихте, 2000, с. 761–762]. Он считал, что цель всей работы ученого в отношении общества есть «нравственное облагораживание человека», и «обязанность ученого — устанавливать всегда эту последнюю цель и иметь ее перед глазами во всем, что он делает в обществе» [Фихте, 2000, с. 766]. Фихте приводит слова, которые, по его мнению, каждый ученый должен сказать себе: «Я призван для того, чтобы свидетельствовать об истине, моя жизнь и моя судьба не имеют значения; влияние моей жизни бесконечно велико. Я — жрец истины, я служу ей, я обязался сделать для нее все — и дерзать, и страдать» [Фихте, 2000, с. 767].

Сообщество академических экономистов сейчас функционирует не по Бойлю и не по Фихте. Прежде всего, бросается в глаза пренебрежение к данным вообще, а к детальным данным качественного типа, из которых можно было бы почерпнуть источники регулярностей, — правилам и сопровождающим их убеждениям — в особенности. Поскольку реальных экспериментов с объектом исследования не проводится, а теоретико-игровое экспериментирование осуществляет не что иное, как *подмену объекта исследования*, то и правдивость в засвидетельствовании протекания проводимых сейчас экономистами экспериментов теряет смысл. Члены сообщества работают не для того, чтобы понять что-то, а пишут статьи и книги для того, чтобы быть положительно оцененными этим сообществом. Пол Самуэльсон сформулировал это так: «Мы, экономисты, работаем, прежде всего, для того, чтобы заслужить уважение коллег, позволяющее нам самим больше уважать себя» [Самуэльсон, Барнетт, 2009, с. 12].

Каждый член сообщества экономистов рассматривает свое время, потраченное на освоение определенных идей, как инвестиции, нацеленные, в конечном счете, на укрепление положения в этом сообществе. Если это совершенно новые идеи, как в случае с конструктивисткой (дискурсивной, интерпретативной) институциональной экономикой, то освоение их требует от членов сообщества экономистов достаточно много времени, и они не готовы его потратить, так как не без основания чувствуют, что такого рода инвестиции в ближайшее время отдачи (то есть укрепления положения инвестирующего в сообществе экономистов) не принесут. Это объясняет тот факт, что абсолютное большинство экономистов отказываются знакомиться с чем-то для них совершенно новым, в том числе и с конструктивистским институционализмом.

Мой многолетний опыт работы на экономическом факультете МГУ и на экономических факультетах ряда французских университетов, а также богатый опыт общения с более широким кругом академических экономистов в России и на Западе позволили мне составить типологию академических экономистов с точки зрения ценностей, которые они разделяет относительно своей профессии:

1. *Любопытный альтруист*: экономист-преподаватель и (или) исследователь должен изучать действительность для того, чтобы ее понимать, и тем самым быть полезным обществу, передавая ему и, в частности, своим студентам это понимание. Сама познавательная деятельность является для него страстью, а материальное вознаграждение за нее имеет второстепенное значение.
2. *Эстет*: деятельность экономиста состоит в том, что он строит «красивые» теории, которые, как он надеется, будут положительно оценены его коллегами и студентами. Заниматься этим с удовольствием можно только в том случае, если она достаточно хорошо оплачивается.
3. *Служащий*: профессия академического экономиста ценна тем, что позволяет получить, как правило, стабильную, уважаемую, хорошо оплачиваемую работу, с частыми и продолжительными отпусками-каникулами и дает возможность общаться с интересными людьми.
4. *Коммерсант*: экономист-исследователь, будь то преподаватель вуза или сотрудник НИИ, должен внимательно следить за тем, какие направления научного производства сейчас модны, по-

зволяют получить научные гранты, а также пользуются спросом в научных журналах, на научных конференциях, семинарах и выездных школах и осуществлять исследовательскую деятельность так, чтобы иметь возможность успешно «продать» свою научную продукцию. Такой экономист стремится использовать любые возможности, чтобы зарабатывать вне своего основного места работы, на контрактной основе, в качестве эксперта-консультанта, лектора-преподавателя или автора учебников.

Каждый член сообщества академических экономистов может иметь черты всех четырех типов, а его реальное поведение зависит от «веса» в нем каждого типа. Значительная часть западных академических экономистов принадлежат к четвертому типу и являются убежденными адептами рыночной религии, о которой речь в данной книге шла выше. Преподавание неоклассической экономической теории для них не ставит никаких моральных проблем, так как они, по существу, преподают теологию своей религии. Престижность того, чем они занимаются, гарантируется, в частности, присуждением Нобелевских премий экономистам, работающим в соответствующих областях. Для Ариэля Рубинштейна, которого я неоднократно цитировал в этой книге, его работа все-таки создавала ему некоторые моральные неудобства и, по-видимому, этим и вызвана публикация его статьи-исповеди [Рубинштейн, 2008].

Существует тесная связь между ценностями разделяемыми экономистами и используемой ими методологией. Любопытство, любознательность являются обязательными качествами ученого, вставшего на путь экспериментального исследования. Наука для такого ученого не столько профессия, сколько призвание. Его нацеленность на удовлетворение собственного любопытства доминирует над другими жизненными целями, включая, как правило, и материальные. Но такой ученый, обычно передающий приобретенное знание обществу и тем самым являющийся полезным людям, может рассматриваться как альтруист. Экспериментальные исследования в отличие от теоретических, в особенности, если эти вторые основываются на априоно-абстрактном подходе, требуют всегда большой организации и немалых ресурсов, а следовательно, и значительных усилий со стороны ученого, которые не всегда компенсируются материально. Человек, не являющийся альтруистом, осуществлять такие усилия просто не будет. За альтруизмом ученого-экспериментатора всегда стоят определенные идеи. Для Ньютона, Бойля и многих ученых того времени это была христианская идея любви к Богу. Исследования

были призваны открыть замысел Божий и тем самым приблизить к нему как самого исследователя, так и христианское общество. Для таких экономистов, как Уильям Каннингем, Ричард Эли и Джон Коммонс, христианские идеи тоже играли решающую роль в их профессиональной ориентации. Все трое, кроме своих трудов, отражающих их научные исследования, оставили нам книги, в которых они рассматривали социально-политико-экономические проблемы с точки зрения христианского учения[1]. Очень важно подчеркнуть, что христианская вера для них была важным стимулом в их работе как антропологов и историков, однако она никогда не определяла заранее результаты исследования. В этом видна резкая разница с априорно-абстрактными экономическими теориями, *когда выводы уже предопределены верой*, что имело место в классической политической экономии, марксисткой политической экономии и неоклассическом экономикс.

Экономистом Джоном Коммонсом эспериментально-эмпирические исследования проводились для того, чтобы понять изучаемую реальность и, зная, как существующая система действует на самом деле, разработать предложения и меры по поводу того, как ее лучше реформировать исходя из христианских ценностей, центральная из которых отражается в заповеди «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Лк., с. 10, 27). Здесь также видна колоссальная разница с теорией и практикой реформ, проводимых на базе таких априорных теорий, как неоклассический экономикс. Ранее в этой книге я уже приводил свидетельство В.Л. Глазычева о его беседе с одним из высокопоставленных российских чиновников, который не хотел знать, как оно есть, а хотел знать только, как надо[2]. Такая позиция соответствует подходу Дж. С. Милля, А. Маршалла, П. Самуэльсона, а затем и Джеффри Сакса, а также тех российских экономистов, которых он консультировал [Ослунд, 1996]. Подход Коммонса противоположен и состоит в следующем: чтобы знать, «как надо», нужно знать, «как оно есть». Вот, как Коммонс сам говорит о себе: «Когда предмет становился рутиной, я терял к нему интерес. <...> Только когда он был новым, полным неопределенности и риска, я направлял свою волю для движения вперед. Позже я узнал от физика Чарлза С. Пирса, основателя американского “прагматизма”, что правильное имя

[1] См.: [Ely, 1889; Cunningham, 1902; 1909; Commons, 1967].
[2] См.: http://www.intelros.org/lib/statyi/glazychev2.htm.

этому — “раздражающее действие сомнения”[1]. Это было названо им “инстинкт любопытства”» [Commons, 1964, с. 129][2].

Я имел возможность встречаться с большим числом экономистов в России, Западной Европе и США и оценить их ценностные ориентации. Среди них были Дуглас Норт и его сотрудники. В одной из своих публикаций я обратил внимание российских экономистов на достаточно резкий поворот, который произошел в публикациях Норта после получения им Нобелевской премии по экономике в 1993 году [Ефимов, 2007, с. 58–60]. Обнаруживается это в том, что, начиная с 1994 года и «не делая никаких ссылок на этот счет, Д. Норт по существу заново открывает подходы и концепции, известные в рамках интерпретативной парадигмы со времен Шмоллера и Коммонса. Норт явно осуществил возвращение к теории (онтологии) и неявно – к методологии (эпистемологии) американского институционализма и немецкой исторической школы» [Ефимов, 2007, с. 58]. Это находится в полном противоречии с тем, что он делал в течение своей долгой профессиональной жизни до этого и было отраженно в его четырех книгах: «*Institutional Change and American Economic Growth*» («Институциональные изменения и экономический рост в Америке») [Davis, North, 1971]; «*The Rise of the Western World. A New Economic History*» («Западный мир на подъеме: новая история экономики») [North, Thomas, 1973]; «*Structure and Change in Economic History*» («Структура и изменение в истории экономики») [North, 1981]; «*Institutions, Institutional Change and Economic Performance*» («Институты, институциональные изменения и экономическая эффективность») [North, 1990; Норт, 1997[3]]. Вот как он сам характеризует свое творческое наследие до 1993 года в автобиографии, подготовленной им по случаю присуждения Нобелевской премии: «Обе книги [первые две в вышеприведенном списке. — *В. Е.*] представляли собой первые попытки разработать инструменты институционального анализа и применить их к экономической истории. Обе, как и раньше, основывались на неоклассической экономической теории и имели слишком много утверждений, лишенных смысла, таких, как тезис о том,

---

[1] «Раздражающее действие сомнения становится причиной борьбы за достижение состояния убежденности. Я называю эту борьбу *исследованием*, хотя следует заметить, что это обозначение зачастую не вполне адекватно» [Пирс, 2000, b, с. 103].

[2] Я предлагаю читателю сравнить это высказывание Джона Коммонса со словами академика Льва Андреевича Арцимовича, приведенными ранее в сноске на стр. 13 этой книги..

[3] Перевод понятия *Economic Performance как* «функционирование экономики» в русском названии книги, на мой взгляд, неверен. В данном контексте уместнее «экономическая эффективность».

что любые институты эффективны (как бы их не определяли). <...> В 1981 году, в книге "Структура и изменение в истории экономики", я отказался от представления, что институты изначально эффективны, и попытался объяснить, почему "неэффективные" правила существовали и даже имели тенденцию к самосохранению. Это было связано с очень простой и опять же неоклассической теорией, которая могла бы объяснить, почему государство создает иногда правила, не способствующие экономическому росту. <...> В 1980-е годы я занимался разработкой политико-экономических принципов исследования долгосрочных институциональных изменений, что привело меня к написанию книги, изданной в 1990 году: "Институты, институциональные изменения и экономическая эффективность". В этой книге я подверг серьезному анализу постулат о рациональности» (цит. по: [Окрепилов, 2009, с. 300–301]).

Итак, Норт признает, что его первые три книги были неоклассическими. Что касается его четвертой книги, впервые изданной в 1990 году и опубликованной в русском переводе в 1997 году, то она предлагает теорию институтов, которая, по словам самого Норта, построена путем соединения теории человеческого поведения и теории трансакционных издержек [North, 1990, с. 27; Норт, 1997, с. 45]. Теория человеческого поведения, о которой он говорит, это теория ограниченной рациональности Герберта Саймона, а теорию трансакционных издержек он дополняет эволюционной идеей зависимости от пройденного пути. Процесс институциональных изменений он представляет в этой книге как процесс изменения контрактов [North, 1990, с. 86; Норт, 1997, с. 113]. Но вот после получения Нобелевской премии он, в соавторстве с Артуром Дензау, публикует статью, в которой процесс институциональных изменений трактуется совсем по-другому, а именно как процесс, связанный с изменениями в разделяемых членами сообщества (общих для них) ментальных моделях. Ментальные модели строятся людьми, чтобы придать смысл окружающему их миру, идеологии проистекают из этих ментальных конструкций и институты, связанные с ними, упорядочивают межличностные отношения [Denzau, North, 1994]. Из этой краткой характеристики идей, изложенных в статье Дензау и Норта, уже видно, что ментальные модели, идеологии и институты на языке конструктивистско-дискурсивного подхода есть не что иное, как институциональное знание акторов, которое и нужно осваивать исследователю для выявления регулярностей в поведении изучаемого социального объекта.

Девять лет спустя эти идеи были развиты в книге Норта «*Understanding the Process of Economic Change*» («Понимание процесса эконо-

мических изменений») [North, 2005; Норт, 2010]. Гораздо раньше, многие идеи, которые можно найти в этой книге Норта, содержались уже в работе Бергера и Лукмана [Бергер, Лукман, 1995], опубликованной впервые в 1966 году, я уж не говорю про работы Рома Харре[1]. Норт был просто не в курсе существования этих работ, так как ориентировался до 1993 года только на те идеи, освоение которых способствовало бы его карьере экономиста. Начиная с 1993 года, по-видимому, под влиянием А. Дензау, Норт обращается к когнитивной психологии, но к тому ее варианту, который не вышел еще из состояния первой когнитивной революции [Harré, Gillett, 1994, с. 6–7], не заметив, что к этому времени психология уже успела пережить вторую когнитивную революцию, отталкиваясь от идей позднего Витгенштейна [Harré, Gillett, 1994, с. 18]. Как было показано в главе 2, социальный конструктивизм в форме дискурсивного подхода дает ключ к пониманию процессов институциональных изменений в определенном сообществе. Эти процессы представляют собой динамику разделяемых сообществом убеждений, которыми обусловливаются разделяемые его членами правила. Немецкая историческая школа близко подошла к такому пониманию. Джон Коммонс внес свой вклад в такое понимание, анализируя решения английских и американских судов по хозяйственным вопросам [Коммонс, 2011]. Книга Дугласа Норта «Понимание процесса экономических изменений» [Норт, 2010] продолжает эту традицию[2].

В этой книге Норт бросает вызов многим устоявшимся нормам экономической дисциплины. Уже на ее первой странице он говорит о том, что невозможно раздельное изучение экономических, политических и социальных изменений [Норт, 2010, с. 7]. Вместо того чтобы развивать «изящные» и «элегантные» теории типа теории общего равновесия, он призывает экономистов стремиться к «пониманию скрытого процесса изменений», «выдвигать более конкретные гипотезы в отношении изменений, которые могут колоссально повысить пользу общественно-научных теорий при решении проблем, с которыми сталкивается человечество» [Норт, 2010, с. 7–8]. Таким образом, вместо элегантности как критерия Норт предлагает ориентироваться на социальную полезность. То, что было камнем преткновения в споре между Менгером и Шмоллером, а именно законы[3] и

[1] См. сборник его статей: [Van Langenhove, 2010].

[2] Видение Нортом процессов институциональных изменений в книге 2005 года представляет собой кардинальный разрыв с его видением этих процессов в книге, изданной им в 1990 году [North, 1990, с. 86].

[3] См. [Менгер, 2005 (1883)], в особенности приложение V.

детерминизм, даже в вероятностной (стохастической) форме отбрасывается Нортом с такой же решительностью, как и Шмоллером. Норт критикует Самуэльсона, для которого «эргодическая гипотеза была существенной для научной экономики». Он не согласен с Солоу, который писал, что «лучшее и наиболее яркое в нашей профессии работает так, как если бы экономика была бы физикой общества» и «существует лишь одна общезначимая модель мира», «все, что нужно сделать, это применить ее». Норт заключает свою критику словами, что «для историка экономики, изучающего десять тысячелетий человеческой истории, начиная с неолитической революции, эргодическая гипотеза является аисторической» [Норт, 2010, с. 36]. Подобно немецкой исторической школе, сделавшей это более ста лет назад, Норт пришел к выводу, что наши теории неизбежно должны быть разными по отношению к разным географическим регионам мира и разным временным интервалам [Норт, 2010, с. 33–35].

Как можно объяснить такое резкое изменение методологических и теоретических взглядов Норта? История, которую я сейчас расскажу, может, наверное, помочь ответить на этот вопрос. Являясь профессором Академии народного хозяйства при Совете министров СССР, я был командирован на 1991–1992 учебный год во Францию, для стажировки в одной из самых престижных французских школ бизнеса — École Supérieure des Sciences Economiques et Commerciales (ESSEC). Во время этой стажировки я старался активно участвовать в различных французских научных семинарах, в том числе и выступая с докладами. После моего выступления на экономическом факультете Нантского университета с докладом «Русская экономическая культура и переходная экономика»[1] один из профессоров факультета, который присутствовал на семинаре, посоветовал мне прочитать недавно появившуюся книгу Норта «*Institutions, Institutional Change and Economic Performance*». Я быстро приобрел ее, внимательно прочитал, и мне очень понравилось, что при анализе институциональных изменений акцент, как мне тогда казалось, делался на зависимости от пройденного пути. Это хорошо укладывалось в то, что я знал о русской аграрной истории, а также в то знание, которое я получил в моем эксперименте по изменению аграрных институтов в Переславском районе Ярославской области. После окончания стажировки, в 1992 году я должен был поехать в США по поводу одного проекта,

[1] В качестве отправной точки своего доклада я использовал понятие «экономическая культура», развиваемое в российской экономической социологии того времени [Заславская, Рывкина, 1991, с. 111], и мою структуризацию наполнения этого понятия, которую я предпринял десятью годами раньше [Yefimov, 1981, c. 194–195].

финансируемого американским Агентством по международному развитию (United States Agency for International Development, USAID), и мне очень хотелось встретиться с автором книги, которая произвела на меня большое впечатление. Я позвонил из Франции в Сент-Луис (штат Миссури), где находится Университет Вашингтона, и секретарь Норта, оказавшаяся очень любезной, сказала мне, что профессора Норта сейчас в университете нет, но я могу позвонить ему по телефону на его ранчо в штате Мичиган, и дала мне номер телефона. Норт согласился меня принять, и мы договорились, что я проведу в Университете Вашингтона в Сент-Луисе пару дней для общения с ним, его сотрудниками и студентами.

Сотрудники Норта, Ли и Александра Бенхэм (Lee and Alexandra Benham), встретили меня в аэропорту, и Ли стал моим куратором в Сент-Луисе. В первый день моего пребывания Норт был в дороге, между Мичиганом и Миссури, и я общался с его сотрудниками, в том числе с Джоном Наем (John Nye). Кроме того, я встретился в неформальной обстановке со студентами, работающими с Нортом и его сотрудниками, и рассказал им о своем эксперименте по институциональным изменениям в российском сельском хозяйстве. Я был несколько удивлен, что студенты, специализирующиеся на институциональной тематике, в том числе на институциональных изменениях, особого интереса к тому, о чем я рассказывал, не проявили. Мое удивление возросло, когда на следующий день сам Дуглас Норт, который, как мне казалось, интересовался институциональными изменениями в России, особых вопросов после моего рассказа об эксперименте в Переславском районе мне не задал. Ли проинформировал меня, что Даг (Doug) вполне вероятно получит Нобелевскую премию, и через несколько месяцев так оно и произошло. Позже я понял, почему то, что я рассказывал, было всем им неинтересно. Вот, что писал Норт несколькими годами позже: «В нашей области налицо недостаток эмпирической работы. <... > Когда Ли Элстон (Lee Alston), Трайн Эггертсон (Thrainn Eggertsson) и я работали над книгой[1], в которой хотели собрать эмпирические исследования в рамках новой институциональной экономической теории, у нас были большие трудности в том, чтобы найти достаточное число таких исследований. Все потому, что их просто было мало. Нам нужно значительно больше подкреплять эмпирической работой то, что мы пытаемся делать, работой, которая дает ключ к пониманию того, насколько хорошей является теория и что в ней нужно усовершенствовать» [North, 2000, с. 8–9]. Таким обра-

[1] Речь идет о книге [Alston, Eggertsson, North, 1996].

зом, как самого Норта, так и его окружение, эмпирические исследования, если и интересовали, то только для того, чтобы проверять теорию. Ли в разговоре со мной упоминал теорию прав собственности, но я ничего об этой теории не знал и отреагировать на его высказывания по этому поводу не мог, а он (как и другие), в свою очередь, не очень «врубался» в мои описания и «дискурсивный» анализ, проведенных мной институциональных экспериментов[1].

Через 12 лет после этого, в 2004 году, я встретился с Джоном Наем на Корсике, во время работы ежегодной школы по новой институциональной экономической теории. Большинство участников этой школы были молодые экономисты (аспиранты и постдоки[2]) из разных европейских стран. После одного из заседаний школы, я стал свидетелем того, как Джон Най делился с несколькими участниками советами, которые он получил от Дугласа Норта. Они были связаны с тем, как преуспеть в карьере академического экономиста. Най рассказывал, что Норт советовал начать карьеру академического экономиста, готовя статьи, касающиеся небольших задач в рамках принятого направления исследований. «Постепенно, — продолжал он советы Норта, — вы можете увеличивать масштаб задач и понемногу отклоняться в ваших публикациях от принятого направления. После приобретения некоторого авторитета в профессии можно начать писать не только статьи, но и книги». Най засвидетельствовал следующие слова своего бывшего шефа: «После получения Нобелевской премии можно начать писать все, что вам заблагорассудится». Бывший сотрудник Норта в своей наставнической речи часто использовал рядом со словом «статья» слово «продать». После того, как Джон закончил, я обратился к его слушателям и сказал, что, по моему мнению, мы, экономисты, не должны рассматривать себя как коммерсантов, продающих статьи для публикации в профессиональные журналы. Если уж строить какие-то аналогии с другими профессиями, то наша профессия скорее ближе к жрецам[3], чем к коммерсантам (*our profession is closer to that of a priest than*

[1] Опыт общения с Дугласом Нортом и его ближайшим окружением можно рассматривать как начало моих исследований действием сообщества академических экономистов, которое я продолжаю до сих пор. Когда-то, наблюдая советскую аграрную институциональную систему и ее сопротивление моим реформаторским воздействиям в Переславском районе, анализируя ее реакции, я получал возможность понять, как она работает. Точно также институциональная система экономической дисциплины реагирует на мои контакты с ней, давая мне возможность понять ее скрытые механизмы и оценить их силу.

[2] Временная позиция (ставка) в зарубежных вузах и научно-исследовательских учреждениях, которую занимают молодые ученые со степенью *PhD*.

[3] См. выше высказывание Фихте о назначении ученого.

that of a merchant). На что Джон, уже после того, как его слушатели (аспиранты и постдоки) разошлись, сказал мне: «Владимир, ты — русский, и, возможно, являешься последователем Достоевского и Толстого, а мне нужно кормить моих детей». Я ничего не ответил Джону, но подумал, что в этом случае, ему, наверное, было бы лучше не становиться академическим экономистом.

Рассказ Ная дает ответ на вопрос, который я поставил выше: чем можно объяснить резкое изменение методологических и теоретических взглядов Норта после присвоения ему Нобелевской премии? Все дело в том, что всю свою профессиональную жизнь до 1993 года Дуглас Норт был «коммерсантом», а в 1993 году решил стать «любопытным альтруистом», но было уже поздно. В возрасте 73 лет он «изобрел велосипед», используя элементы дискурсивного подхода, активно практиковавшегося профессией академических экономистов уже во времена Шмоллера и Коммонса, но не смог сделать ничего больше. Ценностные ориентации, которые проповедовал Най на Корсике, являются доминирующими среди представителей мейнстрима на Западе, и «коммерсант» в них хорошо уживается с «эстетом». Что касается экономистов-неортодоксов, то, хотя некоторые из них представляют собой хороших «коммерсантов», в своей массе они тяготеют к «служащему». Однако и ортодоксы, и неортодоксы, те и другие, сейчас являются *писателями статей в академические журналы,* а иногда и книг и не чувствуют особой необходимости для себя способствовать решению реальных экономических проблем; в этом же направлении, как отметил Дэвид Коландер, они и готовят себе смену. Современный американский институт экономической науки, который все больше и больше копируется в Европе, не стимулирует реалистичных исследований и, по меткому замечанию Н.А. Макашевой, толкает экономистов на подготовку таких статей, которые требуют «минимальной стадии до письменного стола» [Автономов, Ананьин, Макашева, 2008, с. 762].

В современных условиях полного господства мейнстрима представители различных неортодоксальных направлений объединяются, требуя *плюрализма* в экономических исследованиях и преподавании. Как я уже отмечал ранее, плюрализм нужен и может быть очень полезен для понимания действительности, если его составные части действительно ориентированы на это понимание, чего сейчас в экономической дисциплине не происходит. Хотя многое толкает академических экономистов к типу «коммерсанта», а не «любопытного альтруиста», однако в нынешних условиях только «любопытный альтруист» способен работать как экономист-статистик-историк-антрополог. Для того чтобы экономическая дисциплина постепенно

становилась социально полезной необходимо создание «гумбольдтских» условий для тех коллективов академических экономистов, которые будут работать по Коммонсу. Сделать это сможет только сильная политическая воля, озабоченная национальными интересами России. Конечно, предприятиям нужны бухгалтера, финансисты, маркетологи, менеджеры по продажам и тому подобные работники, но кто, где и как готовит экономистов-исследователей? Вот вопрос, ответ на который, по-видимому, определит будущее российской экономической науки. Если подготовка экономистов и впредь будет производиться по нынешним американским учебным планам, то совершенно определенно можно сказать, что российская экономическая наука не сможет успешно выполнять свою социальную функцию. В этой книге я рассказал историю об ином американском опыте, когда на основании идей Вильгельма Гумбольдта и Густава Шмоллера возник исходный институционализм. Президент США Теодор Рузвельт охарактеризовал то, что делалось командой Коммонса в штате Висконсин, как «лабораторию экспериментального законодательства, нацеленного на обеспечение социального и политического улучшения положения всего народа» [Roosevelt, 1912, с. 2]. Может быть, однажды один из президентов России сможет сказать нечто подобное о российском университете, который отважится встать на путь конструктивистского институционализма.

В настоящее время экономическая дисциплина (это относится как к ее ортодоксальному варианту, так и к большинству неортодоксальных направлений) является в познавательном плане абсолютно бесплодной, а в социально-политико-экономическом — вредной. Как утверждают такие разные исследователи, как Митчелл Аболафия и Джозеф Стиглиц, современная экономическая дисциплина не только не смогла понять и предвидеть возникновение пузырей, но и во многом способствовала их надуванию. Оба они пришли к одинаковому мнению и о том, что реформирование американской экономической науки является предварительным условием реформирования экономики США [Abolafia, 2010, с. 499; Стиглиц, 2011, с. 288]. Пересмотр методологии и истории экономической науки, представленной в этой книге, предназначен для того, чтобы служить основой проведения радикальной реформы в области экономических исследований и подготовки кадров для этих исследований. Отталкиваясь от конструктивистского направления в философии и социологии науки, представленного цитируемыми в этой книге авторами (такими, как К. Кнорр-Цетина, Б. Латур и Р. Харре), до чьих идей методологи экономической науки в своем большинстве, по-видимому,

еще не добрались[1], я предлагаю проводить экономические исследования на основе дискурсивного подхода, который уже давно используется в других общественных науках. Современная западная экономическая методология является во многом дескриптивной (позитивной) и в значительной степени служит «оправданием сложившейся практики» [Автономов, 2004, с. 13]. Предложенная мною методология нормативна и, как удачно сформулировал В.С. Автономов, такая «методология науки призвана быть ее совестью — моральным кодексом профессии» [Автономов, 2004, с. 12]. Приняв этот моральный стандарт, экономисты неизбежно должны покаяться в том вреде, который их дисциплина принесла, и на основе этой рефлексии возродить экономическую науку на другой, здоровой, методологической основе, способной приблизить ее по своей социально-экономической эффективности к естественным наукам. Такое возрождение на конструктивистской основе неизбежно примет форму воскресения традиций немецкой историко-этической школы Густава Шмоллера и американского институционализма Джона Коммонса.

[1] Исключением является Д. Уэйд Хэндс. В своей книге «*Reflection without Rules*» («Рассуждение без правил») [Hands, 2001] он уделяет достаточно много места социологии научного знания основанной на социальном конструктивизме. Хотя Хэндс и приводит в книге слова Кнорр-Цетиной о «сопротивлении» реального мира воздействиям экспериментатора в лаборатории [Hands, 2001, с. 192], он не понял «нормативности» этого положения для методологии экономической науки [Hands, 2001, с. 208]. Брюно Латур ясно указал на эту нормативность, требуя от обществоведов такого дискурсивного взаимодействия со своим предметом исследования в экспериментальной ситуации, при котором предмет будет «способным возражать тому, что о нем сказано, в полную силу сопротивляться протоколу и ставить собственные вопросы, а не говорить *от лица ученых*, чьи интересы он не обязан разделять!» [Латур, 2006, а, с. 353]. Этот вопрос подробно обсуждался в этой книге.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: МОДЕЛИ ЧЕЛОВЕКА, КОНСТРУКТИВИЗМЫ И ДЕМОКРАТИЯ

Эта книга об экономической дисциплине и экономистах, которые ее преподают и развивают. Неоднократно упоминавшийся в книге декан экономического факультета МГУ А.А. Аузан совершенно правильно заметил, что «нет никакой экономики, а есть мир, на который мы смотрим определенным способом». Далее декан признается, что образовательный процесс на экономическом факультете МГУ нацелен на то, чтобы «создать человека, который смотрит на мир», «как на задачку, когда ресурсы ограничены и нужно сделать определенные выборы». Это — взгляд на мир «экономического человека», критике которого было посвящено немало страниц этой книги. В ней, в частности, приводились свидетельства о том, что таким образом «созданный» человек стоит у истоков многих бед XX века, а в XXI веке он уже успел породить мощные экономические кризисы. Хотя такая направленность экономического образования пришла в Россию из Соединенных Штатов Америки, далеко не все в этой стране считают ее отвечающим национальным интересам народа США и народов других стран. Так профессор Чикагского университета Марта Нуссбаум видит в образовании, ориентированном на экономическую выгоду, серьезную угрозу демократии. По ее мнению, страны, которые направляют свои системы образования на экономический рост, пренебрегают тем, что позволяет эффективно действовать демократии: «Если эта тенденция сохранится, народы всего мира скоро будут производить поколения полезных машин, а не полноценных граждан, которые могут самостоятельно думать, критиковать традиции, и понимать значение страданий и достижений другого человека. Будущее демократии в мире висит на волоске» [Nussbaum, 2010, с. 2]. Далее она высказывается еще более определенно: «Национальный интерес любой современной демократии требует сильной экономики и процветающей бизнес-культуры. Это, безусловно, так, но я также считаю, что экономический интерес, требует от нас опоры на гуманитарные знания и искусства, в целях содействия созданию климата ответственного и внимательного руководства, а также культуры творческих инноваций. Таким образом, нам не нужно выбирать между формой образования, которая бы способствовала повышению прибылей и формой обучения, что способствует повышению чувства гражданской ответственности. Про-

цветающая экономика требует тех же навыков, что и те, которые поддерживают гражданскую ответственность, таким образом, сторонники того, что я называю "образованием для прибыли", или (выражаясь более обще) "образованием для экономического роста", приняли обедненную концепцию того, что [на самом деле] требуется, чтобы достигнуть цели, которую они сами поставили» [Ibid., с. 10].

Для обучения-воспитания студентов, как достойных и ответственных граждан своей страны, модель экономического человека оказывает крайне негативное влияние. Необходимо перейти к другой, предложенной уже давно немецкой историко-этической школой и американским исходным институционализмом, модели человека, авторскому изложению которой посвящены первые две и седьмая главы книги. В.С. Автономов довольно точно характеризует эту модель в версии Дж. Дьюи примерно следующим образом. Он подчеркивает центральное место в этой модели категории *привычки*. Привычки эти постигаются человеком в процессе обучения, при положительном или отрицательном воздействии общества на его поведение. Автономов подчеркивает, что под привычкой Дьюи имел в виду не бездумное повторение раз затверженного стереотипа, а склонность к некоторым видам и способам реакции, а не к определенным действиям. Привычка по Дьюи предполагает волю. Заключая краткий экскурс в модель человека Дьюи, которая и была взята на вооружение исходными институционалистами, Автономов формулирует следующий замечательный вывод: «Такие привычки не только не являются противоположностью рациональности в широком смысле слова, а, видимо, представляют собой наиболее часто встречающийся на практике способ ее существования. Благодаря относительной стабильности и всеобщности привычки она делает человеческое поведение предсказуемым» [Автономов, 1998, с. 194]. Приведенное понимание привычки снимает кажущееся противоречие между экономическим поведением определяемым интересами и экономическим поведением ведомым обычаями, за которыми стоят связанные с ними убеждения-верования. На привитие гражданских привычек-убеждений-верований и должна быть направлена система обучения и воспитания, в том числе и университетское экономическое образование.

Тесно связанным с заменой модели экономического человека на модель принятую в исходном институционализме является и переход к иной методологии, которая может быть охарактеризована как дискурсивная. Так как опривыченность человеческого поведения, а также относительно стабильный и всеобщий характер привычек, и по-

рождает социально-экономические регулярности, то изучение привычек и позволяет выявить и понять эти регулярности. Так как никаких других источников регулярностей в социально-экономической сфере просто нет, а выявление и изучение этих привычек возможно только на основе анализа дискурсов акторов, то тем самым дается простой ответ на обычно задаваемый вопрос: Почему использование дискурсивного анализа исключает возможность изучения причинно-следственных связей в экономике? Что касается использования в экономическом анализе статистических методов, то уже представители немецкой историко-этической школы хорошо осознавали, что для понимания того, что происходит, этого недостаточно. Максимом, что могут дать количественные методы исследования, это помочь поставить вопросы для дальнейшего анализа на основе так называемых качественных методов исследования (интервью, включенное наблюдение, исследование действием и т.д.).

Экономисты, воспитанные на марксистской политической экономии, обычно возражают, что «хозяйственная жизнь — это не только правила, верования, тексты и т.п., но и воспроизводственный процесс в единстве всех его фаз, в рамках которого возникают отношения между людьми, но и одновременно происходит воспроизводственное движение продукта. Такое движение продукта также должно изучаться, к примеру, выявляя объективно необходимые условия, пропорции и диспропорции и т.п. в воспроизводственном процессе». Здесь налицо проявление того, что сам Маркс охарактеризовал как «овеществление». На самом деле, понять, что происходит в экономике, изучая только материальные потоки «воспроизводственного процесса» невозможно. Их изучение может дать только намек на то, какие «отношения» между людьми нужно изучать для этого понимания. А то, что марксисты называют отношениями, более точно нужно называть *взаимодействиями*, сопровождаемыми дискурсами акторов, изучение которых и дает понимание этих взаимодействий. В свою очередь эти взаимодействия и направляют материальные потоки «воспроизводственного процесса». Советская экономическая система, которая пыталась исключить взаимодействия акторов, а планировать материальные потоки из центра на основе так называемого балансового метода, не смогла этого сделать. Ей это удавалось только на начальном этапе индустриализации и в условиях войны, когда количество управляемых объектов (заводов) было небольшим и номенклатура выпускаемой в них продукции была невелика. Кроме того, важным условием для этого был рабский (ГУЛАГ и «шарашки») и полу-рабский (колхозная деревня) труд. Как только эти усло-

вия исчезли, наличие интенсивных взаимодействий акторов стало в советской экономике неизбежным.

Важнейшими параметрами функционирования советской экономической системы (центральными элементами «народно-хозяйственных планов») были объемы производства и так называемые фонды, то есть право на покупку, а на самом деле получение ресурсов у предприятия производителя, так как деньги под фонды всегда выделялись. С 1975 по 1984 годы я, посещая различные предприятия и учреждения, был невольным свидетелем различных проявлений централизованного планирования и распределения ресурсов. Нужно сказать, что информацию о том, как реально функционирует советская экономика, было не так-то просто раздобыть: учебники и монографии содержали информацию не о том, как все происходит на самом деле, а как должно быть. А так как реальное планирование и распределение ресурсов происходило не по учебникам и даже не по методикам, то акторы ощущая нечто вроде чувства вины, а иногда и просто опасности, не очень-то этой информацией делились. Однако кое-что можно было понять и исходя из простого наблюдения.

Так, посещая Госплан СССР, я увидел, что работа в нем происходит не только, и может быть не столько в кабинетах, сколько в коридорах, которые были в его здании, сейчас занятым Государственной Думой, очень широкими и в которых были установлены длинные столы с многочисленными стульями. За этими столами периодически можно было увидеть массу людей, работавших с объемной документацией, разложенной на столах. Можно было догадаться, что это люди с мест, которые защищают в кабинетах планы для своих предприятий, а потом, получив замечания, выходят из кабинетов, чтобы их скорректировать. Эти сцены дали мне понимание того, что на самом деле советское планирование и распределение ресурсов не было таким уж централизованным. Однажды прибыв, накануне Нового Года, в город Липецк на Новолипецкий металлургический завод я вдруг обнаружил, что гостиницы города переполнены, чего я не наблюдал раньше при своих многочисленных посещениях этого завода. Осведомившись, я узнал, что они набиты так называемыми толкачами, жаждущими отоварить не используемые пока фонды на стальной лист выпускаемый заводом. Прибыл я в город 30 декабря, а через два дня эти драгоценные фонды, документы дающие право на получение этих вожделенных, остродефицитных ресурсов, превращались в простые бумажки. Стальной лист важно было получить не только для использования в собственном производстве, но и как

«валюту» для бартерного обмена на действительно нужные предприятию ресурсы.

Сцена коридора Госплана в любой рабочий день и липецкой гостиницы в последние календарные дни года дают нам ключ к пониманию функционирования советской экономической системы. Если эти сцены дополнить информацией липецкой газеты о том, что секретарша начальника отдела сбыта завода была арестована милицией на городском рынке при продаже польской косметики, а при обыске на ее квартире был обнаружен целый склад этой косметики, то картина функционирования советской экономической системы будет полной. Секретарша могла ускорить или замедлить подписание документов на отправку стального листа потребителю и это могло быть решающим для его реального получения, особенно при приближении конца года, отсюда и дары толкачей. Сторонников возвращения в том или ином виде к советской экономической системе, по-видимому, достаточно много среди современных российских экономистов. Так, заведующая кафедрой стратегического планирования и экономической политики Факультета государственного управления МГУ, Е.Н. Ведута, в своем учебнике «Стратегия и экономическая политика государства» пишет следующее: «В экономической деятельности план приобретает форму *баланса*, увязывающего производство (ресурсы) и распределение (использование) благ и доходов, и является важнейшим инструментом реализации стратегии государства» [Ведута, 2004, с. 11]. Экономическую науку автор этого учебника понимает следующим образом: «Истинная экономическая наука демократична по своей сути, так как ее задача — выявить объективные экономические законы для использования этих знаний в обеспечении цивилизованного развития общества» [Там же, с. 61]. В свое время руководство СССР надеялось спасти советскую экономику путем внедрения математических методов в систему ее управления. Я был свидетелем этих попыток и их полного провала. Сейчас Е.Н. Ведута пытается возобновить эти надежды уже в постсоветской России.

Методология, излагаемая в данной книге, является дискурсивной и конструктивистской. Мало кто из экономистов хотя бы отдаленно знаком с социальным конструктивизмом. Интересно, что первым среди экономистов, кто ввел термин «конструктивизм» был Фридрих Хайек. Он ввел этот термин для обозначения нечто противоположного его понятию спонтанного порядка. В своей простейшей форме он выразил смысл его понятия «конструктивизм» в следующей формуле: «Поскольку человек сам создал институты общества и цивили-

зации, он также должен быть в состоянии изменить их по своему желанию, чтобы удовлетворить свои устремления» [Hayek, 1978, c. 3]. Конечно, Хайек ввел это понятие для того, чтобы раскритиковать сторонников институциональных преобразований. Его понятие «конструктивизм» было ориентировано, в частности, против идей Маркса и Кейнса, и с некоторыми из его аргументов вряд ли можно не согласиться. Тем не менее, в своей работе, где он и ввел это понятие, которая озаглавлена «Ошибки конструктивизма», он совершает сам, по крайней мере, четыре ошибки. Во-первых, он считает, что процесс изменения правил поведения происходит исключительно в виде процесса имитации более успешных, эффективных правил. Во-вторых, мы можем предположить, что правила, которые он имел в виду, были только правила укорененные в западной цивилизации. В-третьих, в его понятии конструктивизма возможность коллективной воли не была принята во внимание. Наконец, в-четвертых, он игнорировал тот факт, что правила всегда выражаются и передаются с помощью языка. Хотя фундаментальная работа по социальному конструктивизму П. Бергера и Л. Лукмана уже была доступна ко времени написания вышеуказанной статьи Хайека, он, по-видимому, даже не знал о ее существовании и, по-прежнему, настаивал на своем понятии спонтанного порядка, который возникает стихийно, а не в результате какой-то сознательной деятельности. Социальный конструктивизм, как социальная и политическая философия, будучи принятым экономистами, может иметь далеко идущие последствия. Они смогли бы сказать людям, что «проекты подлинного освобождения человека становятся возможными», потому что люди в состоянии прийти к пониманию того, что они являются активными агентами, которые могут пытаться реализовать свои проекты, взаимодействуя друг с другом. Как таковые, они могут понять также, что ограничения, которые общество, как кажется, накладывает на их стремления, являются ограничениями типа правил и эти правила, путем совместных действий, акторы, действующие в рамках этих правил, могут совместными усилиями и на основе совместных договоренностей поменять [Harre, 2009, c. 142].

За всю свою историю промышленный капитализм постоянно демонстрировал свою высокую эффективность в производстве большого количества разнообразных товаров и услуг, однако с самого начала своего возникновения порождал очень низкую социальную эффективность. Это проявилось в существовании социального вопроса, проявляющегося в плачевном положении наемных работников, который претерпев различные метаморфозы [Castel, 1995],

продолжает существовать и поныне [Rosanvallon, 1995][1]. Социальный вопрос, вызванный рождением промышленного капитализма, сначала усугублялся регулярно возникающими кризисами перепроизводства, а затем и сбоями финансовой системы, которая его сопровождала. Постепенно финансовый капитализм стал доминирующим, что привело к значительной деиндустриализации ряда западных стран с соответствующим обострением в них социального вопроса.

Профессионализация экономистов в середине XIX века, связанная с возникновением социального вопроса, породила три направления экономической мысли. Классическое и неоклассическое направление по существу игнорировали существование социального вопроса, оправдывали статус-кво и отстаивали максимальную свободу действий для владельцев капиталов, что было равносильно закреплению за деньгами роли важнейшего источника власти. Это направление, благодаря господствующему положению в западных странах владельцев капиталов, стало экономической ортодоксией, экономическим мейнстримом сначала на Западе, а потом и во всем мире. Марксистское направление, методологически выросшее из классического, предполагало решить социальный вопрос путем свержения капитализма и заменой его на социализм, в котором уже не будет владельцев капиталов с их способностью использовать наемный труд. Идеи этого направления были реализованы в СССР и ряде других стран, находившихся под его влиянием. Третье направление, возникшее первоначально в конце XIX века в Германии, а затем успешно развиваемое между двумя мировыми войнами в США, предусматривало решить социальный вопрос, не сокрушая капиталистического строя, а реформируя его с помощью государства. Ростки социального государства, которые сначала появились в Германии Бисмарка, родились из-за страха немецкой элиты перед протестным движением рабочих, вызванным существованием социального вопроса. Немецкая историко-этическая экономическая школа фактически своей профессиональной деятельностью помогла своей национальной элите избавиться от этого страха. Причем финансирование исследовательской деятельности этой школы, нацеленной на способствование решению социального вопроса, осуществляло государство. По-другому, а именно через частные фонды крупного капитала, происходило финансирование исследовательской деятельности ин-

[1] Имеются русский (*Розанваллон Пьер*. Новый социальный вопрос. М. : Московская школа политических исследований, 1997) и английский (Pierre Rosanvallon. The new social question: rethinking the welfare state. Princeton University Press, 2000) переводы этой книги.

ституционалистов, продолживших на американской почве дело немецкой историко-этической экономической школы. Некоторые современные американские историки даже утверждают, что авторство центральных идей основных законодательных актов Нового курса президента Франклина Рузвельта, ведущих Америку к социальному государству, должно быть закреплено не столько за экономистами-институционалистами, сколько за самими умеренными представителями крупного капитала [Domhoff and Webber, 2011].

В течение почти всего XX века СССР символизировал надежду на лучшую жизнь, то есть на решение социального вопроса, для трудящихся многих, в том числе и западных, стран. Он символически служил именно надеждой, а не примером, так как многие из многочисленных рядовых адептов марксистских идей плохо себе представляли экономические, социальные и политические реалии Советского Союза. Однако, многие из улучшений положения наемных работников, например во Франции, возникших путем создания элементов социального государства в этой стране, произошли под влиянием компартий, находившихся во многом в подчинении у руководства СССР. Правящие круги Франции, до, и особенно сразу после, Второй мировой войны, пошли на улучшение условий наемных работников из-за страха усиления влияния французской компартии, поддерживаемой извне. С исчезновением СССР и КПСС, влияние французской компартии и связанного с ней профсоюза «Общая конфедерация трудящихся» резко упало, и положение французских наемных работников стало деградировать. Влияние в этой стране марксисткой политической экономии также свелось на нет, а экономический мейнстрим стал неоспоримо доминировать в экономических образовании и экспертизе, распространяя идеологическое влияние владельцев капиталов, в особенности крупных капиталов, на тех, у кого их нет. По мнению французского политолога Пьера Розанваллона социальное государство, призванное решить современный социальный вопрос, должно основываться не как раньше на идее страхования от всевозможных рисков, таких как болезнь, безработица, старость, а на идее гражданства, то есть членства человека-гражданина в сообществе граждан определенной нации-государства. Солидарность между гражданами должна развиваться одновременно с их участием в принятии решений на основе делиберативной демократии. В этом случае давнишние противопоставления формальных и реальных, политических и экономических прав граждан должны исчезнуть [Rosanvallon, 1995]. Без радикальной реформы представительной демократии в сторону активного участия рядовых граждан

в обсуждении и принятии политических решений, построение стабильного социального государства невозможно, а воспроизведение и обострение социального вопроса становятся неизбежными. Экономическая наука и связанная с ней социально-экономико-политическая философия должны обязательно включить эту проблематику в поле своего рассмотрения.

Нельзя сказать, что экономисты не уделяют должного внимания вопросам демократии. Научный руководитель НИУ ВШЭ Е.Г. Ясин написал на эту тему целую книгу под громким названием «Приживется ли демократия в России» [Ясин, 2012]. Правда, я полагаю, что для современной России более правильным был бы вопрос «Какая демократия нужна России?» Почти такой же вопрос Евгений Григорьевич и ставит в качестве заголовка к третьей главе книги и дает на него однозначный ответ: элитарная демократия: «Суть ее в том, что она принимает и использует нежелание большинства граждан систематически участвовать в общественных делах, поддерживать необходимую для этого собственную информированность, исполнять гражданские обязанности. Более того, исходя из представления о некомпетентности большинства, его склонности к эмоциям, подверженности манипуляциям демагогов и, как следствие, высокой вероятности неэффективности его решений, элитарная демократия считает предпочтительным ограждать управление государством от чрезмерного участия населения. Обычно управление общественными делами отдается *элите* (в данном случае имеется в виду политическая элита), в идеале — сообществу наиболее компетентных, одаренных и в тоже время достаточно терпимых, готовых к сотрудничеству и компромиссам людей (меритократия)» [Ясин, 2012, с. 56–57]. Это так сказать в теории, а на практике, я предполагаю, что Е.Г. Ясин имеет в виду политическую систему, существующую в западных странах и прежде всего в США.

То, что американская демократическая система была с самого начала создана богатыми для богатых, Евгения Григорьевича, по-видимому, совсем не смущает. О том, что это было именно так, свидетельствует очень известный и влиятельный в свое время американский историк Чарльз Бирд в своей книге «Экономическая интерпретация Конституции Соединенных Штатов» [Beard, 1913]: «Бирд отверг все прежние трактовки, объявляющие конституцию продуктом свободного волеизъявления нации и образцом демократии, и, сосредоточившись на экономических мотивах авторов Основного закона, охарактеризовал его как воплощение правовых собственнических интересов американских верхов. Проанализировав экономи-

ческие интересы 55 участников Филадельфийского конвента 1787 года, выработавшего Конституцию США, Бирд пришел к выводу, что они отражали волю четырех групп: финансового капитала, владельцев государственного долга, мануфактуристов, торгово-купеческих кругов» [Согрин, 2010, с. 101]. Наш соотечественник М.Я. Острогорский в конце XIX века, то есть сто лет спустя после принятия конституции, провел в США тщательное обследование функционирования американской демократии, и вот, что он увидел: «Корпорации покупали оптом и в розницу законы, «протекцию» и всякого рода милости; богатые люди более или менее тайным образом покупали места в высшем законодательном собрании и обеспечивали себе посты министров и посланников» [Острогорский, 2010, с. 613]. Моисей Яковлевич констатирует, что высокие чиновники государства были куплены богатыми людьми этой страны, но задается вопросом «как можно было купить сам народ, весь самодержавный народ?» и дает следующий ответ: «Партийная организация Соединенных Штатов дала разрешение этой проблеме; все коррупторы, стремящиеся эксплуатировать государственную власть для своих эгоистических целей, должны лишь соединить свои интересы с интересами партийной организации, которая получила в свое распоряжение доверие членов этого самодержавного народа; им остается лишь сделаться пайщиками этого предприятия» [Там же]. О власти денег Острогорский говорит следующее: «Народ усвоил проблему власти денег, прежде всего, с экономической точки зрения накопления богатств, которая легче всего бьет по воображению, и пришел к заключению, что он явился жертвой страшного экономического угнетения <...> народ не отдавал себе достаточного отчета, по крайней мере, до последнего времени, в том, что экономические захватчики поддерживались, поднимались с помощью политических монополистов, обладателей избирательной монополии, от которой он сам отказался в пользу партийной организации» [Там же, с. 614].

Автор этой критики демократии, основанной на конкуренции партий, имел конкретное предложение по тому, чем ее заменить: «Базовыми компонентами предложенного М.Я. Острогорским проекта реформы политической системы («нового метода политического действия», как он его именовал) были вытеснение из общественной жизни (в том числе и с помощью юридических механизмов) политических партий и замена их системой временных узкоспециализированных групп интересов — «свободных союзов», идейная гомогенность которых будет обеспечена их «единой целью». После реализации своей задачи соответствующему «свободному союзу»

надлежало самораспуститься. Участие в группах интересов позволило бы гражданам, как надеялся Моисей Яковлевич, принимать более грамотные и ответственные решения, поскольку, будучи поставленными «перед каким-либо определенным вопросом», они смогли бы отчетливо понимать его содержание, «в то время как сейчас этого нет» [Андреев, 2012, с. 24]. Примерно в тоже время, когда Острогорский проводил в США свои обследования, проблематикой демократии занимался также и один из главных героев этой моей книги Джон Коммонс. В частности по теме представительной демократии им была написана специальная работа [Commons, 1900].

Его предложение по реформе представительной демократии было достаточно близким к предложению Острогорского. Правда, пришел он к нему не столько от критики выборов кандидатов от политических партий, сколько от критики самого территориального принципа выборов. В соответствии с историческим подходом, присущем исходному институционализму, сначала он констатирует, что: «Парламент был первоначально только национальным съездом мэров, старейшин, юристов и уважаемых мужей, представляющих купцов и ремесленников нескольких корпораций. Этот съезд собирался через определенные интервалы времени для того, чтобы принимать решения и направлять петиции королю и Большому совету, точно также как Ассоциация американских банкиров, или Национальный совет по торговле, или Американской федерации труда в настоящее время проводят свои ежегодные съезды и отправляет петиции президенту и в Конгресс. Мелкие фермеры имели также свои национальные ассоциации. Позже, когда эти мелкие фермеры, торговцы и ремесленники почувствовали тяжелую руку короля и дворян, они начали проводить совместные съезды и направлять совместные петиции. Наконец эти ходатайства становились "законами" ("bills"), и королю было запрещено нарушать их без согласия тех, кто их послал. Таким образом, национальный съезд стал "парламентом"» [Commons, 1900, с. 21–22]. По мнению Коммонса: «Распад представительных органов произошел благодаря введению всеобщего избирательного права. Пока каждая корпорация избирала своего представителя на своем собственном собрании, сама по себе, она могла избрать действительно своего представительного человека. Но когда все классы избирателей — капиталисты и рабочие, католики и протестанты, образованные и невежественные, родившиеся в Америке и прибывшие иностранцы, белые и чернокожие, проживающие в одном административном округе должны избрать одного человека, который бы их всех представлял, то все, что они толком могут избрать, это

только бесцветный кандидат, который не представляет никого. Чтобы вернуться к изначальным принципам представительной власти (как исторически, так и логически), носителям каждого из этих разнообразных интересов должно быть разрешено собраться самим по себе и избрать своего делегата» [Ibid., с. 22–23]. Конечно, Коммонс совсем не хотел перенести в настоящее средневековую корпоративную систему представительства. В отличие от средневековья, современный человек имеет право голоса не как член какой-то гильдии, а как гражданин, и большинство граждан могут не принадлежать никакой конкретной организации, которая бы отражала их интересы. В этом случае Коммонс предлагает дать возможность «неорганизованным интересам» также представлять своих кандидатов на выборы. По Острогорскому, это нужно делать через временные «свободные союзы». Коммонс считал, что там, где интересы людей достаточно хорошо представлены их лидерами, интересы одних не могут доминировать над интересами других: «Именно в этом состоит зло существующих форм правления, когда интересы отдельных групп, обладающих богатством и информацией, получают контроль над остальными. Феномен политического босса [который контролирует выборы и определяет назначения на должности] возможен только потому, что босс не обязан идти на уступки каким-то другим интересам, отличным от интересов своей «организации» и тех, кто способствовал его избранию. Пусть все существенные интересы имеют равный голос с голосом партийной организации, и тогда представительное правление займет место правления боссов. [В этом случае] будет осуществляться забота о благосостоянии общества в целом, потому что каждый интерес в обществе будет иметь вес в законодательном органе в соответствии с его социальной значимостью. [Тогда и] сам законодательный орган будет значимым органом, состоящим из признанных лидеров [избравших их] людей, а не из инструментов служащих узкопартийным интересам» [Ibid., с. 27–28].

Е.Г. Ясин, будучи сторонником «теории политических рынков»[1], вряд ли солидаризируется с этими идеями Дж. Коммонса. Евгений Григорьевич так излагает смысл этой теории: «Голосующие — это потребители, а партии — предприниматели, предлагающие на выбор альтернативные пакеты решений или персонал; именно они формируют спрос, оставляя потребителю лишь одно суверенное право —

[1] Судя по всему, эта теория в последнее время становится популярной в России: см. [Афонцев, 2010; Купряшин, 2012].

выступать в качестве избирателей, сказать „да" или „нет" по поводу того, кому из заранее отобранных кандидатов подлежит стать их „представителями". Суть данной модели демократии — состязательность в процессе обретения политической власти» [Ясин 2012, с. 59–60]. Первым экономистом, положившим начала этой теории, был Й. Шумпетер, изложивший ее в своей знаменитой книге «Капитализм, социализм и демократия» впервые опубликованной в 1942 году [Шумпетер, 1995]. Е.Г. Ясин приводит следующую длинную цитату из этой работы: «В экономической жизни конкуренция никогда полностью не отсутствует, но едва ли когда-либо существует в совершенном виде. Точно так же в политической сфере постоянно идет борьба, хотя, возможно, лишь потенциальная, за лояльность избирателей. Объяснить это можно тем, что демократия использует некий признанный метод ведения конкурентной борьбы, а система выборов — практически единственно возможный способ борьбы за лидерство для общества любого размера. Хотя это и исключает многие из способов обеспечения лидерства, которые и следует исключить, например, борьбу за власть путем вооруженного восстания; это не исключает случаев, весьма похожих на экономические явления, которые мы обозначаем как "несправедливую" или "мошенническую" конкуренцию или ограничения конкуренции. Исключить их мы не можем, поскольку если бы мы это сделали, то остались бы с неким весьма далеким от реальности идеалом. Между этим идеальным случаем и случаями, когда любая конкуренция с существующим лидером предотвращается силой, существует непрерывный ряд вариантов, в пределах которого демократический метод правления незаметно, мельчайшими шагами, переходит в автократический. Но если мы стремимся к пониманию, а не к философствованию, это так и должно быть» [Шумпетер, 1995, с. 356–357].

Можно «подглядеть» мировоззрение автора теорий элитарной демократии и политических рынков, заглянув в его личный дневник, где Шумпетер фиксировал для себя пришедшие ему в голову афоризмы: «Демократия — это правление с помощью лжи»; «Нечестность – наиболее человеческая из всех характеристик»; «Способность лгать — вот то, что отличает человека от животных»; «Человечество подготовлено верить всему, кроме правды»; «Зачем создавать партию, когда вы также можете создать группу давления»; «Человечество в действительности не беспокоится о свободе, масса людей быстро понимает, что она не для них; то что они хотят, так это быть накормленными, [а также, чтобы их] направляли, забавляли, и превыше

всего, муштровали. Но они не формулируют это в виде такой фразы»[1] [Swedberg, 1991, с. 200–201]. О его политических взглядах можно догадаться из следующей истории. Однажды, одна дама на светском коктейле спросила Шумпетера, будет ли он голосовать на президентских выборах за Франклина Рузвельта. На что он ответил следующее: «Моя дорогая леди, если бы Гитлер добивался у нас поста президента, а Сталин — вице-президента, то я голосовал бы за них против Рузвельта» [Swedberg, 1991, с. 141].

Мне думается, что Й. Шумпетер заимствовал многие идеи своей теории элитарной демократии из книг Уолтера Липпмана «Общественное мнение» (*Public Opinion*, 1922) и «Призрачная общественность» (*Phantom Public*, 1925). Я подозреваю, что для многих экономистов имя Уолтера Липпмана совсем неизвестно. Однако влияние его на современную экономическую профессию очень велико. Эта сторона его профессиональной жизни совсем не отражена в биографии Липпмана, опубликованной в России [Печатнов, 1994] и слабо охарактеризована в недавно вышедшей книге рассказывающей о Липпмане, как об экономисте [Goodwin, 2014]. В главе 7 книги я уже упоминал об Обществе Мон-Пелерин, которое было нацелено на то, чтобы превратить университеты в площадки преподавания, коллективного изучения либеральной доктрины и ее продвижения в жизнь, что делалось в значительной степени экономистами и что превратило экономическую профессию в то, чем она является сейчас. Так вот, толчком и первым этапом в создании этого общества был семинар, проведенный в Париже в 1938 году, который получил название «Коллоквиум Липпмана» [Audier, 2012]. Среди участников этого семинара был Фридрих фон Хайек, будущий президент Общества Мон-Пелерин (Mont Pelerin Society), названного так по имени курорта в Швейцарии, где проходили встречи. Члены общества заявили: «Ключевые ценности цивилизации в опасности. На значительном пространстве Земли важнейшие условия для поддержания человеческого достоинства и свободы уже исчезли. В других районах им постоянно угрожают современные политические процессы. Положение личности и добровольных объединений граждан все больше подавляется произволом власти. Даже наибольшая ценность человека западной цивилизации — свобода мысли и самовыражения — оказалась под угрозой из-за распространения убеждений, которые, требуя толерантного к себе отношения и находясь пока в меньшинстве,

[1] “Humanity does not really care for freedom, the mass of the people quickly realize that they are not up to it; what they want is being fed, led, amused and, above everything, drilled. But they do not care for the phrase”.

стремятся добиться такого влияния, которое позволило бы подавить и искоренить все прочие точки зрения. Члены нашей группы убеждены, что подобные процессы стимулируют развитие таких взглядов на историю, в соответствии с которыми отрицаются все абсолютные моральные нормы, а также развитие теорий, которые ставят под сомнение безусловную непреложность права. Кроме того, мы считаем, что подобные явления стали возможными в результате ослабления веры в частную собственность и рыночную конкуренцию. Без распространения влияния и инициативы, связанной с собственностью и конкуренцией, сложно представить себе общество, в котором можно было бы реально защитить свободу» [Харви, 2007, с. 32–33]. К 1970-м годам результатом деятельности Общества Мон-Пелерин стала популярность этих идей. Неолиберальные идеи стали постепенно играть центральную роль в экономической политике, особенно в США и Великобритании. «Популярность этих идей росла и в академических кругах, особенно в Чикагском университете, где господствовали идеи Милтона Фридмана. Неолиберальная теория получила академическое признание после того, как в 1974 году фон Хайек получил Нобелевскую премию, а в 1976 году — и Милтон Фридман. Премия по экономике, хотя и ассоциировавшаяся по-прежнему с Нобелем, на деле не имела ничего общего с премиями по другим дисциплинам, оставаясь под жестким контролем банковской элиты Швеции» [Там же, с. 35].

Критика Уолтером Липпманом в его книгах «Общественное мнение» и «Призрачная общественность» традиционной теории демократии и основанных на ней политических практик, является во многом достаточно убедительной. Он критикует эту теорию демократии за то, что в соответствии с ней каждый гражданин достаточно подготовлен и информирован для того, чтобы участвовать в политике. Он ставит под сомнение как его подготовленность, так и информированность. Липпман указывает на существование причин, ограничивающих доступ людей к фактам: «Это разные виды искусственной цензуры; способы ограничения социальных контактов; сравнительно малое время, затрачиваемое ежедневно на ознакомление с общественными делами; искажения представлений, возникающие, когда изложения событий должны быть сжаты в очень короткие сообщения; трудности, связанные с тем, что сложный мир должен быть отражен в ограниченном лексиконе; и, наконец, страх столкнуться с фактами, которые могут показаться угрозой сложившемуся жизненному укладу» [Липпман, 2004, с. 50]. Липпман подчеркивает также, что «большое значение имеют характер стереотипов

и доверчивость, с которой мы их используем. А это, в конечном итоге, зависит от образцов (*patterns*), из которых складывается наша философия жизни» [Там же: 105]. Пресса, по его мнению, не может предоставить всем гражданам необходимой информации так как, она в основном концентрируется на новостях, а «новости являются не зеркалом социальных обстоятельств, а сообщением об обозначившемся событии» [Там же, с. 318]. «Гипотеза — пишет он — кажущаяся мне наиболее плодотворной, состоит в том, что новости и истина — не одно и то же и что они должны четко различаться. Функция новостей в том, чтобы сигнализировать о событии, функция истины — освещать скрытые факты, устанавливать между ними связь и создавать картину действительности, которая позволяла бы человеку действовать. Только в тех точках, где социальные условия принимают узнаваемую и поддающуюся измерению форму, корпус истинного знания и корпус новостей совпадают. И это сравнительно небольшая часть всего поля человеческого интереса» [Там же, с. 332].

О представительной демократии Липпман придерживался следующего мнения: «Я утверждаю, что любое представительное правительство, будь то в сфере, традиционно называемой политикой, или в сфере промышленности, не может работать успешно (независимо от характера выборов), если лица, ответственные за принятие решений, не опираются на независимую экспертную организацию, специализирующуюся на экспликации невидимых фактов. Следовательно, я стремлюсь доказать, что необходимо соблюдать не только принцип представительности людей, но и принцип представительности невидимых фактов» [Там же, с. 51]. Задачу поиска и анализ этих «невидимых фактов» Липпман возлагает на экспертов, причем спрос на экспертов, по его мнению, должен исходить не от «общественности, а от людей, занимающихся общественными делами, которые уже не могут вести их методом эмпиризма. По своему предназначению и в своем идеале это в большей мере инструмент лучшей организации общественных дел, чем инструмент лучшего понимания, как плохо эти дела ведутся» [Там же, с. 366]. Рядовые граждане рассматриваются Липпманом посторонними по отношению к общественным делам, так как «у постороннего — каждый из нас является посторонним по отношению практически ко всем сторонам современной жизни — нет ни времени, ни желания, ни интереса, ни специальных средств для того, чтобы вынести свое суждение по какому-то вопросу. Управление текущими делами общества должно быть возложено на людей, которые видят общественные дела изнутри и работают в соответствующих условиях. Широкая общественность

может судить о том, являются ли эти условия соответствующими, только на основании оценки результата и процедуры до того, как событие имело место» [Там же, с. 366–367]. Это видение Липпманом демократии основано на такой модели человека: «Как показывает опыт, самоопределение является лишь одним из многих интересов человеческой личности. Желание быть хозяином своей собственной судьбы сильное желание, но оно должно быть согласовано с другими сильными желаниями, такими, как желание хорошей жизни, мира, освобождения от жизненных тягот. В исходные посылки демократической теории была заложена идея о том, что выражение воли каждого человека должно стихийно удовлетворять не только его желание самовыражения, но и его желание хорошей жизни, потому что инстинкт выражать свое Я в хорошей жизни является врожденным» [Там же, с. 293–294].

Со многими вышеприведенными высказываниями Липпмана можно согласиться, однако, при одной важной оговорке. Все, о чем говорит Липпман, проистекает не из-за какой-то ограниченности большей части людей, которые не попали в категорию элиты, а является следствием институциональной среды, в которую они и предшествующие им поколения людей были погружены. Обществоведы и в частности экономисты, могут положительно повлиять на эту среду, с тем, чтобы возможности простых граждан для участия в политической жизни страны увеличилась. Для этого экономисты должны начать изучать действительность путем контакта с объектом исследования, то есть с акторами и результаты своих исследований доводить не только до своих коллег или чиновников, но и широких слоев общественности. Для этого, эти результаты должны публиковаться не только в профессиональных журналах и монографиях, но и прессе (или на сайтах интернета) в доступном для понимания всех виде. Речь в этих публикациях пойдет о тех самых «невидимых фактах», о которых писал Уолтер Липпман. Именно к этому и призывал Джон Дьюи в своей книге «Общественность и ее проблемы». Он был уверен, что многие члены общества вполне в состоянии судить о том, какое значение имеет добытое другими знание для общества в целом. Дьюи считал, что «до тех пор, пока келейность, предрассудки, предвзятость, умышленный обман, пропаганда и чистое невежество не уйдут в прошлое, уступив место исследованиям и публичности, — мы будем не в состоянии определить, насколько готовы массы с их нынешним уровнем интеллекта выносить суждения относительно той или иной социальной политики» [Дьюи, 2002, с. 152]. Он мечтал о том, чтобы «великое общество» вызванное к жизни промышленной

революцией превратилось в «великое сообщество», ведомое социальной ответственностью и солидарностью его членов. Такие члены сообщества и составят его общественность погруженную в постоянно действующую коммуникацию [Там же, с. 104]. Это будут сообщества действительно свободных людей, для которых самоопределение, самореализация и самовыражение являются определяющими в их жизни.

Экономисты сплошь и рядом сводят свободу исключительно к свободе предпринимательства (неограниченной власти денег), причем предпринимательства неограниченного национальными границами. Такая идея является очень опасной. На протяжении всего XX века напряжения в мире происходили из-за желания крупного капитала экономического захвата (доступ к природным и трудовым ресурсам, а также к рынкам сбыта) зарубежных территорий. В частности это вылилось в две мировые войны. Многочисленные локальные войны, в которых участвовали США, происходили с той же самой целью. Так, утверждалось, что после свержения режима Саддама Хусейна, граждане Ирака получили свободу. Но о какой свободе идет речь?: «Администрация Буша ответила на этот вопрос 19 сентября 2003 года, когда Пол Бремер, глава коалиционного переходного правительства Ирака, объявил о вводе в действие четырех законов, предполагающих «полную приватизацию общественных предприятий, неограниченные права собственности на иракский бизнес для иностранных компаний, возможность полной репатриации иностранного капитала из страны... обеспечение иностранного контроля над иракскими банками, равные права для местных и иностранных компаний <...> уничтожение практически всех торговых барьеров». Эти распоряжения распространялись на все области экономики, включая и общественные службы, средства информации, производство, услуги, транспорт, финансы и строительство. Исключением стала только нефтяная промышленность (якобы по причине ее особого статуса в качестве источника доходов для оплаты военных расходов и геополитического значения этой отрасли)» [Харви, 2007, с. 16–17].

После распада СССР, который произошел, конечно, прежде всего, из-за внутренних проблем советской системы, но которому очень способствовали действия рейгановской администрации (см. книгу Питера Швайцера «Победа. Секретная стратегия рейгановской администрации, которая ускорила коллапс Советского Союза» [Schweizer, 1994]), команда Гайдара-Чубайса, стала проводить в жизнь идеи неолиберализма. В 1990-е годы экономический захват террито-

рии бывшего СССР крупным западным капиталом, в содружестве с российскими вновь испеченными олигархами, произошел очень эффективно с минимальными затратами. Одновременно, США решали для себя и важную геополитическую задачу своего мирового господства, устранив влияние СССР (которое осуществлялось через марксистские партии и правительства) во многих частях мира. Мировое господство США идеологически обосновывается концепцией «американской исключительности». Очень характерны и показательны высказывания Барака Обамы во время его выступления 28 мая 2014 года в Вест-Пойнте: «Я верю в американскую исключительность всеми фибрами своего существа. <...> Американская поддержка демократии и прав человека выходит за рамки идеализма, это — вопрос национальной безопасности. Демократические страны — наши самые близкие друзья и с гораздо меньшей вероятностью когда-то станут с нами воевать. Экономики, основанные на свободных и открытых рынках, работают лучше и становятся рынками для наших продуктов. Уважение прав человека является противоядием от нестабильности и обид, которые разжигают насилие и террор»[1]. Перевести эти слова на язык реальности можно следующим образом. Страны с элитарной демократией, где роль граждан сводится только к выбору своих руководителей из уже заранее составленного элитой списка, и где эта элита тесно связана к американскими интересами, будут всегда действовать в интересах США, даже тогда, когда эти действия не очень соответствуют интересам большинства граждан этих стран. В связи с этим и никакой необходимости вести с ними войны нет. Экономики, основанные на свободных и открытых рынках, позволяют бесконтрольно проникать США на эти рынки, несмотря на то, что это может негативно повлиять на местных производителей, а нередко дают американским компаниям также доступ к природным и трудовым ресурсам страны, который не всегда является благоприятным для бедных стран. Риторика уважения прав человека позволяет США вмешиваться в дела суверенных государств и дестабилизировать или смещать неугодные им режимы. Все это Россия пережила и продолжает испытывать на себе, причем в 1990-е годы американское вмешательство породило огромную нестабильность и разожгло необыкновенное насилие и террор внутри страны.

[1]"I believe in American exceptionalism with every fiber of my being…America's support for democracy and human rights goes beyond idealism; it is a matter of national security. Democracies are our closest friends and are far less likely to go to war. Economies based on free and open markets perform better and become markets for our goods. Respect for human rights is an antidote to instability and the grievances that fuel violence and terror".

Вмешательство это проектировалось силами американских и других западных экономистов и частью этого проектирования было создание системы экономического образования нацеленного на подготовку тех самых «активных участников группы поддержки капиталистического свободного рынка», о которых писал Джозеф Стиглиц в своей книге «Крутое пике».

Большинство населения США и других западных стран не имеет больших выгод, а нередко даже просто страдает, от экономического захвата их капиталистами чужих территорий (в частности, по причине потери рабочих мест из-за деиндустриализации своих стран). Если бы западные национальные правительства действовали действительно в рамках истинно демократических систем (то есть систем народовластия), то последовательная политика, в том числе и в военной области, на экономический захват чужих национальных территорий не проводилась бы. Политика экономического захвата чужих национальных территорий, вызывающая напряженности в мире, которая во второй половине XX века, в частности, проявлялась в многочисленных локальных войнах, может прекратиться только в случае истинного народовластия, когда интересы большинства населения западных стран будут действительно определять национальные внутреннюю и внешнею политики этих стран. Идеи относительно такого истинного народовластия активно разрабатываются достаточно большим числом западных интеллектуалов, в частности и в особенности в США. Эти идеи касаются, в частности, делиберативной (совещательной) демократии, по которой имеется обширная литература. Порочность элитарной демократии основанной на политических партиях, соревнующихся за власть, была давно показана нашим соотечественником М.Я. Острогорским, о котором речь шла выше. Как уже говорилось, альтернативой этой системе, по его мнению, должна быть система временных союзов/ассоциаций, создающихся под те или иные проблемы, которые бы, с одной стороны, активно участвовали в политическом дискурсе страны, а с другой стороны выдвигали бы кандидатов на всевозможные выборы. Россия сейчас имеет шанс еще раз олицетворить надежду трудящихся всего мира на лучшую жизнь, реализовав у себя систему неэлитарной делиберативной демократии, основанной на временных ассоциациях гражданского общества. В случае установления таких демократий по всему миру будет серьезно уменьшена вероятность возникновения напряженностей в мире, которые рискуют породить как локальные вооруженные конфликты, так и привести к новой мировой войне.

Экономисты могут существенно способствовать установлению такого типа демократии. Это они могут делать как философы, разрабатывая социально-политико-экономическую философию неэлитарной делиберативной демократии. Как исследователи, экономисты просто обязаны детально изучать функционирование действующих институтов и доводить полученное знание до общественности. Доведение это может происходить в рамках коллективного обсуждения представителями общественности тех или иных важных социально-политико-экономических проблем и выработки ими рекомендаций по их решению. Как конструкторы новых социальных практик, экономисты могут выступать организаторами такого вида коллективных обсуждений. Как граждане, экономисты могут участвовать в организации временных ассоциаций нацеленных на решение определенных социально-политико-экономических проблем. Деятельность таких ассоциаций может быть связана как с законодательной деятельностью, так и выборами в разные органы власти. Культура неэлитарной делиберативной демократии может возникать только постепенно, эволюционно. Только от будущих поколений граждан можно ожидать достаточно полного раскрытия потенциала этой демократии. Экономисты, как университетские преподаватели, могут существенно повлиять на подготовку этих будущих поколений к деятельности в рамках функционирования и развития неэлитарной делиберативной демократии. При этом экономисты способствовали бы тому, чтобы вместо силы и денег, важнейшими источниками власти стали бы *ответственность* и *коммуникация*. Властью, то есть реальным влиянием на ход событий, в этой системе обладали бы, прежде всего те, кто брал бы на себя ответственность за организацию решения той или иной проблемы, а также те, кто организовывал бы как можно более широкое обсуждение имеющихся проблем общественностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аболафия М.* Рынки как культуры: этнографический подход / ред. и сост. В.В. Радаев // Западная экономическая социология. Хрестоматия современной классики. — М. : РОССПЭН, 2004. — С. 431–444.
2. *Автономов В.С.* Модель человека в экономической науке. — СПб. : Экономическая школа, 1998.
3. *Автономов В.С.* За что экономисты не любят методологов // М. Блауг. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. — М. : НП «Журнал "Вопросы экономики"», 2004. — С. 11–16.
4. *Автономов В. и др.* История экономических учений / Под ред. *В. Автономова*, *О. Ананьина*; *Н. Макашевой*. — М. : ИНФРА-М, 2008.
5. *Акерлоф Дж.*, *Шиллер Р.* Spiritus Animalis, или Как человеческая психология управляет экономикой и почему это важно для мирового капитализма. — М. : ООО «Юнайдед Пресс», 2010.
6. *Акерлоф Дж.*, *Крэнтон Р.* Экономика идентичности. Как наши идеалы и социальные нормы определяют, кем мы работаем, сколько зарабатываем и насколько несчастны. –М. : Карьера Пресс, 2011.
7. *Алексеева Т.А.* Современные политические теории. — М. : РОССПЭН, 2000.
8. *Ананьин О.* Структура экономико-теоретического знания. Методологический анализ. –М. : Наука, 2005.
9. *Ананьин О.* Философия и методология экономической науки // ред. С.А. Лебедев. Философия социальных и гуманитарных наук. — М. : Академический проект, 2006. — С. 353–436.
10. *Ананьин О. И., Одинцова М. И.* Методология экономической науки: современные тенденции и проблемы // *Истоки*. Вып. 4. — М. : ИД ГУ ВШЭ, 2000. — С. 92–137.
11. *Андреев И.В.* Либеральная утопия М.Я. Острогорского // Грамота. 2012. № 1 (15): в 2-х ч. — Ч. II. — С. 20–28.
12. *Аникин А.В.*Юность науки. Жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса. Изд. 2-е, доп. и переработ. — М. : Политиздат, 1975.
13. *Арнольд В.И.* Математические эпидемии XX века — опасность для человечества. Режим доступа: URL: http://www.mccme.ru/edu/index.php?ikey=viarn_mat_epidem.

14. *Арнольд В.И.* Математическая дуэль вокруг Бурбаки // Вестник Российской Академии наук. — 2002. — Том 72. — № 3. — С. 245–250.
15. *Афонцев С.А.* Политические рынки и экономическая политика. — М. : КомКнига, 2002.
16. *Аузан А.* Институциональная экономика для чайников. — М. : Фэшн Пресс, 2011.
17. *Аузан А.А.* Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. — М. : ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2014.
18. *Бальсевич А.А., Подколзина Е.А., Юдкевич М.М. и др.* Курс институциональной экономики. Задачник к учебнику в четырех частях. — М. : Издательский дом ГУ ВШЭ, 2009.
19. *Бахтин М.М.* К философии поступка // Бахтин М.М. *Собрание сочинений: в 7 т.* — Т. 1. — М. : Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. — С. 7–68.
20. *Беккер Г.* Избранные труды по экономической теории. Человеческое поведение. Экономический подход. — М. : ИД ГУ ВШЭ, 2003.
21. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. — М. : «Медиум», 1995.
22. *Беспалова Л.Н.* Социальная политика Отто фон Бисмарка // Известия Алтайского государственного университета. — 2011. — Том 2. – Вып. 4(72). — С. 229–233.
23. *Беспалова Л.Н.* Социальная политика Отто фон Бисмарка в освещении «Вестника Европы» // Вестник Тюменского государственного педагогического университета. — 2013. — Вып. 7(133). — С. 69–75.
24. *Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе. — М. : АНХ при Правительстве РФ, 1994.
25. *Блауг М.* Методология экономической науки. — М. : Вопросы экономики, 2004.
26. *Блауг М.* 100 великих экономистов до Кейнса. — СПб. : Экономикус, 2009.
27. *Боголюбов А.Н.* Роберт Гук (1635–1703). — М. : Наука, 1984.
28. *Боулз С.* Микроэкономика. Поведение, институты и эволюция. — М. : Дело; АНХ, 2011.
29. *Боулс С., Гинтис Г.* Вальрасианская экономическая теория в ретроспективе // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и как процесса. Вып. 6. — М. : ИД ГУ ВШЭ, 2006. — С. 301–337.

30. *Бреннан Дж., Бьюкенен Дж.* Причина правил. Конституционная политическая экономия. — СПб. : Экономическая школа, 2005.
31. *Брокмейер Й., Харре Р.* Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // *Вопросы философии*. — 2000. — № 3. — С. 29–42.
32. *Буайе Р.* Теория регуляции. Критический анализ. — М. : Издательство РГГУ, 1997.
33. *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Глобальный капитал. Том I. Методология: По ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма (Маркс re-loaded). — 3-е изд., испр. и существенно доп. — М. : ЛЕНАНД, 2014, a.
34. *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Глобальный капитал. Том II. Теория. Глобальная гегемония капитала и ее пределы. («Капитал» re-loaded). — 3-е изд., испр. и существенно доп. — М. : ЛЕНАНД, 2014, b.
35. *Бурбаки Н.* Теория множеств. — М. : Издательство «Мир», 1965.
36. *Веблен Т.* Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной? // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и как процесса. Вып. 6. — М. : ИД ГУ ВШЭ, 2006. — С. 10–32.
37. *Ведута Е.Н.* Стратегия и экономическая политика государства. — М. : Академический проект, 2004.
38. *Воробьев Н.Н.* Развитие теории игр // Нейман Дж., фон, Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение. — М. : Наука, 1970. — С. 631–702.
39. *Выготский Л.С.* Игра и ее роль в психическом развитии ребенка // Вопросы психологии. — 1966. — № 6. — С. 62–68.
40. *Выготский Л.С.* Мышление и речь // Выготский Л. С. Психология развития человека. М. : Смысл ; ЭКСМО, 2004. — С. 664–1019.
41. *Гамильтон У.Х.* Институциональный подход к экономической теории // Экономический вестник Ростовского государственного университета. — 2007. — Т. 5. — № 2. — С. 110–117.
42. *Гейзенберг В.* Избранные философские работы. — СПб. : Наука, 2006.
43. *Гирц К.* Интерпретация культур. — М. : РОССПЭН, 2004.
44. *Горбачева Е.В.* Политический дискурс как механизм формирования государственно-гражданских отношений. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. — М. : Российская академия государственной службы при Президенте Российской федерации, 2007.

45. *Гумбольдт К.В., фон.* О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине // Неприкосновенный запас. — 2002. — № 2. — С. 5–10.
46. *Гуриев С.М.* Три источника — три составные части экономического империализма // Общественные науки и современность. — 2008. — № 3. — С. 134–141.
47. *Гуриев С.* Мифы экономики. Заблуждения и стереотипы, которые распространяют СМИ и политики. — М. : ООО «Юнайтед Пресс», 2011.
48. *Дементьев В.В.* Экономика как система власти. — Донецк : «Друк-Инфр», 2006.
49. *Дильтей В.* Введение в науки о духе. Собрания сочинений в шести томах. Т. 1. — М. : Дом интеллектуальной книги, 2000.
50. *Дмитриев Г.Д.* Анатомия американского университета. — М. : Народное образование, 2005.
51. *Докторович А.Б.* Рецензия на книгу Кочетковой Л.Н. Философский дискурс о социальном государстве. — М. : ИНФРА-М, 2012. // Пространство и Время. — 2012. — № 4 (10). — С. 220–222.
52. *Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение. — М. : Канон, 1995.
53. *Дьюи Дж.* Общество и его проблемы. — М. : Идея-Пресс, 2002.
54. *Ефимов В.М.* Исследование стохастических экстремальных задач при помощи функционального анализа // Кибернетика. — 1970. — № 3. — С. 63–68.
55. *Ефимов В.М.* Оптимальные оценки в условиях неопределенности // Экономика и математические методы. — 1970. — № 3. — С. 464–469.
56. *Ефимов В.М.* К теории управленческих имитационных игр // Динамическая и вероятностная оптимизация экономики. — Новосибирск : «Наука», 1978. — С. 132–174.
57. *Ефимов В.М.* Игровая имитационная модель для исследования проблем хозяйственного механизма // Экономика и математические методы. — 1986. — № 4. — С. 651–661.
58. *Ефимов В.М.* Имитационная игра для системного анализа управления экономикой. — М. : Наука, 1988.
59. *Ефимов В.М.* Предмет и метод интерпретативной институциональной экономики // Вопросы экономики. — 2007. — № 8. — С. 49–67.
60. *Ефимов В.М.* Эволюционный анализ русской аграрной институциональной системы // Мир России. — 2009. — № 1. — С. 74–116.

61. *Ефимов В.М.* Русская аграрная институциональная система (историко-конструктивистский анализ) // Вопросы регулирования экономики. — 2010. — № 3. — С. 8–91.
62. *Ефимов В.М.* Дискурсивный анализ в экономике: пересмотр методологии и истории экономической науки. Часть I . Иная методология экономической науки // Экономическая социология. — 2011. — Т. 12. — № 3. — С. 15–53.
63. *Ефимов В.М.* Дискурсивный анализ в экономике: пересмотр методологии и истории экономической науки. Часть II. Иная история и современность // Вопросы регулирования экономики. — 2011. — Т. 2. — № 3. — С. 8–91.
64. *Заславская Т.И., Рывкина Р.В.* Социология экономической жизни. Очерки теории. — Новосибирск : Наука, 1991.
65. *Ильенков Э.В.* Диалектическая логика. Очерки истории и теории. — М. : Политиздат, 1974.
66. *Ильенков Э.В.* Диалектика идеального // Лотос. — 2009. — № 1 (69). — С. 7–62.
67. *Карлин С.* Математические методы в теории игр, программировании и экономике. — М. : Мир, 1964.
68. *Кейнс Дж. М.* Альфред Маршалл, 1842–1924 // Маршалл А. Принципы экономической науки. — Т. 1. — М. : Прогресс, 1993. — С. 5–55.
69. *Кимлика У.* Современная политическая философия. Введение. — М. : ВШЭ, 2010.
70. *Кирдина С.Г.* X и Y экономки. Институциональный анализ. – М. : Наука, 2004.
71. *Колпаков В.А.* Социально-эпистемологические проблемы экономического знания. — М. : Издательство «Канон+», 2008.
72. *Коммонс Дж.* Правовые основания капитализма. — М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2011.
73. *Коммонс Дж.* Институциональная экономика // Terra Economicus. — 2012. — Т. 10. — № 3. — С. 69–76.
74. *Конт О.* Дух позитивной философии. — Ростов н/Д : Феникс, 2003.
75. *Конт О.* Общий обзор позитивизма. — М. : Либроком, 2010.
76. *Корнфорт М.* В защиту философии. Против позитивизма и прагматизма. — М. Издательство иностранной литературы, 1951. (Переиздано в 2006 г. издательством «КомКнига»).
77. *Котенко В.П.* История и философия классической науки. — М. : Академический Проект, 2005.

78. *Кочеткова Л.Н.* Теория социального государства Лоренца фон Штейна // Философия и общество. — 2008. — № 3. — С. 69–79.
79. *Кочеткова Л.Н.* Социальное государство. Опыт философского исследования. — М. : Книжный дом «Либроком», 2009.
80. *Кочеткова Л.Н.* Философский дискурс о социальном государстве. — М. : ИНФРА-М, 2012.
81. *Коэн М., Нагель Э.* Введение в логику и научный метод. — Челябинск : Социум, 2010.
82. *Кузьминов Я.И., Бендукидзе К.А., Юдкевич М.М.* Курс институциональной экономики. — М. : Издательсский дом ГУ ВШЭ, 2006.
83. *Кун Т.* Структура научных революций. — М. : АСТ, 2002.
84. *Купряшин Г.Л.* Модернизация государственного управления: институты и интересы. –М. : Издательство Московского университета, 2012.
85. *Латур Б.* Когда вещи дают отпор: возможный вклад « исследований науки» в общественные науки // Вахштайн В. С. (отв. ред.). Социология вещей. — М. : Территория будущего, 2006. — С. 342–366.
86. *Латур Б.* Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. — СПб. : Европейский университет, 2006.
87. *Латур Б.* Наука в действии. Следуя за учеными и инженерами внутри общества. — СПб. : Европейский университет, 2013.
88. *Латур Б.* Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. — М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2014.
89. *Леонард Р.* Ценность, знак и социальная структура: метафора «игры» и современное обществознание // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и как процесса. — М. : ИД ГУ ВШЭ, 2006. — С. 265–300.
90. *Леонтьев В.* Теоретические допущения и ненаблюдаемые факты // США: экономика, политика, идеология. — 1972. — № 9. — С. 101–104.
91. *Лингарт И.* Американский прагматизм. — М. : Издательство иностранной литературы, 1954.
92. *Липпман У.* Общественное мнение. — М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.
93. *Майровски Ф.* Физика и «маржиналисткая революция» // Terra Economicus. — 2012. — Т. 10. — № 1. — С. 100–116.
94. *Майровски Ф.* Философские основания институционалистской экономики (Часть 1) // *Terra Economicus.* — 2013 (a). — Т. 11. — № 2. — С. 82–93.

95. *Майровски Ф.* Философские основания институционалистской экономики (Часть 2) // *Terra Economicus*. – 2013 (b). — Т. 11. — № 3. — С. 72–88.
96. *Мандевиль Б.* Басня о пчелах, или Пороки частных лиц — блага для общества. — М. : Наука, 2000.
97. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 1, кн. 1: Процесс производства капитала. — М. : Политиздат, 1983.
98. *Мартьянов В.С., Фишман Л.Г.* Россия в поисках утопий. От морального коллапса к моральной революции. — М. : Издательство «Весь мир», 2010.
99. *Менгер К.* Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности // Менгер К. Основания политической экономии. — М. : ИД «Территория будущего», 2005 (1883). — С. 289–495.
100. *Менцин Ю.Л.* Лаборатория и парламент (У истоков современной политической культуры Запада) // Вопросы истории естествознания и техники. — 1993. — № 4. — С. 3–15.
101. *Милль Дж.С.* Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии. — М. : ЭКСМО, 2007.
102. *Милль Дж.С.* Система логики силлогистической и индуктивной. — М. : Ленанд, 2011 (1843).
103. *Милль Дж. С.* Об определении предмета политической экономии и о методе исследования, свойственной ей // Философия экономики. Антология под ред. Д. Хаусмана. — М. : Издательство Института Гайдара, 2012. — С. 55–76.
104. *Моркина Ю.С.* Конструктивизм Б. Латура и С. Вулгара — на пересечении научных дисциплин // Эпистемология и философия науки. — 2010. — Т. 24. — № 2. — С. 130–147.
105. *Мэнкью К.Г.* Принципы экономикс. — СПб. : Питер, 2007.
106. *Нейман Дж., фон.* К теории стратегических игр // Матричные игры. — М. : Физматгиз, 1961. — С. 173–204.
107. *Нейман Дж., фон, Моргенштерн О.* Теория игр и экономическое поведение. — М. : Наука, 1970.
108. *Нефедова Т.* Сельская Россия на перепутье. Географические очерки. — М. : Новое издательство, 2003.
109. *Нефедова Т., Дж. Пэллот.* Неизвестное сельское хозяйство, или зачем нужна корова. — М. : Новое издательство, 2006.
110. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. — М. : Фонд экономической книги «Начала», 1997.

111. *Норт Д.* Понимание процесса экономических изменений. — М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2010.
112. *Одинцова М.И.* Институциональная экономика. — М. : ВШЭ, 2009.
113. *Окрепилов В.В.*(ред.) Лауреаты Нобелевской премии по экономике. Ч. 1 (1969–1982). — СПб. : Наука, 2007.
114. *Окрепилов В.В.* (ред.) Лауреаты Нобелевской премии по экономике. Ч. 2 (1983–1996). — СПб. : Наука, 2009.
115. *Ослунд А.* Россия: рождение рыночной экономики. — М. : Республика, 1996.
116. *Острогорский М.Я.* Демократия и политические партии. — М. : РОССПЭН, 2010.
117. *Отмахов П.А.* «Риторическая» концепция метода в экономической теории // Истоки. — Вып. 4. — М. : ИД ГУ ВШЭ, 2000. — С. 138–176.
118. *Парсонс Т.* О структуре социального действия. — М. : Академический проект, 2000.
119. *Петти В.* Экономические и статистические работы. Т. I. — М. : Соцэкгиз, 1940.
120. *Петренко В.Ф.* Школа А.Н. Леонтьева в семантическом пространстве психологической мысли // Методология и история психологии. 2007. — Т. 2. — № 4. — С. 138–156.
121. *Печатнов В.О.* Уолтер Липпман и пути Америки. — М. : Международные отношения, 1994.
122. *Пирс Ч.С.* Избранные произведения. — М. : Логос, 2000 (a).
123. *Пирс Ч.С.* Начала прагматизма. — СПб. : «Алетейя», 2000 (b).
124. *Поправко Н.В., Berelowitch A., Wieviorka M.* Les Russes d'en bas: Enquête sur la Russie post-communiste. — Paris: Seuil, 1996. — 439 p. [Рецензия на книгу] // Социологический журнал. — 1997. — № 1–2. Режим доступа: http://www.socjournal.ru/article/335.
125. *Пржиленский В.И.* (отв. ред.). Классическая философия науки. Хрестоматия. — М. : Ростов-на-Дону : МарТ, 2005.
126. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. — М. : УРСС, 2005.
127. *Радаев В.В.* Экономические империалисты наступают! Что делать социологам. // Экономическая социология. — 2008. — Т. 9. — № 3. — С. 25–32.
128. *Расков Д.Е.* Экономическая теория как риторика // Вестник Санкт-Петербургского университета. — 2005. — Серия 5. — Вып. 3. — С. 13–30.

129. *Резерфорд М.* Висконсинский институционализм: Джон Р. Коммонс и его студенты // Terra Economicus. — 2012 (a). — Т. 10. — № 2. — С. 32–53.
130. *Резерфорд М.* Полевые, тайные и включенные наблюдатели в американской экономике труда: 1900–1930 годы // Terra Economicus. — 2012 (b). — Т. 10. — № 4. — С. 91–106.
131. *Рикардо Д.* Начала политической экономии и налогового обложения : Сочинения // Давид Рикардо. Т. 1. — М. : Политиздат, 1955.
132. *Роббинс Л.* Предмет экономической науки // THESIS. — 1993. — Вып. 1. — С. 10–23.
133. *Розанваллон П.* Утопический капитализм. История идеи рынка. — М. : Новое литературное обозрение, 2007.
134. *Рубинштейн Ар.* Дилеммы экономиста-теоретика // Вопросы экономики. — 2008. — № 11. — С. 62–80.
135. *Рузвельт Ф.Д.* Беседы у камина. — М. : ИТРК, 2003.
136. *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. — М. : Наука, 1969.
137. *Сакс Дж.* Цена цивилизации. — М. : Издательство Института Гайдара, 2012.
138. *Самуэльсон П., Барнетт У.* (отв. ред.) О чем думают экономисты. Беседы с нобелевскими лауреатами. — М. : Сколково, 2009.
139. *Сапир Ж.* 2001. К экономической теории неоднородных систем. Опыт исследования децентрализованной экономики. — М. : ГУ ВШЭ.
140. *Сачков Ю.* В. Научный метод. Вопросы и развитие. — М. : УРСС, 2003.
141. *Светлов В.А.* История научного метода. — М. : Академический проект, 2008.
142. *Скидельски Р.* Джон Мейнард Кейнс 1883–1946. Экономист–философ–государственный деятель. Т. 1. — М. : Московкая школа политических исследований, 2005.
143. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. — М. : Соцэкгиз, 1962.
144. *Смит А.* Теория нравственных чувств. — М. : Республика, 1997.
145. *Смит В.* Экспериментальная экономика. — М. : ИРИСЭН : Мысль, 2008.
146. *Согрин В.В.* Исторический опыт США. — М. : Наука, 2010.
147. *Солсо Р., Маклин К.* Экспериментальная психология. — СПб. : Прайм-Еврознак, 2006.
148. *Сонин К.* SONIN.RU. Уроки экономики. — М. : Альпина Бизнес Букс, 2011.

149. *Степин В.С.* Теоретическое знание (структура, историческая эволюция). — М. : Прогресс-Традиция, 2003.
150. *Степин В.С.* Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия // Постнеклассика. Философия, наука, культура. — М. : СПб. : ИД «Міръ», 2009 (a). — С. 249–295.
151. *Степин В.С.* Конструктивизм и проблема научных онтологий // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке. — М. : Канон + РООИ «Реабилитация», 2009 (b). — С. 41–63.
152. *Стиглиц Дж.* Ревущие девяностые. Семена развала. — М. : Современная экономика и право, 2005.
153. *Стиглиц Дж.* Крутое пике. Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. — М. : ЭКСМО, 2011.
154. *Сухарев О.С.* Методология и возможности экономической науки. — М. : КУРС : ИНФРА-М, 2015.
155. *Сэндел М.* Что нельзя купить за деньги. Моральные ограничения свободного рынка. — М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013.
156. *Тичер С., Мейер М., Водак Р., Ветер Е.* Методы анализа текста и дискурса. — Харьков : Гуманитарный центр, 2009.
157. *Тумилович М.* Формализм, экономическое образование и экономическая наука // ЭКОВЕСТ. — 2003. — Т. 3. — № 1. — С. 102–123.
158. *Тутов Л.А.* Общие вопросы философии экономической науки // История и философия науки. Кн. 4. — М. : Издательство Московского университета, 2010.
159. *Тюрго А.Н.Ж.* Избранные экономические произведения. — М. : Соцэкгиз, 1961.
160. *Уильямсон О.И.* Экономические институты капитализма. — СПб. : Лениздат, 1996.
161. *Улановский А.М.* Теория речевых актов и социальный конструктивизм // Постнеклассическая психология. Журнал конструкционистской психологии и нарративного подхода. — 2004. — № 1. — С. 88–98.
162. *Улановский А.М.* Качественная методология и конструктивистская ориентация в психологии // Вопросы психологии. — 2006. — № 3. — С. 27–37.
163. *Улановский А.М.* Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструкционизм: мир как интерпретация // Вопросы психологии. — 2009. — № 2. — С. 35–45.
164. *Улановский А.М.* «Новая парадигма» социальных наук: линии развития современного конструктивизма // Касавин И.Т. (отв. ред.). Социальная эпистемология: идеи, методы, программы. — М. : Канон + РООИ «Реабилитация», 2010. — С. 279–298.

165. *Уэллс Г.* Прагматизм — философия империализма. — М. : Издательство иностранной литературы, 1955.
166. *Фейербенд П.* 2007. Против метода. Очерк анархисткой теории познания. — М. : Хранитель, 1955.
167. *Филлипс Л., Йоргенсон М.В.* Дискурс-анализ. Теория и метод. — Харьков : Гуманитарный центр, 2008.
168. *Фихте И.* Факты сознания. Назначение человека. Наукоучение. — Минск: Харвест, 2000.
169. *Фолсом Б.* Новый курс или кривая дорожка? Как экономическая политика Ф. Рузвельта продлила Великую депрессию. — М. : Мысль, 2012.
170. *Фридмен М.* Методология позитивной экономической науки // *THESIS*. — 1994. — № 4. — С. 20–52.
171. *Футуботн Э., Рихтер Р.* Институты и экономическая теория. Достижения новой институциональной экономической теории. — СПб. : ИД Санкт-Петербургского государственного университета, 2005.
172. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. — СПб. : Наука, 2006.
173. *Хабермас Ю.* Вовлечение другого. Очерки политической теории. — СПб. : Наука, 2008.
174. *Хайлбронер Р.Л.* 1993.Экономическая теория как универсальная наука // THESIS. — 1993. — № 1. — С. 41–55.
175. *Хайлбронер Р.Л.* Философы от мира сего. Великие экономические мыслители: их жизнь, эпоха и идеи. — М. : КоЛибри, 2008.
176. *Харви Д.* Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение. — М. : Поколение, 2007.
177. *Хаусман Д.* (под ред.). Философия экономики. Антология. — М. : Издательство Института Гайдара, 2012.
178. *Ходжсон Д.* Экономическая теория и институты. — М. : Дело, 2003.
179. *Шаститко А.Е.* Новая институциональная экономическая теория: особенности предмета и метода. — М. : ТЕИС, 2003.
180. *Шиллер Р.* Иррациональный оптимизм. Как безрассудное поведение управляет рынками. — М. : Альпина паблишер, 2013.
181. *Шлейермахер Ф.* Герменевтика. — СПб. : Европейский Дом, 2004.
182. *Шмоллер Г.* К методологии общественно-политических и социальных наук // Terra Economicus. — 2011. — Т. 9. — № 3. — С. 31–49.
183. *Шмоллер Г.* Народное хозяйство. Наука о народном хозяйстве и ее методы. — М. : Либроком, 2012 (а).

184. *Шмоллер Г.* Справедливость в народном хозяйстве. Разделение труда. — М. : Либроком, 2012 (b).
185. *Шнедельбах Г.* Университет Гумбольдта // Логос. — 2002. — № 5/6 (35). — С. 65–78.
186. *Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия. — М. : Экономика, 1995.
187. *Шумпетер Й.* Десять великих экономистов от Маркса до Кейнса. — М. : Издательство Института Гайдара, 2011.
188. *Щедровицкий Г.П., Надежина Р.Г.* О двух типах отношений руководства в групповой деятельности детей // Вопросы психологии. — 1973. — № 5. — С. 45–52.
189. *Эйдукене Д.Д.* Социальный реализм Лоренца фон Штейна // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (философия и культурология). — 2006. — № 7 (58). — С. 58–60.
190. *Этциони А.* Новое золотое правило. Сообщество и нравственность в демократическом обществе // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под редакцией В. Л. Иноземцева. — М. : Academia, 1999. — С. 309–334.
191. *Этциони А.* От империи к сообществу: новый подход у международным отношениям. — М. : Ладомир, 2004.
192. *Янжул И.И.* Бисмарк и государственный социализм // Вестник Европы. — 1890. — № 8. — С. 728–739.
193. *Ясин Е.Г.* Приживется ли демократия в России. — М. : Новое литературное обозрение, 2012.
194. *Abdelal R.* Constructivism as an approach to international political economy // Mark Blyth (Ed.) Routledge Handbook of International Political Economy, London and New York: Routledge, 2009. P. 62–76.
195. *Abolafia M.Y.* The Institutional Embeddedness of Market Failure: Why Speculative Bubbles Still Occur // Lounsbury M., Hirsch P.M. (eds). *Markets on Trial. The Economic Sociology of the US Financial Crisis.* Bingley, UK: Emerald, 2010. P. 479–502.
196. *Aglietta M.* Régulation et crise du capitalisme.Paris : Editions Calmann-Lévy, 1976.
197. *Aglietta M., Rebérioux A.* Dérives du capitalisme financier.Paris : Albin Michel, 2004.
198. *Altmayer A.J.* The Industrial Commission of Wisconsin. A Case Study in Labor Law Administration. Madison: University of Wisconsin, 1932.
199. *Alston L.J., Eggertsson T., North D.C.* Empirical Studies in Institutional Change.Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1996.

200. *Amable B., Palombarini S.* L'économie politique n'est pas une science morale.Paris: Raison d'Agir, 2005.
201. *Amadae S.M.* Rationalizing Capitalist Democracy. The Cold War Orogins of Rational Choice Liberalism. Chacago : The University of Chicago Press, 2003.
202. *Adams H.C.* Two Essays by Henry Carter Adams. Relation of the Srate to Industrial Action & Economics and Jurisprudence. J. Dorfman (Ed.) N.Y. : Augustus M. Kelly Publishers, 1969.
203. *Audier S.* Le colloque Lippmann. Aux origines du «néo-libéralisme». Lormont : Editions Le Bord de l'Eau, 2012.
204. *Backhouse R.E. (ed.).* New Directions in Economic Methodology. London: Routledge, 1994.
205. *Backhouse R.E.* Explorations in Economic Methodology. From Lakatos to Empirical Philosophy of Science.Abingdon, Oxon: Routledge, 1998.
206. *Backhouse R.E.* The Puzzle of Modern Economics. Science or Ideology? New York: CambridgeUniversity Press, 2010.
207. *Baker D.* The Run-up in Home Prices: Is it Real or Is It Another Bubble? Washington, DC: Center for Economic and Policy Research, 2002.
208. *Baker D.* Plunder and Blunder — The Rise and Fall of the Bubble Economy. Sausalito, California: PoliPointPress, 2008.
209. *Baker D., Weisbrot M.* Social Security. The Phony Crisis. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1999.
210. *Bateman B. W.* Clearing the Ground: The Demise of the Social Gospel Movement and the Rise of Neoclassicism in American Economics // Morgan M.S. and M. Rutherford (Eds.) From Interwar Pluralism to Postwar Neoclassicism. Durham and London: Duke University Press, 1998. P. 29–52.
211. *Beard Ch.* An Economic Interpretation of the Constitution of the United States. New York: The Macmillan Company, 1913.
212. *Béland D.* Néo-institutionnalisme historique et politiques sociales: une perspective sociologique //Politique et Sociétés. 2002. No 3. P. 21–39.
213. *Berelowitch A., Wieviorka M. Les Russes d'en bas.* Paris: Seuil, 1998.
214. *Berger P., Luckman T.* The Social Construction of Reality,London: Penguin Book, 1991.
215. *Berle A., Means G.* The Modern Corporation and Private Property. New York : Macmillan, 1932.
216. *Bernstein M.A.* A Perilous Progress: Economists and Public Purpose in Twentieth-Century America. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2001.
217. *Bewley T.F.* Why Wages Don't Fall during a Recession. Cambridge, Massachusetts; London, England: Harvard University Press, 1999.

218. *Bewley T.F.* General Equilibrium, Overlapping Generations Models, and Optimal Growth Theory. Cambridge, Massachusetts; London, England: Harvard University Press, 2007.
219. *Bewley T.F.* A Solutions Manual for General Equilibrium, Overlapping Generations Models, and Optimal Growth Theory.Cambridge, Massachusetts; London, England: Harvard University Press, 2011.
220. *Blaug M.* Why I am not a Constructivist. Confessions of an Unrepentant Popperian // Backhouse R.E. (ed.). *New Directions in Economic Methodology.* London: Routledge, 1994. P. 111–139.
221. *Bloor D.* Wittgenstein, Rules and Institutions. London; New York: Routledge, 1997.
222. *Blyth M.* Austerity: The History of a Dangerous Idea.New York : Oxford University Press, 2013.
223. *Boisguilbert P.* Le Détail de la France. La cause de la diminution de ses biens, et la facilité du remède, en fournissant en un mois tout l'argent dont le Roi a besoin, et enrichissant tout le monde //Pierre de Boisguilbert ou la naissance de l'économie politique, volume 2. Paris: INED, 1966. P. 581–662.
224. *Boumans M., Davis J.B.* Economic Methodology. Understanding Economics as a Science.Basingstoke ; Hampshire, UK: Palgrave Macmillan, 2010.
225. *Boyer R., Mistral J.* Accumulation, Inflation, Crises.Paris : Presse universitaires de France, 1978.
226. *Boyer R., Dehove M., Plihon D.* Les crises financières.Paris : La documentation française, 2004.
227. *Brands H.W.* Traitor to His Class: The Privileged Life and Radical Presidency of Franklin Delano Roosevelt. New York: Bantam Doubleday Dell, 2008.
228. *Brinkley A.* The End of Reform: New Deal Liberalism in Recession and War. New York: Knopf, 1995.
229. *Brinton M. C., Nee V.* The New Institutionalism in Sociology.Stanford, California: StanfordUniversity Press, 1998.
230. *Brissenden, Paul.* The I.W.W.: A Study of American Syndicalism. New York: Columbia University Press, 1919.
231. *Bromley D.W.* Sufficient Reason. Volitional Pragmatism and the Meaning of Economic Institutions.Princeton:PrincetonUniversity Press, 2006.
232. *Brousseau E., Glachant J.-M.* (eds). *New Institutional Economics: A Guidebook.* New York: Cambridge University Press, 2008..

233. *BruhnsH.* (ed.). Histoire et économie politique en Allemagne de Gustave Schmoller à Max Weber. Paris : Editions de la Maison des sciences de l'homme, 2004.
234. *Bruner J.* Acts of Meaning.Cambridge: Harvard University Press, 1990.
235. *Burtt E.A.* The Metaphysical Foundations of Modern Science.New York: Dover Publications, 2003.
236. *Bush P.D.* The Methodology of Institutional Economics: A Pragmatic Instrumentalist Perspective // Tool M. R. (ed.). Institutional Economics: Theory, Method, Policy. Boston; Dordrecht; London: Kluwer Academic Publishers, 1993. P. 59–118.
237. *Caillé A.* Présentation //Revue du MAUSS No. 30 Vers une autre science économique (et donc un autre monde). Paris: La Découverte, 2007. P. 5–28.
238. *Caillé et alii.* Un quasi-manifeste institutionnaliste //Revue du MAUSS. No 30. Vers une autre science économique (et donc un autre monde). Paris: La Découverte, 2007. P. 33–47.
239. *Caldwell B.J.* Beyond Positivism: Economic Methodology in the Twentieth Century.London: George Allen & Unwin (Publishers) Ltd, 1982.
240. *Carlson M.J.* Mirowski's Thesis and the «Integrability Problem» in Neoclassical Economics // Journal of Economic Issues. 1997. № 3. P. 741–760.
241. *Castel R.* Les métamorphoses de la question sociale. Paris : Gallimard, 1995.
242. *Cavalier R.* (Ed.). Approaching Deliberative Democracy. Theory and Practice. Pittsburgh: Carnegie Mellon University Press, 2011.
243. *Charle Ch., Verger.* Histoire des universités.Paris: PUF, 2007.
244. *Charmaz K.* Constructing Grounded Theory. A Practical Guide Through Qualitative Analysis. Thousand Oaks: Sage Publications, 2006.
245. *Chavance B.* Le capital socialiste. Histoire critique de l'économie politique du socialism*e (1917–1954)*. Paris: Le Sycomore, 1980.
246. *Chavance B.* Marx et le capitalisme. La dialectique d'un système. Paris: Nathan, 1996.
247. *Chavance B.* Institutional Economics. London and New York: Routledge, 2008.
248. *Chavance B.* John Commons's organizational theory of institutions: a discussion //Journal of Institutional Economics. 2012. Vol. 8. № 1. P. 27–47.
249. *Clandinin D.J., Connelley F.M.* Narrative Inquiry. Experience and Story in Qualitative Research. San Francisco: John Wiley & Sons, 2000.
250. *Coase R.H.* The Nature of the Firm //Economica.New Series. 1937. V. 4. № 16. P. 386–405.

251. *Coase R.H.* The New Institutional Economics // *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. 1984. № 140. P. 229–231.
252. *Coats A.W.* The Sociology and Professionalization of Economics. British and American Economic Essays. Vol. 2. London and New York: Routledge, 1993.
253. *Colander D., Klamer A.* The Making of an Economist. Boulder, Colorado : Westview, 1990.
254. *Colander D., Holt R. P. F., Rosser J.B., Jr.* The Changing Face of Economics. Conversation with Cutting Edge Economists. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2004.
255. *Colander D.* The Making of an Economist, Redux. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2007.
256. *Colander D.* The Making of an European Economist. Cheltenham: Edward Elgar, 2009.
257. *Commons J.R.* Representative Democracy. New York: Bureau of Economic Research, 1900.
258. *Commons J.R.* The problem of correlating law, economics and ethics // Wisconsin Law Review. 1932. Vol. 8. December. P. 3–26.
259. *Commons J.R., Andrews J.B.* Principles of Labor Legislation. New York : Harper & Brother, 1936.
260. *Commons J.R.* The Economics of Collective Action. New York: The Macmillan Company, 1950.
261. *Commons J.R.* Myself. The Autobiography of John R. Commons.Madison: The University of Wisconsin Press, 1964.
262. *Commons J.R. et al.* History of Labour in the United States: 4 vols.NY: Augustus M. Kelley Publishers, 1966.
263. *Commons J.R.* Social Reform & the Church.NY: Augustus M. Kelley Publishers, 1967.
264. *Commons J.R. and J.B.Andrews.* Principles of Labor Legislation. New York : Augustus M. Kelley, 1967.
265. *Commons J.R.* Institutional Economics. Its Place in Political Economy. New Brunswick : Transaction Publishers, 1990.
266. *Cunningham W.* The Gospel of Work: Four lectures on Christian Ethics. Cambridge : Cambridge University Press, 1902.
267. *Damasio A.* **2**005.Descartes' Error: Emotion, Reason, and the Human Brain. NY : Penguin Books.
268. *Davis L.E., North D.C.* Institutional Change and American Economic Growth. NY : CambridgeUniversity Press, 1971.
269. *Davis Ph. J. and Hersh R.* The Mathematical Experience. Boston : Birkhauser, 1981.

270. *Davis Ph. J. and Hersh R.* Descartes' Dream : The World According to Mathematics. London : Penguin Books, 1990.
271. *De Marchi N.* (ed.) Post-Popperian Methodology of Economics: Recovering Practice. Norwell, Massachusetts: Kluwer Academic Publishers, 1992.
272. *Degnbol-Martinussen J.* Policies, Institutions and Industrial Development. Coping with Liberalisation and International Competition in India. New Delhi : Sage Publications, 2001.
273. *Denis H.* Histoire de la pensée économique. Paris : Quadrige / PUF, 2008.
274. *Denzau A., North D.* Shared Mental Models, Ideologies and Institutions // Kyklos. 1994. Vol. 47. № 1. P. 3–31.
275. *Dewey J.* Logic: The Theory of Inquiry. New York : Henry Holt and Company, Inc., 1938.
276. *Dewey J.* Theory of Valuation // International Encyclopaedia of Unified Science. 1939. Vol. 2. № 4. Chicago : University of Chicago Press.
277. *Domhoff G.W. and M.J. Webber.* Class and Power in the New Deal. Corporate Moderates, Southern Democrats, and the Liberal-Labor Coalition. Stanford, California : Stanford University Press, 2011.
278. *Dostaler G.* Les lois naturelles en économie. Émergence d'un débat // L'Homme et la société. 2008/4–2009/1. № 170–171. P. 71–92.
279. *Dow S.* Post Keynesian Methodology // Holt R., Pressman S. (Ed.). A New Guide to Post Keynesian Economics. London ; New York : Routledge, 2001.
280. *Dow S.C.* Economic Methodology : An Inquiry. Oxford : Oxford University Press, 2002.
281. *Dryzek J.S.* Discursive Democracy. Politics, Policy, and Political Scince. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
282. *Dumez H.* L'économiste, la science et le pouvoir : le cas Walra*s*. Paris : PUF, 1985.
283. *Dunoyer Ch.* De la liberté du travail ou Simple exposé des conditions dans lesquelles les forces humaines s'exercent avec le plus de puissance. Liège : Librairie scientifique et industrielle, 1846.
284. *Düppe T.* 2010. Debreu's apologies for mathematical economics after 1983 // Erasmus Journal for Philosophy and Economics. 2010. Vol. 3. Issue 1. P. 1–32.
285. *Durkheim E.* Pragmatisme et sociologie. Paris: Vrin, 1955.
286. *Edgeworth F.Y.* Mathematical Psychics : An Essay on the Application of Mathematics to the Moral Sciences. London : C. Kegan Paul & Co, 1881.

287. *Edwards A.* An Interesting Resemblance. Vygotsky, Mead, and AmericanPragmatism //Harry Daniels, Michael Cole and James V. Wertsch (eds.) The Cambridge Companion to Vygotsky.Cambridge : Cambridge University Press, 2007. P. 77–100.
288. *Einaudi M.* The Roosevelt Revolution. New York : Harcourt, Brace and Company, 1959.
289. *Elliott J.* Using Narrative in Social Research. Qualitative and Quantitative approaches. London: Sage Publications, 2005.
290. *Ely R.T.* The Past and the Present of Political Economy. Marston Baltimore: Johns Hopkins University, 1884.
291. *Ely R.T.* Social Aspects of Christianity, and other Essays. NY: Thomas Y. Crowell & Company Publishers, 1889.
292. *Ely R.T.* Ground under our Feet. New York: Macmillan, 1938.
293. *Ely R.T.* Studies in the evolution of industrial society. Port Washington, New York : Kennikat Press, 1971.
294. *Eisenach E.J.* (Ed.) The Social and Political Thought of American Progressivism. Indianapolis/Cambridge: Hackett Publishing Company, Inc., 2006.
295. *EtzioniA.* The Moral Dimension. Towards A New Economics. New York : Free Press, 1988.
296. *Evans P.B., Rueschemayer D., Skocpol T.* (eds). Bringing the State Back In. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
297. *Faccarello G.* Aux origines de l'économie politique libérale : Pierre de Boisguilbert. Paris : Anthropos, 1986.
298. *Faccarello G.* The foundations of laissez-faire: the economics of Pierre de Boisguilbert. London and New York: Routledge, 1999.
299. *Fitch J.A.* The Steel Workers. New York: Russell Sage Foundation, 1910.
300. *Fitoussi J.-P.* 2001. L'Enseignement supérieur des sciences économiques en question. Paris: Fayard.
301. *Foss N.J., Garzarelli G.* 2007. Institutions as Knowledge Capital: Ludwig M. Lachmann's Interpretative Institutionalism // Cambridge Journal of Economics. 2007. № 5. P. 789–804.
302. *Fourcade M.* Economists and Societies. Discipline and Profession in the United States, Britain, and France, 1890s to 1990s. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2009.
303. *Freedman C.F.* Chicago Fundamentalism. Ideology and Methodology in Economics. Singapore: World Scientific, 2008.
304. *Fullbrook E.* (ed.). Pluralist Economics. London; New York : Zed Books, 2008.

305. *Furner M.O.* Advocacy & Objectivity: A Crisis in the Professionalization of American Social Science 1865–1905. Lexington, Kentucky: University Press of Kentucky, 1975.
306. *Galiani F.* Dialogues sur le commerce des blés. Paris : Fayard, 1984.
307. *Garz D.* Lawrence Kohlberg — An Introduction. Opladen & Farmington Hills, MI: Barbra Budrich Publishers, 2009.
308. *Généreux J.* De la science éco à l'économie humaine //Economie politique. 2001. № 9. P. 15–25.
309. *Guerrien B.* Is There Anything Worth Keeping in Standard Microeconomics // Fullbrok E. (Ed.) The Crisis in Economics. London and New York : Routledge, 2003. P. 104 — 107.
310. *Gillespie M.A.* The Theological Origins of Modernity. Chicago; London : The Chicago University Press, 2008.
311. *Gilson E.* Etudes sur le Rôle de la Pensée Médiévale dans la Formation du Système Cartésien.Paris: Vrin, 1930.
312. *Gislain J.-J., Steiner Ph.* American Institutionalism and Durkheimian Positive Economics: Some Connections // History of Political Economy. 1999. № 2. P. 273–296.
313. *Goodwin C.D.* Walter Lippmann Public Economist. Cambridge, Massachusetts ; London, England : Harvard University Press, 2014.
314. *Gower B.* Scientific Method. An Historical and Philosophical Introduction. London; New York: Routledge, 1997.
315. *Grimmer-Solem E.* The Rise of Historical Economics and Social Reform in Germany 1864–1894. Oxford : Clarendon Press, 2003.
316. *Gruchy A.G.* Modern Economic Thought. American Contribution. New York : Prentice-Hall, 1947.
317. *Hall P.A., Taylor R.C.R.* Political Science and the Three Institutionalisms //*Political Studies.* 1996. № 5. P. 936–957.
318. *Hamilton W.H.* (Ed.) Current Economic Problems. A Series of Readings in the Control of Industrial Development. Chicago: The University of Chicago Press, 1914.
319. *Hamilton W.H.* Problems of Economic Instruction // Journal of Political Economy. 1917. Vol. 25. № 1 (January). P. 1–13.
320. *Hamilton W.H.* Education — Ritual or Adventure? // The Nation. (1923). № 116 (June). P. 720–721.
321. *Hands D.W.* Reflection without Rules. Economic Methodology and Contemporary Science Theory. Cambridge : Cambridge University Press, 2001.
322. *Hansen W.L.* The Education and Training of Economics Doctorates: Major Findings of the Executive Secretary of the American Economics Association's Commission on Graduate Education in Economics //

Journal of Economic Literature. 1991.Vol. 29. № 3 (September). P. 1054–1087.
323. *Harré R.* Blueprint for a New Science // Armistead N. (ed.). Reconstructing Social Psychology. Harmondsworth : Penguin, 1974.
324. *Harré R.* Obituary: Professor Sir Karl Popper //The Independent.1994. 19 September. Режим доступа: http://www.independent.co.uk/news/people/obituary-professor-sir-karl-popper-1449760.html.
325. *Harré R.* Saving Critical Realism. //Journal for the Theory of Social Behaviour. 2009. Vol. 39. № 2. P. 129–143.
326. *Harré R., Secord P.* The Explanation of Social Behaviour. Oxford: Basil Blackwell, 1972.
327. *Harré R., Gillett G.* The Discursive Mind.Thousand Oaks; London; New Dehli: Sage Publications, 1994.
328. *Harter L. G.* John R. Commons: His Assault on Laissez-Faire. Corvallis: Oregon State University Press, 1962.
329. *Hausman D.M.* Essays on Philosophy and Economic Methodology. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
330. *Hay C.* Constructivist Institutionalism // Rhodes R.A.W., Binder S.A., Rockman B.A. (eds).The Oxford Handbook of Political Institutions. New York: Oxford University Press, 2006. P. 56–74.
331. *Hayek F.A.* The Errors of Constructivism // F.A. Hayek. New Studies in Philosophy, Politics, Economics and the History of Ideas. Chicago: The University of Chicago Press. 1978. P. 3–22.
332. *Hecht J.* La vie de Pierre le Pesant Seigneur de Boisgulbert // Pierre de Boisguilbert ou la naissance de l'économie politique.Vol. 1. Paris: INED, 1966. P. 121–244.
333. *Heilbroner R.* Behind the Veil of Economics: Essays in the Worldly Philosophy. New York, London: W. W. Norton & Co, 1988.
334. *Hill H.C., Tugwell R.G.* Our Economic Society and Its Problems. A Study of American Levels of Living and How to Improve Them. New York, Chicago : Harcourt, Brace and Company, 1934.
335. *Hodgson G.* Trotsky and Fatalistic Marxism.Nottingham: The Russel Press Ltd., 1975.
336. *Hodgson G.* Capitalism, Value and Exploitation. A Radical Theory. Oxford: Martin Robertson & Company Ltd., 1982.
337. *Hodgson G. M.* Economics and Utopia. Why the learning economy is not the end of history. London and New York : Routledge, 1999.
338. *Hodgson G. M.* How Economics Forgot History. London; New York : Routledge, 2001.
339. *Hodgson G.M.* The Evolution of Institutional Economics. London; New York: Routledge, 2004.

340. *Hodgson G.M.* From Pleasure Machines to Moral Communities: An Evolutionary Economics without Homo economicus. Chicago and London: The Chicago University Press, 2013.
341. *Hurtado J.* Jean-Jacques Rousseau : économie politique, philosophie économique et justice //Revue de philosophie économique. 2010. Vol. 11. № 2. P. 69–101.
342. *Jevons W.S.* The Principles of Science. Treatise on Logic and Scientific Method. New York : Dover Publications, 1958 (1873).
343. *Joas H.* Pragmatism and Social Theory. Chicago : University of Chicago Press, 1993.
344. *Kahneman D., Tversky A.* (eds) Choices, Values, and Frames. Cambridge : Cambridge University Press, 2000.
345. *Keen S.* Debunking Economics. The Naked Emperor of the Social Sciences. London; New York : Zed Books, 2001.
346. *Keynes J.M.* Essays in Biography. NY: W.W. Norton & Company Inc., 1951.
347. *Keynes J.M.* A Treatise on Probability.New York: Cosimoclassics, 2006 (1920).
348. *Kitching G., Pleasants N.* (eds). Marx and Wittgenstein. Knowledge, morality and politics. London; New York : Routledge, 2002.
349. *Knorr-Cetina K.* The Manufacture of Knowledge. An Essay on the Constructivist and Contextual Nature of Science. Oxford, New York : Pergamon Press, 1981.
350. *Knorr Cetina K.* Epistemic Cultures: Forms of Reason in Science // History of Political Economy. 1991. Vol. 23. № 1. P. 105–122.
351. *Knorr-Cetina K.* Epistemic Cultures. How the Sciences Make Knowledge.Cambridge, Mussachusetts: Harvard University Press, 1999.
352. *Krueger A.O.* Report of the Commission on Graduate Education in Economics // Journal of Economic Literature. 1991. Vol. 29. № 3 (September). P. 1035–1053.
353. *Latour B. and Woolgar S.* Laboratory Life. The Social Construction of Scientific Facts.Losangeles; London: Sage, 1979.
354. *Latour B.* Pasteur : une science, un style, un siècle. Paris : Perrin, 1994.
355. *Latour B.* Nous n'avons jamais été modernes. Essai d'anthropologie symétrique. Paris: La Découverte, 1997.
356. *Latour B.* Pasteur: guerre et paix des microbes. Paris: La Découverte, 2001.
357. *Latour B.* La vie de laboratoire: La production des faits scientifiques. Paris: La Découverte, 2005, a.
358. *Latour B.* Reassembling the Social An Introduction to Actor-Network-Theory. NY : Oxford University Press Inc., 2005, b.

359. *Latour B.* Changer de société. Refaire de la sociologie.Paris: La Découverte, 2005. (французский перевод книги [Latour, 2005, b]).
360. *Latour B., Lépinay V.A.* L'économie, science des intérêts passionnés. Introduction à l'anthropologie économique de Gabriel Tarde. Paris : La Découverte, 2008.
361. *Lecours A.* (ed.). New Institutionalism. Theory and Analysis.Toronto: University of Toronto Press, 2008.
362. *Lee F.* A History of Heterodox Economics: Challenging the Mainstream in the Twentieth Century. London and New York : Routledge, 2009.
363. *Leroux A., Marciano A.* La philosophie économique. Paris : Presses Universitaires de France, 1998.
364. *Leroux A., Livet P.* (eds). Leçons de philosophie économique. Tome II: Economie normative et philosophie morale. Paris : Economica, 2006.
365. *López-PérezR., Spiegelman L.* Do Economists Lie More? Working Paper 4/2012. Madrid: Universidad Autonoma de Madrid, Departamento de Analisis Economico: Teoria economica e historia economica, 2012. Режим доступа: http://www.uam.es/departamentos/economicas/analecon/especifica/mimeo/wp20124.pdf.
366. *Malbranque B.* Introduction à la méthodologie économique. Paris : Institut Coppet, 2013.
367. *Mäki U., Gustafsson B., Knudsen Ch.* (eds). Rationality, Institutions & Economic Methodology. London; New York : Routledge, 1993.
368. *Marglin S.F.* The Dismal Science. How Thinking like an Economist Undermines Community. New York, Cambridge, MA : Harvard University Press, 2008.
369. *McCarthy Ch.* The Wisconsin Idea. New York : Macmillan, 1912.
370. *McCloskey D.* The Rhetoric of Economics. Madison: University of Wisconsin Press, 1985.
371. *McCloskey D.* Knowledge and Persuasion in Economics. Cambridge University Press, 1994.
372. *Ménard C.* Methodological Issues in New Institutional Economics // Journal of Economic Methodology. 2001. Vol. 8. № 1. P. 85–92.
373. *Ménard C., Shirley M.M.* (eds). Handbook of New Institutional Economics. Dordrecht: Springer, 2005.
374. *Mini P.* Cartesianism in Economics // Hodgson G.M., Samuels W.J., Tool M.R. (eds).The Elgar Companion to Institutional and Evolutionary Economics. Vol. 1. Aldershot, UK: Edward Elgar, 1994. P. 38–42.
375. *Mirowski Ph.* More Heat than Light. Economics as Social Physics: Physics as Nature's Economics. Cambridge : Cambridge University Press, 1989.

376. *Mirowski Ph., Plehwe D.* (Eds) The Road from Mont Pèlerin. The Making of the Neoliberal Thought Collective. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2009.
377. *Montchrestien A.* Traicté de l'œconomie politique.Genève : Librairie Droz, 1999.
378. *Moss D.A.* Socializing Security. Progressive-Era Economists and the Origins of American Social Policy. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996.
379. *Moss D.A.* An Ounce of Prevention. Financial Regulation, Moral Hazard, and the End of «Too Big to Fail» // *Harvard Magazine*. 2009. September–October: P. 25–29.
380. *Mouchot C.* Méthodologie économique. Paris : Editions du Seuil, 2003.
381. *Nau H.H.* Gustav Schmoller's Historico–Ethical Political Economy: ethics, politics and economics in the younger German Historical School, 1860–1917 // European Journal of History of Economic Thought. 2000. Vol. 7. № 4. P. 507–531.
382. *Nau H.H., Steiner Ph.* Schmoller, Durkheim, and Old European Institutional Economics //Journal of Economic Issues. 2002. № 4. P. 1005–1024.
383. *Nelson R.H.* Economics as Religion. From Samuelson to Chicago and Beyond.University Park: The PennsylvaniaStateUniversity Press, 2001.
384. *North D.C., Thomas R.P.* The Rise of the Western World. A New Economic History.NY: Cambridge University Press, 1973.
385. *North D.C.* Structure and Change in Economic History. New York; London: W. W. Norton, 1981.
386. *North D.C.* Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
387. *North D.C.* Understanding Institutions// Ménard C. (ed.). Institutions, Contracts and Organizations. Perspectives from New Institutional Economics. Cheltenham: Edward Elgar, 2000. P. 7–10.
388. *North D.C.* Understanding the Process of Economic Change. Princeton; Oxford: PrincetonUniversity Press, 2005.
389. *Novack G.* Pragmatism versus Marxism. An appraisal of John Dewey's philosophy. New York : Parthfinder Press, Inc., 1975.
390. *Nussbaum M.C.* Not for Profit: Why Democracy Needs the Humanities. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 2010.
391. *Orne M.T.* OntheSocial Psychology of the Psychological Experiment: With Particular Reference to Demand Characteristic sand Their Implications // American Psychologis*t*. 1962. Vol. 17. № 11. P. 776–783.
392. *Paley W.* Principles of Moral and Political Philosophy. Indianapolis, IN: Liberty Fund, Inc., 2002.

393. *Paley W.* Natural Theology. Oxford: Oxford University Press, 2008.
394. *Parker C.H.* The Casual Laborer and Other Essays. New York : Harcourt, Brace and Howe, 1920.
395. *Patten S.N.* The theory of prosperity. New York: The Macmillan Company, 1902.
396. *Peirce C.S.* The Essential Peirce. Selected Philosophical Writings. Vol. 2. Bloomington: Indiana University Press, 1998.
397. *Pestre D.* Introduction aux Science Studies.Paris: La Découverte, 2006.
398. *Piaget J.* Psychologie et épistémologie.Paris : Editions Denoël, 1970.
399. *Pignol C.* Une critique de l'économie politique. Rousseau contre l'économie walrassienne // XIVème colloque de l'Association Charles Gide pour l'Histoire de la Pensée Economique. Nice. 7–9 juin. 2012.
400. *Pignol C., Hurtado J.* Rousseau, philosophie et économie // Cahiers d'économie politique. 2007. № 53. Paris : L'Harmattan, 2007.
401. *Plott Ch.R., Smith V.L.* (eds). Handbook of Experimental Economics Results. Amsterdam: North Holland, 2008.
402. *Pouch T.* Les économistes français et le marxisme. Apogée et déclin d'un discours critique (1959–2000). Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2001.
403. *Quesnay F.* Observations sur le Droit naturel des hommes réunis en société // Journal de l'agriculture, du commerce & des finances. 1765. Septembre. P. 4–35.
404. *Rader B.G.* The Academic Mind and Reform. The Influence of Richard T. Ely in American Life. Lexington, Kentucky : University Press of Kentucky, 1966.
405. *Ramaux Ch.* L'Etat social. Paris: Fayard/Mille et une nuits, 2012.
406. *Rasmussen D.* The Problems and Promise of Commercial Society: Adam Smith's Response to Rousseau. University Park, PA: The Pennsylvania State University, 2008.
407. *Raushenbush P.A., Raushenbush E.B.* Our «U.C.» Story (1930–1967). Madison, Wisconsin (издание авторов). 1979.
408. *Reich R.* Supercapitalism.The Transformation of Business, Democracy, and Everyday Life. New York: Alfred A. Knopf, 2007.
409. *Rickman H.*P. Dilthey Today. A Critical Appraisal of the Contemporary Relevance of His Work. New York : Greenwood Pr, 1988.
410. *Ricœur P.* L'idéologie et l'utopie : deux expressions de l'imaginaire social //Autres Temps. Les cahiers du christianisme social. 1984. № 2. P. 53–64.
411. *Riesman D.* Thorstein Veblen. A Critical Interpretation. New York : The Seabury Press, 1953.

412. *Robinson J.* Economic Philosophy. Harmondsworth : Penguin Books Ltd., 1962.
413. *Roosevelt F.D.* Campaign Address on Progressive Government at the Commonwealth Club. September 23. 1932 // Samuel Irving Rosenman (ed). The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. Vol. 1. New York: Russell & Russell. 1938. P. 742–756.
414. *Roosevelt T.* 1912. Introduction // McCarthy Ch. The Wisconsin Idea. New York : Macmillan. 1912. P. 2–3.
415. *Rosanvallon* P. La nouvelle question sociale. Paris : Editions du Seuil, 1995.
416. *Rothbard M.N.* Origins of the Welfare State in America. 2006. August 11. Режим доступа: https://mises.org/library/origins-welfare-state-america.
417. *Rubinstein A.* Discussion of «Behavioral Economics» // Blundell R., Newey W.K., Persson T. (eds). Advances in Economics and Econometrics. Theory and Applications. *Ninth World Congress* (Vol. 2). Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 246–254.
418. *Rutherford M.* The Institutionalist Movement in American Economics, 1918–1947: Science and Social Control. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
419. *Sage E.M.* A Dubious Science. Political Economy and the Social Question in 19th-Century France.New York: Peter Lang Publishing, Inc., 2009.
420. *Samuels W.J.* The Economy as a System of Power. Vols. 1 and 2. New Brunswick, NJ : Transaction Books, 1979.
421. *Samuelson P.* Economics: An Introductory Analysis. New York : McGraw-HillBook Company, 1948.
422. *Sapir J.* Quelle économie pour le XXIe siècle ? Paris : Odile Jacob, 2005.
423. *Schank R.C., Abelson R.P.* Scripts, Plans, Goals, and Understanding. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1977.
424. *Schank R.C., Abelson R. P.* Knowledge and Memory: The Real Story // Wyer Robert S., Jr. (ed.). Knowledge and Memory: The Real Story. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1995. P. 1–85.
425. *Schlabach T.F.* An Aristocrat on Trial: The Case of Richard T. Ely // The Wisconsin Magazine of History. 1963–1964. Vol. 47. No. 2(Winter). P. 149–159.
426. *Schmidt V.A.* From State to Market? The Transformation of French Business and Government. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
427. *Schmidt V.A.* The Futures of European Capitalism. Oxford: Oxford University Press, 2002.

428. *Schmidt V.A.* Discursive Institutionalism: The Explanatory Power of Ideas and Discourse //Annual Review of Political Science. 2008. № 11. P. 302–326.
429. *Schmoller G.* Grundriss der Allgemeinen Volkswirtschaftslehre. Erster Teil. — Leipzig : Verlag von Duncker & Humblot, 1920.
430. *Schmoller G.* Historisch-ethnische Nationalökonomie als Kulturwissenschaft. Marburg: Metropolis-Verlag, 1998.
431. *Schweizer P.* Victory. The Reagan Administration's Secret Strategy That Hastened the Collapse of the Soviet Union. New York : The Atlantic Monthly Press, 1994.
432. *Secada J.* Cartesian Metaphisics. The Scholastic Origins of Modern Philosophy. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
433. *Selznick Ph.* The Communitarian Persuasion. Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center Press, 2002.
434. *Shapin S.* A Social History of Truth. Civility and Science in Seventeenth-Century England.Chicago; London: The University of Chicago Press, 1994.
435. *Shapin S.* The Scientific Revolution. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1996.
436. *Shapin S., Schaffer S.* Leviathan and the Air-Pump. Hobbes, Boyle, and the Experimental Life. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1985.
437. *Shiller R.J.* Irrational Exuberance. 2nd ed. New Yorkм: Broadway Books, 2005.
438. *Shiller R.J.* The Subprime Solution. How Today's Global Financial Crisis Happened, and What to Do about It.Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2008.
439. *Sigot N.* La réception de l'oeuvre économique de Cournot // Th. Martin (Ed.) Actualité de Cournot.Paris : Vrin, 2005. P. 125–149.
440. *Sigot N.* Utility and Justice: French Liberal Economists in the 19th century // European Journal of the History of EconomicThought. 2010. Vol. 17. № 4. P. 759–792.
441. *Silverman I.* Crisis in Social Psychology: The Relevance of Relevance // American Psychologist. 1971. Vol. 26. № 6. P. 583–584.
442. *Sinclair N., Pimm D., Higginson W.* Mathematics And the Aesthetic: New Approaches to an Ancient Affinity.New York : Springer-Verlag, 2006.
443. *Skocpol T.* Why I am a Historical Social Scientist //Extensions: Journal of the Carl Albert Congressional Research and Studies Center. 1999. P. 16–19.

444. *Smith B.* Document Acts // Konzelmann-Ziv, H. B. Schmid (eds.).Institutions, Emotions, and Group Agents. Contributions to Social Ontology. Dordrecht, Heidelberg, New York, London : Springer, 2013.
445. *Spector C.* Rousseau et la critique de l'économie politique // B. Bensaude-Vincent et B. Bernardi (éd.). Rousseau et les sciences. Paris : L'Harmattan, 2003. P. 237–256.
446. *Stanfield J.R.* The Scope, Method, and Significance of Original Institutional Economics // Journal of Economic Issues. 1999. V. XXXIII. № 2. P. 231–255.
447. *Steinmo S., Thelen K., Longstreth F.* (eds). Structuring Politics. Historical Institutionalism in Comparative Analysis. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
448. *Stein L.* Geschichte der socialen Bewegungen in Frankreich von 1789 bis auf unsere Tage. In 3 Bde. Leipzig: Verlag von Otto Wiganb, 1850.
449. *Sternsher B.* Rexford Tugwell and the New Deal. New Brunswick, New Jersey : Rutgers University Press, 1964.
450. *Steuart J.* An Inquiry into the Principles of Political Economy. London : A. Miller and T.Cadell, 1767.
451. *Sunstein C.* The Second Bill of Rights: FDR's Unfinished Revolution-And Why We Need It More Than Ever. New York: Basic Books, 2004.
452. *Swedberg R.* Schumpeter. A Biography. Princeton, New Jersey : Princeton University Press, 1991.
453. *Tarde G.* Psychologie économique. Tome 2. Paris: Félix Alcan, 1902.
454. *Taylor H.* Contemporary Economic Problems and Trends. New York: Harcourt, Brace and Company, 1938.
455. *Taylor H., Barger H.* The American Economy in Operation. New York : Harcourt, Brace and Company, 1949.
456. *Taylor H.* The Teaching of Undergraduate Economics // The American Economic Review. 1950. Vol. 40. № 5. Part 2: Supplement.
457. *Tribe K.* Historical Schools of Economics: German and English. Keele Economics Research Paper. № 2. Keele University, 2002.
458. *Tugwell R.G.* 1977. Roosevelt's Revolution. The First Year — A Personal Perspective. New York : Macmillan Publishing Co., Inc.
459. *Ulrich P.* Integrative Economic Ethics. Foundations of a Civilized Market Economy. Cambridge: Cambridge University Press, 2010, a.
460. *Ulrich P.* Zivilisierte Marktwirtschaft. Eine wirtschaftsethische Orientierung. Bern, Stuttgart, Wien: Haupt Verlag, 2010, b.
461. *Van Langenhove L.* (ed.). People and Society. Rom Harré and Designing the Social Sciences. London; New York : Routledge, 2010.

462. *Van Dyke Roberts H.* Boisguilbert, Economist of the Reign of Louis XIV, New York : Columbia University Press, 1935.
463. *Veblen T.* The Place of Science in Modern Civilization. New Brunswick: Transaction Publishers, 1990.
464. *Waszek N.* Aux sources de l'État social à l'allemande : Lorenz von Stein — et Hegel // *Revue germanique internationale.* 2001. № 15. P. 211–238.
465. *Waterman A.M.C.* Political Economy and Christian Theology Since the Enlightenment. Essays in Intellectual History. New York : Palgrave Macmillan, 2004.
466. *Weintraub E.R.* Stabilizing Dynamics: Constructing Economic Knowledge.New York: Cambridge University Press, 1991.
467. *Weintraub E.R.* Making Economic Knowledge: Reflections on Golinski's Constructivist History of Science // Journal of the History of Economic Thought. Vol. 23, № 2, P. 277 — 282.
468. *Weintraub E.R.* How Economics Became a Mathematical Science. Durham; London: Duke University Press, 2002.
469. *Weintraub E.R. and P. Mirowski.* The Pure and the Applied: Bourbakism Comes to Mathematical Economics //*Science in Context.* 1994. Vol. 7. № 2. P. 245–272.
470. *Whalen Ch. J.* John R. Commons and John Maynard Keynes on Economic History and Policy: The 1920s and Today //Journal of Economic Issues. 2008.Vol. 42. № 1. P. 225–242.
471. *Vidal J.-F.* Birth and Growth of the Regulation School in the French Intellectual Context (1970–1986) // Labrousse A., Weisz J.-D. (eds). Institutional Economics in France and Germany. German Ordoliberalism versus French Regulation School. Berlin; Heidelberg; New York: Springer-Verlag , 2001. P. 13–48.
472. *Wieviorka M.* Neuf Leçons de Sociologie. Paris: Robert Laffont, 2008.
473. *Wilkinson N.* An Introduction to Behavioral Economics.New York: Palgrave Macmaillan, 2008.
474. *Wisman J.* The scope and goals of economic science ; A Habermasian perspective // Lavoie D. (Ed.). Economics and Hermeneutics. London and New York : Routledge, 1990. P. 111–133.
475. *Witte E.E.* The Government in Labor Disputes. New York and London : McGrow-Hill Book Company, Inc., 1932.
476. *Witte E.E.* The Development of the Social Security Act. Madison : The University of Wisconsin Press, 1963.
477. *Wittgenstein L.* Philosophische Untersuchengen. Philosophical Investigations. Chichister, UK: Wiley-Blackwell, 2009.

478. *Woirol G.R.* In The Floating Army: F.C. Mills on Itinerant Life in California, 1914. Urbana, Ill.: University of Illinois Press, 1992.
479. *Yefimov V.* On the Nature of Management Simulation Games //Economicko-Matematicky Obzor (Review of Econometrics). 1979. Vol. 15. № 4. Prague: Academia. P. 403–416.
480. *Yefimov V.* Gaming-simulation of the Functioning of Economic Systems //Journal of Economic Behavior & Organization. 1981. Vol. 2. № 2. P. 187–200.
481. *Yefimov V.* Approche Institutionnelle de l'analyse de la transition (le cas de l'agriculture du Nord-Kazakhstan) //Revue d'études comparatives Est-Ouest. 1997. Vol. 28. № 2. P. 99–119.
482. *Yefimov V.* Continuité et recomposition des régimes agraires russes dans le siècle //Economie et Société. Série «Développement, croissance et progrès», «Développement–III». 2001. № 9–10. P. 1439–1473.
483. *Yefimov V.* Economie institutionnelle des transformations agraires en Russie. Paris:l'Harmattan, 2003.
484. *Yefimov V.* Vers une autre science économique (et donc une autre institution de cette science) // *Revue du MAUSS permanente*. 10 mai (online — en ligne– электронный журнал), 2010. Режим доступа: http://www.journaldumauss.net/spip.php?article686.
485. *Yefimov V.* Two disputes of methods, three constructivisms, and three liberalisms. Part I. // Экономика региона. 2015, a. № 1. С. 29–38.
486. *Yefimov V.* Two disputes of methods, three constructivisms, and three liberalisms. Part II. // Экономика региона. 2015, b. № 2. С. 74–85.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1: БИБЛИОГРАФИЯ ПО КАЧЕСТВЕННЫМ МЕТОДАМ ИССЛЕДОВАНИЯ

Качественные методы в целом

1. Ковалев Е.М. и Штейнберг И.Е. *Качественные методы в полевых социологических исследованиях.* — М. : Логос, 1999
2. Семенова В.В. *Качественные методы : Введение в гуманистическую социологию.* — М. : Добросвет, 1998.
3. Тичер С. [и др.]. *Методы анализа текста и дискурса.* — Харьков : Гуманитарный центр. 2009.
4. Штейнберг [и др.]. *Качественные методы. Полевые социологические исследования.* — СПб. : Алетейя, 2009.
5. Creswell J.W. *Qualitative Inquiry and Research Design.* — Thousand Oaks: Sage Publications, 1998.
6. Denzin N.F. and Lincoln Y.S., (eds.). *The Sage Handbook of Qualitative Research.* — Thousand Oaks (USA): Sage Publications, 2005.
7. Mucchielli A., ed. *Dictionnaire des méthodes qualitatives en sciences humaines et sociales.* — Paris : Armand Colin, 1996.
8. Paillé P. et Mucchielli A. *L'analyse qualitative en sciences humaines et sociales.* — Paris : Armin Colin, 2005.
9. Paillé P. (Editor). *La méthodologie qualitative. Postures de recherche et travail de terrain.* — Paris : Armin Colin, 2006.
10. Poupart J. et al. *La recherche qualitative. Enjeux épistémologiques et méthodologiques.* — Boucherville (Quebec) : Gaëtan Morin, 1997.
11. Rosenthal G. *Interpretative Sozialforschung. Eine Einfürung.* — Wienheim und M¨nchen: Juventa Verlag, 2005.
12. Silverman D. *Interpreting Qualitative Data. Methods for Analysing Talk, Text and Interaction.* — Thousand Oaks : Sage Publications, 2006.

Исследование действием (*action research*)

1. Craig D.V. *Action Research Essentials.* — San Francisco, California: John Wiley & Sons, 2009.
2. Greenwood D.J. and Levin M. *Introduction to Action Research. Social Research for Social Change.* — Thousand Oaks : Sage Publications, 1998.
3. Reason P. and H. Bradbury (eds.), *Handbook of Action Research.* — Thousand Oaks: Sage Publications, 2006.
4. Stringer E.T. *Action Research.* — Thousand Oaks: Sage Publications, 1999.

***Исследование случаев* (*case study*)**

1. George A.L. and Bennett A. *Case Studies and Theory Development in the Social Sciences*. — Cambridge, London: MIT Press, 2004.
2. Gerring J. *Case Study Research. Principles and Practices*. — Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2007.
3. Gomm R., Hammersley M. and Foster P. (eds.). *Case Study Method : Key Issues, Key Texts*. — Thousand Oaks : Sage Publications, 2000.
4. Hamel J. *Case Study Methods*. — Newbury Park : Sage Publications, 1993.
5. Stake R.E. *The Art of Case Study Research*. — Thousand Oaks: Sage Publications, 1995.
6. Истории жизни (life history)
7. Atkinson R. *The Life Story Interview*. — Thousand Oaks : Sage Publications, 1998.
8. Bertaux D. *Les récits de vie*. — Paris : Nathan, 1997.
9. Demazière D. et Dubar C. *Analyser les entretiens biographique*. — Paris : Nathan, 1997.
10. Poirier J., Clapier-Valladon S. et Raybaut P. *Les récits de vie. Théorie et pratique*. — Paris : PUF, 1996.

***Заземленное теоретизирование или обоснованная теория* (*grounded theory*)**

1. Bryant A., Charmaz K. *The Sage Handbook of Grounded Theory*. — Thousand Oaks : Sage Publications, 2007.
2. Charmaz K. *Constructing Grounded Theory. A Practical Guide Through Qualitative Analysis*. — Thousand Oaks : Sage Publications, 2006.
3. Clarke A.E. *Situational Analysis. Grounded Theory After the Postmodern Turn*. — Thousand Oaks : Sage Publications, 2005.
4. Dey I. *Grounding Grounded Theory. Guidelines for Qualitative Research*. — London: Academic Press, 1999.
5. Locke K. *Grounded Theory in Management Research*. — Thousand Oaks : Sage Publications, 2001.
6. Glaser B.G. and Straus A.L. *The Discovery of Grounded Theory: Strategy for Qualitative research*. — Chicago : Aldine Publishing Company, 1967.
7. Goulding Ch. *Grounded Theory. A Practical Guide for Management, Business and Market Researchers*. — Thousand Oaks : Sage Publications, 2002.
8. Howell K.E. *Discovering Limits of European Integration: Applying Grounded Theory*. — Huntington, New York : Nova Science Publishers, Inc., 2000.
9. Strauss A. and Corbin J. *Basics of Qualitative Research. Techniques and Procedures for Developing Grounded Theory,* (seconnnddd edition). — Thousand Oaks : Sage Publications, 1998.

10. Straус А. и Корбин Д. *Основы качественного исследования. Обоснованная теория. Процедуры и техники* (перевод первого издания). — М. : УРСС. 2001.

Беседы — Активные (понимающие) интервью

1. Белановский С.А. *Глубокое интервью.* — М. : Никкколо-Медиа, 2001.
2. Квале С. *Исследовательское интервью.* — М. : Смысл, 2009.
3. Kaufman J.-C. *L'entretiencompréhensif.* — Paris : Armin Colin, 1996.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2: КАКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА НУЖНА РОССИИ?

(*Письмо академику В.М. Полтеровичу, на которое он не ответил)*

Президенту Новой экономической
ассоциации, академику
В.М. Полтеровичу

Уважаемый Виктор Меерович!

С большим удовольствием прочитал Вашу статью «Становление общего социального анализа» (http://mpra.ub.uni-muenchen.de/26085/). Ваша идея постепенного реформирования экономической дисциплины путем включения ее в некую общую дисциплину социального анализа просто великолепна. Я согласен с Вашим видением общего объекта исследования и единой эмпирической базы для общественных наук. Наши расхождения касаются выбора единого их аналитического аппарата. По Вашему мнению, этот аппарат должен состоять из эконометрики и теории игр, я же думаю, что таким аналитическим аппаратом должны быть так называемые качественные методы исследования. Эта точка зрения достаточно подробно развивается в моей статье «Дискурсивный анализ в экономике: пересмотр методологии и истории экономической науки». Первая часть этой статьи под названием «Иная методология экономической науки» была опубликована в майском номере этого года журнала *Экономическая социология* (http://mpra.ub.uni-muenchen.de/49157/). Вторая часть, которая называется «Иная история и современность», вышла в № 3 за этот год журнала *Вопросы регулирования экономики* (http://mpra.ub.uni-muenchen.de/49111/).

В моей статье в частности показывается, что эконометрика может дать только «намек» на наличие определенных явлений, но не позволяет понять эти явления. Дело в том, что хотя социально-экономические явления, такие как безработица, инфляция, рецессия и т.п., и характеризуются количественно, однако их природа и механизмы являются институциональными, то есть связаны с правилами, которые не могут быть адекватно описаны количественно. Социально-экономические регулярности проистекают из того факта, что люди ведут себя в соответствии с определенными социально сконструиро-

ванными правилами, и эти правила объясняются, обосновываются и запоминаются с помощью рассказывания себе и другим некоторых историй (stories). Приняв это утверждение, нужно согласиться и с тем, что для выявления социально-экономических регулярностей мы должны осваивать и анализировать эти истории. Современная экономическая наука не занимается изучением дискурсов экономических акторов и тем самым лишает себя способности понимать и прогнозировать экономические явления. Изучение дискурсов есть не отход от научных стандартов, заложенных в естествознании, а наоборот, приближение к ним, так как практически все социальные взаимодействия опосредуются языком.

Точнее это можно выразить, используя язык таблицы двух онтологий (см. с. 27 в первой части статьи, которая опубликована в «Экономической социологии»), которую я заимствовал у Рома Харре, а именно, что эконометрика опирается на ньютоновскую онтологию, неадекватную для изучения социальной реальности, в соответствии с которой исследуются причинно-следственные связи между явлениями и вещами в пространстве и во времени. Социальные же регулярности проистекают из массового следования определенным правилам, за которыми стоят определенные верования-убеждения. Эти правила фиксируются, передаются и воспринимаются дискурсивно. Эта таблица Харре дает совершенно великолепное сравнение ньютоновской и дискурсивной онтологий, которые по разному отвечают на вопросы: Где нужно исследовать? Что нужно исследовать? Что искать при исследовании?

Что касается теории игр, то из моей статьи следует, что она является практически институциональной ловушкой профессии экономистов. Теория игр фон Неймана была изначально создана как математическая теория салонных игр, которые, безусловно, являются в свою очередь очень специфическими моделями социальной жизни. Взяв теоретико-игровую схему в качестве основы экономического анализа, экономисты упростили экономическую реальность до уровня салонной игры. Это они сделали следуя фон Нейману, который полагал, что «любая социальная ситуация» может быть «редуцирована до шахмат» [Леонард, 2006, с. 277]. Более тридцати лет тому назад я писал по этому поводу: «На языке понятий теории игр, а, следовательно, на языке категорий салонных игр (стратегия, платеж) нельзя отразить самого главного в поведении индивида в социально-экономических системах, а именно, структуры ролей» [Ефимов, 1978, с. 173]. Сейчас я бы не стал апеллировать к понятию роли, но так как социальная роль определяется совокупностью норм поведения, то

утверждение в целом остается верным. Теоретический язык теории игр во многом позаимствован у стандартного неоклассического подхода берущего свое начало от Вальраса и Джевонса. Он в ней просто несколько «усовершенствован».

Как блестяще показал Филип Майровски, неоклассическая теория есть не что иное, как переинтерпретация математических конструкций термодинамики середины XIX века. По его мнению «маржиналистскую революцию» следовало бы переименовать в «маржиналистскую аннексию»: «Неоклассическая экономическая теория присвоила себе целиком физику середины XIX века: полезность была переопределена так чтобы, занять место энергии» [Mirowski, 1988, 17]. Знание хронологии событий и анализ трудов и биографий Вальраса и Джевонса позволило Майровскому понять одновременность «открытия» ими неоклассической экономической теории в 70-е и 80-е годы XIX века: «Мнимая тайна рассеивается после того, как понято, что физика энергий проникла в некоторые учебники к 60-м годам и быстро стала основной метафорой обсуждений в физическом мире. Не случайно, что несмотря на совсем различные культурные и социальные влияния на европейских прародителей неоклассической теории, все они получили образование в области естествознания. Влияние этого образования на их экономические писания совсем не было особенно тонким, и было совсем не трудно его выявить» [Mirowski, 1989, с. 217]. Таким образом, появление неоклассической теории нужно рассматривать не как какое-то открытие в области экономической науки, а как просто совершенно произвольное наложение на социальную реальность аналитических построений взятых из совершенно иной, ничего с ней общего не имеющей, области знаний [Carlson, 1997]. Имея такие истоки, теория игр вряд ли может быть полезна для социальных, в том числе и экономических, исследований.

Хотите Вы того или нет, но утверждая, что эконометрика и теория игр должны стать общим аналитическим аппаратом для исследования социальной реальности, Вы делаете вклад в укрепление мифа о математизации как критерии научности исследовательской деятельности. ЦЭМИ, где Вы работаете долгие годы, и кафедра «Математические методы анализа экономики» Экономического факультета МГУ, где я проработал 18 лет, были созданы во многом, следуя этому мифу. Сейчас неявно, как нечто само собой разумеющееся, как неоспоримая истина, этот миф активно распространяется руководством НИУ ВШЭ и РЭШ. Но вот недавно в своем интервью (http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=222&d_no=43411) первый проректор

НИУ ВШЭ и член президиума ВАК Лев Ильич Якобсон сформулировал этот миф в явном виде. Утверждение профессора Якобсона в этом интервью, что «если открыть нормальный западный журнал, то станет ясно: теоретические статьи строятся более или менее в том же формате, что и в естественных науках, написаны на языке математики», основано на незнании того, что из себя представляет современное естествознание, которое не сводится к математизированной теоретической физике. Я обратился к сотруднику *Chemical Abstracts Service* (*CAS*), организации являющейся подразделением Американского химического общества, с вопросом: «Какой процент статей в академических журналах по химии, физической химии и биохимии посвящен изложению математических моделей?». Ответ был: от 5 до 10 процентов. Люди, свято верящие в этот миф и его распространяющие, в жизни не читали Брюно Латура и других исследователей естественнонаучных практик. Не читали они и таких отечественных философов, как например, академик Степин, которые пишут на основании глубокого знания давней и недавней истории практик естествознания. Кнорр-Цетина, которая изучала и сравнивала естественнонаучные практики в разных дисциплинах, например в физике высоких температур и микробиологии, наверняка не согласилась бы с утверждением Якобсона, что «сегодня экономический мейнстрим говорит примерно на том же языке, что и физика, пусть пока намного менее изощренно».

Лев Ильич правильно подмечает, что «на рубеже XIX–XX веков экономическая наука на Западе встала на путь математизации, окончательно отмежевавшись, в частности, от философии истории», которой занимался Маркс. Однако верно и то, что она никак на деле не отмежевалась от «статической» социальной (моральной, политической) философии, которой была политическая экономия Смита, Милля и др. При математизации (маржиналистская революция) послание *laissez-faire* этой политической экономии было просто одето в математические одежды заимствованные на метафорическом уровне у термодинамики. Такая математизация не сделала переход от политической экономии к экономикс переходом от философии к науке, как это произошло в естествознании с рождением Лондонского королевского общества по развитию знаний о природе (*Royal Society of London for Improving Natural Knowledge*). Как известно спор между Бойлем, основателем этого общества и Гоббсом, его оппонентом, имел диаметрально противоположный результат, чем спор между Шмоллером и Менгером. Шмоллер тянул экономическую дисциплину в науку функционально схожую с ес-

тествознанием, а Менгер по существу настаивал на сохранении ее «философской» природы.

С самого начала постсоветских преобразований экономической дисциплины была поставлена ложная и вредная цель «интеграции в международное научное сообщество», без какой-либо углубленной рефлексии относительно западного, прежде всего американского, сообщества экономистов, суть которого четко выразили Кругман («приняли красоту за правду» (The New York Times» 2 сентября 2009 г.)) и Стиглиц («команда поддержки капиталистического свободного рынка» [Стиглиц, 2011, с. 288]). Некоторые современные экономисты, в том числе и лауреаты Нобелевской премии по экономике, открыто призывают сообщество академических экономистов к содействию «гражданской религии» рыночного фундаментализма: «[М]ы находимся на пути к зарождению новой “гражданской религии” — религии, которая отчасти возвратит нас к характерному для XVIII века скептическому отношению к политической деятельности и правительствам и которая, вполне естественным образом, сосредоточит наше внимание на *правилах, ограничивающих деятельность правительств,* а не инновациях, оправдывающих все возрастающее вмешательство политиков в жизнь граждан. Наша нормативная роль, как философов-обществоведов, состоит в том, чтобы придать определенную форму этой гражданской религии» [Бреннан, Бьюкенен, 2005, с. 262]. Насколько современная западная экономическая наука близка теологии по своей методологии и по своему духу? Вот, как отвечает на этот вопрос профессор экономики Мэрилендского университета Роберт Нэлсон в начале своей книги посвященной его развернутому рассмотрению: «Экономисты думают о себе как об ученых, но я буду оспаривать в этой книге, что они скорее теологи. Самые близкие предшественники нынешних членов профессии академических экономистов не ученые такие, как Альберт Эйнштейн или Исаак Ньютон, правильнее было бы сказать, что мы экономисты являемся в действительности наследниками Фомы Аквинского и Мартина Лютера.» [Nelson, 2001, p. XV]. Тонкий знаток и истории экономической мысли, и экономической истории Роберт Хайлбронер характеризует современную экономическую науку следующим образом: «В первобытных обществах были свои мифы или толкования природы, в командных системах — свое священное писание. Для капитализма эту функцию выполняет экономическая наука, и хотя это не единственная ее задача, но и выполняет она ее отнюдь не тривиальным образом» [Хайлбронер, 1993, с. 53–54].

Экономисты-теоретики видят как одно из весомых оправданий своей деятельности необходимость для эмпирического изучения действительности некоторых заранее (априори) разработанных моделей и теорий. Израильско-американский экономист Ариэль Рубинштейн выделяется среди членов сообщества экономистов своим отношением к этой поголовно разделяемой догме. Рубинштейн пишет по этому поводу: «Неужели для того, чтобы отыскивать эмпирические взаимосвязи или тенденции, нам действительно так уж нужна экономическая теория? Не лучше ли было бы двигаться в противоположном направлении, наблюдая реальный мир, пользуясь эмпирическими и экспериментальными данными, чтобы отыскать неожиданные взаимосвязи? Лично я сомневаюсь, что для их отыскания нам нужны заранее разработанные теории» [Рубинштейн, 2008, с. 71]. Эта догма основана на бездумном копировании того, что делают исследователи имеющие дело с природой. Илья Романович Пригожин, лауреат Нобелевской премии по химии совместно с философом Изабеллой Стенгерс свидетельствуют, что ученые ведут с природой некий экспериментальный диалог, но этот «экспериментальный диалог соответствует в высшей степени специфической процедуре. Природа, как на судебном заседании, подвергается с помощью экспериментирования перекрестному допросу именем априорных принципов. Ответы природы записываются с величайшей точностью, но их правильность оценивается в терминах той самой идеализации, которой физик руководствуется при постановке эксперимента. Все остальное считается не информацией, праздной болтовней, вторичными эффектами, которыми можно пренебречь» [Пригожин, Стенгерс, 2005, с. 48]. Таким образом, диалог с природой ведется на языке выбранной им теории. «Каков бы ни был ответ природы —"да" или "нет", — он будет выражен на том же теоретическом языке, на котором был задан вопрос» [Там же, с. 49]. Исследователи-естественники сплошь и рядом вынуждены поступать таким образом, так как природа, в отличие от членов человеческих сообществ, изучаемых социальными учеными, не может непосредственно общаться с исследователем на понятном ему языке. Ситуация в социальных науках, к которым должна быть причислена и экономическая дисциплина, диаметрально противоположна. Контакт в экспериментальной ситуации (исследовательское интервью [Квале, 2009], включенное наблюдение [*participant observation*] или исследование действием [*action research*]) между исследователя и актором осуществляется на профессиональном языке актора, который исследователь должен освоить, а не на теоретическом языке исследователя.

Уверен, что тот, кто внимательно прочитает мою статью придет к выводу, что экономическая дисциплина, использующая в качестве аналитического аппарата эконометрику и теорию игр, вряд ли может быть социально полезной, то есть приносить людям понимание экономических явлений.

С уважением,
В.М. Ефимов
9 декабря 2011 г.

Цитируемые литературные источники

1. *Бреннан Дж., Бьюкенен Дж.* Причина правил. Конституционная политическая экономия. — СПб. : Экономическая школа, 2005.
2. *Ефимов В.М.* К теории управленческих имитационных игр // Динамическая и вероятностная оптимизация экономики. — Новосибирск : Наука, 1978. С. 132–174.
3. *Квале С.* Исследовательское интервью. — М. : Смысл, 2009.
4. *Леонард Р.* Ценность, знак и социальная структура: метафора «игры» и современное обществознание // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и как процесса. Вып. 6. — М. : ИД ГУ ВШЭ, 2006. — С. 265–300.
5. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. — М. : УРСС, 2005.
6. *Рубинштейн Ар.* Дилеммы экономиста-теоретика // Вопросы экономики. — № 11. — 2008. — С. 62–80.
7. *Стиглиц Дж.* Крутое пике. Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. — М. : ЭКСМО, 2011.
8. *Хайлбронер Р.Л.* Экономическая теория как универсальная наука // THESIS. — 1993. — № 1. — С. 41–55.
9. *Carlson M.J.* Mirowski's Thesis and the «Integrability Problem» in Neoclassical Economics // Journal of Economic Issues. — 1997. — № 3. — P. 741–760.
10. *Mirowski Ph.* Against Mechanism. Protecting Economics from Science. — Lanham, MD: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 1988.
11. *Mirowski Ph.* More Heat than Light. Economics as Social Physics: Physics as Nature's Economics. — Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
12. *Nelson R.H.* Economics as Religion. From Samuelson to Chicago and Beyond. — University Park: The Pennsylvania State University Press, 2001.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3: КАК ПРЕПОДАВАНИЕ МАГИСТРАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ СПОСОБСТВУЕТ РАЗВИТИЮ КОРРУПЦИИ

Как известно, коррупция является важнейшей экономической, социальной и политической проблемой России. Кирилл Кабанов, председатель общественной организации «Национальный антикоррупционный комитет», является, безусловно, большим знатоком этой проблемы. Во время одной из своих пресс-конференций (http://lenta.ru/conf/kkabanov/) он дает ее глубокий нетрадиционный анализ. Идеи, изложенные в этом анализе, имеют много общего с идеями, содержащимися в главе 7 «От машин удовольствия к моральным сообществам» этой книги. Ниже следует текст моей как бы переклички с этим интервью.

К. Кабанов: «Коррупция в России — основа идеологии большинства чиновников».

Коррупция получила необыкновенное развитие начиная с 1990-х годов, приобретя свое идеологическое оправдание в идеологии «реформаторов» зафиксированной в курсах экономикс (микроэкономика или экономическая теория) и новой институциональной экономической теории (институциональная экономика). Видение человеческих отношений исключительно через призму обмена оправдывает коррупцию, так как чиновник, требующий от предпринимателя отката за какое-то свое действие, рассматривает эту «трансакцию» как вполне справедливую и взаимовыгодную, забыв о своем долге и ответственности. Важнейшей средне- и долгосрочной антикоррупционной мерой в России была бы реформа экономического образования, предполагающая кардинальный пересмотр курсов «экономической теории» и «институциональной экономики». Я думаю, что это мое предложение соответствует анализу приведенному Кириллом Кабановым. Экономическое образование должно перестать готовить будущих коррупционеров, а должно способствовать воспитанию ответственных граждан.

К. Кабанов: «Беда в том, что у нас в стране низкий уровень морали и вообще отсутствует идеология, в том числе государственной службы».

Преподаваемые сейчас курсы экономической теории сводят все экономические отношения к обмену и таким образом превращают

каждого человека в торговца. Такое видение человека и общества навязывается заинтересованными кругами все большему и большему числу людей и преподаваемая в университетах экономическая теория играет в этом навязывании не последнюю роль. Последствия такого превращения в современном мире являются самыми тягостными. Гарвардский профессор Стефен Марглин в своей книге «Зловещая наука. Как мышление порожденное экономистами подрывает сообщество», показывает, что такое мышление подрывает истинно человеческие отношения между людьми, то есть такие отношения, которые и отличают их от животного мира. Вместе с подрывом существования сообществ подрывается и мораль, которая в них поддерживается, обесцениваются такие понятия как порядочность, долг и ответственность. Многие неформальные нормы и убеждения экономических акторов непосредственно связаны с моралью, которая является очень важной частью механизма социального регулирования человеческого поведения. Основополагающие элементы морали каждый индивид осваивает в молодости, в том числе во время учебы. Известный американский психолог Лоуренс Кольберг с 1955 по 1977 годы проводил экспериментальные исследования по выявлению закономерностей в моральном развитии молодых американцев. Результатом его исследований стала его теория шести стадий морального развития. По существу преподаваемая экономическая теория предлагает студентам снизить уровень своего морального развития до уровня второй стадии из шести. А новая институциональная экономическая теория идет и еще дальше. В соответствии с ней все люди регулярно прибегают в своем поведении ко лжи и вероломству. Экспериментальные исследования в западных университетах показывают, что, действительно студенты экономических факультетов, прошедшие через курсы экономической теории мейнстрима, менее склонны в своем поведении к проявлению сотрудничества между собой и более склонны ко лжи, чем студенты других факультетов. Можно со значительной степенью уверенности сказать, что современное экономическое образование способствует воспитанию молодых людей склонных к недобросовестному поведению. Те, кто продвигал в России преподавание экономической теории американского образца, видели в США модель для подражания, но именно следование предписаниям магистральной экономической теории и вызвало в этой стране экономический кризис. Вот, что пишет по этому поводу хорошо, но, правда, в основном, печально известный в России, американский экономист Джеффри Сакс: «В основе экономического кризиса Америки лежит моральный кризис: спад гра-

жданских добродетелей среди политических и экономических элит Америки». В 90-е годы он активно участвовал в навязывании России политики экономических преобразований основанных на магистральной экономической теории, которая игнорирует понятие социальной ответственности. Сейчас Сакс утверждает, что «без возрождения духа социальной ответственности осмысление и устойчивое восстановление экономики невозможно». Он пишет: «Американское общество стало жестким, агрессивным, а элиты Уолл-стрит, нефтяные магнаты и ведущие политики в Вашингтоне проявляют самую высокую степень безответственности и эгоистичности. Когда мы поймем этот объективный факт, мы сможем приступить к переформатированию нашей экономики».

К. Кабанов: «Коррупция — это бизнес, он расширяется через лоббирование своих интересов. Отсутствует приоритетность интересов и прав гражданина».

Так как российские политики и чиновники забыли о своем долге и ответственности, а рассматривают себя как бизнесмены, то им есть чему поучиться за океаном. Об этом можно прочитать в книге «Суперкапитализм: трансформация бизнеса, демократии и повседневной жизни», написанной профессором государственной политики Калифорнийского университета в Беркли Робертом Рейчем, который в 1993–1997 годах занимал пост министра труда в администрации Клинтона. По его мнению, начиная с 70-х годов в Америке родилось то, что он назвал суперкапитализмом. В этой новой системе американцы получили дополнительные возможности как покупатели и инвесторы, но много потеряли как граждане. Институты, которые служили для защиты того, что граждане совместно считали для себя ценным стали исчезать. Через систему лоббирования корпорации становились все более и более влиятельными в принятии решений относительно законов и правил. Таким образом, суперкапитализм заменил демократический капитализм. Как реформа экономического образования может способствовать исправлению этого положения. Дело в том, что экономической теории, берущей свое начало от Адама Смита, в которой все люди рассматриваются как торговцы, была альтернатива, просто эта альтернатива была отброшена влиятельными кругами Европы и Америки, которые были заинтересованы в теории, которая бы оправдывала их господство. За 21 год до появления «Богатства народов» Адама Смита, французский философ Жан-Жак Руссо предложил совсем другую политическую экономию. Почти одновременно стартовали две политические эко-

номии, политэкономия Смита, продвигающая мировоззрение человека-торговца и политэкономия Руссо, дающая старт формулированию видения социально-экономического мира глазами человека-гражданина. Вот, что он пишет в своей статье «О политической экономии»: «Невозможно, чтобы какое-либо установление действовало в соответствии со своим назначением, если его развитие не направлять в соответствии с законом долга»; «Подобно тому, как рождаясь, мы уже тем самым приобретаем права граждан, так миг нашего рождения должен быть и началом отправления наших обязанностей». Эти утверждения могут восприниматься как высказывания, не имеющие отношения к экономической дисциплине, однако, только что рассмотренные нами свидетельства Джеффри Сакса и Роберта Рейча показывают, что это не так. Жан-Жак Руссо, так же как и они использует те же ключевые термины, а именно: долг, обязанность, добродетель, гражданин. Если бы экономика развивалась бы по Руссо, а не по Смиту, то мы, возможно, не имели бы тех кризисов и катастроф, которые потрясли человечество в течение последних 250 лет, и коррупция в России не имела бы своей теоретической базы, которая повсеместно преподается российским студентам-экономистам. А вот эта фраза из той же работы Руссо должна стать основным ориентиром в преподавательской деятельности экономистов, которая перестала бы готовить будущих коррупционеров: «Родина не может существовать без свободы, свобода без добродетели, добродетель без граждан. У вас будет все, если вы воспитаете граждан; без этого у вас все, начиная с правителей Государства, будут лишь жалкими рабами. Однако воспитать граждан — это дело не одного дня, и, чтобы иметь граждан-мужей, нужно наставлять их с детского возраста». Эти слова Руссо сейчас очень актуальны везде в мире, в том числе и в сегодняшней России. В статье Жан-Жака Руссо «О политической экономии» всего два десятка страниц, но слово «гражданин» в ней встречается 15 раз. Руссо определил понятие гражданина следующим образом: «Гражданин является в высшей степени политическим существом, который выражает не свои личные интересы, но общественный интерес. Этот интерес не просто сумма индивидуальных воль, но превосходит их». Такое определение понятия «гражданин» позволяет применить его не только по отношению к государству (гражданин России, Франции и т.д.), но и по отношению к любому объединению людей, к любому сообществу, к любой организации. Джон Коммонс так и делал, он использовал это понятие по отношению к любой действующей организации (*citizens of going concerns*).

К.Кабанов: «Клептократия (коррумпированная бюрократия) сформировалась фактически в класс. А вот организованной, системной силы, конструктивно противостоящей ей, в обществе нет».

По-другому, тоже самое можно сказать так: коррупция в России институционализировалась и перспектив антикоррупционных институциональных изменений не видно. Сформировавшаяся российская институциональная система явно не справедлива. Если политическая экономия Руссо придает понятию справедливость не менее важное значение, чем свобода, то у Густава Шмоллера оно играет центральную роль. Вот, что он пишет по этому поводу: «Мы требует теперь, рядом со справедливым меновым оборотом, прежде всего справедливых экономических институтов, то есть мы требуем определенной совокупности нравственных и юридических правил, которые управляли бы группами совместно работающих и совместно живущих людей. <...> Мы не признаем того, что эти институты являются постоянными в истории и необходимы для всех будущих времен. По отношению к каждому из них мы производим исследование его результатов, спрашиваем, каким образом он возник, какие представления о справедливости его породили, и в какой степени он необходим в настоящее время». В этом высказывании Шмоллера мы видим направление на справедливость нормативности его политической экономии и, в то же время, позитивность его исследовательской программы требующей исследования исторических корней существующих институтов и проверки на справедливость тех нравственных и юридических правил, которые стояли у их истоков. Определяя понятие «институт», Шмоллер прямо привязывает его к понятию «сообщество» и говорит, что институт есть кристаллизация моральной жизни. Руссо и Шмоллер настаивают на центральной роли обучения для участников экономической жизни. Руссо говорит, что страна будет иметь все, если она воспитает своих граждан, то есть тех, кто, имея значительные права, ответственно выполняет свои обязанности. Шмоллер утверждает, что привычки, правила морали, обычаи и нормы права образуют институты, и что освоение институтов происходит в результате практического и теоретического обучения. Для того чтобы искоренить российскую коррупцию в средне- и долгосрочной перспективе, будущую российскую элиту нужно обучать не по Смиту, а по Руссо, Шмоллеру и Джону Коммонсу. Джон Коммонс продвинулся еще больше, чем Шмоллер в построении политической экономии базирующейся на видении социального мира в котором отправной точкой было сообщество-коллектив, а не индивид. Институт он определял как коллективное действие. Если в

рамках новой институциональной экономической теории институт — только ограничение на индивидуальное действие, то у Коммонса — это еще освобождение и развитие этого действия. Я хотел бы подчеркнуть еще одну важную черту теории Коммонса. Его актором является не столько «человек экономический», сколько «человек говорящий». Он, у него, осуществляет свои трансакции ведя переговоры. Если в теоретических построениях Смита и Вальраса никаких конфликтов не рассматривается, то по Коммонсу изучение конфликтов между акторами должно стать важнейшей частью исследования. И конфликты эти должны разрешаются путем переговоров, а убеждение, как средство воздействия на партнера по этим переговорам, должно превалировать над принуждением. В преподаваемых сейчас в России курсах «Институциональная экономика» схема «дилеммы заключенного» является центральной. В учебниках по этому курсу можно найти утверждение, что в повседневной жизни людей потенциальная «дилемма заключенных» (то есть дилемма «предать или не предать») возникает постоянно. Следование правилам трактуется в нем как результат принуждения (государственного или общественного). По Шмоллеру и Коммонсу следование освоенным правилам осуществляется в сообществах не только добровольно, но и радостно, так как член сообщества при этом получает одобрение других членов сообщества. Одним из центральных понятий «новой институциональной экономической теории» является понятие трансакции. Это понятие она заимствовала у Джона Коммонса, однако Коммонс рассматривал трансакцию как точку связи между экономикой, правом и этикой, а не только с точки зрения трансакционных издержек.

К. Кабанов: «Основным заказчиком в реальном противодействии коррупции являются гражданин и общество. Чтобы это произошло, человек должен реально осознать степень личной угрозы и реальный объем потерь. Тогда появится задача — сформировать массовый общероссийский запрос на борьбу с коррупцией. Пока этого нет. Соответственно, власть имеет возможность зачастую имитировать работу в этом направлении».

Курсы институциональной экономики рассматривают также и вопросы демократии. Требования российской общественности честных выборов вполне естественно и легитимно, однако этого явно недостаточно для существенного улучшения социально-экономического положения в стране. Я, как наблюдатель изнутри социально-политико-экономических реалий во Франции, где выборы проходят без каких-либо существенных нарушений, могу это достоверно за-

свидетельствовать. Для этого улучшения необходимо вовлечение широкой общественности в публичный дискурс и экономисты должны сыграть важную роль в подпитке этого дискурса. Это должно касаться, прежде всего, центральной российской проблемы — коррупции. Я думаю, что россияне много могут почерпнуть для развития своей демократии у Джона Дьюи. Соответственно курсы институциональной экономики в этом вопросе должны основываться на его идеях, а не, как это сейчас имеет место, на идеях Мансура Олсона и Джеймса Бьюкенена. Дьюи считал, что в демократическом обществе задача экспертов (в том числе экономистов) состоит не в разработке политики, а в проведении исследований-расследований с целью понимания действительности и доведении этого понимания до сведения общественности. Именно общественность, по его мнению, должна активно участвовать в политических дебатах и тем самым способствовать выработке политики. Обязанностью же экспертов (в том числе экономистов) является подпитка этих дебатов результатами своих исследований-расследований. Систематическое проведение этих исследований-расследований я назвал институциональным мониторингом. Активное участие граждан в дискурсах относительно результатов мониторинга касающегося коррупции поможет им осознать степень личной угрозы и реальный объем потерь от этой коррупции.

К. Кабанов: «Еще раз отмечаю, что борьба с коррупцией имеет высокие показатели эффективности лишь в тех странах, где активность общества высока, где каждый гражданин реально оценивает степень угрозы от коррупции, понимая при этом, что благосостояние коррупционера строится и за его личный счет. В любом продукте, услуге от 10 до 40 процентов стоимости составляет коррупционная рента».

Активность общества высока там, где демократия рассматривается как нечто большее, чем просто определенная форма правления. Прежде всего, по словам Дьюи, это — «форма совместной жизни, форма взаимообмена опытом». Он пишет: «До тех пор, пока «великое общество» не превратится в «великое сообщество», общество будет находиться в состоянии затмения. Создать же великое сообщество способна только коммуникация». Экономисты должны активно способствовать существованию этой коммуникации применительно к явлению коррупции, должны послужить катализаторами роста общественной активности граждан. Дьюи отметал сомнения относительно возможности появления такой активности следующим образом: «До тех пор, пока келейность, предрассудки, предвзятость,

умышленный обман, пропаганда и чистое невежество не уйдут в прошлое, уступив место исследованиям и публичности, — мы будем не в состоянии определить, насколько готовы массы с их нынешним уровнем интеллекта выносить суждения относительно той или иной социальной политики».

К. Кабанов: «Нетерпимость коррупции и конкретизация общественного заказа на борьбу с ней напрямую связана с общественной самоидентификацией гражданина, с его чувством собственного достоинства и уровнем интеллекта. В результате системы управления, сформированной с 2000 года, коррупция стала ее фактической основой, практически идеологией. Общество должно научиться (через механизмы объединения) отстаивать свои интересы и работать везде и со всеми, если возможен позитивный вариант. Еще раз обращаю внимание: только общество может реально сформировать заказ на борьбу с коррупцией».

Шансы повышения общественной самоидентификацией гражданина возрастут при кардинальном реформировании экономического образования в России, идеи относительно которого изложены, в частности, в последних трех главах книги. Очень глубокая мысль К. Кабанова относительно отстаивания обществом своих интересов через механизмы объединения во многом совпадает с идеями М.Я. Острогорского относительно роли свободных временных ассоциаций и идеей делиберативной демократии, кратко рассмотренных в Заключении этой книги. Экономисты могут существенно способствовать установлению такого типа демократии. Это они могут делать как философы, разрабатывая социально-политико-экономическую философию неэлитарной делиберативной демократии. Как исследователи, экономисты просто обязаны детально изучать функционирование действующих институтов и доводить полученное знание до общественности. Доведение это может происходить в рамках коллективного обсуждения представителями общественности тех или иных важных социально-политико-экономических проблем, в том числе, и проблемы коррупции. Как граждане, экономисты могут участвовать в организации временных ассоциаций нацеленных на решение проблемы коррупции. Культура неэлитарной делиберативной демократии может возникать только постепенно, эволюционно. Только от будущих поколений граждан можно ожидать достаточно полного раскрытия потенциала этой демократии. Экономисты, как университетские преподаватели, могут существенно повлиять на подготовку этих будущих поколений к деятельности в рамках функ-

ционирования и развития неэлитарной делиберативной демократии. При этом экономисты способствовали бы тому, чтобы вместо силы и денег, важнейшими источниками власти стали бы *ответственность* и *коммуникация*. Властью, то есть реальным влиянием на ход событий, в этой системе обладали бы, прежде всего те, кто брал бы на себя ответственность за организацию решения той или иной проблемы, в частности, проблемы коррупции, а также те, кто организовывал бы как можно более широкое обсуждение этой и других проблем общественностью.